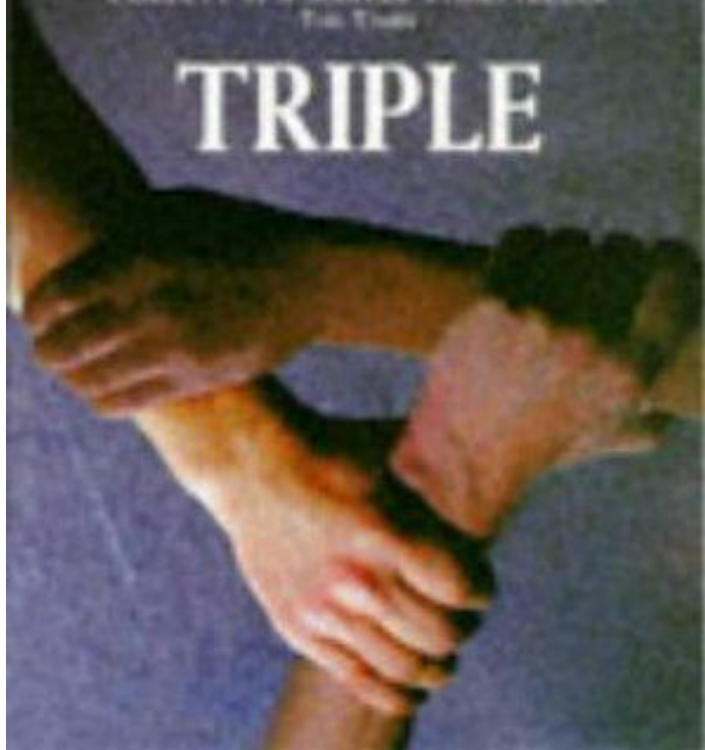

KEN FOLLETT

'FOLLETT IS A MASTER STORYTELLER'
—Tom Cruise

TRIPLE

Кен Фоллетт

Трое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129693

Оригинал: KenFollett, "Triple"

Перевод:

Илан Е. Полоцк

Аннотация

Арабо-израильские конфликты и героическая работа «рыцарей плаща и кинжала» с «земли обетованной» – неисчерпаемая тема для шпионских романов англо-американских писателей. На этот раз Египет и Израиль соревнуются в том, кто первый создаст собственную ядерную бомбу. Арабам помогают русские (как же иначе?), а евреи вынуждены рассчитывать только на себя. Один из лучших агентов МОССАДа Натаниель Дикштейн получает почти невыполнимое задание – достать для родины 100 тонн урановой руды...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	26
Глава вторая	51
Глава третья	80
Глава четвертая	104
Глава пятая	145
Глава шестая	176
Глава седьмая	210
Глава восьмая	235
Глава девятая	278
Глава десятая	292
Глава одиннадцатая	317
Глава двенадцатая	339
Глава тринадцатая	369
Глава четырнадцатая	407
Глава пятнадцатая	438
Глава шестнадцатая	481
Глава семнадцатая	504
Глава восемнадцатая	529
Эпилог	543
Постскриптум	550

Кен Фоллетт

Трое

(Из огня и крови...)

Необходимо признать, что единственная трудность при создании атомной бомбы любого вида заключается в подготовке расщепляющегося материала соответствующего уровня очистки: конструкция же бомбы сама по себе достаточно проста...

«Энциклопедия Американа»

Алу Цукерману

Пролог

Было время, когда все они существовали бок о бок.

Они встретились много лет назад, когда все были молоды, задолго до того, как все это случилось; но последствия их встречи отбросили тень на много десятилетий вперед.

Это было первое воскресенье ноября 1947 года, если уж быть точным; и эта давняя встреча произошла по чистому совпадению, но в ней не было ничего удивительного. Все они большей частью были молоды и талантливы; они стремились обладать властью, принимать решения, вносить свои коррективы – каждый своим путем, в каждой из своих стран; а такие люди в молодости часто встречаются в местах, подобных Оксфорду. И более того – когда все это случилось, те, кто держались в стороне, стали намекать, что и им кое-что известно, лишь потому, что они встречали остальных в Оксфорде.

Тем не менее, это меньше всего выглядело исторической встречей. То была очередная вечеринка с шерри в том месте, где бывает много подобных вечеринок с шерри (и не только с ним, но и напитками покрепче). Словом, ничем не примечательная встреча. Ну, почти не примечательная.

Ал Кортоне постучал в дверь и застыл в холле, боясь, что дверь ему откроет мертвец.

Предположение, что его друг мертв, за последние три го-

да превратилось почти в уверенность. Во-первых, до Кортоне дошли слухи, что Дикштейн попал в плен. Ближе к концу войны просочились слухи, что происходило с евреями в нацистских концлагерях. И теперь, по завершении войны, они стали явью.

С другой стороны двери донеслись неясные звуки – кто-то двинул стулом по полу и пошел к дверям.

Кортоне внезапно занервничал. А что, если Дикштейн изуродован, искалечен? Может, он вообще не хочет, чтобы его беспокоили. Кортоне никогда не знал, как вести себя с калеками или сумасшедшими. В те несколько дней в конце 1943 года они с Дикштейном очень сблизились, пусть даже провели рядом не так уж много времени, но что представляет собой Дикштейн сейчас?

Дверь открылась, и Кортоне сказал:

– Привет, Нат.

Дикштейн уставился на него, а потом его лицо расплылось в широкой улыбке, и он выдал одну из своих смешных фраз на жаргоне кокни:

– Ну, провалиться мне!

Кортоне с облегчением улыбнулся ему в ответ. Они обменялись рукопожатиями, обнявшись, похлопали друг друга по спине и позволили себе несколько соленых солдатских шуточек, проталкиваясь в квартиру.

– Хотел бы я знать, – сказал Дикштейн, – как ты нашел меня?

– Должен признаться, это было нелегко, – Кортоне снял форменную куртку и бросил ее на узкую кровать. – И заняло почти весь вчерашний день. – Он смерил взглядом единственное хрупкое кресло в комнате. Оба его подлокотника торчали под странными углами, сквозь цветастую ткань обшивки, украшенную изображениями хризантем, торчали пружины, а в качестве подпорки на месте исчезнувшей ножки использовались тома «Диалогов» Платона. – Оно может выдержать человека?

– Только в звании не выше сержанта. Но...

– Ниже сержанта – это еще не люди.

Они рассмеялись: то была старая шутка. Дикштейн выволок из-за стола стул с гнутой спинкой. Присмотревшись к приятелю, он заметил:

– А ты никак потолстел.

Кортоне погладил выступающее брюшко.

– Во Франкфурте мы жили, как сыр в масле – ты много потерял, демобилизовавшись. – Наклонившись, он понизил голос, словно хотел сообщить что-то конфиденциальное. – Мне здорово повезло там. Драгоценности, китайский фарфор, антиквариат – все что угодно за мыло и сигареты. Немцы подыхали с голоду. И, что лучше всего, девушки были готовы на все за пару нейлоновых чулок. – Он откинулся на спинку стула, ожидая услышать одобрительный смех, но Дикштейн смотрел на него с каменным лицом. Несколько растерявшись, Кортоне сменил тему: – Но ты-то явно не по-

толстел.

На первых порах он так обрадовался и испытал такое облегчение, увидев Дикштейна целым и здоровым, с той же самой улыбкой до ушей, что не присмотрелся к нему поближе.

И только теперь он обратил внимание, что его приятель не просто худ; он выглядел изможденным. Нат Дикштейн всегда был невысоким и худеньким, но теперь от него, казалось, остались одни кости. Кожа неестественно белого цвета и большие карие глаза за пластмассовой оправой очков лишь подчеркивали это впечатление. В проеме между обшлагом брюк и носков виднелась полоска бледной кожи ноги, смахивающей на спичку. Четыре года назад Дикштейн был загорелым, жилистым, жестким, как кожаная подметка армейских ботинок британской армии. Когда Кортоне, что нередко бывало, рассказывал о своем английском приятеле, он неизменно добавлял: «Самый выносливый, умный и отчаянный вояка, который спас мою чертову жизнь, и ей-богу, так оно и было».

– Потолстел? Нет. – Дикштейн покачал головой. – В стране по-прежнему железное нормирование, приятель. Но мы как-то справляемся.

– Ты знавал и худшие времена.

– И как-то выживал. – Дикштейн улыбнулся.

– Ты попал в плен?

– Под Ла Молиной.

– Черт побери, как им удалось скрутить тебя?

– Очень просто. – Дикштейн пожал плечами. – Пуля попала в ногу, и я вырубился. А когда пришел в себя, уже валялся в немецком грузовике.

Кортоне глянул на ногу Дикштейна.

– Все зажило?

– Мне повезло. В лагере оказался медик – он и срастил мне кость.

Кортоне кивнул.

– И еще концлагерь... – Он подумал, что, может быть, не стоит спрашивать, но ему хотелось знать, как там было. Дикштейн отвел глаза.

– Все было сносно, пока они не узнали, что я еврей. Хочешь чаю? Выпить нечего.

– Нет. – Кортоне уже жалел, что заговорил на эту тему. – Во всяком случае, по утрам я виски не пью. Жизнь и так слишком коротка.

Дикштейн перевел взгляд на Кортоне.

– Они решили выяснить, сколько раз можно ломать ногу в одном и том же месте и снова сращивать ее.

– Иисусе, – только и мог прошептать Кортоне.

– И делали они это с отменным мастерством, – ровным голосом произнес Дикштейн и снова отвел взгляд в сторону.

– Подонки, – вырвалось у Кортоне. Он даже не знал, что еще сказать.

На лице Дикштейна появилось странное выражение, которого Кортоне не доводилось видеть у него раньше, нечто

– он понял это позднее – вроде страха. Что весьма странно. Ведь все уже позади.

– Черт побери, в конце концов, мы же победили, не так ли? – И он хлопнул Дикштейна по плечу.

– Так и есть, – усмехнулся Дикштейн. – Ладно, а что ты делаешь в Англии? И чего ради ты взялся меня разыскивать?

– Я решил сделать остановку в Лондоне по пути в Буффало. Зашел в военное министерство... – Кортоне замялся. Он зашел туда, чтобы узнать, как и когда погиб Дикштейн. – Они дали мне твой адрес в Степни, – продолжил он. – Там на всей улице остался только один дом. И в нем я нашел старика, на котором не меньше дюйма пыли.

– Томми Костера.

– Точно. Ну, мне пришлось выпить около девятнадцати чашек спитого чая и выслушать всю историю его жизни, после чего он послал меня в другой дом за углом, где я нашел твою мать, выпил еще столько же спитого чая и выслушал историю ее жизни. Когда я, наконец, получил твой адрес, то уже опоздал на последний поезд в Оксфорд, так что перекаптовался до утра – и вот я здесь. У меня всего лишь несколько часов – мое судно завтра отплывает.

– У тебя отпуск? Ты демобилизовался?

– Вот уже три недели, два дня и девяносто четыре минуты.

– Что ты будешь делать по возвращении домой?

– Заниматься семейным бизнесом. В последние пару лет выяснилось, что я потрясающий бизнесмен.

– Что за бизнес у вашей семьи? Ты никогда мне не рассказывал.

– Грузовые перевозки, – коротко ответил Кортоне. – А ты? Ради Бога, что ты делаешь в Оксфордском университете? Что ты изучаешь?

– Еврейскую литературу.

– Ты шутишь.

– Я писал на иврите еще до того, как пошел в школу, разве тебе не говорил? Мой дедушка был настоящим ученым. Он жил в маленькой душной комнатенке над булочной на Майл-Энд-Роуд. И сколько я себя помню, я просиживал у него все субботы и воскресенья. И никогда не сетовал – мне это нравилось. Да и в любом случае, что еще я могу изучать?

Кортоне пожал плечами.

– Не знаю... может быть, атомную физику или менеджмент. Зачем вообще учиться?

– Чтобы быть счастливым, умным и богатым.

Кортоне покачал головой.

– Как всегда, у тебя замысловато. Девочки тут есть?

– Маловато. Кроме того, я занят.

Ему показалось, что Дикштейн слегка покраснел.

– Врешь. Ты никак влюблен, дурачок. Я-то вижу. Кто она?

– Ну, честно говоря... – Дикштейн явно смутился. – Она не нашего круга. Жена профессора. Экзотическая, умная и самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел.

Кортоне изобразил сочувственную физиономию.

– Боюсь, что тебе ничего не светит, Нат.

– Знаю, но все же. – Дикштейн встал. – Ты сам увидишь.

– Я могу встретить ее?

– Профессор Эшфорд устраивает вечеринку. Я получил приглашение. И как раз собирался, когда ты пришел. – Дикштейн потянулся за пиджаком.

– Прием в Оксфорде, – протянул Кортоне. – Ну и поражу же я своих в Буффало!

Стояло прохладное солнечное утро. Бледноватые лучи солнца омывали светом замшелые стены старых зданий. Они шли в молчании, которое не тяготило их, засунув руки в карманы, чуть ссутулясь, чтобы противостоять режущему ноябрьскому ветру, который свистел вдоль улиц. Кортоне проворчал:

– Ну и холодрыга, мать ее...

По пути им встретилось всего несколько человек, и, отшагав с милую или около того, Дикштейн показал по другую сторону дороги на высокого человека с университетским шарфом вокруг шеи.

– Это русский, – сказал он и крикнул: – Эй, Ростов!

Русский поднял глаза, махнул им и перешел на их сторону. У него была короткая прическа армейского образца, пиджак массового пошива болтался на его высокой худой фигуре. Кортоне начало было казаться, что в этой стране все, как на подбор, тощие.

– Ростов учится в Баллиоле-колледже, таком же, как и я.

Давид Ростов, я хотел бы представить вам Алана Кортоне. Мы с Аланом вместе воевали в Италии. Идете к Эшфорду?

Русский торжественно склонил голову.

– За бесплатной выпивкой – куда угодно.

– Вы тоже интересуетесь еврейской литературой? – спросил Кортоне.

– Нет, я изучаю тут буржуазную экономику, – ответил Ростов.

Дикштейн расхохотался. Кортоне не понял, что тут смешного. Дикштейн объяснил:

– Ростов из Смоленска. Он член ВКП(б) – Всесоюзной Коммунистической партии большевиков Советского Союза.

Кортоне по-прежнему не понял, что смешного в ответе Ростова.

– А я думал, что никто не имеет права покидать Россию, – сказал он.

Ростов пустился в долгие и путаные объяснения, связанные с тем, что по окончании войны его отец был дипломатом в Японии. Он говорил с серьезным выражением лица, которое уступило место смущенной улыбке. Хотя его английский оставлял желать лучшего, у Кортоне создалось впечатление, что он достаточно исчерпывающе излагает свои мысли. Рассеянно слушая его, Кортоне думал, что вот ты любил человека, как брата, дрался с ним бок о бок, а потом он расстается с тобой, и при встрече ты узнаешь, что он изучает еврейскую литературу, и понимаешь, что никогда по-настоящему

не знал его. Ростов обратился к Дикштейну:

– Так ты еще не решил, едешь ли ты в Палестину?

– В Палестину? – переспросил Кортоне. – Чего ради?

Дикштейн несколько смутился.

– Я еще не решил.

– Ты должен ехать, – сказал Ростов. – Создание еврейского национального дома позволит покончить с остатками Британской империи на Ближнем Востоке.

Кортоне не верил своим ушам.

– Арабы вырежут вас там до последнего человека. Господи, Нат, да ты же только что спасся от немцев!

– Я еще не решил, – повторил Дикштейн. Он раздраженно мотнул головой. – Я и сам не знаю, что делать. – Чувствовалось, что ему не хотелось говорить на эту тему.

Они прибавили шагу. Лицо Кортоне стало мерзнуть, но под зимней формой он обливался потом. Его спутники обсуждали недавний скандал: человек по фамилии Мосли – она ничего не говорила Кортоне – выразил намерение явиться с машиной в Оксфорд и произнести речь на дне памяти павших. Мосли был фашистом, сообразил он. Ростов доказывал, что данный инцидент демонстрирует, насколько социал-демократы ближе к фашистам, чем к коммунистам. Дикштейн же утверждал, что старшекурсники, которые организовали это мероприятие, всего лишь хотели «шокировать» общество.

Слушая, Кортоне присматривался к двум своим спутни-

кам. Они представляли собой странную пару: высокий Ростов, с туго, подобно бинту, обмотанным вокруг шеи шарфом, с хлопающими на ветру обшлагами слишком коротких брюк, и миниатюрный Дикштейн, с большими глазами за круглыми стеклами очков, в старой военной форме цвета хаки, который и на ходу выглядел подобно скелету. У Кортоне не было академического образования, но он был уверен, что на любом языке сможет уловить уклончивость и неискренность, и не сомневался, что никто из двоих не говорит то, во что искренне верит: Ростов, как попугай, излагал затверженные догмы, а за короткими ехидными репликами Дикштейна скрывалось более глубокое отношение к теме разговора. Когда Дикштейн насмеялся над Мосли, он напоминал ребенка, который высмеивает приснившиеся ему кошмары. Оба они спорили умно и тонко, но без лишних эмоций, и их диалог напоминал фехтование на тупых рапирах.

Наконец Дикштейн заметил, что Кортоне не принимает участие в разговоре, и начал рассказывать о хозяине вечеринки.

– Стивен Эшфорд несколько эксцентричен, но очень интересный и достойный человек, – сказал он. – Большую часть жизни он провел на Ближнем Востоке. Сколотил себе состояние, но полностью потерял его. Склонен делать сумасшедшие вещи, например, пересечь арабскую пустыню на верблюде.

– Не такое уж это сумасшествие, – возразил Кортоне.

– У него жена – ливанка, – заметил Ростов. Кортоне взглянул на Дикштейна.

– Она...

– Она моложе его, – торопливо сказал тот. – Он привез ее в Англию как раз перед войной, когда стал профессором кафедры семитской литературы. И если он предложит тебе марсалу вместо шерри, значит, ты слишком загостился.

– И гости могут уловить эту разницу? – спросил Кортоне.

– Вот его дом.

Кортоне был готов увидеть нечто вроде мавританской виллы, но дом Эшфорда представлял собой имитацию тюдорианского стиля: выкрашен в белый цвет с зелеными деревянными накладками. Садик перед домом представлял собой сплошные заросли кустарника. Трое молодых людей направились по выложенной кирпичом дорожке к входу. Парадная дверь была открыта. Они оказались в небольшом квадратном холле. Где-то в глубине дома слышался чей-то смех: вечеринка уже началась. Распахнулась двустворчатая дверь, и на пороге предстала самая красивая женщина в мире.

Кортоне был поражен. Он стоял, не сводя с нее глаз, когда она, пересекая ковер, направлялась к ним. Он слышал, как Дикштейн представил его: «Это мой друг Алан Кортоне», – и вот он уже касается ее узкой смуглой кисти тонкого рисунка с теплой и сухой кожей; он поймал себя на том, что не хочет выпускать ее.

Повернувшись, она пригласила их в гостиную. Дикштейн коснулся руки Кортоне и улыбнулся: он прекрасно понимал, что сейчас творится в голове его друга.

Небольшие стаканчики с шерри с армейской безукоризненностью выстроились на небольшом столике. Протянув один из них Кортоне, она улыбнулась:

– Меня, кстати, зовут Эйла Эшфорд.

Когда она протягивала ему напиток, Кортоне уловил и все остальные детали. Подчеркнуто скромный вид, удивительное лицо без макияжа, прямые черные волосы, белое платье и сандалии – тем не менее, она выглядела обнаженной, и Кортоне мучился дикими мыслями, когда глазел на нее.

Он заставил себя отвернуться и присмотреться к окружению.

Какой-то араб в прекрасно сшитом костюме западного образца жемчужного цвета стоял около камина, разглядывая резьбу комода. Эйла Эшфорд окликнула его:

– Я хотела бы познакомить вас с Ясифом Хассаном, другом моей семьи, оставшейся дома, – сказала она. – Он из Корчестерского колледжа.

– Я знаком с Дикштейном. – заметил Хассан. Он обменялся рукопожатиями с новоприбывшими.

– Вы из Ливана? – спросил его Ростов.

– Из Палестины.

– Ага! – оживился Ростов. – И что вы думаете о плане разделения страны, предложенном Организацией Объединен-

ных Наций?

– Он совершенно неуместен, – ответил араб. – Британцы должны уйти, а моя страна обретет демократическое правительство.

– Но тогда евреи окажутся в ней в меньшинстве, – возразил Ростов.

– Они меньшинство и в Англии. Неужели поэтому они должны объявить Сюррей своим национальным домом?

– Сюррей никогда им не принадлежал. В отличие от Палестины, которая когда-то была их родиной.

Хассан элегантно пожал плечами.

– Это было в те времена... когда Уэльс принадлежал Англии, англичане владели Германией, а французские норманны обитали в Скандинавии. – Он повернулся к Дикштейну: – Вам свойственно чувство справедливости – что вы об этом думаете?

Дикштейн снял очки.

– Здесь не идет речь об исторической справедливости. Я хотел бы обладать местом, которое мог бы назвать своим.

– Даже если для этого вы должны завладеть моим? – спросил Хассан.

– Вам принадлежит весь Ближний Восток.

– Он мне не нужен.

Эйла Эшфорд предложила сигареты. Кортоне взял одну из них и закурил. Пока остальные продолжали спорить о Палестине, Эйла спросила Кортоне:

– Вы давно знаете Дикштейна?

– Мы встретились в 1943-м. – сказал Кортоне. Он не мог оторвать глаз от ее пунцовых губ, сомкнувшихся вокруг сигареты. Даже курила она изящно. Деликатным движением она избавилась от крошки табака, прилипшей на кончике языка.

– Он меня страшно интересуется. – призналась она.

– Почему?

– Да всем. Он всего лишь мальчик, и все же выглядит таким старым. С другой стороны, он типичный кокни, но совершенно спокойно чувствует себя в кругах высшего класса. Но говорит он о чем угодно, только не о себе.

– Я тоже выяснил, что по сути совершенно не знаю его, – согласился Кортоне.

– Мой муж говорит, что он блистательный студент.

– Он спас мне жизнь.

– Боже милостивый. – Она внимательнее присмотрелась к нему: не слишком ли Ал мелодраматичен. Решение, вроде, она вынесла в его пользу. – Мне бы хотелось услышать, как это было.

Мужчина средних лет в грубоватых коричневых брюках коснулся ее плеча.

– Как дела, моя дорогая?

– Прекрасно. Мистер Кортоне, это мой муж, профессор Эшфорд.

– Как поживаете? – поздоровался Кортоне. Эшфорд ока-

зался лысым мужчиной в плохо сидящем костюме. Кортоне же ожидал увидеть Лоуренса Аравийского. Подумал, что, может быть, у Ната и есть какой-то шанс.

– Мистер Кортоне рассказывал мне, – пояснила Эйла, – как Нат Дикштейн спас ему жизнь.

– В самом деле? – откликнулся Эшфорд.

– История довольно короткая. Это было в Сицилии рядом с местечком Рагуза, городком на холме, – начал он. – Мы продвигались к его предместьям. К северу от городка мы наткнулись на немецкий танк, стоящий под деревьями в небольшой лощине. Казалось, в нем не было экипажа, но для верности я кинул в него гранату. Когда мы миновали его, раздался выстрел – всего один – и с дерева свалился немец с автоматом. Он скрывался в ветвях и готовился уложить нас, когда мы пройдем мимо. И снял его именно Нат Дикштейн.

В глазах Эйлы мелькнула искорка восхищения, но ее муж побелел. Видно было, что профессор не привык к рассказам, в которых люди так легко распоряжаются жизнью и смертью. Кортоне подумал: «Если даже это поразило тебя, папаша, надеюсь, Дикштейн никогда не рассказывал тебе все, что с ним было».

– Англичане обходили городок с другой стороны, – продолжал Кортоне, – Нат увидел танк одновременно со мной, но заподозрил ловушку. Он успел заметить и снять снайпера, и не будь он столь проницателен, со мной было бы кончено.

Собеседники на мгновение примолкли.

– Это было не так давно, – заметил Эшфорд, – но мы так быстро все забываем.

Эйла вспомнила и об остальных гостях.

– Я хотела бы поговорить с вами до того, как вы покинете нас, – обратилась она к Кортоне и направилась через комнату к Хассану, который пытался открыть двери, ведущие в сад.

Нервным движением Эшфорд зачесал за уши пряди вьющихся волос.

– Общество привыкло слышать повествования о больших битвах, но, думается, солдаты куда лучше помнят вот такие случаи.

Кортоне кивнул, думая, что, в сущности, Эшфорд не имеет ясного представления, что такое война, и сомневаясь, что в юности профессору в самом деле удалось пережить те приключения, о которых ему рассказывал Дикштейн.

– Позже я притащил его в гости к моим родственникам – моя семья родом с Сицилии. Нас угощали пастой и вином, и они сделали из Ната героя. Мы провели бок о бок всего несколько дней, но сблизились, как братья, понимаете?

– Конечно.

– Когда я услышал, что он попал в плен, то решил, что никогда больше не увижу его.

– И вы знаете, что случилось там с ним? – спросил Эшфорд. – Он так немногословен...

Кортоне пожал плечами.

– Ему удалось выжить в концлагере.

– Ему повезло.

– Повезло ли?

Смутившись, Эшфорд бросил взгляд на Кортоне, а потом, повернувшись, уставился на гостей в помещении. Помолчав, он сказал:

– Понимаете, тут не совсем типичное для Оксфорда собрание, Дикштейн. Ростов и Хассан – достаточно непривычные студенты. Вам стоило бы встретиться с Тоби – вот кто архитипичный выпускник. – Он перехватил взгляд краснолицего молодого человека в твидовом пиджаке и с очень широким светлым шерстяным галстуком. – Тоби, познакомься с товарищем Дикштейна по оружию – мистером Кортоне.

Пожав ему руку, Тоби сразу же спросил:

– Есть ли у него какие-то шансы? Может ли Дикштейн победить?

– Победить в чем? – удивился Кортоне.

– Дикштейн и Ростов решили сразиться в шахматном матче, – объяснил Эшфорд, – оба они отменные игроки. И Тоби считает, что у вас есть какая-то доверительная информация, которая поможет ему выиграть пари.

– А я-то думал, – протянул Кортоне. – что шахматы – игра для стариков.

– О! – с несколько излишним пылом воскликнул Тоби и опустошил свой стакан. Казалось, и его, и Эшфорда несколько смутило замечание Кортоне.

Из сада вошла девочка четырех или пяти лет, таща с собой

старую кошку. Эшфорд представил ее с застенчивой гордостью человека, который стал отцом в немолодом возрасте.

– Это Сузи.

– А это Езекия. – представила кошку девочка. Цвет кожи и волосы у нее были как у матери, и малышка обещала стать красавицей, как и ее мать. Кортоне пришло в голову, в самом ли деле она дочка Эшфорда. Она ровно ничем не походила на него. Она протянула ему лапу кошки, и Кортоне вежливо пожал ее мягкие подушечки:

– Как поживаете, Езекия?

– Она очень обаятельна, – сказал Кортоне Эшфорду. – Мне хотелось бы поговорить с Натом. Надеюсь, вы извините меня? – Он подошел к Дикштейну, который, стоя на коленях, гладил кошку.

Похоже, Нат и Сузи были хорошими друзьями.

– Это мой друг Алан, – пояснил он ей.

– Мы уже знакомы, – ответила девочка, взмахнув ресницами. От матери унаследовала, отметил Кортоне.

– Мы вместе были на войне, – продолжал Дикштейн. Сузи в упор посмотрела на Кортоне.

– Вы убивали людей?

Он замялся.

– Конечно.

– И вы себя потом плохо чувствовали?

– Не очень. Это были злые люди.

– А Нату было плохо. Поэтому он и не хочет рассказывать

об этом.

Этот ребенок лучше понимал Дикштейна, чем все остальные взрослые, вместе взятые.

С удивительной для ее возраста прытью кошка вывернулась из рук Сузи. Та погналась за ней. Дикштейн выпрямился.

– Я бы не сказал, что миссис Эшфорд так уж недостижима, – шепнул Кортоне.

– Что ты хочешь сказать? – взглянул на него Дикштейн.

– Ей не может быть больше двадцати пяти. Он, как минимум, на двадцать лет старше, и, думаю, заряды у него явно уже на исходе. Если они поженились где-то перед войной, ей должно было быть лет семнадцать. И не похоже, что они так уж привязаны друг к другу.

– Хотел бы я тебе верить, – пожал плечами Дикштейн. Но не проявил того интереса, которого можно было бы от него ожидать. – Давай глянем на сад.

Они прошли через высокие французские двери. Солнце основательно нагрело воздух, и жгучий холодок исчез. Коричневато-зеленые заросли тянулись вплоть до реки. Они пошли гулять, оставив дом за спиной.

– Тебе не очень понравилось это сборище, – заметил Дикштейн.

– Война завершена. И мы с тобой теперь обосновались в разных мирах.

– Алан...

– Слушай, какого черта! Скорее всего, связи между нами не будет – я не большой мастер писать письма. Но я никогда не забуду, что обязан тебе жизнью. В один прекрасный день ты можешь попросить отдать долг. И ты знаешь, где найти меня.

– О, нет... только не здесь, не сейчас... – раздался женский голос.

– Да! – Мужской.

Дикштейн с Кортоне стояли у высокой заросли кустов, которая закрывала угол сада: кто-то начал посадку лабиринта из кустов и не завершил его. В нескольких шагах от них открывался проем, потом изгородь под углом поворачивала вправо и тянулась вдоль берега реки. Голоса отчетливо доносились с той стороны зарослей.

Женщина снова заговорила низким горловым голосом.

– Не надо, черт бы тебя побрал, или я закричу.

Дикштейн и Кортоне миновали проем в зарослях. Кортоне никогда не забудет то, что он увидел. Перед ним предстали двое, а потом, пораженный, он взглянул на Дикштейна, лицо которого посерело от потрясения, и выглядел он так, словно вот-вот свалится: рот его приоткрылся, когда он с ужасом и отчаянием смотрел на открывшуюся картину. Кортоне перевел взгляд на пару.

Женщиной была Эйла Эшфорд. Юбка ее была задрана до пояса, лицо пылало от наслаждения, и она страстно целовала Ясифа Хассана.

Глава первая

Динамики системы оповещения в Каирском аэропорту издали звук, напоминающий дребезжание колокольчика, и на арабском, итальянском, французском и английском языках сообщили о прибытии рейса «Алиталии» из Милана. Тофик эль-Массири оставил свой столик в буфете и отправился на галерею, с которой можно наблюдать за прибывшими.

Тофик был здесь потому, что получил телеграмму. Она пришла утром от его «дяди» в Риме и содержала в себе кодовое послание. В любом бизнесе пользуются кодом для международных телеграмм, главным образом, чтобы сэкономить деньги – длинные фразы сводятся до одного слова, и для сокрытия секретов. Телеграмма от «дяди» Тофика, расшифрованная в соответствии с кодовой книгой, сообщала подробности о завещании покойной тети. Тем не менее, у Тофика был еще один ключ, и, пустив его в ход, он прочел следующее:

«Найдите и следуйте за профессором Фридрихом Шульцем, прибывающим из Милана в Каир в среду 28 февраля 1968 года на несколько дней. Возраст 51, рост 180, вес 150 футов, волосы белые, глаза голубые, по национальности австриец, сопровождает только жена».

Пассажиры уже начали спускаться по трапу, и Тофик почти сразу же определил этого человека. Среди прибывших

был только один высокий худой седовласый человек.

Пассажиры втягивались в здание аэровокзала, направляясь в зал для прибывших. Тофик подождал на галерее, пока из самолета не выгрузили багаж пассажиров, после чего присоединился к небольшой группке, сгрудившейся у таможенного барьера.

Ожидание затянулось. Вот этому научиться нельзя – как выносить его. Ты умел владеть оружием, с первого взгляда запоминать карты и сроки, открывать сейфы и голыми руками убивать людей, чему тебя обучали в первые же шесть месяцев подготовки; но не было лекций по науке терпения, не было упражнений по переминанию с ноги на ногу, не было семинаров по борьбе со скукой. И потому начинали лезть в голову мысли типа «Тут что-то не так, произошла накладка», потом «Осторожнее, осторожнее!», а потом...

В толпе встречающих был еще один агент.

Подсознательно Тофик, думая о науке терпения, почувствовал тревогу. Люди в небольшой группе, ожидавшие своих родственников, друзей и деловых партнеров, прилетевших из Милана, уже стали проявлять признаки нетерпения. Они курили, переминались с ноги на ногу, крутили головами и маялись от безделья. Семья из среднего класса с четырьмя детьми, двое мужчин в традиционных полосатых галабях, бизнесмен в темном деловом костюме, молодая белая женщина, шофер с кокардой на фуражке «Форд мотор компани» и...

...И человек – само спокойствие.

Как и Тофик, смугл, с короткой стрижкой, в европейском костюме. С первого взгляда он вроде относился к той самой семье из среднего класса – но Тофик сразу же отметил, что он внимательно наблюдает за происходящим. Он стоял, заложив руки за спину, лицом к выходу из багажного отделения и невозмутимо наблюдал. Под носом у него белела полоска, напоминавшая старый шрам. Пару раз, скрывая беспокойство, он притронулся к ней, а потом снова спрятал руки за спину.

Обратил ли он внимание на Тофика?

Пассажиры стали выходить из отделения выдачи багажа, и Тофик слабо надеялся лишь, что те, кого встречает агент, покажутся до профессора Шульца.

Этого не произошло. Шульц с женой появились в первой же группке пассажиров.

Агент подошел к ним и обменялся рукопожатием с профессорской парой.

Ну, конечно же, конечно.

Агент встречал Шульца.

Тофик подождал, пока агент взял их багаж и провел Шульца к выходу: затем поспешил через другой проход к своей машине. Прежде, чем сесть в нее, Тофик скинул пиджак, развязал галстук, надел солнечные очки и натянул на голову белую бейсбольную шапочку. Теперь в нем не легко опознать человека, который только что стоял в толпе встре-

чающих.

Он предположил, что агент оставил свою машину в закрытом для других секторе стоянки напротив входа, куда он и направился. Проследив, как багаж Шульцев занимал места в багажнике серого «Мерседеса», выпущенного пять лет назад, он проехал мимо.

Он вывел свой запыленный «Рено» на главное шоссе, которое вело от Гелиополиса, где располагался аэропорт, к Каиру. Он ехал, не превышая скорости 60 миль в час, аккуратно держась на соответствующей полосе. Серый «Мерседес» проскочил мимо него через две-три минуты, и он прибавил скорость, чтобы не терять его из виду. Он запомнил его номер, что позволит ему в будущем опознать машину противоположной стороны.

Конечно же, в Тель-Авиве не считали приезд Шульца событием: в противном случае на слезку отрядили бы не Тофика, который был еще молод и неопытен. Могло случиться, что вся эта история всего лишь тренировочное задание.

Они въехали в Каир по Шари Рамзес, и Тофик сократил расстояние между «Мерседесом», теперь их разделяла всего лишь одна машина. Серый лимузин повернул направо на Корниш ал-Нил, которая пересекала реку по мосту 26 июля, и скоро они очутились в районе Замалека.

В этом спокойном зажиточном пригороде движение было не таким оживленным, и Тофик забеспокоился, что его может заметить агент за рулем серого «Мерседеса». Но че-

рез пару минут его машина свернула на улицу богатых особняков рядом с Офицерским клубом и остановилась рядом со строением, в саду которого росли жакаранды. Тофик же немедленно сделал правый поворот и скрылся из виду прежде, чем открылась дверца машины. Остановившись, он выбрался из ее салона и вернулся на угол. Он успел как раз вовремя, дабы увидеть, как агент и Шульцы, сопровождаемые швейцаром в галабее, который тащил их багаж, исчезли в здании.

Через полчаса агент вышел один, сел в свою машину и уехал.

Тофик приготовился к ожиданию.

Оно длилось два дня, после чего ему пришел конец. Пока Шульцы вели себя, как типичные туристы, и чувствовалось, такое времяпрепровождение их вполне устраивает. В первый же вечер они поужинали в ночном клубе, где их развлекали танцы живота. Следующий день они посвятили пирамидам и Сфинксу; ленч они провели у «Гроппи», а пообедали в «Хилтоне» у Нила. Утром третьего дня они поднялись пораньше и взяли такси, которое доставила их в мечеть Ибр Тулан.

Оставив машину у музея Гайера-Андерсона, Тофик последовал за ними. Бегло осмотрев мечеть, пара вышла через ее восточные ворота на Шари аль-Салибах. Они неторопливо прогуливались по ней, разглядывая фонтаны и здания, рассматривая маленькие темные лавочки и женщин, поку-

павших связки лука и перца у уличных торговцев.

Миновав перекресток, они зашли в чайную. Выйдя из чайной, Шульцы повернули к северу и, миновав Тофика, зашли на уличный базарчик. Здесь Тофику было проще следить за ними, то обгоняя пару, то отставая от нее. Фрау Шульц купила шлепанцы и золотой браслет и слишком много выложила за пачку мяты, которую ей предложил полуголый мальчишка. Тофик настолько обогнал их, что успел выпить маленькую чашку крепкого кофе по-турецки под навесом кафе «Насиф».

На несколько мгновений Шульцев скрыла от Тофика повозка, запряженная мулом, на которой громоздились кувшины из сказки об Али-Бабе, с горловинами, заткнутыми комками мятой бумаги. Когда повозка проехала, Тофик увидел, что Шульц прощается с женой и занимает место в потрепанном сером «Мерседесе».

Тофик выругался сквозь зубы.

Дверца машины захлопнулась, и она снялась с места. Фрау Шульц помахала ей вслед. Тофик успел заметить ее номер – это была та машина, за которой он следовал из Гелиополиса, и увидел, что она повернула к западу, после чего направилась влево к Шари Порт-Саид.

Забыв о фрау Шульц, он повернулся и бросился бежать к своей машине. Тяжело дыша и морщась от боли в боку, он шлепнулся на сидение. Включив двигатель, он рванул с места, направляясь через перекресток к Шари Порт-Саид.

Скорее всего, прикинул Тофик, профессор вовсе не избавляется от хвоста. Будь он профессионалом, он бы давно и умело оторвался от Тофика. Нет, он всего лишь предпринял утреннюю прогулку до места встречи. Но Тофик был уверен, что и то, и другое было согласовано с тем же самым агентом.

Они могли направиться куда угодно, но, скорее всего, оставили город – в противном случае Шульц просто взял бы такси у Баб Зувейлы – и эта основная дорога вела к западу.

Тофик мчался на предельной скорости. Теперь перед ним не осталось ни одной машины и впереди простиралось лишь прямое, как стрела, серое полотно дороги, по сторонам которой желтели лишь бескрайние пески и синело небо.

Он добрался до пирамид, так и не догнав «Мерседеса». Здесь трасса разветвлялась, уходя к северу до Александрии и к югу в сторону Файюма. С того места, где «Мерседес» посадил Шульца, вряд ли имело смысл ехать в Александрию, так что Тофик помчался в сторону Файюма.

Когда, наконец, он увидел другую машину, она оказалась у него в хвосте и быстро набирала скорость. Но, поравнявшись с ним, она свернула вправо, в сторону от основной трассы. Тофик нажал на тормоз и развернул «Рено» на перекрестке. Другая машина уже была в миле от него на боковой дороге. Он последовал за ней.

Теперь не могло быть и речи о тренировочном задании, и все профессиональные приемы маскировки не играли тут никакой роли; надо было просто сидеть на хвосте у цели и

следовать за ней, не обращая внимания, заметили ли вас или нет, потому что главным было определить, куда она направляется, и если вы не могли справиться с такой задачей, значит, от вас вообще нет толку.

«Мерседес» более быстроходная машина, и его рессоры лучше приспособлены для езды по узкой ухабистой дороге, так что через несколько минут он скрылся из виду. Тофик продолжал ехать дальше, надеясь, что, может быть, они попадутся ему на глаза при остановке или, по крайней мере, свернут, и он поймет, куда они направляются.

Позади осталось шестьдесят миль вглубь пустыни, и он уже начал беспокоиться, хватит ли ему горючего на обратный путь, когда, наконец, он наткнулся у перекрестка на небольшой оазис с деревней. Несколько тощих домашних животных щипали скудную траву у грязноватого водоема. У сбитой на скорую руку хижины, которая исполняла роль местного кафе, на столе стояли кувшин с печеными бобами и пара бутылок «Фанты». Тофик вылез из машины и обратился к старику, который поливал водой тощие бока буйвола.

– Проезжал ли тут серый «Мерседес»?

Крестьянин равнодушно посмотрел на него, словно тот говорил на чужом языке.

– Видел тут серую машину?

Старик смахнул со лба большую муху и коротко кивнул.

– Когда?

– Сегодня.

На более точный ответ он и не мог надеяться.

– Куда он поехал?

Старик ткнул пальцем на запад, в пустыню.

– Где я могу раздобыть бензин? – спросил Тофик. Старик указал на восток, в направлении Каира. Он сделал все, что было в его силах, решил Тофик. Он устало развернул свой «Рено» и направился обратно в город.

Тофику не нравилась его работа. Когда она была однообразна, он скучал, а когда требовалось напряжение, он пугался. Но ему сказали, что в Каире предстоит очень важная, хотя и опасная работа, что у него все данные, чтобы стать отличным шпионом, и в Израиле не так много евреев из Египта, обладающими такими же качествами, как у него, и если он откажется, другого такого не найти; и, конечно же, он согласился. Он решил рискнуть жизнью не только из-за идеалов. Скорее, им руководили и личные интересы: гибель Израиля означала и его собственную гибель; борясь за Израиль, он дрался и за себя; рисковал жизнью, чтобы спасти свою собственную жизнь. Так что все было логично. И все же он пытался заглянуть вперед – на пять лет? десять? двадцать – когда он будет слишком стар для полевой работы, его отзовут домой, где предоставят ему письменный стол, и он найдет себе симпатичную еврейскую девушку и женится на ней и будет жить в свое удовольствие на той земле, за которую дрался, рискуя жизнью.

Если уж он потерял профессора Шульца, оставалось лишь

проследить за его женой.

На следующее утро Тофик отправился на главпочтамт, откуда послал кодированную телеграмму своему дяде в Риме:

«Шульца встречал в аэропорту предполагаемый местный агент. Два дня провел в туристских прогулках. Встретившись с вышеупомянутым агентом, направился в сторону Каттара. Преследование пришлось прекратить. Держу под наблюдением жену».

К девяти он вернулся в Замалек. В одиннадцать тридцать он увидел фрау Шульц на балконе за чашкой кофе, что позволило ему определить, где находятся апартаменты Шульцев.

Профессор Шульц вернулся поздно, во второй половине дня, в том же самом сером «Мерседесе». Он выглядел усталым и слегка помятым, как человек средних лет, которому пришлось совершить дальнейшее путешествие. Оставив машину, он, не оглядываясь, вошел в дом. Высадив его, агент проехал мимо «Рено», на мгновение остановив свой взгляд на Тофике. Но тот не в силах был что-то предпринять.

Где же был Шульц? Ему потребовалась большая часть дня, чтобы вернуться, прикинул Тофик: он провел в отлучке ночь, полный день и вторую ночь: и к тому же для возвращения ему потребовалась большая половина дня.

К девяти вечера Шульцы снова показались на улице. Чувствовалось, что профессор освежился и оправился. Они были одеты к обеду. Немного пройдясь, они взяли такси.

Тофик принял решение. Он не последует за ними.

Покинув машину, он вошел в сад, окружающий строение. Миновав газон, он нашел наблюдательный пост за кустами, откуда ему была видна через открытую парадную дверь внутренность холла. Бой-нубиец сидел на низкой деревянной скамье, клюя носом.

Через двадцать минут бой снялся со скамейки и исчез где-то на задах дома.

Тофик торопливо миновал холл и бесшумно поднялся по лестнице.

У него были с собой три типа отмычек, но ни одна из них не подошла. В конце концов он просто отжал язычок замка.

Войдя в номер, он тихонько прикрыл за собой дверь.

Апартаменты были высокими и просторными, с выбеленными стенами и мебелью английского колониального стиля. Но производили неприятное впечатление, что тут никто не живет. Номер состоял из большой гостиной, трех спален и кухни. Быстро осмотревшись, Тофик приступил к тщательнейшему обыску.

На ночном столике лежал путеводитель по Каиру на английском, экземпляр «Вога» и репринт лекции об изотопах.

Значит, Шульц в самом деле ученый.

Тофик пробежал пару страниц лекции. Большая часть содержимого оказалась вне пределов его понимания. Шульц, должно быть, высококвалифицированный химик или физик, подумал он. И если он прибыл сюда, чтобы работать над со-

зданием оружия, Тель-Авив хочет знать об этом.

Тофик нашел в ванной одежду, в которой Шульц вернулся из пустыни. В туфлях еще оставался песок, а на отворотах брюк он увидел легкие серые мазки, которые смахивали на споры цемента. В нагрудном кармане мятого пиджака он нашел синий пластиковый футляр, очень тонкий, размерами примерно полтора на полтора дюйма. В нем находился светонепроницаемый конверт из бумаги, которая используется для сохранения фотопленок.

Тофик сунул футляр в карман.

Авиационные ярлычки валялись в мусорной корзинке в маленьком холле. Шульцы обитали в Бостоне, штат Массачусетс, и это, скорее всего, означало, что профессор преподает в Массачусетском технологическом институте или в каком-нибудь университете. Тофик произвел быстрый подсчет. Во время второй мировой войны Шульцу было немного больше двадцати: он вполне мог быть одним из тех специалистов по ракетам, которые перебравшись в США после войны.

Или нет. Не обязательно быть наци, чтобы работать на арабов.

Рядом со стаканами валялся линованный блокнот форматом 13 на 17 дюймов: первая его страница была пуста. На блокноте лежал карандаш. Может быть, за коктейлем Шульц делал заметки о своей поездке. Тофик обыскал номер в поисках листика из блокнота.

Он нашел обуглившиеся остатки его на балконе в большой медной пепельнице.

Здесь он сделал все, что было в его силах. Он еще приоткрылся к блокноту в надежде, что карандаш Шульца, делавшего записи, продавил следы на последующей странице. Отодвинувшись от парапета, он прошел по балкону до высоких французских дверей, что вели в гостиную.

Он взялся за ручку двери, как услышал голоса.

Шульцы вернулись.

Тофик стремительно припомнил все, что он делал в номере: спальня, ванная, гостиная, кухня... все, до чего он приотрагивался, аккуратно возвращал на место, кроме маленького пластикового футляра. Его-то он должен сохранить. И пусть Шульц припоминает, где он мог его потерять.

Если ему удастся выбраться отсюда незамеченным, им никогда не придет в голову, что в их апартаментах кто-то был.

Он перевалился через парапет и повис, держась на кончиках пальцев. Было так темно, что он не видел землю. Спрыгнув, он легко приземлился и сразу же откатился в сторону.

Оказавшись в машине, он включил двигатель и зажег дальний свет.

Из темноты вынырнули двое мужчин, которые остановились по обе стороны от «Рено».

Кто?...

Он не стал медлить, прикидывая, что ему делать. Он рванул рычаг переключения скоростей на первую и снялся с ме-

ста. Двое мужчин торопливо отпрыгнули.

Они даже не сделали попытки остановить его. Так для чего они тут оказались? Чтобы убедиться – он сел в машину?...

Нажав на тормоз, он бросил взгляд на заднее сидение, после чего с невыносимой тоской понял, что никогда больше в Иерусалиме не бывать.

Высокий араб в темном костюме улыбался ему, держа под прицелом небольшого револьвера.

– Поезжайте, – сказал он по-арабски, – но не слишком быстро, будьте любезны.

В. Как ваше имя?

О. Тофик эль-Массири.

В. На кого вы работаете?

О. Я студент.

В. Какой сегодня день?

О. Суббота.

В. Кто вы по национальности?

О. Египтянин.

В. Сколько будет двадцать минус семь?

О. Тринадцать.

Цель вышеперечисленных вопросов – правильно откалибровать детектор истины.

В. Вы работаете на ЦРУ.

О. Нет. (Правда.)

В. На немцев?

О. Нет. (Правда.)

В. Значит, на Израиль.

О. Нет. (Ложь.)

В. Вы действительно студент?

О. Да. (Ложь.)

В. Расскажите мне о ваших занятиях.

О. Я занимаюсь химией в Каирском университете. (Правда.) Я интересуюсь полимерами. (Правда.) Я хочу стать инженером-нефтехимиком. (Ложь.)

В. Что такое полимеры?

О. Сложные органические соединения с длинными молекулярными цепочками, например – полиэтилен. (Правда.)

В. Как ваше имя?

О. Я говорил вам. Тофик эль-Массири. (Ложь.)

В. Датчики на голове и груди фиксируют ваш пульс, ускорение биения сердца, уровень дыхания и потоотделения. Когда вы говорите неправду, вас выдает обмен веществ – дыхание ускоряется, вы обильно потеете и так далее. Этот аппарат, предоставленный нам русскими друзьями, безошибочно сообщает мне, когда вы врете. Кроме того, мне довелось узнать, что Тофик эль-Массири мертв. Так кто вы?

О. (Нет ответа.)

В. Провод, который идет к вашему пенису – часть другой машины. Он связан вот с этой кнопкой. Когда я нажимаю ее...

О. (Крик.)

В. ...по проводу идет ток, который потрясает вас. Мы можем опустить вам ноги в ведро с водой, чтобы усилить эффективность действия аппарата. Так как ваше имя?

О. Авраам Эмбаш.

Действие аппарата электрошока мешает функционированию детектора лжи.

В. Хотите сигарету?

О. Спасибо.

В. Можете мне верить или нет, но я ненавижу эту работу. Беда в том, что люди, которым она нравится, никогда не приносят никакого толка – вы же понимаете, что тут требуется тонкость восприятия. А я достаточно чувствительный человек... и не могу видеть, как люди страдают. А вы?

О. (Нет ответа.)

В. Вы теперь обдумываете способы, чтобы противостоять мне. Можете не утруждаться. Против современной техники нет защиты... когда мы беседуем с вами. Так как ваше имя?

О. Авраам Эмбаш. (Правда.)

В. Кто вас контролирует?

О. Я не понимаю, о чем вы говорите. (Ложь.)

В. Это Бош?

О. Нет, Фридман. (Оценка сомнительная.)

В. Это Бош.

О. Да. (Ложь.)

В. Нет, это не Бош. Кранц.

О. О'кей, пусть Кранц – как вам угодно. (Правда.)

В. Как вы поддерживали контакт?

О. У меня был радиопередатчик. (Ложь.)

В. Вы говорите неправду.

О. (Крик.)

В. Как вы поддерживали контакт?

О. Потайной «почтовый ящик» в предместье.

В. Так как поддерживали контакт?

О. Потайной... (Крик.)

В. Али! Он дергает ногами – очень сильные судороги.

Привяжи его покрепче, чтобы он не высвободился. И возьми ведро, налей в него побольше воды. (Пауза.) Так, он пришел в себя. Можешь идти. Вы слышите меня, Тофик?

О. (Неразборчиво.)

В. Как ваше имя?

О. (Нет ответа.)

В. Придется слегка встряхнуть вас, чтобы помочь...

О. (Крик.)

В...вам прийти в себя.

О. Авраам Эмбаш.

В. Какой сегодня день?

О. Суббота.

В. Что вы ели на завтрак?

О. Бобы.

В. Сколько будет двадцать минус семь?

О. Тринадцать.

В. Кто вы по профессии?

О. Я студент, нет, прошу вас, пожалуйста, я шпион, да, я шпион прошу вас, не трогайте кнопку, прошу вас, о господи, о господи...

В. Как вы поддерживали контакт?

О. Кодированными телеграммами.

В. Закурите. Вот так... о, похоже, она не держится у вас в губах... разрешите мне помочь вам... вот так.

О. Благодарю вас.

В. Попробуйте успокоиться. И поймите, когда вы говорите правду, боли больше не будет. (Пауза.) Так вы себя лучше чувствуете?

О. Да.

В. Как и я. А теперь расскажите мне о профессоре Шульце. Почему вы следили за ним?

О. Я получил приказ. (Правда.)

В. Из Тель-Авива?

О. Да. (Правда.)

В. От кого именно в Тель-Авиве?

О. Я не знаю. (Оценка сомнительна.)

В. Но вы можете предположить.

О. От Боша. (Оценка сомнительна.)

В. Или от Кранца?

О. Может быть. (Правда.)

В. Кранц хороший человек. На него можно положиться. Как поживает его жена?

О. Очень хорошо, и я... (Крик.)

В. Его жена умерла в 1958 году. Почему вы вынуждаете меня причинять вам боль? Чем занимался Шульц?

О. Два дня осматривал окрестности, а потом исчез в пустыне на сером «Мерседесе».

В. И вы вломились в его апартаменты.

О. Да. (Правда.)

В. И что вы выяснили?

О. Что он ученый. (Правда.)

В. И еще?

О. Что он американец. (Правда.) И это все. (Правда.)

В. Кто был инструктор, готовивший вас?

О. Эртл. (Оценка неопределенная.)

В. Хотя это его настоящее имя.

О. Не знаю. (Ложь.) Нет! Не трогайте кнопку, дайте мне подумать, всего лишь минутку, я припоминаю, кто-то говорил, что его настоящее имя Маннер. (Правда.)

В. Ах, Маннер. Какой позор. Насколько он старомоден. Он все еще верит, что может готовить агентов, которые смогут вынести допрос. Это его ошибка, которая заставила вас так страдать, и вы должны это понимать. А что вы можете сказать о своих коллегах? Кто их готовил?

О. Я никогда не знал их подлинных имен. (Ложь.)

В. В самом деле?

О. (Крик.)

В. Подлинных имен?

О. Не всех из них...

В. Назовите мне те, которые вы помните.

О. (Нет ответа.) (Крик.)

Пленник потерял сознание. (Пауза.)

В. Как ваше имя?

О. М-м-м... Тофик. (Крик.)

В. Что вы ели на завтрак?

О. Не знаю.

В. Сколько будет двадцать минус семь?

О. Двадцать семь.

В. Что вы рассказали Кранцу о профессоре Шульце?

О. Осмотр окрестностей... Западная пустыня... слежка прекращена.

В. Кто вас готовил?

О. (Нет ответа.)

В. Кто вас готовил. С кем вы готовились?

О. (Нет ответа.) (Крик.)

В. С кем вы готовились?

О. О, я спускаюсь в сумрачную долину смерти...

В. С кем вы готовились?

О. (Крик.)

Пленник скончался.

Когда Каваш попросил его о встрече, Пьер Борг отправился на нее. Ни время, ни место они не обговаривали: послание Каваша просто просило о встрече, и Борг не сомневался, что он окажется на месте. Каваш был лучшим двойным агентом,

который когда-либо был у Борга, и этим все сказано.

В ожидании Каваша глава Моссада стоял в конце платформы Бакерлоу на Оксфордской линии, читая объявления о курсе лекций по теософии. Он не имел представления, почему араб выбрал для этой встречи Лондон; не имел представления, как он объяснит своим хозяевам, что ему нужно в этом городе; он даже не понимал, почему Каваш стал предателем. Но этот человек помог израильтянам выиграть все войны и избежать очередной, и Борг нуждался в нем.

Он посмотрел вдоль платформы и увидел большую смуглую голову с крупным тонким носом, приближающуюся к нему. Ему казалось, он знает, почему Каваш хочет переговорить с ним. И он надеялся, что его догадка окажется верной.

Борга очень беспокоила история с Шульцем. Она началась, как рутинная слежка, рядовое задание молодому агенту в Каире: влиятельный американский физик почему-то решил совершить поездку в Каир. Первый тревожный сигнал прозвучал, когда Тофик упустил Шульца. Борг решил уделить ситуации более пристальное внимание. Свободный журналист в Милане, который порой выполнял кое-какие задания немецкой разведки, установил, что за билет Шульцев расплатилась жена одного из египетских дипломатов в Риме. Затем ЦРУ в привычном порядке передало Моссаду серию снимков со спутников района вокруг Каттара, где просматривались следы каких-то конструкций. И Борг вспомнил сообщение Тофика, что Шульц исчез где-то по направлению к

Каттару.

Что-то там происходило, и он не знал, что именно, отчего не мог не испытывать беспокойства.

Впрочем, он беспокоился постоянно. Если не из-за египтян, то из-за сирийцев; если не из-за сирийцев, то из-за федаинов; если предметом беспокойства были не столько враги, сколько друзья, то он решал вопрос, сколько времени они еще будут числить себя друзьями. У него вообще была беспокойная работа.

А теперь еще прервалась связь с Тофиком, и это было самым тревожным признаком.

Может быть, кое-что прояснит Каваш.

– Спасибо, что пришли, – кивнул араб. Он всегда произносил эти слова при встрече.

Борг не обратил на них внимания: он никогда не знал, как реагировать, когда его благодарили.

– Какие новости? – с ходу спросил он.

– В пятницу в Каире мне пришлось заниматься одним молодым человеком.

– Вам пришлось?

– Военная разведка поставляет телохранителей для «очень важных лиц», и они заметили, что мальчишка следит за одним из них. У военных в городе нет оперативного персонала, так что они попросили мой департамент взять его.

– Черт побери, – с искренним чувством ругнулся Борг. – И что с ним произошло?

– Я должен был поступить с ним в соответствии с предписанием, – печально сказал Каваш. – Мальчик был подвергнут допросу и погиб. Его имя Авраам Эмбаш, но он работал под именем Тофик эль-Массири.

Борг нахмурился.

– Он сообщил свое подлинное имя?

– Он мертв, Пьер.

Борг раздраженно мотнул головой: Каваш вечно тыкает пальцем в какие-то личностные аспекты.

– Почему он выдал вам свое имя?

– Мы пустили в ход русское оборудование – детектор лжи, соединенный с электрошоковой установкой. И вы не готовили их к испытаниям на таком агрегате.

Борг коротко хмыкнул:

– Расскажи мы им о нем, у нас не осталось бы ни одного рекрута. Что еще он выдал?

– Ничего, чего бы мы не знали. Он мог, но я успел убить его.

– Вы убили его?

– Я положил конец допросу, чтобы он не сказал чего-либо важного. Все вопросы и ответы записываются на пленку, а потом перепечатываются. Этому мы научились у русских. – В его карих глазах застыла неизбывная печаль. – Почему... вы предпочли бы, чтобы я поручил кому-то другому убить вашего мальчика?

Борг отвел взгляд. Он не мог позволить, чтобы разговор

обрел столь сентиментальный характер.

– Что ему удалось выяснить относительно Шульца?

– Агент доставил профессора в Западную пустыню.

– Это я знаю, но для чего?

– Я не знаю.

– Вы должны знать, вы же египетская разведка! – Борг подавил приступ раздражения. Дай человеку действовать по своему собственному разумению: если у него есть какая-то информация, он ее так и так изложит.

– Я не знаю, чем они там занимаются, потому что выделена специальная группа для их обеспечения, – сказал Каваш. – И мой департамент не в курсе дела.

– Есть какие-то идеи, почему так произошло?

Араб пожал плечами.

– Я бы сказал, что они не хотят информировать русских. А пока Москва получает все, что идет через нас.

– Это все, что Тофик узнал? – Борг не смог скрыть разочарования.

Внезапно в мягком голосе араба прозвучали нотки гнева.

– Этот мальчик умер за вас.

– Я поблагодарю его, когда мы встретимся на небесах. Но надеюсь, он погиб не напрасно?

– Вот это ему удалось раздобыть в апартаментах Шульца. – Каваш вытащил из внутреннего кармана и показал Боргу маленький квадратный футляр синего пластика.

– Откуда вы знаете, где он раздобыл его?

– На нем обнаружены отпечатки пальцев Шульца. А мы арестовали Тофика сразу же после его вторжения в номер профессора.

Борг открыл футляр и коснулся пальцами светонепроницаемой бумаги. Конверт не был заклеен. Он вынул из него фотонегатив.

– Мы вскрыли конверт и проявили пленку. Она пуста.

С глубоким чувством облегчения Борг сложил футляр и сунул его в карман. Теперь все обрело смысл: теперь он все понял: теперь он знал, что делать. Подошел поезд.

– Вы хотите сесть на него? – спросил он.

Каваш, слегка нахмурившись, кивнул в знак согласия и двинулся к поезду. Поднявшись, он остановился в дверях.

– Черт побери, я так и не понял, что в этом футляре, – признался Каваш.

«Пусть я тебе и не нравлюсь, – подумал Борг, – но считаю, что ты просто великолепен». Он слегка улыбнулся арабу, когда двери поезда стали сдвигаться.

– А я понял.

Глава вторая

Американочка втрескалась в Ната Дикштейна по уши. Они работали бок о бок в густом винограднике, мотыжа землю и выпалывая сорняки, и легкий ветерок с Галилейского моря оведал их разгоряченные тела. Дикштейн стянул рубашку и, оставшись только в шортах и сандалиях, впитывал в себя солнце с тем наслаждением, на которое способны только горожане.

Он был худ и тонкокостен, со впалой грудью и шишковатыми коленями и локтями. Карен поглядывала на него, когда Дикштейн останавливался перевести дыхание, что порой позволял себе, хотя, казалось, в отдыхе он совершенно не нуждался. Упругие мускулы так и переливались под его смуглой, испещренной шрамами кожей. Она была чувственной женщиной, и ей страшно хотелось прикоснуться к ним пальцами и спросить, где он ими обзавелся.

Иногда он поднимал на нее глаза и ловил ее взгляд, после чего, не смущаясь, ответно улыбался, продолжая работать. Правильные черты его лица оставались бесстрастными. У него были темные глаза за круглыми стеклами дешевых очков, которые нравились поколению Карен, потому что такие носил Джон Леннон. Волосы у него тоже были темные и короткие.

Карен предпочла бы, чтобы они были подлиннее. Когда

он усмехался уголком рта, то казался моложе; хотя так и так трудно определить, сколько ему на самом деле. Сила и энергия у него, как у молодого, но на предплечье у него синела татуировка концлагеря, из чего она решила, что ему не может быть меньше сорока лет.

Он прибыл в кибуц вскоре после Карен, летом 1967 года. Она со своими дезодорантами, противозачаточными пилюлями явилась в поисках места, где может жить в соответствии с идеалами хиппи, не напрягаясь двадцать четыре часа в сутки. Его же доставили сюда в машине скорой помощи. Она предположила, что он был ранен в Шестидневной войне, и остальные кибуцники неопределенно согласились, что, скорее всего, так оно и есть.

Но его принимали гораздо теплее, чем ее. Приняли ее дружелюбно, но с некоторой сдержанностью: ее философия могла принести сюда опасные осложнения. Ната же Дикштейна приняли, как давно потерянного и вернувшегося сына. Все толпились вокруг него, наперебой закармливая его, и отворачивались от его ран со слезами на глазах.

Если Дикштейн – их сын, то Эстер – их мать. Она была самым старым членом кибуца. Карен как-то сказала: «Она выглядит, как мать Голды Мейр», на это ей кто-то ответил: «Скорее, как отец Голды Мейр», что было встречено дружным смехом. Она ходила с клюкой и, хромя по поселку, давала всем непрошенные советы, некоторые, впрочем, были довольно мудрыми. Она оберегала больничную палату Дик-

штейна, отгоняя голосистых ребятишек, махая на них палкой и угрожая страшными карами, о которых даже дети знали, что они никогда не сбудутся.

Дикштейн оправился очень скоро. Через несколько дней он уже сидел на солнышке, чистил овощи для кухни и обменивался шуточками с малышней. Через две недели он уже вышел работать в поле, и скоро стал трудиться с отдачей большей, чем у молодых.

Прошрое его было смутно и туманно, но Эстер рассказала Карен историю его появления в Израиле во время Войны за Независимость.

– Их было восемь или девять, некоторые из университета, а другие – простые рабочие парни из Ист-Энда. Если у них и были какие-то деньги, они их спустили, еще не добравшись до Франции. На попутных машинах они доехали до Парижа, а там сели на грузовой поезд до Марселя. Оттуда они проделали большую часть пути до Италии. Затем они украли грузовик, бывший фургон немецкой армии, «Мерседес», и покатали с ветерком по Италии. – Лицо Эстер расплылось в улыбке, и Карен подумала, что она бы с удовольствием проделала этот путь вместе с ними.

– Во время войны Дикштейн был в Сицилии, и, похоже, там он познакомился с мафией. У них была куча оружия, оставшегося после войны. Дикштейн хотел приобрести его для Израиля, но у него не было денег. Тогда он убедил сицилийцев продать полный корабль с автоматами арабским по-

купателям, а потом сообщил евреям, где должна состояться передача груза.

Они поняли, на что он способен, и приняли его. Сделка была заключена, сицилийцы получили свои деньги, а затем Дикштейн с друзьями угнали судно и приплыли на нем в Израиль!

Карен от души засмеялась, сидя под тенистым фиговым деревом в окружении козочек, которые боязливо смотрели на нее.

– Подожди, – остановила ее Эстер, – ты еще не слышала концовки. Кое-кто из университетских мальчиков еще ходил под парусами на яхте, а несколько других были докерами – вот и все, что они знали о море, а им предстояло своими силами перегнать судно в пять тысяч тонн водоизмещением. О навигации они знали лишь самое главное: на судне есть компас, и оно движется по картам. Дикштейн зарылся в книги, выясняя, как включить двигатель, но потом он рассказал, что в книгах не говорилось, как выключить его. Так они и влетели в Хайфу, вопя, размахивая руками и кидая в воздух шапки, как университетская футбольная команда, – и врезались прямо в пристань.

– Их, конечно, тут же простили – оружие в то время было более ценно, чем золото, в буквальном смысле слова. Вот тогда-то и прозвали Дикштейна «Пиратом».

Он меньше всего походил на пирата, работая на винограднике в старых шортах, потрепанных сандалиях и в очках, ду-

мала Карен. И в то же время ей очень хотелось соблазнить его, но она никак не могла придумать, как это сделать. Он нравился ей, и она старательно давала ему понять, что согласна. Но он не сделал ни одного движения ей навстречу. Может, он считал ее слишком молодой и невинной. Или, может, он вообще не интересовался женщинами.

Размышления Карен были прерваны его голосом.

– Думаю, мы уже кончили.

Она глянула на солнце: в самом деле пора уходить.

– Вы сделали вдвое больше меня.

– Я привык к этой работе. Я провел здесь, приезжая и уезжая, двадцать лет. Так что тело приспособилось к этому труду.

Когда они приближались к поселку, небо стало желто-пурпурным.

– А чем еще вы занимались... когда вас тут не было? – спросила Карен.

– Ну... отравлял колодцы, похищал христианских младенцев.

Карен засмеялась.

– Насколько эта жизнь напоминает вам Калифорнию? – перевел разговор на нее Дикштейн.

– Здесь восхитительно. Здесь приходится столько работать, что женщина в самом деле чувствует себя наравне с мужчиной.

– Похоже, вас волнует эта тема.

– Вы никогда не высказывались по этому поводу.

– Послушайте, я думаю, что вы правы; но для людей куда лучше дарить свою свободу, чем брать ее.

– Это звучит, – бросила Карен, – искусным извинением, когда вообще ничего не хочешь делать.

Дикштейн рассмеялся.

Входя в поселение, они прошли мимо молодого человека на муле, который с ружьем поперек седла ехал патрулировать границы поселения. Обстрелы с Голанских высот, конечно, прекратились, и детям не приходилось больше спать в подвалах, но кибуцники продолжали патрулировать. Нес свою вахту и Дикштейн.

– Я пойду почитать Мотти, – сказал Дикштейн.

– Могу я с тобой?

– Почему бы и нет? – Дикштейн посмотрел на часы. – У нас еще есть время помыться. Заходи ко мне в комнату минут через пять.

Они расстались, и Карен направилась в душ. Кибуц – прекрасное место для сирот, думала она, стягивая одежду. Родители Мотти погибли – отец во время атаки Голанских высот в ходе последней войны, мать же была убита за год до того, во время нападения федиайнов. Оба были близкими друзьями Дикштейна. Конечно, для ребенка их гибель явилась трагедией; но он продолжал спать в той же комнате, есть в той же столовой и вокруг него было не меньше сотни взрослых, которые любили его и заботились о нем – он не был вве-

рен попечению брезгливой тетки или престарелых бабушки и бабушки или, что было бы хуже всего, сиротского приюта. И у него был Дикштейн.

Смыв с себя пыль, Карен натянула чистое платье и отправилась в комнату Дикштейна. Мотти уже был здесь и располагался на коленях Дикштейна; посасывая большой палец, он слушал «Остров сокровищ» на иврите. Дикштейн был единственным человеком из всех, кого знала Карен, который говорил на иврите с акцентом кокни. На этот раз его речь была еще более странной, ибо он читал на разные голоса, изображая героев книги: высокий голос мальчика Джима, глуховатый – Джона Сильвера, полусшепот сумасшедшего Бена Ганна. Сидя под желтоватым светом электрической лампочки, Карен наблюдала за ними двумя: какой мальчишеский вид у Дикштейна и каким взрослым кажется малыш.

Когда глава подошла к концу, они отнесли Мотти в его спальню, поцеловали его на прощанье и пошли в столовую. Карен подумала, что если и дальше они будут всюду показываться вместе, то все примут их за любовников.

Они сели рядом с Эстер. После ужина она рассказала им историю, и в глазах ее посверкивали задорные искорки молодой женщины:

– Когда я прибыла в Иерусалим, тут говорили, что, если у тебя есть пуховая подушка, ты можешь купить дом.

Дикштейн охотно заглотнул наживку:

– Каким образом?

– Хорошую пуховую подушку можно было продать за фунт стерлингов. С этим фунтом ты уже мог вступить в общество взаимного кредита, которое предоставляло тебе заем в десять фунтов. Затем ты находил кусок земли. Владелец его был согласен принять десять фунтов наличными, а остальные в виде векселя. Значит, теперь ты был землевладельцем. Ты шел к строителю и говорил: «Можешь построить для себя дом на этом участке земли. А мне нужна всего лишь небольшая квартирка для меня и моей семьи».

Они дружно расхохотались. Дикштейн посмотрел в сторону дверей. Карен проследила за его взглядом и увидела на пороге незнакомца, грузного человека лет сорока с лишним, с грубым мясистым лицом. Дикштейн встал и направился к нему.

– Не разрывай себе сердце, девочка. Этот не из тех, из кого получают мужья.

Карен посмотрела на Эстер и снова уставилась на двери. Дикштейн уже исчез. Через несколько минут она услышала шум отъезжающей машины.

Эстер положила свою старую морщинистую руку на гладкую чистую кисть Карен и сжала ее.

Карен никогда больше не видела Дикштейна.

Нат Дикштейн и Пьер Борг сидели на заднем сидении большого черного «Ситроена». Вел его телохранитель Борга, и автоматический пистолет лежал на переднем сидении

рядом с ним. Они мчались сквозь непроглядную тьму, и впереди летел только конус света от фар. Нат Дикштейн испытывал страх.

Ему никогда не доводилось видеть себя глазами тех, кто смотрел на него со стороны и для которых он был блистательным агентом, уже не раз доказывавшим свою способность выживать в самых невероятных условиях. Позже, когда игра вступала в свои права и ему оставалось лишь полагаться на свой ум, вплотную рассматривая стратегию действий, возникающие проблемы и людей, с которыми он сталкивался, места для страха не оставалось; но сейчас, когда Борг лишь коротко сказал, что нуждается в нем, он ничего не знал, не мог предвидеть и собраться. Он знал лишь, что ему придется повернуться спиной к пришедшему к нему миру и трудной работе, где он возделывал землю под солнцем и воспитывал малыша; что его ждут впереди лишь неопикуемый риск и большие опасности, напластования лжи, боль, кровь и, возможно, смерть. Так что он сидел в углу сидения, плотно сжав ноги, скрестив руки, наблюдая за смутными очертаниями лица Борга в полумраке салона, пока страх перед неизвестностью угловатым комком лежал у него под ложечкой, вызывая приступ тошноты.

В неверных отблесках света Борг походил на великана из волшебных сказок. У него были грубые черты лица: толстые губы, широкие скулы и глубоко запавшие глаза, затененные густыми бровями. Ребенком он не раз слышал, что уродлив,

так и вырос с этим убеждением – он уродлив. Когда он чувствовал определенное замешательство – вот как сейчас, то руки его беспрестанно находились около лица, прикрывая рот, потирая нос, поглаживая лоб в подсознательных попытках скрыть нерешительность. Как-то в редкий момент расслабления Дикштейн спросил его: «Почему вы на всех орете?» – на что получил ответ: «Да потому что все долбаные красавцы».

Дикштейн работал под началом Борга десять лет, но так и не проникся симпатией к этому человеку. Ему казалось, что он понимал несчастную беспокойную натуру Борга; он уважал его профессионализм и его одержимую преданность разведке Израиля, но, с точки зрения Дикштейна, этого недостаточно, чтобы полюбить человека. Когда Борг врал ему, у него всегда были на то весомые причины, но Дикштейн от всей души презирал любую ложь.

Он отвечал ему тем, что обращал тактику Борга против него же. Он отказывался сообщать, куда направляется, или откровенно врал. Он никогда не действовал строго по расписанию, когда занимался оперативной работой и был в поле: он просто звонил или слал послания с безапелляционными требованиями. А порой он просто скрывал от Борга часть или полностью план своих замыслов. Это не давало Боргу возможности вмешиваться, предлагая свои собственные схемы, что обеспечивало несколько более высокий уровень безопасности, хотя Боргу приходилось иметь дело с политика-

ми и налаживать сотрудничество с оппозицией. Дикштейн знал, что его положение неколебимо – на его счету было много триумфов, которые и обеспечивали карьеру Борга, – и он выжимал из своего положения все, что оно могло дать.

– После Шестидневной войны, – заговорил Борг, – одна из самых ярких личностей в Министерстве обороны написала бумагу, озаглавленную «Неминуемое уничтожение Израиля». Она содержала следующие аргументы. Во время Войны за Независимость мы покупали оружие у Чехословакии. Когда советский блок принял сторону арабов, мы обратились к Франции, а потом к Западной Германии. Как только арабы узнали об этом, немцы тут же прервали все сделки. Франция объявила эмбарго после Шестидневной войны. И Британия, и Соединенные Штаты неизменно отказываются снабжать нас оружием. Один за другим мы теряем источники вооружения.

Предположим, что мы можем возмещать эти потери, постоянно находя новых поставщиков и создавая собственную военную индустрию, но даже в этом случае не подлежит сомнению тот факт, что в гонке вооружений на Ближнем Востоке Израиль обязательно проиграет ее. В ближайшем будущем богатство нефтедобывающих стран будет расти. Наш оборонный бюджет уже является непосильной ношей для национальной экономики, когда наши враги просто не знают, на что потратить свои миллиарды. Когда у них десять тысяч танков, нам нужно шесть тысяч, когда у них двадцать тысяч,

нам нужно двенадцать тысяч; и так далее. Просто каждый год удваивая свои запасы оружия, мы пустим ко дну экономику без единого выстрела.

Наконец, недавняя история Ближнего Востока доказывает, что локальные войны вспыхивают там, в среднем, раз в десятилетие. И логика этого процесса направлена против нас. Время от времени арабы могут себе позволить проиграть войну. Мы не можем: первая же проигранная война станет для нас и последней.

Вывод: выживание Израиля зависит от того, насколько решительно мы сможем пресечь спираль гонки вооружений, в которую враги втягивают нас.

– Эта система размышлений отнюдь не нова, – кивнул Дикштейн. – Она является обычным аргументом за «мир любой ценой». И я склонен думать, эта яркая личность была изгнана из Министерства обороны после того документа.

– В обоих случаях ты ошибся. Дальше он писал: «Мы должны нанести поражение или обладать такой мощью, чтобы нанести невосполнимые потери следующей арабской армии, которая пересечет наши границы. Мы должны иметь ядерное оружие».

На несколько мгновений Дикштейн застыл, а потом, присвистнув, перевел дыхание. То была одна из убийственных идей, которая, стоит ее высказать, выглядит совершенно очевидной. Он помолчал какое-то время, оценивая сказанное. В голове у него крутилась масса вопросов. Возможно ли это с

технической точки зрения? Помогут ли американцы? Одобрят ли кабинет министров? Не ответят ли арабы созданием своей собственной бомбы? Но сказал он лишь:

– Яркая личность в Министерстве обороны, черта с два. Это документ Моше Даяна.

– Комментариев не будет, – ответил Борг.

– И кабинет согласился?

– Были долгие дебаты. Некоторые почтенные государственные деятели заявили, что они не могут позволить себе свергнуть Ближний Восток в ядерный холокост. Оппозиция же прибегла к доводам, что, если у нас будет бомба, то арабы ответят тем же, и нас снова загонят в угол. И как выяснилось, они по-крупному ошибались. – Борг залез в карман и вытащил из него небольшой пластиковый футляр. Он протянул его Дикштейну.

– Что это? – спросил тот, открыв футляр.

– Некий физик, по имени Фридрих Шульц, посетил Каир в феврале. Он австриец, работает в Соединенных Штатах. Проводил отпуск в Европе, но его билет до Египта был оплачен египетским правительством. Я дал указание проследить за ним, но ему удалось ускользнуть от нашего паренька, и он пропал где-то в Западной пустыне сорок восемь часов. По снимкам со спутников ЦРУ мы знаем, что там ведется какое-то большое строительство, занимающее часть пустыни. Когда Шульц вернулся, в кармане у него была вот эта штучка. Это личный дозиметр. Светонепроницаемая

оболочка скрывает под собой кусочек обыкновенной фотопленки. Вы держите конверт в кармане или прищипливаете его к одежде. Если вы подверглись радиоактивному излучению, пленка при проявлении тускнеет. Дозиметры в обязательном порядке вручаются всем, кто работает или посещает ядерные силовые станции.

– Вы хотите сказать мне, что арабы уже делают атомную бомбу.

– Совершенно верно, – подчеркнуто громко подтвердил Борг.

– Так что кабинет министров дал Даяну возможность начать работу над нашей собственной бомбой.

– В принципе, да.

– То есть?

– Существуют некоторые практические трудности. Механическая часть ее довольно проста – так сказать, бомба с часовым механизмом. Любой, кто имел дело с конструкциями обыкновенных бомб, может создать и атомную. Проблема заключается во взрывчатке, в плутонии. Его можно получать на атомном реакторе. Он является побочным продуктом. Реактор у нас есть, в Негевской пустыне, в Димоне. Вы знали об этом?

– Да.

– У нас катастрофически не умеют хранить тайны. Как бы там ни было, у нас нет оборудования для извлечения плутония из отработанного топлива. Мы можем построить соот-

ветствующее предприятие, но проблема в том, что у нас нет собственного урана, чтобы запустить реактор.

– Минутку? – нахмурился Дикштейн. – То есть, нам нужен уран, чтобы загрузить в реактор и запустить его.

– Правильно. Мы получаем уран из Франции, но она поставляет его нам на том условии, что мы возвращаем ей уже использованное топливо для последующей обработки и извлечения плутония.

– Другие поставщики?

– Выдвинут те же самые условия – это часть условий договора о нераспространении ядерного оружия.

– Но ведь люди в Димоне могли бы утаить часть использованного топлива...

– Нет. При поставках урана можно с предельной точностью вычислить, сколько плутония должно из него получиться. И взвешивается он очень тщательно – это дорогая штука.

– То есть, проблема в том, чтобы раздобыть какое-то количество урана?

– Совершенно правильно.

– И ее решение?

– Решение в том, что ты его украдешь.

Дикштейн смотрел в окно машины. Вышла луна, и ее лучи освещали отару овец, сгрудившихся на краю пастбища, которых охранял араб-пастух с посохом – библейская сцена. Вот, значит, в чем заключается суть игры: украсть уран для страны молока и меда. В прошлый раз это было убийство лидера

террористов в Дамаске; до этого – шантаж богатого араба в Монте-Карло, чтобы он прекратил субсидировать фedaинов.

Дикштейн предавался воспоминаниям, пока Борг продолжал говорить о политике, Шульце и ядерном реакторе. Наконец он понял, что повествование Борга имеет отношение к нему, и снова появился страх, вместе с которым пришли и другие воспоминания. После смерти отца семья впала в отчаянную бедность, и когда приходили кредиторы, Ната посылала к дверям говорить, что мамы нет. В тринадцать лет он испытывал невыносимое унижение, потому что кредиторы знали, что он врет, и он знал, что они знают, и они смотрели на него со смесью презрения и жалости, которая пронзала его до мозга костей. Он никогда не сможет забыть это чувство – и оно всплывало откуда-то из подсознания, когда кто-то вроде Борга говорил нечто вроде: «Малыш Натаниел, иди и укради уран для своей родины».

И теперь он обратился к Пьеру Боргу:

– Если нам так и так придется его красть, почему бы просто не закупить его и отказаться возвращать?

– Потому что в таком случае всем будет известно, для чего он нам понадобился.

– Ну и?

– Извлечение плутония требует времени – многих месяцев. За это время могут случиться две вещи: во-первых, египтяне ускорят свою программу, и, во-вторых, американцы надавят на нас, чтобы мы отказались от создания бомбы.

– Ах, вот как! – Это было хуже всего. – Значит, вы хотите, чтобы я украл его, и никто не догадался, что он предназначен нам.

– Более того, – голос Борга стал хриплым и напряженным. – Никто не должен знать, что уран украден. Все должно выглядеть так, будто товар просто пропал. Тогда и владелец, и международные агентства постараются замять это дело. И затем, когда им станет ясно, что их надули, они уже будут в плену своей версии.

– Но все сразу же может вскрыться.

– Не раньше, чем у нас будет своя бомба.

Они выехали на прибрежное шоссе от Хайфы до Тель-Авива, и, когда машина мчалась сквозь ночь, Дикштейн видел справа от себя отблески глади Средиземного моря, поблескивающие словно драгоценности в ночи. Заговорив, он сам удивился нотке усталого смирения в своем голосе.

– Сколько урана нам может понадобиться?

– Необходимо создать двенадцать бомб. То есть, примерно сто тонн урановой руды.

– В таком случае, в карман мне их не сунуть, – Дикштейн нахмурился. – Во сколько она обойдется в случае покупки?

– Что-то больше миллиона долларов США.

– И вы считаете, что потеряв такую сумму, владелец руды предпочтет замять дело?

– Если все будет сделано правильно.

– Каким образом?

– Это уже твое дело, Пират.

– Я не уверен, что это вообще возможно.

– Должно стать возможным. Я сказал премьер-министру, что мы беремся. Я поставил на кон свою карьеру, Нат.

– Да перестаньте мне талдычить о вашей долбаной карьере.

Борг закурил еще одну сигарету – нервная реакция на резкость Дикштейна. Дикштейн на дюйм опустил стекло окна, чтобы вытягивался дым. Его внезапная враждебность не имела ничего общего с просьбой Борга: она была типична для человека, которого не очень волновало, как люди к нему относятся. Дикштейна куда больше тревожило видение грибовидного облака над Каиром и Иерусалимом, хлопковые поля вдоль Нила и виноградники у Галилейского моря, превратившиеся в выжженное стекловидное пространство, Ближний Восток, занявшийся пламенем, и поколение за поколением изуродованных детей.

– И все же, я думаю, что единственной альтернативой может быть только мир.

– Не имею представления. Я не занимаюсь политикой, – пожал плечами Борг.

– Дерьмо собачье.

– Слушай, если у них есть бомба, то и нам надо обзавестись ею, не так ли? – вздохнул Борг.

– Если бы дело было только в этом, мы могли бы просто созвать пресс-конференцию, объявить, что египтяне созда-

ли атомную бомбу и предоставить миру возможность остановить их. Я же думаю, что нашим так и так хочется иметь бомбу. И, думаю, они только рады этому поводу.

– И, возможно, они правы! – отрезал Борг. – Мы не можем каждые несколько лет ввязываться в войну – в один прекрасный день мы, наконец, потерпим поражение.

– Мы можем заключить мир.

– До чего ты наивен, – фыркнул Борг.

– Если мы договоримся о некоторых вещах: оккупированные территории, Закон о возвращении, равные права для арабов в Израиле...

– У арабов есть равные права.

Дикштейн безрадостно улыбнулся.

– Вы чертовски наивны.

– Слушай! – Борг сделал усилие, чтобы взять себя в руки. – Может, мы и должны продать наше право первородства за чечевичную похлебку. Но мы живем в реальном мире, и люди в этой стране не будут голосовать за мир-любой-ценой; да в глубине души ты и сам знаешь, что арабы отнюдь не торопятся заключать мир. Так что в реальном мире мы по-прежнему должны драться с ними, и, в таком случае, нам уж лучше украсть для себя уран.

– Вот что мне не нравится в вас больше всего, это то, что вы всегда правы.

– Понимаешь ли, – Борг явно сердился, – с подавляющим большинством моих людей я не испытываю необходимости

спорить о политике каждый раз, когда даю им задание. Они просто выслушивают приказ и отправляются его выполнять, как и подобает оперативнику.

– Я вам не верю, – заявил Дикштейн. – Это нация идеалистов, в противном случае от нее бы ничего не осталось.

– Может быть, и так.

– Я как-то знал человека по имени Вольфганг. Он тоже любил говорить: «Я просто выслушиваю приказы». А потом принимался ломать мне ногу.

– Ага, – кивнул Борг. – Ты мне уже рассказывал.

Когда компания нанимает бухгалтера для ведения своей документации, первое, что он делает, так это объявляет, что у него такой объем работы, связанной с финансовой политикой компании, что он нуждается в младшем бухгалтере. Нечто подобное происходит и со шпионами. Некая страна организует разведывательную службу, дабы выяснить, сколько танков у соседей и где они базируются, но прежде, чем это удастся выяснить, разведслужба оповещает, что она настолько поглощена слежкой за подрывными элементами внутри страны, что нуждается в специальном военном подразделении.

Именно так и было в Египте в 1955 году. Только что оперившаяся разведслужба страны сразу же разделилась на два управления. Военная разведка занималась подсчетом израильских танков; служба же общих расследований пожинала

все лавры.

Человек, под началом которого находились оба управления, именовался Директором Главной Разведслужбы, и предполагалось – теоретически – что он будет подчинен министру внутренних дел. Но, как правило, глава государства сам хочет руководить шпионским департаментом. На то есть две причины. Одна из них заключалась в том, что этим шпионам постоянно грезятся какие-то бредовые планы убийств, шантажа и вторжения и они могут причинить массу беспокойств, если не придерживать их на твердой земле реальности, так что и президент, и премьер-министр предпочитают сами приглядывать за этим департаментом. Вторая причина заключалась в том, что разведка – источник власти, особенно в странах с нестабильными режимами, и глава государства хотел, чтобы эта власть принадлежала только ему.

Так что Директор Главной Разведслужбы в Каире обычно выходил с докладом или прямо на Президента, или на государственного министра при нем.

Каваш, тот самый высокий араб, который при допросе убил Тофика, а потом передал дозиметр Пьеру Боргу, работал в управлении общих расследований в его гражданской части. Он был умным достойным человеком с большим чувством ответственности, но в то же время глубоко религиозен – до мистицизма. Именно это определяло его глубоко укоренившиеся взгляды на реальный мир. Он принадлежал к той ветви христианских верований, которая считала, что возвра-

щение евреев в Землю обетованную предначертано в Библии и знаменует конец царства земного. Противостоять этому возвращению – смертный грех, работать же ему на пользу – святая обязанность... Поэтому Каваш и стал двойным агентом.

Всего себя он отдавал только работе. Вера привела его в глубины секретной службы, и постепенно он терял друзей, соседей и даже – с большим исключением – членов семьи. У него не было никаких личных желаний, кроме намерения оказаться на небе. Он вел аскетический образ жизни, и единственное, его развлечение – подсчет очков в шпионских играх. Он несколько напоминал Пьера Борга, но с небольшой разницей: Каваш чувствовал себя счастливым человеком.

Хотя в настоящее время он был взволнован. Пока он потерял очки в деле, которое началось с появления профессора Шульца, что его расстраивало. Проектом в Каттаре занималось не управление общих расследований, а другая ветвь разведслужбы – военная разведка. Тем не менее, Каваш, торопясь и успокаивая себя, во время долгих ночных бдений разработал план проникновения на секретный объект.

Его второй кузен Ассам работал в офисе Директора Главной Разведслужбы, в отделе, который координировал действия военной разведки и управления общих расследований. Ассам был значительно старше Каваша, но тот был куда хитрее.

В самое жаркое время дня два кузена сидели в задней ком-

натке маленькой грязной кофейни близ Шериф-Паша, курили, пили липкий густой лимонный ликер и клубами дыма отгоняли надоедливых мух. В своих легких пиджаках и усиками «а-ля Насер» они были очень похожи. Каваш хотел с помощью Ассама что-то узнать о Каттаре. Он тщательно разработал линию разговора, в ходе которого надеялся расколоть брата, но понимал, что должен действовать очень осторожно в надежде получить поддержку Ассама. Несмотря на съедавшее его внутреннее беспокойство, он был, как всегда, уверен в себе и невозмутим. Начал он беседу с достаточно прямого вопроса:

– Брат мой, знаешь ли ты, что происходит в Каттаре?

Правильные черты лица Ассама приобрели уклончивое выражение.

– Если тебе неизвестно, я не имею права рассказывать.

Каваш покачал головой, давая понять, что Ассам явно не понял его.

– Мне не нужно, чтобы ты выдавал мне секреты. Кроме того, я и сам могу догадаться, какой цели служит проект. – Это было ложью. – Меня беспокоит лишь, что контролирует его Мараджи.

– Каким образом?

– Я о тебе думаю. О твоей карьере.

– Меня не беспокоит...

– Значит, стоит побеспокоиться. Мараджи хочет занять твое место, и ты должен знать об этом.

Владелец кафе принес блюдо с оливками и две плоские тарелки с «питой», местным хлебом. Каваш молчал, пока тот не покинул их. Он видел, что ложь относительно Мараджи привела Ассаму в состояние неопределенного беспокойства.

– Я предполагаю, – продолжил Каваш, – что Мараджи выходит с докладами прямо на министра.

– Хотя и я вижу все документы, – возразил Ассам.

– Но ты не знаешь, о чем он говорит с глазу на глаз с министром. У него очень сильное положение.

– Кстати, как тебе удалось узнать о сути проекта? – нахмурился Ассам.

Каваш прислонился спиной к прохладной цементной стенке.

– Один из людей Мараджи исполнял обязанности телохранителя в Каире и установил, что за ними следят. На хвосте у него сидел израильский агент по имени Тофик. У Мараджи не было оперативников в городе, так что его просьба о помощи поступила прямо ко мне. Я и взял этого Тофика.

Ассам с отвращением фыркнул.

– Плохо, что он позволил следить за собой. Еще хуже, что он обратился не в то управление за помощью. Просто ужасно.

– Может, нам удастся что-то с этим сделать, брат мой.

Ассам почесал нос пальцем, унизанным кольцами.

– Продолжай.

– Расскажи Директору о Тофике. Скажи, что Мараджи,

несмотря на его несомненные таланты, допустил тут ошибку, потому что еще молод и неопытен по сравнению с таким, как ты сам. Настаивай, что ты сам должен заняться личным составом тех, кто имеет отношение к проекту в Каттаре. Затем доверь эту работу преданному тебе человеку.

– Понимаю, – медленно склонил голову Ассам. – Очень хороший план. Сегодня же переговорю с Директором. И я благодарен тебе, брат.

Каваш должен был сказать кое-что еще – может быть, самое важное – но хотел обронить это в подходящий момент. Он решил, что имеет смысл подождать несколько минут. Встав, он сказал:

– Не ты ли всегда опекал меня?

Они вышли бок о бок в пекло дня.

– И я немедленно же начну поиски нужного человека, – заявил после некоторого молчания Ассам.

– Ах да, – спохватился Каваш, словно только что припомнив какую-то незначительную деталь. – У меня есть человек, который просто идеально подойдет тебе. Он умный, толковый и очень надёжный – сын брата моей старшей покойной жены.

Глаза Ассама сузились.

– Значит, он будет все докладывать и тебе тоже.

– Если ты считаешь, что прошу у тебя слишком многого... – Каваш развел руки в жесте молчаливого сожаления.

– Нет, – возразил Ассам. – Мы же всегда помогали друг

другу.

Пьер Борг знал Ната Дикштейна лет двадцать. В конце 1948 года Борг не сомневался, что у этого мальчишки нет никаких данных, чтобы стать толковым агентом, несмотря на его авантюру с судном. Тощий, бледный, неловкий и несобранный. Но решение принимал не Борг, и Дикштейн поступил под его начало. И Борг быстро уяснил, что при всех неказистых внешних данных, мальчишка чертовски умен и хитер. Кроме того, он обладал каким-то странным обаянием, сути которого Борг не понимал. Кое-кто из женщин в Моссаде просто с ума сходили по нему – хотя остальные, включая и Борга, не видели в нем ничего эдакого особенного. Во всяком случае, Дикштейн ни к кому не проявлял интереса: в его досье было записано: «Сексуальная жизнь: никакой».

С годами Дикштейн обрел и опыт и знания, и теперь Борг мог положиться на него больше, чем на любого другого агента. По сути, будь у Дикштейна личные амбиции, он мог бы занять пост самого Борга.

Тем не менее, Борг так и не понял, как Дикштейн воспринял его инструктаж.

В Моссаде были и другие люди, которые могли справиться с расписанным планом не хуже Дикштейна – например, Майк, глава отдела специальных операций, да и сам Борг. Но не было никого, кому Борг мог сказать, как Нату Дикштейну: вот проблема – иди и решай ее.

Они вдвоем провели весь день в специальном укрытии Моссада в городке Рамат Ган, неподалеку от Тель-Авива. Проверенные сотрудники Моссада с револьверами в кобурах под мышкой готовили им кофе, подавали еду и патрулировали сад. Утром Дикштейн встретился с молодым преподавателем физики из института имени Вейцмана в Реховоте. У ученого были длинные волосы, цветной галстук, и он объяснял химические свойства урана, природу радиоактивности и понятие критической массы с бесконечным терпением и предельно ясно. После ленча Дикштейн разговаривал с администратором из Димоны об урановых шахтах, обогачительных фабриках, технике обращения с ядерным топливом, его складированию и транспортировке, о правилах безопасности и интернациональных законах, о Международном Агентстве по атомной энергии, о Комиссии по атомной энергии США, о соответствующих учреждениях в Британском королевстве и Евroatоме.

К вечеру Борг и Дикштейн вместе пообедали. Борг сидел на какой-то диете, питаясь салатами и вываренным мясом, но выпил большую часть бутылки красного израильского вина. Он извинился, объяснив, что должен успокоить нервы, дабы его беспокойство не передалось Дикштейну.

После обеда он вручил Дикштейну три ключа.

– Тут полные наборы для тебя в сейфах в Лондоне, Брюсселе и Цюрихе, – сказал он. – В каждом – паспорта, водительские удостоверения, наличные и оружие. Если тебе при-

дется воспользоваться каким-нибудь из них, оставь в сейфе старые документы.

– Отчитываться я должен перед вами или перед Майком?

«Да ты вообще никогда ни перед кем не отчитываешься, сукин ты сын», – подумал Борг, но вслух сказал:

– Будь любезен – передо мной. При первой же возможности звони прямо мне, но пользуйся кодовым языком. Если не сможешь связаться со мной, свяжись с любым посольством и пусти в ход код встречи – а я уж попытаюсь найти тебя, где бы ты ни был. И, в крайнем случае, шли закодированное письмо дипломатической почтой.

Дикштейн бесстрастно кивнул: все это было привычной рутиной. Борг смотрел на него, стараясь проникнуть в его мысли. Что он чувствует? Считает ли, что справится с заданием? Есть у него какие-то идеи на этот счет? Собирается ли он сначала прощупать все возможности и лишь потом сообщить, что задание представляется невозможным? Убежден ли он, что создание бомбы пойдет на пользу Израилю?

– Тут должен быть какой-то предельный срок, – заметил Дикштейн.

– Да, но мы не знаем, что он собой представляет, – Борг вытащил из салата кружочки лука. – Мы должны сделать нашу бомбу раньше египтян. Это значит, что твой уран должен быть завезен в наш реактор до того, как заработает египетский. После этого все зависит лишь от химии – ни та, ни другая сторона не могут заставить атомы двигаться быстрее,

чем им положено. Первый, кто начнет, первым и придет к финишу.

– Нам нужен какой-нибудь агент в Каттаре.

– Над этим я и работаю.

– И нам необходим очень толковый человек в Каире, – добавил Дикштейн.

Вот об этом Боргу говорить не хотелось.

– К чему ты клонишь, пытаешься выкачать из меня информацию? – вопросом на вопрос ответил он.

– Просто думаю вслух.

На несколько мгновений воцарилась тишина. Борг выловил еще несколько луковых колечек. Наконец обронил:

– Я сказал тебе, чего я жду, но все решения, как этого добиться, предоставляю принимать тебе.

– Ну еще бы, – Дикштейн встал. – Думаю, надо поспать.

– Есть ли у тебя какие-нибудь идеи относительно того, как начать?

– Да, есть. Спокойной ночи.

Глава третья

Нат Дикштейн никогда не предполагал, что может стать секретным агентом. Необходимость постоянно обманывать угнетала и утомляла его. Он вечно врал людям, скрывался, то и дело представляя в том обличье, которое ему совершенно не свойственно. Никогда не покидала тревога, что его вот-вот разоблачат. И часто мучили кошмары, что его окружают полицейские и с криками: «Ты шпион!» волокут в тюрьму, где ломают ему ногу.

Сейчас Дикштейн тоже находился в достаточно неудобном положении. Его ждала встреча с пресс-офицером Евротома Пфаффером, но, по всей видимости, он пришел слишком рано.

Пфаффер оказался молодым человеком с недоверчивым выражением лица и потрепанным коричневым портфелем в руках. Дикштейн последовал за ним в столь же растерзанный, как и его хозяин, кабинет и принял предложение выпить кофе. Они говорили по-французски. Дикштейн выступал под личиной представителя парижского отделения серьезного журнала «Международная наука». Он признался Пфафферу, что втайне лелеет мысль работать в «Сайентифик Америкен».

– Что вы пишете сейчас? – спросил его Пфаффер.

– Статья называется «НУМ» – «Неучтенные материалы».

В Соединенных Штатах, – объяснил он свой замысел, – постоянно теряются радиоактивные материалы. Здесь же, в Европе, как мне рассказали, налажена международная система по их отслеживанию.

– Совершенно верно, – кивнул Пфаффер. – Все страны, входящие в Евроатом, осуществляют контроль за расщепляющимися материалами. Во-первых, у нас есть полный список гражданских учреждений, у которых находятся их запасы – от шахт до производственных предприятий, складов, реакторов и перерабатывающих фабрик.

– Вы говорите о гражданских учреждениях...

– Да, военные не входят в наш список.

– Продолжайте. – Дикштейн с удовольствием предоставил Пфафферу излагать ситуацию, чтобы офицер не догадался, насколько ограничены знания Дикштейна по этой теме.

– Для примера, – продолжал Пфаффер. – возьмем предприятия, делающие из урановой руды ядерное топливо. Сырье, поступающее на завод, взвешивается и подвергается анализу инспекторами Евроатома. Их данные вводятся в компьютер Евроатома и сопоставляются с информацией инспекторов добывающих предприятий – в этом случае речь может идти об урановых шахтах. Если налицо разница между количеством породы, выданной на-гора из шахт, и тем ее количеством, что поступило на фабрику, компьютер сразу же обнаружит расхождение. Так же оценивается и материал, покидающий предприятие – и по количеству и качеству. Эти

данные, в свою очередь, будут сопоставлены с цифрами, поступающими от инспекторов, наблюдающих за использованием ядерного топлива – допустим, на атомных электростанциях. Все отходы на них также взвешиваются и анализируются. Этот процесс контроля и двойной проверки включает в себя и конечное использование радиоактивных отходов. И, наконец, как минимум, дважды в год на предприятиях производится инвентаризация отходов.

– Понимаю. – Рассказ произвел на Дикштейна глубокое впечатление и серьезно обескуражил. Без сомнения, Пфаффер несколько преувеличивал эффективность системы, но, если даже делается лишь половина проверок, о которых шла речь, как можно стащить сто тонн сырья без того, чтобы это не было отмечено компьютером? Чтоб поощрить Пфаффера к дальнейшему разговору, он с восхищением отметил: – То есть, в любой данный момент вашим компьютерам известно местонахождение любой щепотки урана в Европе?

– В пределах стран-членов Евроатома – Франции, Германии, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. И речь идет не только об уране, но и обо всех радиоактивных материалах.

– Как он транспортируется?

– Все детали перевозок должны получить наше одобрение.

Дикштейн захлопнул блокнот.

– Похоже, система в самом деле отличная. Могу ли я уви-

деть ее в действии?

– Это уже зависит не от нас. В каждой отдельной стране вы должны связаться с руководителями атомной энергетики и попросить разрешения посетить установки. На некоторые из них организовываются туристские туры.

– Не можете ли дать мне список их телефонов?

– Конечно. – Встав, Пфаффер открыл ящик с досье.

Дикштейн, решив одну проблему, столкнулся с другой. Он хотел выяснить, в каком ему двигаться направлении, чтобы найти хранилища радиоактивных материалов, и получил ответ: в компьютерах Евроатома. Но все запасы урана, о которых было известно компьютерам, находились под жестким контролем, который практически не позволял похитить ни грамма.

Пфаффер протянул ему листик. Сложив его, Дикштейн сунул бумагу в карман.

– Благодарю вас за содействие.

– Где вы остановились? – спросил Пфаффер.

– В «Альфе», напротив железнодорожного вокзала.

Пфаффер проводил его до дверей.

– Люксембург вам понравится.

– Надеюсь, – ответил Дикштейн, пожимая его руку.

Память порой откалывает странные штуки. Дикштейн понял это еще маленьким ребенком, когда сидел в душной комнате деда над булочной в Майл-Энд-роуд, с трудом разбираясь в странных начертаниях букв ивритского алфавита.

Идея заключалась в том, что в памяти должен был отложиться лишь один образ, который и предстояло запомнить, не обращая внимания ни на что остальное. Чем и занимался Дикштейн, рассматривая лица сотрудников Евроатома.

Секретарши, посыльные и буфетчицы ему не нужны, как и старшие администраторы. Он заинтересован в персонале, занимавшем промежуточное между ними положение, – программисты на компьютерах, управляющие отделами, руководители небольших департаментов, личные помощники и заместители шефов. Для каждого из них он подобрал соответствующие псевдонимы, дающие представления об их характерных чертах: Воротничок, Тони Куртис, Безносый, Седой, Запата, Толстячок.

Он провел еще три дня, так и не сдвинувшись, с места. Наблюдение за Запатай, Толстячком и Тони Куртисом ничего не дало.

Но Воротничок принес ему удовлетворение.

Он был примерно в возрасте Дикштейна, стройный элегантный мужчина в темно-синем пиджаке, с гладким синим галстуком и в белоснежной рубашке с накрахмаленным воротничком. Его длинные волосы, несколько длиннее, чем полагались бы мужчине в его возрасте, сидели на висках. Туфли на нем были ручной работы.

Покинув офис, он пересек речку Альзетте и поднялся в старый город. Двинувшись по уходящей под откос мощеной улочке, он вошел в старый дом с террасой. Через две минуты

в одном из высоких окон вспыхнул свет.

Дикштейн слонялся вокруг в течение двух часов. Когда Воротничок, наконец, вышел, на нем были плотно облегающие светлые брюки и оранжевый шарф вокруг шеи. Волосы у него на этот раз были зачесаны вперед, что несколько молодило его, и походка у него стала легкой и раскованной.

Дикштейн проследовал за ним до Рюк Дик, где тот нырнул в неосвещенный подъезд и исчез. Дикштейн остался снаружи. Через открытую дверь он не видел ничего, что давало бы представление о пространстве за ее пределами. Уходящая вниз лестница была смутно освещена. Прислушавшись, Дикштейн уловил слабые звуки музыки.

Его миновали двое молодых людей в схожих желтых джинсах и тоже вошли внутрь. Один из них, полуобернувшись, улыбнулся ему и сказал: «Да, это именно здесь». Дикштейн последовал за ними по ведущей вниз лестнице.

Там оказался заурядный ночной клуб со столиками, креслами, с несколькими нишами, с маленькой танцплощадкой и оркестром из трех человек в углу. Уплатив за вход, Дикштейн расположился в нише, скрытой от взглядов Воротничка, и заказал пиво.

Он уже почти догадался, почему тут такая странная атмосфера, и, оглядевшись, получил подтверждение своей мысли: здесь располагался клуб гомосексуалистов. Несколько посетителей пользовались легким макияжем, пара могучих личностей располагалась около стойки бара, а очень хоро-

шенькая девушка держалась за руки с пожилой женщиной в брюках; большая часть обитателей клуба была одета совершенно нормально с точки зрения европейца, и не было ни одного в затрапезном виде.

Воротничок сидел в компании пышноволового человека в двубортном пиджаке. Дикштейн ничего не имел против гомосексуалистов как таковых. Для него Воротничок – человек, который работает в Евроатоме и виновен лишь в том, что обладает интересующими его сведениями.

Джазовое трио сменилось гитаристом, который исполнял немецкие народные песенки. Дикштейн не улавливал смысла большинства шуток, но остальная аудитория дружно хохотала. Несколько пар танцевало.

Дикштейн увидел, как Воротничок положил руку на колено своего спутника. Встав, направился к их нише.

– Привет, – весело сказал он. – Не вас ли я видел в Евроатоме недавно?

Воротничок побелел.

– Не знаю...

Дикштейн стиснул ему руку.

– Эд Роджерс, – представился он, называясь именем, под которым знал его Пфаффер. – Я журналист.

– Как поживаете, – пробормотал Воротничок. Несмотря на потрясение, у него хватило сообразительности не назваться.

– Мне пора бежать, – извинился Дикштейн. – Был очень

рад увидеться с вами.

– Тогда до свиданья.

Повернувшись, Дикштейн покинул клуб. На данный момент он сделал все, что необходимо: Воротничок понял, что его тайны больше не существует, и испугался.

Дикштейн направился к себе в гостиницу, чувствуя стыд и угрызения совести.

На Рю Дик он почувствовал слезку.

Хвост явно был непрофессионален и даже не делал попытки как-то замаскироваться. Шел за ним в пятнадцати-двадцати ярдах, и кожаные подметки его туфель громко шлепали по тротуару. Дикштейн сделал вид, что ничего не замечает. Пересекая улицу, он мельком глянул на преследователя. Это был крупный молодой человек с длинными волосами, в коричневой кожаной куртке.

Через несколько мгновений из тени выступил другой молодой человек и остановился прямо перед Дикштейном, перегородив дорогу. Дикштейн остановился и стал ждать развития событий, раздумывая – что за черт? Он не мог себе представить, кому необходимо его выслеживать, почему те, кому это надо, пустили по следу неловких любителей.

В свете фонаря блеснуло лезвие. Преследователь сзади приблизился к нему.

Молодой человек перед ним сказал:

– Ладно, красавчик, гони-ка нам свой бумажник.

Дикштейн испытал глубокое облегчение. Это были всего

лишь уличные грабители, которые решили, что любой, покидающий ночной клуб, может стать их легкой добычей.

– Не бейте меня. Я отдам вам все деньги. – Он вынул бумажник.

– Давай его сюда, – приказал юноша.

Дикштейн не хотел вступать в драку с ними, но, если он мог легко расстаться с наличностью, то попал бы в затруднительное положение, потеряв все свои документы и кредитные карточки. Он вынул из бумажника банкноты и протянул их нападающим.

– Документы мне нужны. Возьмите деньги, и я ничего не сообщу о нашей встрече.

Стоящий впереди схватил деньги.

– Бери и кредитные карточки, – опять приказал тот, что сзади.

Стоящий впереди казался явно послабее. Дикштейн внимательно пригляделся к нему и вежливо попросил:

– Почему бы тебе не убраться у меня с пути, сынок? – И шагнул вперед, обойдя молодого человека по мостовой.

Кожаные подметки выбили дробь, кинувшись за Дикштейном, и теперь ему ничего больше не...

Резко повернувшись, он перехватил ногу этого мальчишки, когда тот занес ее для удара, и одним движением сломал ему коленную чашечку. Вскрикнув от боли, парень рухнул.

Владелец ножа бросился на Дикштейна. Отпрянув назад, Нат нанес удар нападавшему по голени, отклонился и сно-

ва ударил. Последовал выпад ножом. Отпрыгнув, Дикштейн нанес ему третий удар, точно в то же место. Раздался звук ломающейся кости, и грабитель рухнул на землю.

Несколько секунд Дикштейн смотрел на двух изувеченных воришек. Он чувствовал себя в роли отца, которому пришлось наказывать непослушных детей. Сущие дети, лет семнадцати, прикинул он. Они были опасны, охотясь за гомосексуалистами, но этим вечером Дикштейн занимался тем же.

Он двинулся дальше. Перед ним был весь вечер, и все забудется. Нат решил, что утром покинет город.

Когда Дикштейн работал, то старался отсиживаться в гостинице, чтобы никому не попадаться на глаза. Он позволял себе даже выпивать, хоть пить во время операции было бессмысленно – алкоголь лишал ясности восприятия – и, в общем-то, он не испытывал потребности в нем. Он проводил часть времени, глядя из окна или просиживая у мерцающего экрана телевизора. Он не бродил по улицам, не околачивался в баре отеля, даже не спускался в гостиничный ресторан, предпочитая заказывать еду в номер. Но был определенный предел предосторожностям: человек – не невидимка. И в холле отеля «Альфа» в Люксембурге он наткнулся на человека, который знал его.

Нат стоял у конторки портье, оформляя счет. Просмотрев его, протянул кредитную карточку на имя Эда Роджерса и ждал, чтобы подписать счет. И в это время голос у него за

спиной произнес по-английски:

– Боже мой! Никак, это Нат Дикштейн?

Его охватил ужас. Как и любой агент, выступающий в другом облике, он жил в постоянном страхе перед случайной встречей с кем-то из далекого прошлого, кто может разоблачить его. Но, как и любой другой агент, он готовился к таким ситуациям. Правило было простое: «Кто бы там ни был, ты его не знаешь». К этому их готовили в школе.

Дикштейну пришлось сразу же вспомнить все, чему его учили. Первым делом, он бросил взгляд на клерка, который в данный момент записывал его, как Эда Роджерса. Клерк никак не отреагировал на обращенные к Дикштейну слова: то ли не понял или не слышал их, то ли не обратил внимания.

Чья-то рука хлопнула Дикштейна по плечу. Он соорудил на лице смущенную улыбку и повернулся, со словами на французском: «Боюсь, что вы спутали меня с...»

«Юбка ее была задрана до пояса, лицо пылало от наслаждения, и она страстно целовала Ясифа Хассана».

– Это в самом деле вы! – воскликнул Ясиф Хассан. И тут, возможно, из-за того, что перед ним предстало то ужасное мгновение в Оксфорде двадцать лет назад, Дикштейн на долю секунды потерял контроль над собой, выучка изменила ему, и он сделал самую крупную ошибку за свою деятельность. Потрясенный, он произнес:

– Господи, никак Хассан.

Тот улыбнулся, стиснул его руку и сказал:

– Сколько лет... должно быть... прошло больше двадцати лет!

Дикштейн механически пожал протянутую руку, понимая, что оказался в отчаянном положении, и постарался взять себя в руки.

– Вроде так, – пробормотал он. – А что вы тут делаете?

– Я живу тут. А вы?

– Вот-вот уезжаю. – Дикштейн решил, что ему надо как можно скорее уносить ноги, пока не случилась какая-нибудь беда. Клерк протянул ему счет, и он нацарапал «Эд Роджерс». Нат глянул на часы: – Черт, мне нужно на самолет.

– У отеля стоит моя машина. Я подброшу вас до аэропорта. Мы должны поговорить.

– Я заказал такси...

Хассан обратился к портье.

– Отмените вызов... и заплатите водителю за беспокойство. – Он протянул несколько банкнот.

– Я в самом деле спешу, – пробормотал Дикштейн.

– Так двинулись! – С этими словами Хассан подхватил чемоданчик Дикштейна и вышел.

Чувствуя себя совершенно беспомощным, в глупом и непонятном положении, Дикштейн последовал за ним.

Они уселись в его потрепанную двухместную английскую спортивную машину. Когда Хассан выводил ее в поток уличного движения с места, где стоянка была запрещена, Нат украдкой изучал его. Араб изменился, и сказались на нем

не только годы. Седина в усах, раздавшаяся талия, хрипотца в голосе – всего этого можно было ждать. Но появилось и нечто другое. Хассан всегда казался Дикштейну архитипичным аристократом. Двигался он неторопливо, демонстрируя подчеркнутую бесстрастность, и легко давал понять, что собеседник его утомляет, если тот был молод и восторжен. Теперь, похоже, бывшее высокомерие покинуло его. Он был похож на свою машину: в свое время она представляла крик моды, но годы сказались на ней.

Ругая себя за последствия, которые может принести ошибка, Дикштейн попытался выяснить размер возможного ущерба. Он спросил Хассана:

- Вы в данное время живете здесь?
- Здесь европейская штаб-квартира моего банка.
- Что это за банк?
- «Седар-банк» из Ливана. Но чем вы занимаетесь?
- Я живу в Израиле. Мой кибуц производит вино – и я выясняю возможности его поставок на европейский рынок.
- Со своим углем в Ньюкастл.
- Я и сам начинаю так думать.
- Может быть, я смогу помочь вам, если вы вернетесь. У меня тут немало деловых связей. Я мог бы что-то организовать для вас.
- Спасибо. Может быть, я и воспользуюсь вашим предложением. – Если его задание окончится полным крахом, подумал Дикштейн, он всегда может заключать договоры и тор-

ГОВАТЬ ВИНОМ.

– Итак, – улыбнулся Хассан, – ваш дом в Палестине, а мой – в Европе.

Улыбка у него получилась натянутой, заметил Дикштейн.

– Как дела в банке? – спросил Дикштейн, прикидывая, что могли бы означать слова «мой банк» – то ли «банк, который принадлежит мне», то ли «банк, которым я управляю», то ли «банк, в котором работаю».

– О, достаточно хорошо.

Видно было, что говорить им почти не о чем. Дикштейну хотелось спросить, какая судьба постигла семью Хассана в Палестине, как его роман с Эйлой Эшфорд и почему он ездит в спортивной машине, но боялся, что ответы окажутся болезненными как для Хассана, так и для него.

– Вы женаты? – спросил Хассан.

– Нет. А вы?

– Нет.

– Как странно, – удивился Дикштейн.

Хассан улыбнулся.

– Мы из тех людей, которые не рискуют брать на себя такую ответственность, и вы, и я.

– Ну, кое за кого я отвечаю. – Дикштейн подумал о сироте Мотти, с которым он пока так и не кончил «Остров сокровищ».

– Но вы что-то отводите глаза, – подмигнув, бросил Хассан.

– Насколько припоминаю, именно вы были дамским угодником, – смущаясь, напомнил Дикштейн.

– Да, были денечки.

Дикштейн попытался не думать об Эйле. Они доехали до аэропорта, и Хассан остановил машину.

– Спасибо, что подбросили меня.

Хассан повернулся и внимательно взгляделся в него.

– Никак не могу понять, – сказал он. – Вы выглядите моложе, чем в 1947 году.

Дикштейн подал ему руку.

– Простите, что вынужден так спешить. – Он вылез из машины.

– Не забывайте... и звоните, как только будете здесь, – бросил Хассан.

– Всего хорошего. – Дикштейн закрыл дверцу машины и направился в здание аэропорта.

И только тут он позволил себе предаться воспоминаниям.

Через мгновение, достаточное лишь для удара сердца, для четверых в прохладном осеннем саду, все изменилось. Руки Хассана скользнули по телу Эйлы. Дикштейн и Кортоне отпрянули от проема в изгороди и двинулись в другую сторону. Любовники так и не увидели их.

Друзья направились к дому. Их никто не мог услышать, когда Кортоне сказал:

– Господи, ну и горячая штучка.

– Давай не будем говорить на эту тему, – предложил Дикштейн. Он чувствовал себя подобно человеку, который на ходу, глянув через плечо, налетел на фонарный столб: и боль, и ярость, – но ругать некого, кроме самого себя.

К счастью, вечеринка уже заканчивалась. Они ушли, так и не поговорив с обманутым мужем, профессором Эшфордом, который был увлечен беседой со студентом-выпускником. На ленч они пошли к «Джорджу». Дикштейн ел очень мало, но пил пиво.

– Слушай, Нат, – начал Кортоне, – я не понимаю, почему ты воспринимаешь все это так близко к сердцу. Я хочу сказать: ты только что убедился, что она собой представляет, так?

– Да, – ответил Дикштейн, хотя не был согласен с его словами.

Им подали счет больше чем на десять шиллингов, и Кортоне уплатил. Дикштейн проводил его на станцию. Они торжественно пожали руки друг другу, и Кортоне уехал.

Дикштейн несколько часов бродил в парке, почти не замечая холода и пытаясь разобраться в своих чувствах. Он проиграл. Он не испытывал ни зависти к Хассану, ни разочарования в Эйле, ни печали по рухнувшим надеждам, потому что никогда ни на что не надеялся. Но он был потрясен, и сам не мог понять, почему. Он хотел встретить кого-нибудь, с кем мог бы поговорить.

Вскоре после этих событий он направился в Палестину,

хотя отнюдь не только из-за Эйлы.

За последующие двадцать один год рядом с ним так и не появилась ни одна женщина, что опять-таки объясняется далеко не только Эйлой.

По дороге из Люксембургского аэропорта Ясиф Хассан испытывал черную ярость. Так ясно, словно это было вчера, он видел перед собой юного Дикштейна: бледный еврейчик в дешевом пиджачке, худенький, как девочка, всегда слегка сутулящийся, словно ждет, что сзади ему вот-вот врежут, с нескрываемым вожделением глядевший на пышное тело Эйлы Эшфорд и к тому же упрямо доказывавший, что его народ должен обладать Палестиной – хотя этого арабы или нет. И вот теперь Дикштейн живет в Израиле, выращивает виноград, из которого гонит вино: он обрел дом, а Хассан потерял свой.

У Хассана больше не было богатства. Да по арабским стандартам он вообще никогда не был сказочно богат, но всегда имел возможность есть изысканную пищу, шить себе дорогие костюмы, получать лучшее образование, и он невольно усвоил манеры, присущие арабской аристократии. Его дедушка – известный врач – своему старшему сыну дал медицинское образование, а младшего направил в бизнес. Младший, отец Хассана, продавал и покупал ткани в Палестине, Ливане и Трансиордании. Под британским управлением бизнес процветал, а иммиграция сионистов расширила рынок

сбыта. К 1947 году семья обладала магазинами по всему Леванту и владела родной деревушкой около Назарета.

Война 1948 года положила всему конец.

Когда государство Израиль объявило о своем существовании и в его пределы вторглись армии арабских стран, семья Хассана сделала фатальную ошибку, собрав вещи и поспешив в Сирию. Они так никогда и не вернулись. Склады в Иерусалиме сгорели, магазины разрушены или перешли в руки евреев; семейные земли оказались под «управлением» израильского правительства. Хассан слышал, что теперь в его деревне кибуц.

С тех пор отец Хассана так и жил в лагерях беженцев под эгидой ООН. Последняя толковая вещь, что он сделал, было рекомендательное письмо для Ясифа, адресованное его ливанскому банкиру. У Ясифа был университетский диплом и он бегло говорил на безукоризненном английском; банк предоставил ему работу.

Он обратился к израильскому правительству за компенсацией в соответствии с Актом о возвращении земель, но ему отказали.

Посетил семью в лагере он только один раз, но представшее его глазам зрелище осталось на всю жизнь. Его родные жили в сколоченной из обломков хижине и ходили в общественный туалет. Они ничем не отличались от всех прочих и были точно такими же, как тысячи других семей без дома, без цели или надежд на будущее. Увидев своего отца, в

свое время умного, решительного человека, твердой рукой управлявшего своим огромным делом, а сейчас мечтавшего только о еде и проводившего время за игрой в трик-трак, Ясиф пришел в такое состояние, что был готов бросать бомбы в школьные автобусы.

Женщины таскали воду и, как всегда, убирали жилище, а мужчины слонялись по окрестностям лагеря в обносках, ничего не хотя и не желая, мозги их тупели, а тела дряхлели. Подростки или подпирали стены, или ссорились и дрались, пуская в ход ножи, потому что впереди их ничего не ждало, кроме жалкого бесцельного существования под палящим солнцем.

Лагерь беженцев пропах отбросами и отчаянием. Хассан никогда больше не посещал его, хотя продолжал писать матери. Он избежал его ловушки. И если даже то была заслуга его отца, ну что ж, отец помог ему, поскольку он должен был это сделать.

В роли банковского клерка успехи его оказались достаточно скромны. Он был интеллигентен и честен, но его высокомерие не позволило ему предаваться тщательной скрупулезной работе, в ходе которой надо было держать в голове массу указаний и готовить документы в трех экземплярах. Кроме того, сердце его было в другом месте.

Он никогда не позволял себе сетовать на свою судьбу, горевать о потерях. Он нес сквозь жизнь свою ненависть, как тайный груз. Что бы логика ни подсказывала ему, душа го-

ворила: он бросил отца в нужде, когда больше всего был нужен ему, и это чувство вины подпитывало его ненависть к Израилю. Каждый год он надеялся, что арабские армии уничтожат сионистских захватчиков, и каждый раз, когда они терпели поражение, в нем росло и крепло чувство гнева.

В 1957 году он стал работать на египетскую разведку.

Он не считался значительным агентом, но по мере того, как банк расширял свою деятельность в Европе, до него стали доходить обрывки слухов, курсировавших и в его офисе, и вообще в банке. Порой Каир запрашивал его об информации по специфическим темам. Например, о финансах производителей оружия, о еврейских филантропах или арабских миллиардерах; и, если Хассан не мог заглянуть непосредственно в их банковские досье, он получал сведения от своих друзей и деловых контактов. Кроме того, у него было задание присматривать за израильскими бизнесменами в Европе на тот случай, если они окажутся шпионами; именно поэтому он и подошел к Нату Дикштейну и сделал вид, что рад их встрече.

Хассан решил, что история Дикштейна достаточно правдоподобна. Поношенный пиджачок, те самые круглые очки – нет, вид его не вызывал подозрений, и, скорее всего, он в самом деле неудачливый коммивояжер, рекламирующий товар, который никак не мог продать. Тем не менее, предыдущей ночью тут на Рю Дик случилось странное происшествие: двое юношей, известные полиции как мелкие ворюжки, бы-

ли найдены в грязи в совершенно беспомощном состоянии. Хассан узнал все подробности от своего приятеля в городском управлении полиции. Ясно было, что они налетели явно не на ту жертву. Травмы их носили профессиональный характер: человек, который изуродовал их, был, скорее всего, солдатом, полицейским, телохранителем... или агентом. После подобного инцидента имело смысл присмотреться к любому израильтянину, покидающему город.

Доехав до гостиницы «Альфа», Хассан переговорил с портье.

– Я был у вас тут час назад, когда рассчитывался один из гостей, – напомнил он. – Помните?

– Думаю, что да, сэр.

Хассан вручил ему двести люксембургских франков.

– Можете ли вы сказать мне, под каким именем он зарегистрировался?

– Конечно, сэр. – Клерк заглянул в записи. – Эдвард Роджерс, из журнала «Международная наука».

– Не Натаниел Дикштейн?

Клерк терпеливо покачал головой.

– Не могли бы взглянуть, не останавливался ли у вас и Натаниел Дикштейн из Израиля?

– Естественно. – Ему потребовалось несколько минут, чтобы просмотреть стопу бумаг. Возбуждение Хассана росло. Если Дикштейн зарегистрировался под фальшивым именем, значит, он не торговец вином, значит, кем он может

быть иным, как не израильским агентом? Наконец, портье закрыл досье. – Вне всякого сомнения, такого тут не было, сэр.

– Благодарю вас. – Хассан вышел. По пути домой он торжествовал: пустив в ход свою сметку, он выявил нечто действительно важное. Очутившись за столом, он сразу же составил послание:

«Здесь был предполагаемый израильский агент Нат Дикштейн, он же Эд Роджерс. Пять футов шесть дюймов, хрупкого телосложения, темные волосы, карие глаза, возраст около сорока лет».

Закодировав послание, он поставил в начале кодовое слово, означавшее спешность, и послал его по телексу в египетскую штаб-квартиру банка. До адресата оно так и не дошло: увидев дополнительное кодовое слово, почтамт в Каире тут же переадресовал телекс в Управление общих расследований.

Послав телеграмму, он испытал естественный упадок сил. С другого конца не последует никакой реакции, никакой благодарности. Хассану не оставалось ничего другого, как погрузиться в банковскую рутину, стараясь не впасть в сонливость.

И тут Каир вызвал его по телефону. Ничего подобного ранее не случалось. Они ему никогда не звонили. Его сообщение, очевидно, играло более важное значение, чем он мог предполагать. Звонивший желал узнать все подробности о

Дикштейне.

– Я хотел бы убедиться, что это тот самый человек, о котором вы говорите в своем послании. Он носит круглые очки?

– Да.

– И говорит по-английски с акцентом кокни? Можете ли вы определить такой акцент?

– Да, и еще раз да.

– Есть ли у него вытатуированный на предплечье номер?

– Сегодня я его не видел, но знаю, что таковой есть...

Много лет назад я учился с ним в Оксфорде. И я совершенно уверен, что это он.

– Вы знали его? – В голосе из Каира звучало явное удивление. – И эта информация есть в вашем досье?

– Нет, я никогда...

– В таком случае она должна там быть, – гневно прервал его человек. – Как давно вы у нас?

– С 1957 года.

– Тогда понятно... то было в старые времена. О'кей, слушайте. Этот человек очень важный... клиент. Мы хотим, чтобы вы были рядом с ним двадцать четыре часа в сутки, понимаете?

– Не могу, – с отчаянием сказал Хассан. – Он покинул город.

– Куда он направился?

– Я подвез его в аэропорт. И не знаю, куда он улетел.

– Так выясните. Позвоните в аэропорт, спросите на какой

рейс у него был билет и перезвоните мне через пятнадцать минут.

– Я сделаю все, что в моих силах...

– Меня не интересуют ваши силы, – отрезал голос, из Каира. – Мне нужно выяснить, куда он направился, и выяснить до того, как он окажется на месте. Так что не забывайте – вы звоните мне через пятнадцать минут. И чтобы мы вышли на него, мы не должны снова потерять его.

– Я сразу же принимаюсь за дело, – послушно ответил Хассан, но на линии наступило молчание до того, как он закончил предложение.

Он осторожно положил трубку. Как и предполагал, благодарности из Каира он не дождался, но этому можно только радоваться. Внезапно он стал значительным лицом, его труд обратил на себя внимание и теперь они там зависят от него. Ему представилась возможность внести свой вклад в арабское дело, шанс нанести, наконец, ответный удар.

Он снова снял трубку и стал набирать номер телефона аэропорта.

Глава четвертая

Нат Дикштейн решил посетить французскую ядерную станцию по причине своего французского, которым он владел достаточно хорошо, не считая английского, но Англия не входила в Евроатом. До станции он добирался в автобусе в разношерстной компании студентов и туристов. За окном летела запыленная зелень пригородных пейзажей, напоминавших ему больше Галилею, чем Эссекс, на природе которого Дикштейн рос мальчишкой. С тех пор ему довелось много попутешествовать по миру, летая на самых разных самолетах, включая реактивные истребители, но отчетливо помнил то время, когда его горизонты замыкались Парк-Лейн на западе и Саутхендом на востоке. Он также помнил, как внезапно стали раздвигаться эти пределы, когда он стал воспринимать себя мужчиной после дня бар-мицвы и смерти отца. Остальные ребята его лет уже подыскивали себе работу в доках или в типографиях, женились на местных девушках, приобретали дома в четверти мили от обиталищ их родителей и основательно обосновывались там: их желания не простирались дальше того, чтобы вырастить призовую гончую собаку, увидеть, как «Вест-Хэм» победит в финале Кубка, или купить мотоцикл. Молодой Нат мечтал, как он отправится в Калифорнию, Родезию или в Гонконг, станет нейрохирургом, археологом или миллионером. Частично это объ-

яснялось тем, что он был значительно умнее большинства своих сверстников, а частью тем, что для них чужие языки представлялись странными и загадочными, а школьные предметы типа алгебры – пустой тратой времени; но главное различие заключалось в том, что он был евреем. Дикштейн знал – хотя и не мог припомнить, чтобы ему кто-то об этом говорил – что в любом месте рождения евреи старались проложить себе путь для учебы в лучших университетах, что они основывали новые отрасли, например киноиндустрию, становились удачливыми банкирами, юристами и промышленниками; и если они не могли воплотить свои замыслы в стране рождения, то переселялись в другое место и снова пытались. Просто удивительно, думал Дикштейн, вспоминая детство, что народ, которого преследовали из столетия в столетие, был так уверен в своих способностях добиться того, что замыслил. Так что, когда им понадобилась атомная бомба, они создадут ее.

Уверенность в силе этих традиций несколько успокаивала его, но не помогала, когда он размышлял, каким образом ему действовать.

Вдали показались очертания атомной электростанции. Внешняя охрана носила характер, присущий не столько военным, сколько промышленным учреждениям. Строение окружала высокая однорядная изгородь, провода которой не были подключены к высокому напряжению. Пока гид занимался формальностями, Дикштейн заглянул сквозь высокие

ворота: у стражников стояли всего лишь два телеэкрана кругового обзора. Дикштейн подумал: можно при свете дня ввести в ограду человек пятьдесят, прежде, чем охрана что-то заподозрит. Это плохая примета, мрачно подумал он: значит, у них есть основания и другого порядка чувствовать себя столь уверенно.

Он покинул автобус вместе с остальной группой и прошел через расчерченную полосами стоянку к приемному помещению. Тут гости могли познакомиться с привычным образом ядерной энергетики – вокруг простирались ухоженные газоны и пышные цветочные клумбы, стояли ряды аккуратно подстриженных деревьев; все блистало чистотой и ухоженностью. Обернувшись к воротам, Дикштейн увидел, как на дорогу вырулил серый «Опель». Один из сидящих в нем заговорил с охранником, который подошел к машине, чтобы показать им направление. Внутри машины что-то блеснуло на солнце.

Вместе с группой Дикштейн проследовал в холл. В стеклянной витрине хранился внушительный трофей за победу футбольной команды станции. На стенах висели аэроснимки предприятия. Дикштейн остановился перед ними, вспоминая детали, смутно представляя, как он может попасть сюда, тем более, что из головы у него почему-то не выходил серый «Опель».

Затем в сопровождении четырех симпатичных девушек в аккуратных мундирчиках группа направилась непосред-

ственно на энергостанцию.

Дикштейна не интересовали ни могучие турбины, ни контрольная система космического века с бесконечными рядами шкал и выключателей, ни система очистки воды, которая, давая приют рыбам, потом опять возвращалась в реку. Он прикидывал, не из-за него ли появился тут серый «Опель» и если да, что было тому причиной.

Особенно его заинтересовала система доставки. Он спросил у сопровождающей девушки:

– Как поступает сюда ядерное топливо?

– На машинах, – лукаво ответила она. Кое-кто из группы нервно засмеялся, представляя, как через эти мирные пейзажи на машинах везут уран. – Это не опасно, – продолжила гид, переждав ожидаемый смех. – Пока уран не загружен в атомный котел, он не радиоактивен. Из кузовов машин он сразу же поступает в хранилище-элеватор и поднимается на склад на седьмом этаже. И там уже царствует сплошная автоматика.

– А как вы проверяете количество и качество поступлений? – допытывался Дикштейн.

– Проверка проводится на фабрике ядерного топлива. Груз поступает сюда под печатями и проверяется только их сохранность.

– Благодарю вас, – с удовлетворением кивнул Дикштейн. Система далеко не столь жесткая, как убеждал его мистер Пфаффер из Евроатома. У него в голове смутно стали выри-

совываться наметки одного из планов.

Они посмотрели в действии загрузочный агрегат, который снабжал реактор, действуя исключительно на дистанционном контроле.

Девушка-гид, изъяснявшаяся на изысканном парижском диалекте, воркующим голосом объяснила им:

– Реактор включает в себя три тысячи каналов, в каждом из которых находятся до восьми ядерных стержней. Каждый из них служит от четырех до восьми лет. Загрузочная машина в ходе каждой операции обновляет содержимое пяти каналов.

Они отправились полюбоваться прудами системы охлаждения. Под двадцатифутовым слоем воды размещались отработанные стержни, после пребывания в которой, они, остывшие, но все еще высокорadioактивные, укладывались в пятидесятитонные свинцовые контейнеры, по двести элементов в каждом, для транспортировки до восстановительного предприятия.

Когда гид подала им в холле кофе и закуску, Дикштейн прикинул, что ему удалось узнать. Есть возможность раздобыть отработанное топливо, хотя ему был нужен плутоний. И ясно, почему никто не предполагал такого варианта событий. Достаточно легко угнать машину – он бы и сам в одиночку мог это сделать, но как вытащить из страны пятидесятитонный контейнер и переправить его в Израиль, да еще так, чтобы никто этого не заметил?

Украсть уран с энергостанции не представлялось ему многообещающей идеей. Конечно, охрана никуда не годилась, о чем говорил тот факт, что ему удалось спокойно попасть сюда, подключиться к группе и увидеть достаточно много. Но ядерные стержни внутри станции находились под неусыпным контролем автоматики, за которой следил дистанционный контроль. Единственное место, откуда их еще можно было извлечь, – система охлаждения: затем он снова стал размышлять над проблемой, как переправить огромный контейнер с радиоактивными материалами через один из европейских портов.

Должен быть и способ, с помощью которого можно проникнуть в хранилище радиоактивных материалов, прикинул Дикштейн: значит, предстоит вручную погрузить топливо на транспортер, спустить его вниз, перегрузить в кузов машины и уехать: но такая схема предполагала, что придется обезоружить и какое-то время держать под прицелом часть или весь персонал станции, а к этому он относился с предубеждением.

Молодой инженер начал рассказывать о системе ядерной безопасности. На нем были мятые брюки и грубошерстный свитер. Ученые и инженеры предпочитают именно такой внешний облик, заметил Дикштейн, подбирая себе одежду старую, но обмятую по фигуре, и удобную, а если многие из них носят бороды, то это, скорее, признак равнодушия к своему внешнему виду, чем тщеславия. Он предположил,

что в сфере их деятельности значение придается не столько внешнему виду личности, сколько ее мозгам, так что тут нет смысла стараться произвести хорошее внешнее впечатление. Но, может быть, у него несколько романтический взгляд на науку.

Дикштейн снова вернулся к проблеме похищения урана. Необходимость обеспечения полной секретности сводила на нет все планы, которые приходили ему в голову. Может быть, весь этот замысел обречен на неудачу. Как бы там ни было, то, что невозможно – невозможно. Нет, он слишком быстро пришел к этому выводу. Он снова стал размышлять об основных принципах.

Он может перехватить груз в пути, что стало ему сегодня ясно во время осмотра предприятия. Ядерные элементы тут не пересчитываются и не контролируются: они сразу же вводятся в систему. Он может перехватить грузовой фургон, изъять уран, снова запечатать упаковку и подкупить или запугать водителя грузовика, который доставит контейнеры. Поддельные элементы, которыми он заменит настоящие, постепенно будут загружаться в реактор, примерно в течение месяца, по пять за раз. Наконец, выход энергии из реактора заметно упадет. Начнется выяснение. Проведут анализ топливных элементов. Может быть, ничего не удастся выяснить, пока поддельные элементы не будут извлечены из реактора и их место не займут подлинные, что сразу же даст скачок выхода энергии. Может быть, никто ничего так и не поймет,

пока поддельные элементы не попадут на предприятие и не выяснится, что в них практически нет плутония, а к тому времени пройдет от четырех до семи лет, и след, ведущий в Тель-Авив, будет невозможно проследить.

Но вероятнее всего, все выяснят гораздо быстрее. И по-прежнему существует проблема, как вывезти груз из страны.

Тем не менее, у него появился хоть какой-то замысел, и он почувствовал себя несколько веселее.

Лекция кончилась. Последовало несколько незначительных вопросов, и группа потянулась обратно к автобусу. Дикштейн сел на заднее сидение. Женщина средних лет заметила ему: «Это мое место», но он уставился на нее таким невозмутимым взглядом, что она предпочла исчезнуть.

По пути от ядерной станции Дикштейн то и дело поглядывал в заднее стекло. Примерно через милю пути из-за поворота вынырнул серый «Опель» и пристроился за автобусом. Хорошее настроение Дикштейна сошло на нет.

Итак, его засекли. Это произошло то ли здесь, то ли в Люксембурге, скорее всего там. Это мог быть Ясиф Хассан – нет никаких причин, по которым он не мог быть агентом – или кто-то еще. Они могли следить за ним и из чистого любопытства, потому что не было – не было ли? – никаких оснований предполагать, что им известно, с какой целью он тут очутился. Теперь ему предстояло оторваться от преследователей.

Он провел весь день, исколесив городок рядом с атомной

станцией вдоль и поперек, для чего пользовался автобусом и такси, взятой напрокат машиной, без усталости ходил пешком. К концу дня он определил, что за ним следят пять человек и три машины – серый «Опель», маленький, покрытый грязью пикап и «Форд» немецкого производства. Люди несколько смахивали на арабов, но в этой части Франции многие преступники были выходцами из северной Африки и кто-то мог нанять их себе в помощь.

На следующий день он покинул город и вырулил на автотрассу. Несколько миль за ним следовал «Форд», который потом уступил место серому «Опелю». В каждой машине сидело по два человека. Еще двое были в пикапчике, плюс один в гостинице.

«Опель» по-прежнему держался за ним, когда он, наконец, нашел пешеходный мостик через дорогу в таком месте, где не было перекрестков с автотрассой в том и другом направлении. Глянув из-за плеча, Дикштейн остановил машину, вылез и поднял капот. Несколько минут он стоял, склонившись над двигателем. Серый «Опель» исчез впереди, а через минуту показался «Форд», который, проследовал вперед и стал ожидать у разворота, а по другой стороне дороги проследовал «Опель», дабы убедиться, чем он занимается. Именно так учебники писали, как будет развиваться ситуация.

Дикштейну оставалось лишь надеяться, что слежка будет выполняться строго по учебнику, в противном случае его

схема могла не сработать.

Он вынул из багажника складной треугольный знак предупреждения и поставил на отдалении от заднего бампера.

По другой стороне трассы проследовал серый «Опель».

Они действовали точно по учебнику.

Дикштейн прошелся по обочине.

Уйдя от трассы, он поймал первый автобус и добрался до города. По пути ему попались на глаза все три машины, следившие за ним. Он позволил себе несколько преждевременно насладиться ощущением триумфа: они попались.

Взяв в городе такси, он вернулся к своей машине, но по другой стороне трассы. «Опеля» не было видно, но «Форд» стоял на обочине в паре сотен ярдов сзади.

Дикштейн кинулся бежать.

После нескольких месяцев работы на свежем воздухе в кибуце он был в хорошей форме. Он промчался до пешеходного мостика, пересек его и стал взбираться по откосу на другой стороне дороги. Тяжело дыша и обливаясь потом, через три минуты он оказался рядом со своей машиной. Один из пассажиров «Форда» выскочил из машины и побежал за ним. «Форд» снялся с места. Преследователь повернулся, на ходу впрыгнул в машину.

Дикштейн уже сидел в салоне. Машина, следившая за ним, теперь оказалась на другой стороне трассы, и им придется отмахать порядочный кусок до следующего разворота, где смогут вырлиться на другую половину дороги и последо-

вать за ним. При скорости шестьдесят миль в час этот путь займет у них минут десять: что означает, у него есть, как минимум, пять минут гандикапа. Засечь его им не удастся.

Вырулив на трассу, он направился в сторону Парижа, напевая мелодию, которая всплыла вместе с воспоминаниями о футбольном стадионе в Вест-Хэме: «Спокойнее, спокойнее, спо-о-о-койнее».

В Москве возникла жуткая паника, когда там услышали об арабской атомной бомбе.

Министерство иностранных дел паниковало потому, что не слышало о ней раньше, КГБ сходил с ума из-за того, что они узнали о ней не первыми, а в кабинетах руководства партии стоял переполох в силу того, что им меньше всего хотелось присутствовать при еще одной ссоре между Министерством иностранных дел и КГБ, предыдущая из которых превратила жизнь в Кремле на одиннадцать месяцев в суший ад.

К счастью, путь, которым пошли египтяне, позволял в какой-то мере прикрыть тылы. Египтяне подчеркнули, что с дипломатической точки зрения они не обязаны сообщать союзникам о своих тайных проектах и что техническая помощь, о которой они просят, отнюдь не играет для них решающего значения. То есть, отношение их было примерно таким: «Да, кстати, мы строим ядерный реактор, чтобы раздобыть немножко плутония, сделать атомную бомбу и стереть Израиль с лица земли, так что не можете ли нам по-

содействовать?» С соблюдением всех дипломатических тонкостей и любезностей, это сообщение было невзначай, словно упущенная и вновь пришедшая в голову мысль, подано в завершение обычной встречи между египетским послом и заместителем начальника ближневосточного отдела Министерства иностранных дел.

Заместитель начальника отдела, услышавший эту просьбу, тщательно обдумал, как ему поступить с информацией. Первой его обязанностью, естественно, было тут же сообщить ее своему шефу, который, в свою очередь, передаст ее руководству. Так что вся «прибыль» от этой новости пойдет его шефу, который также не упустит вставить палки в колеса КГБ. Нет ли у него самого возможности как-то использовать преимущества, которые предоставляет ему эта ситуация?

Он знал, что самый лучший способ проложить себе путь в Кремль – это поставить КГБ в такое положение, что он будет ему чем-то обязан. Теперь у него была возможность оказать ребятам оттуда большую услугу. Если он предупредит о словах египетского посла, у них будет время сделать вид, что, мол, они все знали об арабской бомбе и вот-вот были готовы сами выложить эту новость.

Накинув плащ, он вышел позвонить своему приятелю в КГБ из телефона-автомата на тот случай, если его телефон прослушивается – и только тут понял, как глупо себя ведет, потому что хочет звонить в КГБ – именно тем, кто повсеместно прослушивает все телефоны; так что снял плащ и по-

звонил со своего служебного телефона.

Работник КГБ, с которым он переговорил, так же отлично знал, как работает эта система. В новом здании КГБ на Московской кольцевой дороге его сообщение вызвало огромный переполох. Первым делом он позвонил секретарше своего босса и попросил ее организовать с ним срочную встречу минут на пятнадцать. Пока ему удалось избежать необходимости говорить с самим шефом. Он спешно сделал еще с полдюжины телефонных звонков и погнал секретарш и курьеров по всему зданию в поисках досье и памятных записок. Сильной чертой его шефа было то, что он действовал строго по предписанному расписанию. И так получилось, что повестка дня очередной встречи политического комитета по Ближнему Востоку была составлена в предыдущий день и сейчас размножалась. Он затребовал ее себе и в верхнюю часть листа вставил новый пункт: «Последние события в египетских вооруженных силах – специальное сообщение», за которым в скобках следовала его фамилия. Оставалось отдать размножить новую повестку дня, сохранив предыдущую дату, и к полудню она уже пошла из рук в руки по всем заинтересованным отделам и управлениям.

Теперь, убедившись, что для половины коллег в Москве его имя накрепко будет связано с новостью, он отправился к своему шефу.

В тот же самый день пришли не такие ошеломительные известия. Как часть привычного обмена информацией меж-

ду египетской разведкой и КГБ, Каир прислал сообщение, что в Люксембурге был замечен израильский агент Нат Дикштейн, который ныне находится под наблюдением. В силу сложившихся обстоятельств, этому сообщению не было уделено то внимание, которого оно заслуживало. Только у одного человека в КГБ зародилось смутное подозрение, что эти две информации могут быть как-то связаны.

Его имя – Давид Ростов.

Отец Давида Ростова был дипломатом незначительного ранга, чья карьера затормозилась из-за отсутствия связей, особенно в секретных службах. Учитывая это обстоятельство, его сын с безукоризненной логикой, которая вообще отличала весь его жизненный путь, вступил в организацию, которая тогда называлась НКВД, а потом стала известна под именем КГБ.

Он уже являлся тайным агентом, когда очутился в Оксфорде. В те идеалистические времена, когда Россия победила в великой войне, а размах сталинских чисток еще не был осознан, крупнейший английский университет представлял собой плодородное поле, на котором собирала урожай советская разведка. На долю Ростова выпала пара удач, и один из завербованных им тогда агентов, слал секреты из Лондона еще в 1968 году. Нат Дикштейн был одной из его неудач.

Молодой Дикштейн, как припоминал Ростов, придерживался своеобразных социалистических взглядов, и его личные качества как нельзя лучше подходили для шпионской

работы: сдержан, умен, проницателен и недоверчив. Ростов припомнил споры о судьбах Ближнего Востока с ним, профессором Эшфордом и Ясифом Хассаном в бело-зеленом домике над рекой. А долгий шахматный матч Ростов – Дикштейн велся не на шутку.

Но в глазах Дикштейна отнюдь не пылал огонь идеализма. И дух его был чужд евангелической чистоты. Он держал при себе свои убеждения, был тверд в них, но отнюдь не горел желанием переустраивать весь мир. Таковы же были и большинство ветеранов, прошедших войну. Ростов мог сколько угодно закидывать наживки – «Но, конечно же, если ты в самом деле хочешь бороться за социализм во всем мире, ты должен работать на Советский Союз», – на что ветеран ответил бы одним словом: «Дерьмо!»

После Оксфорда Ростов работал в советских посольствах в Риме, Амстердаме, Париже. Он не расстался с КГБ и перейдя на дипломатическую службу. Со временем он понял, что не обладает той широтой политического кругозора, который мог бы сделать из него государственного мужа, какого и хотел видеть в нем отец. Фанатичность, свойственная ему в юности, испарилась. Он по-прежнему предпочитал думать, что социализм, скорее всего, станет политической системой будущего, но символ веры больше не сжигал его пламенем страсти. Он верил в коммунизм, как большинство верит в Бога, но не был бы очень изумлен или разочарован, если бы выяснилось, что он ошибся, тем более, что это не имело ни-

какого значения для его образа жизни.

Возмужав, он сузил пределы своих амбиций, но воплощал их с большей энергией. Он стал специалистом высшего класса, мастером обманных жестоких игр в столкновении разведок разных стран, к тому же – что в СССР было столь же важно, как и на Западе – он понял, как надо манипулировать бюрократией, чтобы извлекать максимум пользы из своих успехов.

Первое Главное Управление КГБ являлось чем-то вроде головного учреждения, ответственного за сбор и анализ информации. Большинство полевых агентов числились за Вторым Главным Управлением, самым большим отделом в КГБ, который занимался подрывной работой, саботажем, диверсиями, экономическим шпионажем и так далее. Третье Управление, известное под именем СМЕРШ, которое и обеспечило ей мрачную репутацию на Западе, занималось контрразведкой и специальными операциями, и на него работали самые отважные, умные и безжалостные агенты в мире.

Ростов числился среди звезд Третьего.

Он получил звание полковника. Награду ему вручили за освобождение осужденного агента из британской тюрьмы Уормвуд Скрап. С течением времени он обзавелся женой, двумя детьми и любовницей на двадцать лет младше его – белокурая скандинавская богиня из Мурманска и самая восхитительная женщина из всех, кого он когда-либо встречал. В браке его темперамент давно уже стих, но существова-

ло нечто другое: привязанность, партнерство и дружба, надежность и тот факт, что Мария по-прежнему оставалась единственным человеком в мире, которая могла заставить его безудержно, до конвульсий, хохотать. И были еще дети: Юрий Давидович, студент Московского государственного университета, страстный поклонник битлов и собиратель их пластинок; и Владимир Давидович, молодой гений, которого уже считали потенциальным чемпионом мира по шахматам. Владимир сдавал конкурсные экзамены в престижную физико-математическую школу номер 2, и Ростов не сомневался, что он попадет туда и успешно кончит ее, чему порукой были его способности, да и то небольшое влияние, которым он пользовался, как полковник КГБ.

Ростов занимал довольно высокое положение в среднем слое советской аристократии, но предполагал, что может подняться еще выше. Во всяком случае, его жене не приходилось стоять в очередях с сумкой – она покупала в магазинах «Березка» вместе с элитой; у них была большая квартира в Москве и дачка в Прибалтике; но Ростов хотел «Волгу» с водителем и вторую дачу на Черном море, куда он мог бы привозить Ольгу; приглашения на закрытые просмотры упаднических западных фильмов; чтобы у него было право лечиться в Кремлевке, когда начнет сказываться возраст.

Ныне карьера его стояла на перепутье. В том году ему исполнилось пятьдесят лет. Почти половину жизни он провел за письменным столом в Москве, а другую половину – на за-

рубежной работе с небольшим отрядом своих оперативников. Он был уже старше большинства агентов, работающих за границей. И ему предстояло выбрать одно из двух направлений. Если он замедлит свое продвижение вверх и позволит забыть о своих прежних победах, его карьера завершится чтением лекций будущим агентам КГБ в специальной школе номер 311 под Новосибирском. Если он будет делать точные ходы в игре разведок, ему светит административная работа высокого уровня, он будет введен в состав одного или двух комитетов, и вот тут-то у него будут и «Волга», и дача на Черном море.

В течение двух или трех последних лет он жаждал сделать решительный рывок, повернуть какое-нибудь громкое дело. И когда к нему пришли новости о Нате Дикштейне, он прикинул, не тут ли кроется его шанс.

Он наблюдал за карьерой Дикштейна с ностальгическим восхищением учителя математики, чей самый блестящий ученик решил пойти в школу искусств. Еще будучи в Оксфорде, он услышал историю об угнанном судне с оружием и по своей инициативе стал вести досье на Дикштейна. Из досье непреложно ясно вытекало, что Дикштейн ныне был одним из самых выдающихся агентов Моссада. Если бы Ростов мог доставить домой его голову на блюдечке, будущее было бы обеспечено.

Но Ростов исключительно тщательно планировал все операции. Он был отнюдь не из тех людей, которые руководству-

ются лозунгом «слава или смерть»: скорее наоборот. Один из его самых важных талантов заключался в умении исчезнуть со сцены, когда обстоятельства складывались не в его пользу. Соперничество с Дикштейном вряд ли будет легким делом.

Политический комитет по Ближнему Востоку собрался, дабы обсудить ситуацию с арабской атомной бомбой. Комитет состоял из двенадцати членов, двое из которых были в настоящее время за границей, один болен, а один ухитрился попасть в автоаварию как раз в день встречи. Впрочем, сути это не меняло. Имело значение мнение только трех человек: одного из Министерства иностранных дел, одного из КГБ и того, кто представлял руководство партии. Среди внештатных сотрудников комитета был и шеф Давида Ростова, который просто коллекционировал членство в самых разных комитетах, исходя из принципа, что каши маслом не испортишь; Ростов присутствовал в роли его помощника. (Он понимал, что его присутствие может оказать содействие в его продвижении вверх.)

КГБ был против арабской бомбы, потому что власть его и влияние носили скрытый характер, а наличие бомбы вынудит принимать решения в высоких сферах, вне пределов досягаемости КГБ. По этой же причине в бомбе было заинтересовано Министерство иностранных дел – бомба заставит активно включиться в дело, его влияние вырастет. Секрета-

риат партии был против бомбы, ибо, если арабы одержат на Ближнем Востоке решительную победу, что там останется делать СССР?

Дискуссия открылась чтением сообщения КГБ «Последние события в египетских вооруженных силах – специальное сообщение». Ростов прекрасно понимал, что вокруг единственного факта, достойного внимания, накручено масса ахинеи, ерунды и предположений – но чтение всей этой мешанины заняло минут двадцать. Он и сам не раз составлял такие документы.

Чиновник из Министерства иностранных дел в очередной раз длинно и нудно изложил свою интерпретацию советской политики на Ближнем Востоке.

Всем настолько наскучило повторение общеизвестных истин, что в дальнейшем дискуссия обрела неформальный характер: разговор шел обо всем и ни о чем, пока шеф Ростова не буркнул:

– Да, но, черт побери, мы же не можем давать атомную бомбу этим долбаным психам.

– Согласен, – сказал человек из секретариата ЦК, который одновременно председательствовал на заседании комитета. – Если у них будет бомба, они ее обязательно пустят в ход. Что вынудит американцев атаковать арабов, с атомным оружием или без него – и я бы сказал, что они его используют. Тогда Советскому Союзу придется выбирать одно из двух: или бросить своих союзников или начинать третью ми-

ровую войну.

– Еще одна Куба, – пробормотал кто-то.

Человек из МИДа:

– Ответом на эту ситуацию может быть договор с американцами, по которому обе стороны примут на себя обязательство ни при каких условиях не применять ядерное оружие на Ближнем Востоке. И если они уж начали работу над этим проектом, она займет у них лет двадцать пять, не меньше.

– А если арабы все-таки бросят бомбу, – осведомился человек из КГБ, – не будет ли это считаться нарушением договора с нашей стороны?

Вошла женщина в белом передничке, вкатив столик с чайным сервизом, и комитет сделал перерыв. Человек из секретариата ЦК расположился рядом со столиком; держа чашку в руке и набив рот фруктовым пирожным, он рассказывал анекдот: «Был такой капитан КГБ, чей сын-идиот никак не мог понять смысла, что такое партия. Родина, Союз и народ. И капитан говорил мальчишке, что, мол, твой отец – это партия, мать – Родина, бабушка – Союз, а сам он – народ. А мальчишка все не понимает. Отец разозлился и запер его в шкафу в родительской спальне. Он так и сидел там до ночи, когда родители стали трахаться. И пацан пригляделся к замочной скважине и завопил: «Теперь я все понял! Партия трахает Родину, пока Союз спит, а народ стоит и страдает!»

Все дружно расхохотались. Официантка чуть качнула го-

ловой с насмешливым отвращением. Ростову уже доводилось слышать этот анекдот.

Когда комитет неохотно вернулся к работе, именно представитель ЦК задал критический вопрос:

– Если мы откажемся предоставить египтянам техническую помощь, о которой они просят, смогут ли они сами сделать бомбу?

Человек из КГБ:

– У нас нет еще достаточно информации, чтобы дать утвердительный ответ. Тем не менее, я осторожно расспросил одного из наших ученых, работающих в этой области, и выяснил, что сделать примитивную бомбу не представляет больших трудностей с технической точки зрения – во всяком случае, не больше, чем при создании обыкновенной бомбы.

Человек из МИДа бросил:

– Я думаю, мы должны исходить из предположения, что они могут создать ее и без нашей помощи, разве что это займет несколько больше времени.

– Я могу высказать свое собственное предположение, – резко бросил представитель партии.

– О, конечно, – смешалось Министерство иностранных дел.

Человек из КГБ продолжил:

– Их единственная серьезная проблема заключается в получении достаточного количества плутония. А вот имеется ли он у них или нет, мы пока так и не знаем.

Давид Ростов слушал все происходящее с большим интересом. По его мнению, было только одно решение, которое в силах принять комитет. И, наконец, председатель выразил именно его точку зрения.

– Моя оценка ситуации следующая, – начал он. – Если мы поможем египтянам создать свою бомбу, мы продолжим и укрепим нашу убедительную ближневосточную политику, мы усилим свое влияние в Каире и окажемся в положении, когда сможем осуществлять какой-то контроль над использованием бомбы. В случае же отказа в помощи, мы тем самым отдалимся от арабов и, возможно, окажемся в ситуации, когда у них будет на руках бомба, но мы никоим образом не будем контролировать ее.

– Другими словами, – подытожил чиновник из МИДа, – если уж они так и так обзаведутся бомбой, лучше, чтобы на спусковой кнопке лежал русский палец.

Бросив на него раздраженный взгляд, председатель продолжил:

– Следовательно, мы можем рекомендовать Секретариату ЦК следующее: египтянам следует оказать техническое содействие при создании их собственного ядерного реактора, и эта помощь неизменно должна быть связана с возможностью для советского персонала осуществлять конечный контроль над подобным вооружением.

Ростов позволил себе лишь смутный намек на улыбку: именно такой вывод он и предполагал.

– Так и поступим, – одобрил представитель Министерства иностранных дел.

– Поддерживаю, – высказался КГБ.

– Все согласны?

Все были согласны.

Комитет перешел к следующему вопросу повестки дня.

И только по окончании встречи Ростова поразила мысль: если фактически египтяне не в состоянии сделать бомбу без посторонней помощи – например, из-за отсутствия достаточного количества урана – то они блистательно провели операцию блефа с русскими, заставив тех предоставить им необходимую помощь.

Ростов любил свою семью, но воспринимал ее в небольших дозах. Он искренне любил Юрия, старшего, несмотря на его увлечение дешевой музыкой и подозрительное пристрастие к диссидентской поэзии, но Владимир, младший, был подлинной радостью его. Малышом Владимир был настолько обаятелен, что люди принимали его за девочку. С самого начала Ростов прививал сыну правила логических игр, говорил с ним сложными предложениями, рассказывал ему о географии далеких стран, обустройстве машин и механизмов, о принципах работы радио, телевизоров и других аппаратов: он знал, как растут цветы, откуда берется вода на земле и как работают политические партии. В каждом классе он был среди лучших учеников – хотя наконец-то, думал Ростов, он сможет найти себе равную среду во 2-й физико-математиче-

ской школе.

Ростов понимал, что хочет увидеть в своем сыне воплощение тех амбиций и намерений, которые ему самому не удалось. К счастью, его установки совпадали с желаниями сына – стать Большим Человеком.

Добираясь домой по заполненным машинами улицам, Ростов предвидел, что его ожидает дома спокойный, но скучный вечер. Они вчетвером поужинают, а потом будут смотреть телесериал о героическом русском разведчике, который одурачивает ЦРУ.

Ростов припарковал машину на тротуаре перед домом. Здесь жили чиновники высшего ранга, примерно половина которых владела такими же машинами, как у него, но гаража при доме не было. По московским стандартам, квартира у него считалась обширной: и у Юрия, и у Владимира было по своей комнате, и никому не приходилось спать в гостиной.

Когда он вошел в квартиру, то ссора была в самом разгаре. Он услышал высокий сердитый голос Марии, потом звук, словно что-то сломалось – и крик; затем услышал, как Юрий грязно обругал мать. Рывком распахнув дверь кухни, Ростов с мрачным, как грозовая туча, лицом застыл на пороге, по-прежнему держа дипломат в руке.

Мария и Юрий стояли лицом друг к другу по обе стороны кухонного стола; она была в редком для себя разъяренном состоянии и вот-вот разразится слезами в истерике, он же, угловатый подросток, весь ошетинился и переполнился

ненавистью. Между ними лежала гитара Юрия, сломанная у перемычки грифа. Мария расколотила ее, мгновенно понял Ростов, и тут же сообразил, что не это явилось причиной ссоры.

Оба сразу же обратились к нему.

– Она сломала мою гитару!

– Он навлекает позор на семью своей дурацкой музыкой.

И тут Юрий опять грязно обозвал мать.

Ростов бросил дипломат, сделал шаг вперед и ударил мальчишку по лицу.

От силы удара Юрий отлетел назад, и его щека зарделась от боли и унижения. Сын такой же высокий, как и отец, и шире в плечах, и с тех пор, как сын из мальчишки стал юношей, Ростов никогда не бил его. Юрий кинулся к нему и если бы его кулак попал в цель, то сбил бы Ростова с ног. Инстинктивным движением, выработанным годами тренировок. Ростов уклонился в сторону и спокойно уложил Юрия на пол.

– Вон из дома, – тихо сказал он. – Вернешься, когда будешь готов извиниться перед матерью.

Юрий вскочил на ноги.

– Никогда! – выкрикнул он. И выбежал, хлопнув дверью.

Повесив плащ и шляпу, Ростов сел за кухонный стол. Сломанную гитару он осторожно положил на пол. Мария налила чай и подала ему; руки у него тряслись, когда он взял чашку. Наконец, он спросил:

– Что тут, в конце концов, произошло?

– Владимир провалился на экзамене.

– Владимир? Какое отношение он имеет к гитаре Юрия?

Что за экзамен?

– В физматшколу. Он не прошел.

Ростов тупо смотрел на нее.

– Я была так расстроена, а Юрка смеялся... ты знаешь, он слегка ревнует к младшему брату – а затем стал играть эту западную музыку, и я подумала, дело не в том, что Владимир недостаточно толковый... дело в том, что у его семьи не хватает влияния, может быть, нас сочли недостойными из-за Юрки, из-за его взглядов, его музыки, я понимала, что это глупо, но, разозлившись, я сломала его гитару.

Ростов больше не слушал ее. Владимир не прошел? Неве-
роятно. Мальчик умнее своих учителей, на несколько голов
выше требований обыкновенной школы, они не могли зава-
лить его. Физматшкола была учебным заведением для особо
одаренных детей. Кроме того, мальчик сказал, что экзамены
не представляют трудностей, он был уверен в успехе на сто
процентов, и он всегда знал, как сдает экзамены.

– Где он? – спросил Ростов у жены.

– В своей комнате.

Пройдя по коридору, Ростов постучал в дверь спальни.
Никто не ответил. Он вошел в комнату. Владимир сидел на
кровати, уставившись в стенку, лицо у него покраснело и
опухло от слез.

– Как, по-твоему, ты сдал? – спросил Ростов. Владимир

поднял глаза на отца, и на лице его читалось детское непонимание всего случившегося.

– На сто процентов, – сказал он, протягивая несколько листов бумаги. – Я помню все вопросы. И помню свои ответы. Я проверил все дважды: без ошибок. И я сдал за пять минут до окончания срока.

Ростов повернулся уходить.

– Ты мне не веришь?

– Конечно, верю, – ответил Ростов.

Он направился в гостиную, где стоял телефонный аппарат. Набрал номер школы. Завуч по-прежнему был на работе.

– Владимир полностью ответил на все вопросы, – сказал Ростов.

У завуча был мягкий извиняющийся голос.

– Прошу прощения, товарищ полковник. Сюда стремятся попасть много весьма талантливых юношей...

– И все они стопроцентно выдерживают испытания?

– Боюсь, что не могу разглашать...

– Вы знаете, кто я такой, – коротко сказал Ростов. – И вы знаете, что я могу и сам все выяснить.

– Товарищ полковник, я уважаю вас и хотел бы, чтобы ваш сын учился в нашей школе. Прошу вас, не причиняйте себе неприятностей, поднимая шум вокруг этой ситуации. Если ваш сын будет поступать в будущем году, у него отличные шансы попасть в нашу школу.

Люди, как правило, не предупреждают полковника КГБ, что он может причинить себе неприятности. Ростов начал догадываться, в чем дело.

– Но он в самом деле получил круглые...

– Многие абитуриенты также получили круглые пятерки по письменным работам...

– Благодарю вас, – Ростов все понял и повесил трубку.

Так. Кто-то дернул за соответствующие ниточки. И менее талантливые дети попали в эту школу, потому что их папы пользуются большим влиянием. Ростов сдержал приступ гнева. Не стоит злиться на систему, сказал он себе: постарайся использовать ее.

И у него были кое-какие ниточки, за которые он мог бы дернуть.

Сняв трубку, он позвонил своему шефу Феликсу Воронцову домой. Феликс дал ему понять, что он несколько удивлен, но Ростов не обратил на это внимание.

– Слушай, Феликс, мой сын не прошел в физматшколу.

– Сочувствую. Но ведь не могут же все туда попасть.

Это был не тот ответ, который он ожидал услышать. Наконец, Ростов обратил внимание на тон Воронцова.

– Что ты имеешь в виду?

– Моего сына приняли.

Несколько мгновений Ростов молчал. Он даже не знал, что сын Феликса тоже подавал заявление. Мальчик, конечно, не глуп, но Владимир на две головы умнее его. Ростов

собрался.

– Тогда разреши мне первым поздравить тебя.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарил Феликс. – Кстати, с каким делом ты звонишь?

– Ну... в общем-то я не хотел мешать вашему празднику. Дело может подождать и до завтра.

– Ладно. Пока.

Ростов осторожно поставил телефон на пол. Если сын какого-то политика или бюрократа может попасть в такую школу лишь потому, что кто-то где-то нажал на кнопки, Ростов с этим не смирится: на каждого есть досье, и в них полно грязи. Единственные, к кому он не мог подобраться, были офицеры КГБ, старше его по рангу и положению. Так что у него нет путей справиться с неудачей этого года.

Значит, Владимир будет поступать в следующем году. И снова может случиться то же самое. Но к этому времени он уже обретет такое положение, что Воронцовы и иже с ними не смогут отодвинуть его в сторону. В будущем году все будет выглядеть по-другому. Первым делом, для начала, он заглянет в досье этого завуча. У него будет полный список абитуриентов, и он назубок будет знать всех, кто может представлять какую-то угрозу. Он поставит на прослушивание телефоны и будет перлюстрировать почту, но выяснит, кто и как давит на приемную комиссию.

Но, главное, он должен обрести неколебимое и прочное положение. И теперь он понял, что предположения, как бу-

дет развиваться его карьера, оказались ошибочными. Если она пойдет этим путем, звезда его быстро закатится.

Надо приводить в действие тот замысел, который он старательно разрабатывал в течение последних двух-трех лет.

Немного погодя вошла Мария и молча села рядом с ним. Она принесла ему на подносе поесть и спросила, хочет ли он смотреть телевизор. Он покачал головой и отставил еду в сторону. И немного погодя она тихо пошла спать.

Юрий пришел ближе к полуночи, слегка выпившим. Войдя в гостиную, он включил свет и удивился, увидев сидящего тут отца. Он испуганно сделал шаг назад.

Встав, Ростов смотрел на своего старшего сына, вспоминая, какие страдания терзали его самого в годы отрочества, когда он маялся приступами неопределенного гнева, и ему казалось, что он четко различает, что хорошо и что плохо, как резко он испытывал унижение и как медленно к нему приходили знания.

– Юра, – сказал он, – я хотел бы извиниться за то, что ударил тебя.

Юрий разразился слезами.

Ростов обнял его за широкие плечи и проводил сына в его комнату.

– Мы оба были неправы, ты и я, – продолжил он. – И твоя мать. Скоро я снова уезжаю за границу и привезу тебе новую гитару.

Он хотел было поцеловать сына, но, поскольку у них был

принят западный стиль общения, побоялся сделать это. Мягким толчком он отправил его в спальню и прикрыл за ним дверь.

Вернувшись в гостиную, он понял, что за последние несколько минут план обрел у него в мозгу четкие очертания. Он снова уселся в кресле, на этот раз с мягким карандашом в руках и листом бумаги и стал набрасывать текст памятной записки.

«КОМУ. Председателю Комитета Государственной Безопасности.

ОТ КОГО. Начальника отдела европейского отделения.

КОПИЯ: Руководителю европейского отделения.

ДАТА: 24 мая 1968 года.

Товарищ Андропов:

Руководитель моего отделения, Феликс Воронцов, отсутствует сегодня, и я считаю, что нижеследующий материал носит слишком спешный характер, чтобы дожидаться его появления.

Некий агент в Люксембурге сообщил о появлении там израильского оперативника Натаниела («Ната») Давида Джонатана Дикштейна, он же Эдвард («Эд») Роджерс, известного под именем Пират.

Дикштейн родился в Степни, Ист-Лондон, в 1925 году, сын мелкого лавочника. Отец его умер в 1938 году, а мать в 1951-м. Дикштейн вступил в английскую армию в 1943 году, воевал в Италии, получил звание сержанта и попал в плен под Ла Молиной. После войны

он поступил в Оксфордский университет для изучения семитских языков. В 1948 году он, не закончив курса обучения, оставил Оксфорд и эмигрировал в Палестину, где почти сразу же стал работать на Моссад.

На первых порах он был связан с похищением и тайными закупками оружия для сионистского государства. В пятидесятых годах он возглавил операцию против палестинских борцов за свободу, поддерживаемых Египтом, которые базировались в секторе Газа, и лично подложил бомбу, которой был убит командир Али. В конце пятидесятых годов и в начале шестидесятых он – один из ведущих участников групп убийц, которые искали беглых нацистов. Он направлял действия террористов против немецких ученых-ракетчиков, которые работали на Египет в 1963 – 1964 гг.

В его досье под рубрикой «Слабости» читаем: «Таковые неизвестны». Похоже, что у него вообще нет семьи ни в Палестине, ни в другом месте. Он не интересуется ни алкоголем, ни наркотиками, ни азартными играми. У него нет никаких романтических связей, и в досье высказывается предположение, что сексуальная холодность является результатом медицинских экспериментов, которые проводили с ним в концлагере нацистские ученые.

Я лично близко знаю Дикштейна по годам совместной учебы в 1947 – 1948 гг., когда мы оба были студентами Оксфордского университета. Я лично играл с ним в шахматы. Я был инициатором подбора

досье на него. С особым интересом я отслеживал его карьеру. И теперь выяснилось, что он действует на территории, которой я занимался более двадцати лет. И я сомневаюсь, что среди 110000 сотрудников нашего Комитета есть человек, кто был бы подготовлен лучше меня для противостояния этому, в самом деле, выдающемуся сионистскому оперативнику.

Исходя из вышесказанного, я хотел бы получить ваше одобрение на действия, имеющие целью выяснить суть миссии Дикштейна, и в случае необходимости остановить его.

Подпись (Давид Ростов)»

«КОМУ: Начальнику отдела европейского отделения.

ОТ КОГО. Председателя Комитета Государственной Безопасности.

КОПИЯ. Руководителю европейского отделения.

ДАТА: 24 мая 1968 года.

Товарищ Ростов:

Ваше предложение одобряется.

Подпись (Юрий Андропов)»

«КОМУ: Председателю Комитета Государственной Безопасности.

ОТ КОГО. Руководителя европейского отделения.

КОПИЯ. Заместителю начальника европейского отделения.

ДАТА: 26 мая 1968.

Товарищ Андропов:

Я получил обмен документами, который состоялся между вами и моим заместителем, Давидом Ростовым, во время моей краткой недавней отлучки по государственным делам в Новосибирск.

Естественно, я от всей души согласен с мнением товарища Ростова и вашим одобрением его, хотя считаю, что для такой спешки нет убедительных причин.

Как полевой агент, Ростов, конечно, не может видеть вещи в столь широкой перспективе, как его руководство, и в данной ситуации есть один аспект, который он не мог представить вашему вниманию.

Дальнейшее расследование деятельности Дикштейна в настоящий момент проводится нашими египетскими союзниками и подлежит исключительно их юрисдикции. В силу политических причин я не рекомендовал бы безрассудно отодвигать их в сторону, как, по мнению товарища Ростова, мы должны были бы действовать. В лучшем случае можно предложить им наше содействие.

Исходя из вышесказанного, нет необходимости уточнять, что, поскольку тут будет иметь место международное сотрудничество между разведслужбами, оно должно осуществляться на уровне руководителя отделения, а не на уровне его заместителя.

Подпись (Феликс Воронцов)»

«КОМУ: Руководителю европейского отделения.

ОТ КОГО. Управление Председателя Комитета Государственной Безопасности.

КОПИЯ: Заместителю начальника европейского отделения.

ДАТА: 28 мая 1968 года.

Товарищ Воронцов:

Товарищ Андропов поручил мне ответить на вашу памятную записку от 26 мая сего года.

Он согласен с вашей мыслью, что необходимо принимать во внимание и политический аспект схемы, предложенной Ростовым, но не согласен целиком отдавать инициативу в руки египтян, когда мы будем только «сотрудничать». Я только что переговорил с нашими союзниками в Каире, и они выразили согласие, чтобы Ростов взял на себя руководство группой по разработке Дикштейна на условии, что один из агентов будет полноправным членом группы.

Подпись (Максим Буков, личный помощник Председателя)»

Приписка карандашом:

«Феликс. Не приставай ко мне с этим делом, пока оно не даст результатов. И не спускай глаз с Ростова – он метит на твое место, и если ты погоришь, оно ему достанется.

Юрий».

Когда он читал лекции будущим агентам, Пьер Борг гово-

рил: «Звоните. Всегда держите связь. И не только, когда вам что-то нужно, но, если возможно, каждый день. Мы должны знать, что вы делаете – и у нас может быть для вас жизненно важная информация». После этого курсанты в баре слышали, как ерничал Дикштейн: «И тратьте на звонки не меньше ста тысяч долларов».

Борг злился на Дикштейна. Он легко впадал в гнев, особенно, когда не знал, что происходит. К счастью, гнев редко влиял на его суждения. Он злился и на Каваша. Он мог понять, почему тот выразил желание встретиться с ним именно в Риме – у египтян тут была большая команда, так что Кавашу нетрудно найти предлог для визита сюда – но не было никаких причин, по которым они должны встречаться именно в этой чертовой бане.

Борг выходил из себя, сидя в своем кабинете в Тель-Авиве, беспокоясь о Дикштейне, Каваше и других, ожидая от них известий, пока, наконец, не начинал думать, что с ним не поддерживают связь, потому что агенты не любят его; наконец, он окончательно выходил из себя, ломал карандаши и орал на секретаршу.

Господи, теперь еще только не хватало бани в Риме – да и в этих местах полно извращенцев. Кроме того, Борг решительно не любил свое тело. Он спал только в пижаме, никогда не плавал на людях, никогда не примерял готовую одежду в магазинах и вообще никогда не ходил голым, не считая кратких минут под душем по утрам. А теперь он находился

в парной, обернув вокруг бедер самое большое полотенце, которое только мог найти, и ощущая белизну своего тела, кроме лица и рук; плоть его лежала мягкими складками, и на плечах росли клочки седоватых волос.

Он увидел Каваша. Тело араба было стройным и смуглым и почти безволосым. Они встретились взглядами в духоте парной и, подобно тайным любовникам, бок о бок, но не глядя друг на друга, направились в отдельный номер с диванами.

Борг испытал облегчение, когда вокруг него не стало людей, и изнывал от нетерпения скорее услышать новости от Каваша. Араб включил устройство, от которого ложе стало вибрировать: его гул должен заглушить подслушивающее устройство, если здесь было таковое. Двое мужчин, стоя вплотную друг к другу, говорили вполголоса. Смутившись, Борг несколько отодвинулся от Каваша и теперь ему приходилось говорить через плечо.

– Я внедрил своего человека в Каттар, – сказал Каваш.

– Блистательно, – с огромным облегчением произнес Борг на французский манер. – А ведь ваше управление даже не имеет отношения к этому проекту.

– У меня есть кузен в военной разведке.

– Хорошо сработано. Что за человек в Каттаре?

– Саман Хуссейн, один из наших.

– Отлично, отлично, отлично. Что ему удалось выяснить?

– Строительные работы закончены. Они возвели здание

для реактора, плюс административный блок, помещения для администрации и взлетную полосу. Им удалось продвинуться дальше, чем можно было предположить.

– Что относительно самого реактора?

– Теперь идет работа над ним. Трудно сказать, сколько времени она займет – там немало высокоточной аппаратуры.

– И им удастся смонтировать ее? – удивился Борг. – Я имею в виду все эти сложные контрольные системы...

– Контрольные системы не обязательно будут столь уж сложными, насколько я понимаю. Скорость ядерной реакции можно замедлить, всего лишь опуская графитовые стержни в атомный реактор. Но есть кое-что еще. Саман нашел место, которое кишмя кишит русскими.

– О, мать твою, – ругнулся Борг.

– Так что, можно предположить, что у них будет вся самая последняя электроника.

Борг опустил в кресло, забыв и о бане, и о вибрирующем ложе, и о своем мягком белом теле.

– Это плохие новости.

– Есть и хуже. Дикштейн разоблачен.

Борг, как пораженный громом, уставился на Каваша.

– Разоблачен? – переспросил он, словно не понимая смысла этого слова. – Разоблачен?

– Да.

Борга охватили ярость и отчаяние. Через несколько секунд он нашел в себе силы осведомиться:

– Как... как этот ублюдок прокололся?

– Он был опознан одним из наших агентов в Люксембурге.

– Что он там делал?

– Вот это уже вам следовало бы знать.

– Ладно, не важно.

– Скорее всего, это чисто случайная встреча. Агента зовут Ясиф Хассан. Он мелкая сошка – работает в ливанском банке и присматривает за приезжающими израильянами. Конечно, наш человек знал имя Дикштейна...

– Он пользовался своим настоящим именем? – недоверчиво спросил Борг. – Час от часу не легче.

– Не думаю, – возразил Каваш. – Хассан знал его с давних времен.

Борг медленно покачал головой.

– Невозможно представить, что с таким счастьем мы можем быть избранным народом.

– Мы организовали слежку за Дикштейном и информировали Москву, – продолжил Каваш. – Конечно, он тут же ушел из-под наблюдения, но Москва прилагает огромные усилия, чтобы снова обнаружить его.

Борг опустил подбородок на руки и невидящим взглядом уставился на эротическую картинку на изразцах стены. Словно весь мир вступил в заговор, дабы противостоять политике Израиля вообще и его планам в частности. Ему захотелось бросить все к чертовой матери и вернуться в Квебек; ему хотелось трахнуть Дикштейна по голове каким-нибудь

увесистым предметом; ему хотелось стереть невозмутимое выражение с правильного лица Каваша.

Борг сделал жест, словно отбрасывая что-то в сторону.

– Лучше просто не надо. Египтяне здорово обошли нас с реактором; русские им помогают; Дикштейн разоблачен, КГБ пустил по его следу целую команду. Вы понимаете, что мы можем проиграть эту гонку? У них будет атомная бомба, а у нас – нет. И как вы думаете – пустят ли они ее в ход? – Он схватил Каваша за плечи и затряс его. – Это же ваш народ, так скажите мне, бросят они бомбу на Израиль? И можете прозакладывать свою задницу, что да, бросят!

– Кончайте орать, – спокойно сказал Каваш. Он снял руки Борга со своих плеч. – Впереди еще долгий путь, прежде чем одной или другой стороне удастся одержать верх.

– Ну да, – Борг отодвинулся от него.

– Вы должны обязательно связаться с Дикштейном и предупредить его, – сказал Каваш. – Где он сейчас?

– Провалиться мне, если я это знаю.

Глава пятая

Единственным совершенно невинным человеком, чья жизнь превратилась в руины стараниями шпионов, рыскавших в поисках урановой руды, был чиновник из Евроатома, которому Дикштейн дал прозвище Воротничок.

Оторвавшись во Франции от слежки, Дикштейн вернулся в Люксембург по автотрассе, предполагая, что за ним в люксембургском аэропорту установлено круглосуточное наблюдение. И так как у них был номер его машины, взятой напрокат, он оставил ее в Париже и взял напрокат другую в другой компании.

В первый же вечер в Люксембурге он пришел в этот неприметный ночной клуб на Рю Дик, где сидел в одиночестве, попивая пиво и дожидаясь появления Воротничка. Но первым появился его пышноволосый друг, молодой человек лет двадцати пяти или тридцати, широкоплечий, с хорошей фигурой. Он направился прямо к кабинке, которую они занимали в прошлый раз. Двигался он изящно и грациозно, как танцор; Дикштейн подумал, что из него мог бы получиться неплохой вратарь в футбольной команде. В нише никого не было. Если пара встречалась тут каждый вечер, скорее всего, она предназначалась для них.

Пышноволосый молодой человек заказал выпить и посмотрел на часы. Он не заметил, что Дикштейн внимательно

но наблюдает за ним. Воротничок появился через несколько минут. На нем был красный джемпер и белая рубашка с распахнутым воротом. Как и раньше, он напрямик направился к столику, занятому его другом. Видно было, что оба они счастливы встрече. Дикштейну предстояло нарушить покой их мирка.

Он подозвал официанта.

– Передайте, пожалуйста, бутылку шампанского вон на тот столик, мужчине в красном джемпере. И принесите мне еще пива.

Предварительно доставив ему пива, официант поставил затем ведро со льдом и бутылкой шампанского в нем на столик Воротничка. Дикштейн увидел, как официант показал парочке на него, дав понять, кто приказал одарить их шампанским.

Когда они взглянули на него, он поднял свой стакан с пивом в знак приветствия и улыбнулся. Воротничок узнал его и забеспокоился.

Оставив столик, Дикштейн направился в туалет. Там, убивая время, он старательно вымыл лицо. Через пару минут появился приятель Воротничка. Молодой человек, дожидаясь, пока третий посетитель покинет помещение туалета, причёсывался перед зеркалом. И лишь затем обратился к Дикштейну.

– Мой друг хочет, чтобы вы оставили его в покое.

Дикштейн выдал гнусную усмешку.

– Пусть он мне сам скажет об этом.

– Вы журналист, не так ли? А что, если ваш редактор узнает, что вы посещаете подобные места?

– Я работаю по свободному найму.

Молодой человек приблизился к нему. Он был дюймов на пять выше Дикштейна и, как минимум, фунтов на тридцать тяжелее.

– Вы оставите нас в покое, – повторил он.

– Нет.

– Зачем вы это делаете? Что вам надо?

– Ты меня не интересуешь, красавчик. Тебе лучше пойти домой, пока я поговорю с твоим дружкой.

– Черта с два, – и молодой человек огромной ручищей сгреб лацканы пиджака Дикштейна. Другую руку, сжатую в кулак, он отвел назад. Но удара не получилось.

Растопыренными пальцами Дикштейн ткнул молодого человека в глаза. Светловолосая голова рефлекторно отдернулась назад и в сторону. Дикштейн поднырнул под взметнувшуюся руку и нанес нападающему жестокий точный удар. У того перехватило дыхание, и он, отпрянув, согнулся в поясе. Дикштейн еще раз ударил его, и удар пришелся точно в переносицу. Что-то хрустнуло и хлынула кровь. Молодой человек распростерся на изразцовом полу.

С него хватило.

Дикштейн покинул туалет, на ходу поправляя галстук и приглаживая волосы. Уже началась программа варьете, и

немецкий гитарист исполнял песенку о гее-полицейском. Дикштейн расплатился по счету и вышел. По пути он заметил, как обеспокоенный Воротничок направлялся к туалету.

Стояла теплая летняя ночь, но Дикштейна колотило. Немного пройдясь, он зашел в бар и взял бренди. Здесь было дымно и шумно, и в углу орал телевизор. Дикштейн отнес свой напиток к угловому столику и сел лицом к стене.

О драке в туалете полиция не узнает. Она смахивает на ссору между любовниками, и ни Воротничок, ни администрация клуба не заинтересованы давать официальный ход такого рода вещам. Воротничок доставит своего приятеля к доктору, объяснив, что тот споткнулся на пороге.

Дикштейн допил бренди, и дрожь прекратилась. Никак иначе не удастся быть шпионом, подумал он, если время от времени не поступать подобным образом. Приходится творить зло, чтобы выжить. Дикштейн припомнил, что нацистский врач в концлагере говорил нечто подобное.

Покинув бар, он вышел на улицу, направляясь к дому Воротничка. Он должен воспользоваться своим преимуществом, пока человек чувствует себя подавленным и деморализованным. Через несколько минут он оказался на узкой мощеной улочке и остановился у дома с террасой. В высоких окнах не было ни проблеска света.

Ожидание затянулось. Похолодало. Чтобы согреться, он прохаживался взад-вперед. Европейская погода просто вывела его из себя. В это время года Израиль весь в цвету:

длинные солнечные дни и теплые ночи, тяжелая физическая работа днем и веселые дружеские общения по вечерам. Дикштейну захотелось вернуться домой.

Наконец, показались Воротничок со своим приятелем. Голова последнего была в бинтах, видно, ему крепко досталось: он шел, опираясь на руку Воротничка, словно слепой. Они остановились перед домом, и Воротничок зашарил по карманам в поисках ключа. Дикштейн пересек улицу и подошел к ним. Они стояли спиной к нему и, поскольку его туфли не производили никакого шума, не услышали шагов.

Воротничок открыл двери, повернулся помочь приятелю и увидел Дикштейна. Он так и подпрыгнул от ужаса.

– О, Боже!

– Что такое? – заволновался его друг. – Что такое?

– Это он.

– Я должен поговорить с вами, – довольно миролюбиво сказал Дикштейн.

– Звони в полицию, – голос приятеля от гнева дрожал.

Схватив друга за кисть, Воротничок попытался втянуть его за порог. Вытянув руку, Дикштейн остановил их.

– Вам стоит впустить меня. В противном случае, я устрою ту еще сцену прямо на улице, – предупредил он.

– Он превратит нашу жизнь в сплошной кошмар, пока не получит то, что ему надо, – сдался Воротничок.

– Ну что ему надо?

– Я изложу это вам в течение минуты, – сказал Дикштейн.

Опередив их, он вошел в дом и поднялся по лестнице.

После минутного замешательства они последовали за ним. По лестнице вся троица поднялась до самого верха. Воротничок открыл двери чердачного помещения, и они вошли. Дикштейн огляделся. Здесь было просторнее, чем он прикидывал, и обстановка отличалась элегантностью и вкусом: стильная мебель, полосатые обои, много зелени и картин на стенах. Воротничок усадил своего друга в кресло, затем вынул из ящичка сигарету, прикурил ее от настольной зажигалки и вставил тому в губы. Они сидели, прижавшись друг к другу, ожидая слов Дикштейна.

– Я журналист, – начал тот.

– Журналисты берут у людей интервью, а не избивают их, – прервал его Воротничок.

– Я не избивал его. Я только два раза ударил его.

– За что?

– Он что, не рассказывал вам, как напал на меня?

– Я вам не верю, – возмутился Воротничок.

– Сколько вам потребуется времени на подобные споры?

– Нисколько.

– Отлично. Мне нужна какая-нибудь история об Евроатоме. И отличная история – таковы требования моей карьеры. Итак, в данный момент существует возможность рассказать о гомосексуалистах, которые занимают в данной организации ответственное положение.

– Ты – паршивый подонок, – не выдержал приятель Во-

ротничка.

– Совершенно верно, – согласился Дикштейн. – Тем не менее, я готов отказаться от этой истории, если мне предложат что-то получше.

Подняв руку, Воротничок пригладил свои седеющие волосы, и Дикштейн заметил, что ногти у него покрыты прозрачным лаком.

– Думаю, я догадываюсь, – сказал он.

– О чем? О чем ты догадываешься? – спросил приятель.

– Ему нужна информация.

– Совершенно верно, – согласился Дикштейн. Воротничок явно испытывал облегчение. Теперь самое время проявить некоторое дружелюбие и человечность, дать им понять, что дела не так уж и плохи. Дикштейн встал. На полированном столике сбоку стоял графин с виски. Он разлил его по трем стаканчикам. – Видите ли, вы достаточно уязвимы, и я засек вас, за что, как я предполагаю, вы должны испытывать ко мне ненависть; но я не собираюсь делать вид, что тоже испытываю к вам ненависть. Да, я подонок, и я использую вас – но это и все. Если не считать вашей выпивки. – Протянув им рюмки, он снова сел.

После короткого молчания Воротничок спросил:

– Так что вы хотите узнать?

– Ну что ж, – Дикштейн отпил крохотный глоток виски: он терпеть его не мог. – В Евроатоме имеются данные о перемещениях всех расщепляющихся материалов как в преде-

лах стран-членов сообщества, так и вне их, так?

– Да.

– Уточним: прежде, чем кому-либо будет позволено переместить хоть унцию из точки А в точку В, он должен испросить вашего разрешения?

– Да.

– И имеются исчерпывающие данные о всех данных разрешениях?

– Все данные в компьютере.

– Знаю. При запросе компьютер даст распечатку всех готовящихся грузов, на которые получено разрешение.

– Что регулярно и делается. Ежемесячно в учреждении распространяется такой список.

– Блестяще. Вот что мне и надо – этот список.

Наступило долгое молчание.

– Зачем вам нужен такой список? – прервал молчание приятель Воротничка.

– Я хочу проверить все отгрузки за текущий месяц. И предполагаю, что мне удастся доказать существенные расхождения между тем, что делается в действительности, и тем, что сообщают Евроатому.

– Я вам не верю, – вмешался Воротничок. – Вы не журналист. В ваших словах нет ни грана правды.

– Какая разница, не так ли? – спросил Дикштейн. – Можете верить во все, что хотите. У вас нет выбора, кроме как вручить мне такой список.

– Есть. Я могу уйти с этой работы.

– Если вы это сделаете, то я превращу вашего дружка в отбивную, – неторопливо сказал Дикштейн.

– Мы обратимся в полицию! – воскликнул тот.

– Я исчезну. Может, и на год. Но я вернусь. И найду вас и, скорее всего, убью. Вас нельзя будет опознать в лицо. – Лицо Дикштейна совершенно ничего не выражало.

Воротничок устался на Дикштейна.

– Кто же вы?

– Неужели для вас так важно, кто я такой? Вы знаете, что я сделаю то, что обещаю.

– Да, – глухо сказал Воротничок и спрятал лицо в ладонях.

Дикштейн подождал, пока молчание окончательно воцарилось в комнате. Воротничка он загнал в угол, и для него оставался только один выход. Дикштейн дал ему время осознать положение. Прошло несколько томительных минут прежде, чем он опять заговорил.

– Распечатка достаточно объемистая.

Воротничок кивнул, не поднимая головы.

– У вас проверяют ручную кладь, когда вы покидаете контору?

Тот покачал головой.

– Распечатки хранятся под замком, к которому надо подбирать ключ?

– Нет. – С видимым усилием Воротничок постарался прийти в себя. – Нет, – устало повторил он, – это информа-

ция не является секретной. Просто она носит конфиденциальный характер, не предназначена для публикации.

– Хорошо. Итак, вам потребуется завтрашний день, чтобы обдумать все детали – какую взять копию распечатки, что вы скажете секретарше, и так далее. Послезавтра вы принесете ее домой. Вас будет ждать записка от меня. В ней будет сказано, как состоится передача документа. – Дикштейн улыбнулся. – И после этого вы никогда больше меня не увидите.

– Господи, – сказал Воротничок, – как я на это надеюсь. Дикштейн встал.

– Какое-то время вам бы лучше никуда не звонить. – Найдя телефон, он вырвал из стены шнур. Подойдя к двери, он открыл ее.

Приятель смотрел на оторванный провод. Похоже, он начал что-то осознавать.

– А вы не боитесь, что он изменит свои намерения?

– Бояться следует только вам, – бросил Дикштейн. Он вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Жизнь – отнюдь не бег по гладкой дорожке, особенно в КГБ. Давид Ростов теперь явно потерял расположение своего шефа и тех сотрудников отдела, которые хранили ему преданность. Феликс Воронцов буквально кипел от гнева, что его обошли – отныне он будет делать все, чтобы уничтожить Ростова.

Ростов предвидел такое развитие событий. Сожалел лишь

о том, что оставил пространство для маневра Воронцову. Ему предстояло думать об египтянах и их возможной реакции.

Что само по себе достаточно плохо. У Ростова была собственная небольшая команда из Коли Бунина и Петра Тюринна, с которыми он отлично сработался. Каир же представляет собой сплошное сито: половина из того, что там делается, известно в Тель-Авиве.

И тот факт, что арабом, которого к нему приставили, оказался Ясиф Хассан, может помочь ему или помешать.

Ростов отлично помнил Хассана. В Оксфорд тот попал не из-за своих мозгов, а в силу богатства папаши, что вызывало у Ростова тем большее презрение, что у него-то была голова на плечах. Тем не менее, поскольку он знает этого человека, ему будет легче контролировать его. Ростов планировал начать с того, чтобы дать понять Хассану полную ненужность его в деле, что его присутствие объясняется чисто политическими причинами.

Чертовски двусмысленное положение, но ругать за него он мог только самого себя.

В Люксембурге у него появились определенные сомнения относительно хода дела. Он прилетел сюда из Афин, по пути следования дважды сменив документы и трижды – самолеты.

Конечно, в аэропорту его никто не встречал. Он взял такси и направился в гостиницу.

Каиру он сообщил, что будет действовать под именем Дэ-

вида Робертса. Когда он зарегистрировался под этим именем в гостинице, портье тут же передал ему послание. Оказавшись в лифте, он вскрыл конверт. В записке указывался только «Номер 179».

Дав лифтеру на чай, он, войдя в свой номер, тут же набрал 179.

– Алло?

– Я в 142-м. Через десять минут приходите, поговорим.

– Отлично. Слушайте, а вы не...

– Заткнитесь! – рявкнул Ростов. – Никаких имен. Через десять минут.

– Конечно, я извиняюсь, я...

Были времена, когда он считал себя суперпрофессионалом, и тогда он потушил бы свет и сел у дверей с пистолетом в руках, ожидая появления другого человека, дабы не попасть в западню. Ныне он считал такое поведение просто идиотским, которому место только в видиках. Это не его стиль. У него даже не было с собой оружия, дабы его не обнаружили ревностные таможенники в аэропорту. Но существовали предосторожности и *предосторожности*, оружие и *оружие*: у него была с собой парочка приспособлений, которыми по праву гордился КГБ, включая электрическую зубную щетку, «глушилку», которая могла выводить из строя все подслушивающие устройства, а также миниатюрная фотокамера типа «Поляроид» и удавка, исполнявшая пока роль шнурка для ботинок.

Прошло ровно десять минут, и в дверь постучали. Ростов открыл их, на пороге стоял Ясиф Хассан и широко улыбался.

– Как поживаете?

– Добрый день, – сказал Ростов, обмениваясь с ним рукопожатием.

– Двадцать лет с тех пор, как... чем вы занимались?

– Делами.

– И надо же, чтобы мы встретились после стольких лет из-за Дикштейна.

– Да. Садитесь. Давайте поговорим о Дикштейне. – Ростов расположился в кресле, Хассан последовал его примеру. – Изложите мне все данные, – продолжил Ростов. – Значит, вы засекали Дикштейна, а потом ваши люди снова увидели его в аэропорту Ниццы. Что произошло потом?

– Он направился вместе с туристской группой на ядерную энергостанцию, а потом ему удалось избавиться от хвоста, – сообщил Хассан. – Так что мы снова его потеряли.

– Он пользовался машиной?

– Да. У него был прокатный «Пежо».

– О'кей. Что вы знаете о его передвижениях во время пребывания в Люксембурге?

Хассан заговорил кратко и сухо, уловив деловой тон Ростова.

– На неделю он остановился в отеле «Альфа» под именем Эда Роджерса. В качестве своего адреса он представил парижское бюро журнала «Международная наука». Такой жур-

нал в самом деле имеется и у них именно такой парижский адрес, но он служит только для доставки почты; у них сотрудничает независимый журналист Эд Роджерс, о нем вот уже больше года ничего не слышно.

Ростов кивнул.

– Как вы, должно быть, знаете, типичное прикрытие для Моссада. Безукоризненное и точное. Что-то еще?

– Да. В предыдущую ночь перед его отъездом случился странный инцидент на Рю Дик. На ней нашли жутко избитых двух типов. С ними, чувствуется, поработал профессионал – переломанные кости, ну, вы знаете такие шутки. Полиции ничего не удалось выяснить: эти типы были известны ей, как уличные грабители, и оставалось только предполагать, что они поджидали в укрытии жертву рядом с ночным клубом гомосексуалистов.

– Грабили педиков, когда те выходили?

– Таково довольно убедительное предположение. Как бы там ни было, нет ничего указывающего, что Дикштейн мог иметь отношение к этому инциденту, кроме того, что он мог так отделать их и был в это время в городе.

– Достаточно весомое предположение, – сказал Ростов. – Вы считаете, что Дикштейн гомосексуалист?

– Возможно, но Каир утверждает, что в его досье нет никаких намеков на это, или же он, должно быть, очень тщательно скрывал этот порок.

– И несмотря на всю свою скрытность, будучи на задании,

отправился в ночной клуб к извращенцам. Вам не кажется, что таким аргументом вы стараетесь оправдать сами себя?

След гневного раздражения промелькнул на лице Хассана.

– Так что же вы думаете?

– Мое предположение заключается в том, что среди этой публики у него есть информатор. – Встав, Ростов стал мерить шагами комнату. Он чувствовал, что взял правильную нотку в отношениях с Хассаном, но, пожалуй, с него хватит: не имеет смысла загонять его в угол. Настало время сбросить напряжение. – Давайте прикинем. Зачем ему надо было шататься вокруг атомной станции?

– После Шестидневной войны у израильтян сложились натянутые отношения с Францией. Де Голь наложил эмбарго на поставки оружия. Может быть, Моссад планирует какое-то возмездие, типа взрыва реактора? – предположил Хассан.

Ростов покачал головой.

– Даже израильтянам не свойственна такая безответственность. И к тому же – что Дикштейну делать в Люксембурге?

– Кто знает?

Ростов снова сел.

– Что здесь есть, в Люксембурге? Что может представлять в нем значительный интерес? Вот, например, почему ваш банк расположился здесь?

– Тут достаточно известная европейская столица. Мой

банк тут потому, что здесь находится Европейский инвестиционный банк. Но также находятся несколько учреждений Общего рынка – фактически тут под Китцбергом европейский центр.

– Какие именно учреждения?

– Секретариат Европейского парламента, Совет Министров, Верховный Суд. Ах да, и Евроатом.

Ростов уставился на Хассана.

– Евроатом?

– Сокращенно от Европейской комиссии по атомной энергии, но все...

– Я знаю, что это такое, – прервал его Ростов. – Неужели вы не видите связи? Он является в Люксембург, где расположена штаб-квартира Евроатома, а после этого направляется на атомный реактор.

Хассан пожал плечами.

– Интересная гипотеза. Что вы пьете?

– Виски. Наливайте себе. Как я упоминал, французы помогали израильтянам строить их атомный реактор. Теперь они, скорее всего, прекратили поставки. Дикштейн, возможно, вынюхивал тут научные секреты.

Хассан налил себе виски и снова сел.

– Как мы будем работать, мы с вами? У меня есть приказ поддерживать с вами сотрудничество.

– Сегодня вечером явится моя команда, – сказал Ростов. «Сотрудничать, черта с два, – подумал он. – Ты будешь под-

чиняться моим приказам». Но вслух он сказал: – Я как правило, работаю с двумя людьми – Николаем Буниным и Петром Тюриным. Мы отлично сработались. Они знают, какой стиль я предпочитаю. Так что я хочу, чтобы вы работали вместе с ними и делали, что они вам скажут – вы многому научитесь у них, они опытные агенты.

– Но мои люди...

– Много из них нам не понадобится, – сухо продолжал Ростов. – Лучше всего – небольшая группа. Итак, первая наша задача – засечь Дикштейна, когда и если он надумает вернуться в Люксембург.

– Мои люди круглые сутки дежурят в аэропорту.

– Он, скорее всего, ждет этого и не воспользуется воздушным путем. Мы должны перекрыть все остальные пути. Он может направиться в Евроатом...

– Да, и у здания Жана Моне...

– Мы должны перекрыть отель «Альфа», сунув взятку портье, но вряд ли он там появится. И тот ночной клуб на Рю Дик. Кроме того, он, как вы сказали, брал машину напрокат.

– Да, во Франции.

– Он должен был ее где-то бросить – он понимает, что вы засекли номер. Я хочу, чтобы вы связались с прокатной компанией и выяснили, где он ее оставил, чтобы составить представление о его передвижениях.

– Очень хорошо.

– Москва пришлет мне его снимок, так что наши люди

будут искать его во всех столицах мира. – Ростов допил виски. – И мы его возьмем. Так или иначе.

– Вы в самом деле так считаете? – спросил Хассан.

– Я играл с ним в шахматы. Я знаю, как у него работают мозги. Его открытые ходы рутинные и предсказываемые: потом внезапно он делает что-то совершенно неожиданное, часто идет на очень рискованный ход. Так что остается только дожидаться, пока он оступится – и затем отсечь ему голову.

– Насколько мне помнится, – заметил Хассан, – вы проиграли ему матч.

На лице Ростова мелькнула усмешка.

– Да, но тут у нас настоящая жизнь.

Есть два вида тех, кто тенью ходит по следам другого: артисты тротуара и бульдоги. Первые рассматривают слежку, как высокое искусство, сравнимое с театральным действием, поэзией или молекулярной биологией. Они презирают бульдогов, которые считают, что следить за кем-то – это просто топтать за ним по пятам, не отрываясь от цели, как собаке держаться поближе к своему хозяину.

Николай Бунин был типичным бульдогом: молодым головорезом из того типа людей, из которых обычно вербуются полицейские или преступники, в зависимости, какая им выпадет доля. Колю доля привела в КГБ: его брат, родом из Грузии, торговал наркотиками, возил товар из Тбилиси в Московский университет, где снабжал им – среди прочих – и

сына Ростова Юрия. Коля официально числился шофером, неофициально – телохранителем, и еще более неофициально – полноценный профессиональный убийца.

Именно он и заметил Пирата.

Ростом Николай Бунин был чуть меньше шести футов и очень массивен. Его широкие плечи плотно облегал кожаный пиджак. У него были короткие светлые волосы, водянистые зеленоватые глаза, и его несколько смущал тот факт, что в двадцатипятилетнем возрасте он брился далеко не каждый день.

В ночном клубе на Рю Дик он произвел впечатление довольно привлекательного молодого человека.

Он явился к половине восьмого, вскоре после открытия клуба, всю ночь просидел в углу, попивая водку со льдом, с мрачным выражением лица наблюдая за окружающими. Кое-кто предлагал ему пойти потанцевать, но он на плохом французском посылал куда подальше. Когда он появился тут и на второй вечер, все решили, что он брошенный любовник, который ждет встречи с предметом своего бывшего обожания. Его широкие плечи, кожаная куртка и мрачное выражение лица отпугивали от него геев.

Когда Нат появился в ночном клубе, Ник лишь спокойно посмотрел на него. Ростов вбивал ему в голову, что его задача – лишь точно подчиняться приказам, и по большому счету он был прав: тогда у Ника все шло, как и предполагалось. Ник понаблюдал, как объект сел в одиночестве за столик, за-

казал пиво, получил свой заказ и выпил его. Похоже, что он тоже кого-то ждет.

Ник подошел к телефону в холле и позвонил в отель.

– Это я. Объект только что появился.

– Отлично, – сказал Ростов. – Что он делает?

– Ждет.

– Хорошо. Он один?

– Да.

– Наблюдай за ним и сразу же звони мне при изменении обстановки.

– Ясно.

– Я посылаю к тебе Петра. Он будет ждать снаружи. Если объект покинет клуб, следуйте за ним, чередуясь с Петром. Араб тоже будет на месте, в машине. У него... минутку... зеленый «Фольксваген».

– О'кей.

– А теперь возвращайся.

Повесив трубку, Ник, не глядя на Дикштейна, вернулся за свой столик.

Через несколько минут в клуб вошел хорошо одетый солидный мужчина сорока с лишним лет. Оглядевшись, он мимо столика Дикштейна направился к бару. Ник заметил, как Дикштейн взял со стола упавший клочок бумаги и сунул его к себе в карман. Прделано это было быстро и незаметно: лишь тот, кто внимательно наблюдал за Дикштейном, мог бы заметить его легкое движение.

Ник снова направился к телефону.

– Пришел педик и что-то сунул ему – похоже, билет, – передал он Ростову.

– Может быть, билет в театр?

– Не знаю.

– Они разговаривали?

– Нет, педик просто обронил билет на стол, проходя мимо.

Они даже не глядели друг на друга.

– Отлично. Оставайся на месте. Петр вот-вот будет.

– Подождите. Объект только что вышел в холл. Так... подходит к гардеробу... протягивает билет, вот что это такое – талон на сданную вещь.

– Оставайся на линии и сообщай мне, что происходит, – у Ростова был подчеркнuto спокойный голос.

– Парень в гардеробе дает ему чемоданчик. Он сует ему на чай...

– Это передача материалов. Ясно.

– Объект оставляет клуб.

– Следуй за ним.

– Вырвать у него чемоданчик?

– Нет. Я не хочу, чтобы мы засвечивались, пока не уточним, чем он занимается. Просто выясни, куда он отправляется, и держи его под наблюдением. Валяй!

Стоял ясный летний вечер, и улица была заполнена людьми, направлявшимися в кино, театры или просто прогуливающимися. Оглядевшись, Ник заметил объект на дру-

гой стороне улицы, в пятидесяти ярдах от себя. Он пересек улицу и последовал за ним.

Дикштейн шел быстро, глядя прямо перед собой: чемоданчик он нес под мышкой. Ник следовал за ним, отстав на пару кварталов. Если бы Дикштейн оглянулся, он бы заметил на некотором расстоянии за собой человека, который сидел в ночном клубе, и мог догадаться, что за ним следят. Рядом с Ником возник Петр, коснулся его руки и прошел вперед. Поотстав, Ник занял положение, при котором он видел только Петра, но не Дикштейна. Оглянись Дикштейн сейчас, он увидел бы не Ника, а только Петра, лицо которого ему незнакомо.

Еще через полмили на углу рядом с Ником остановился зеленый «Фольксваген». Ясиф Хассан перегнулся с места водителя и открыл дверцу.

– Поступил новый приказ, – сказал он. – Залезай.

Ник занял место в машине, которая, развернувшись, двинулась обратно к ночному клубу на Рю Дик.

– Ты отлично сработал. – похвалил Хассан. Ник пропустил его слова мимо ушей.

– Мы хотим, чтобы ты вернулся в клуб, нашел человека, который принес передачу, и проследил его до дома.

– Это приказ полковника Ростова?

– Да.

– О'кей.

Хассан остановил машину рядом с клубом. Ник вошел в

него. Остановившись в дверях, он внимательно обвел взглядом помещение.

Тот человек исчез.

Компьютерная распечатка включала в себя больше ста страниц. Сердце у Дикштейна упало, когда он перелистывал их. Ничего из этих данных не представляло для него интереса.

Вернувшись к первой странице, он снова стал вчитываться в набор данных, полных цифровых и буквенных обозначений. Может быть, это код? Нет – этими распечатками ежедневно пользуются десятки работников Евроатома, и они должны быть легко доступны пониманию.

Дикштейн сконцентрировался. На глаза ему попало обозначение «и-234». Он знал, что так обозначается изотоп урана. Еще одна групп цифр и букв «180КГ» – сто восемьдесят килограммов. «17Ф68», должно быть, дата: семнадцатого февраля этого года. Постепенно строчки распечатанных компьютером букв и цифр стали обретать смысл: он понял, как обозначаются большинство европейских стран, рядом с расстояниями стояли слова «поезд» или «машина», а краткие обозначения «ИНК» или «ЛТД» обозначали компании. Наконец, ему стало ясно, что в первой графе приводятся данные о количестве и типе материалов, во второй – название и адрес получателя и так далее.

Он воспрянул духом. Понимал все больше и больше, чув-

ствуя успех. В распечатке приводились данные о примерно шестидесяти поставках грузов. Выяснилось, что их было три основных типа: большие количества необогащенной урановой руды, поступающие из шахт Южной Африки, Канады и Франции на европейские обогатительные предприятия; топливные элементы – окиси металлического урана или обогащенные смеси, которые отправлялись с перерабатывающих предприятий на реакторы, а также использованные топливные элементы, которые с реакторов шли на переработку и захоронение.

К тому времени, когда он нашел то, что искал, голова у Дикштейна раскалывалась и глаза слезились. На самой последней странице он нашел единственный груз, отмеченный словами «Неядерное использование».

Тот самый физик из Реховота в цветастом галстуке кратко рассказал ему о неядерном использовании урана и его компонентов в фотографии, для окраски тканей, придания определенного цвета стеклу и керамике и как катализаторов в производственных процессах. Конечно, расщепляющиеся материалы всегда могли быть направлены и по прямому назначению, как топливо, с какой бы невинной целью они не использовались, так что правила Евротома относились и к ним. Тем не менее, Дикштейн не без основания прикинул, что на обычном химическом производстве правила безопасности будут не такими уж строгими.

Строка на последней странице говорила о поставке двух-

сот тонн желтой руды, или необработанной окиси урана, в Бельгию на металлургический завод рядом с голландской границей, где размещались хранилища расщепляющихся материалов. Предприятие, на котором происходила их очистка, принадлежало «Societe Genvialede la Chimie», конгломерату горнодобывающих предприятий со штаб-квартирой в Брюсселе. «SGC» продавало руду немецкому концерну «Ф.А.Педлер» из Висбадена. Педлер же планировал его использовать для «производства урановых смесей, особенно карбида урана, в промышленных количествах». Дикштейн припомнил, что карбид урана является катализатором в производстве синтетического аммиака.

Тем не менее, походило, что Педлер тоже не собирается сам работать с ураном, по крайней мере, на начальной стадии. С особым интересом Дикштейн прочел данные, что предприятие не просило лицензию на самостоятельное производство работ в Висбадене, а разрешение на отправку груза руды в Геную морем. Здесь ей предстояло пройти соответствующую обработку в компании «Ангелуции и Бьянко».

Морем! Дикштейна сразу же осенило: из европейского порта груз может уйти по совсем другому адресу.

Он продолжал читать. Со складов «SGC» груз отправится по железной дороге в доки Антверпена. Тут руда будет перегружена на сухогруз «Копарелли» для доставки в Геную. Короткая переброска из итальянского порта до «Ангелуции и Бьянко» по автотрассе.

Во время путешествия желтая руда – она выглядела как песок, только ярко-желтого цвета – будет погружена в пятьсот шестьдесят 200-литровых бочек с наглухо заваренными крышками. Доставят их в порт одиннадцать многоосных фургонов, в пути итальянский сухогруз не возьмет на борт никакого иного груза, а для последней переброски итальянцам потребуется шесть фургонов.

Но основное внимание Дикштейна привлекал путь по морю: из Ла-Манша через Бискайский залив, вдоль Атлантического побережья Испании, через Гибралтарский пролив и еще тысячи миль по Средиземному морю.

Мало ли что может случиться на таком долгом пути.

Доставка по суше носит непосредственный характер и ее можно держать под постоянным контролем: выходящий в полдень поезд приходит точно к половине девятого следующего утра; машина на автотрассе постоянно находится в поле зрения других автомобилей, включая и полицейские; самолет поддерживает постоянную связь с землей. Но море – непредсказуемая стихия со своими собственными законами, и путешествие может занять и десять дней, и двадцать, по пути могут случиться штормы, ураганы и поломки двигателя, из-за чего придется зайти в непредусмотренный расписанием порт и изменить направление движения. Попробуй захватить самолет, и через час ты окажешься на телеэкранах всего мира; при захвате же судна никто не узнает об этом и через несколько дней, и через неделю, а может быть, и вооб-

ще никогда.

Море представляло Пирату массу возможностей.

Дикштейн обдумывал ситуацию с растущим энтузиазмом, предчувствуя решение проблемы. Захватить «Копарелли»... и что потом? Перегрузить груз в трюмы пиратского судна. На «Копарелли», скорее всего, будут и свои краны. Но доставить груз по морю будет довольно нелегко. Дикштейн взглянул на предполагаемую в распечатке дату доставки: ноябрь. Плохо. Их могут застигнуть шторма – в ноябре даже Средиземное море становится неласковым. Что в таком случае? Захватить «Копарелли» и гнать его напрямиком в Хайфу? Будет практически невозможно тайно снять груз с судна, какие бы меры предосторожности не принимал Израиль.

Дикштейн глянул на наручные часы. Уже далеко за полночь. Он начал раздеваться, чтобы пойти спать. Ему придется узнать все досконально о «Копарелли»: тоннаж, состав команды, нынешнее местонахождение, кому принадлежит судно и, если удастся, схему. Завтра он отправляется в Лондон. Все, что касается судов, можно найти у «Ллойда».

Ему надо выяснить кое-что еще: кто следит за ним по всей Европе? Во Франции, должно быть, работает немалая команда. Сегодня, когда он покинул клуб на Рю Дик, за спиной у него держалась какая-то бандитская рожа. Он подозревал, что за ним увязался хвост, но рожа исчезла – совпадение или же еще одна команда? Зависит от того, принимает ли участие в этих играх Хассан. В Англии ему придется заняться

и этими изысканиями.

Сняв трубку, он позвонил портье. Когда тот ответил, он попросил разбудить его в половине восьмого.

Наконец у него определилась цель: «Копарелли». Еще нет четко разработанного плана действий, но он уже представлял, что делать. Какие бы ему ни встретились трудности, комбинация «неядерного» груза и морского путешествия была очень соблазнительна.

Потушив свет, он закрыл глаза, и перед ним проплыла последняя мысль: «Какой удачный день сегодня...»

Давид Ростов всегда был тем еще ублюдком, – думал Ясиф Хассан, – и годы его не изменили. «В сущности, вы ничего не понимаете...» – мог он сказать с покровительственной улыбкой; и еще: «Мы не нуждаемся в ваших людях – небольшая группа куда лучше»; и еще: «Сидите в машине и не высывайтесь»; а теперь еще: «Посидите на телефоне, пока я смогаюсь в посольство».

Откровенно говоря, отношение Ростова можно понять. Не потому, конечно, что русские умнее арабов, но КГБ, вне всякого сомнения, крупнее, богаче, сильнее и куда более профессиональная организация, нежели египетская разведка.

Хотя Ростов должен помнить, прикинул Хассан, что именно арабы первыми засекли Дикштейна; этого бы расследования не состоялось, не заметь я его.

Тем не менее, он хотел завоевать уважение Ростова; он мечтал, чтобы русский проникся к нему доверием: вел с ним разговоры о развитии событий, интересовался его мнением. Он докажет Ростову, что он толковый профессиональный агент, не хуже Ника Бунина и Петра Тюрина.

Звякнул телефон. Хассан торопливо снял трубку.

– Алло?

– Другой здесь? – Это был голос Тюрина.

– Вышел. Что случилось?

Тюрин помедлил.

– Когда он вернется?

– Не знаю, – соврал Хассан. – Передайте мне ваше сообщение.

– О'кей. Клиент направился в сторону Цюриха.

– В Цюрих? Продолжайте.

– На такси он доехал до банка, вошел в него и спустился в подвальное помещение. В этом банке есть личные сейфы. Вышел он оттуда с чемоданчиком.

– И потом?

– Направился к торговцу машинами в предместье и купил подержанный «Ягуар», уплатив наличными.

– Понимаю, – Хассан предугадал, что сейчас последует.

– Он направился в Цюрих на машине, выехал на автотрассу E17 и увеличил скорость до ста сорока миль...

– И вы потеряли его, – закончил Хассан, чувствуя в равной мере удовлетворение и беспокойство.

– У нас такси и посольский «Мерседес».

Хассан представил себе карту Европы. Он мог направить-ся в Испанию, Францию, Германию, Скандинавию... в дру-гую сторону он мог поехать в Италию или Австрию... Сло-вом, он исчез.

– Хорошо, возвращайтесь на базу. – Он повесил трубку прежде, чем Тюрин спросил, имеет ли он право отдавать приказы.

Он по-прежнему размышлял, что им теперь делать, когда вернулся Ростов.

– Ну, что? – спросил русский.

– Ваши люди потеряли Дикштейна, – скрывая улыбку, по-ведал Хассан.

Лицо Ростова потемнело.

– Как?

Хассан рассказал ему.

– И что они теперь делают? – спросил Ростов.

– Я предложил им вернуться сюда. И думаю, они уже едут.

Ростов хмыкнул.

– И я думал, что нам сейчас предпринять, – продолжал Хассан.

– Первым делом снова найти Дикштейна. – Ростов гово-рил рассеянно, потому что рылся в папке, что-то разыскивая.

– Да, но кроме того?

Ростов повернулся к нему.

– Переходите к делу.

– Думаю, мы должны найти человека и выяснить у него, что он передал Дикштейну.

Ростов выпрямился, размышляя.

– Да, в самом деле, – задумчиво согласился он. Хассан был польщен.

– Мы должны найти его...

– Это вполне возможно, – прервал Ростов. – Если мы на несколько дней возьмем под наблюдение ночной клуб, аэропорт, гостиницу «Альфа» и здание Евроатома.

Хассан смотрел на Ростова, изучая его высокую стройную фигуру, бесстрастное непроницаемое лицо с высоким лбом и коротко стриженными седеющими волосами. Я прав, подумал Хассан, и ему придется признать это.

– Вы правы, – сказал Ростов. – Я должен был подумать об этом.

Глава шестая

Оксфорд менялся куда медленнее, чем населяющие его люди. Можно предугадать происшедшие в нем перемены: он несколько расширился, на улицах стало больше машин и магазинов с невиданным прежде разнообразием витрин, на тротуарах появилось больше прохожих. Но главное, что определяло лицо города, все же осталось: кремовая окраска старинных каменных стен колледжей, высокие проемы арок и проходов, сквозь которые порой можно увидеть на удивление зеленое покрытие газонов и пустынные мощеные внутренние дворики.

Студенческая поросль предстала перед ним совершенно новым поколением. И на Ближнем Востоке, и в Европе Дикштейн привык видеть мужчин с волосами, падающими на уши, с оранжевыми и розовыми шейными косынками, в колоколообразных брюках и сапожках на высоких каблуках; конечно же, он не ждал, что встретит облик поколения 1948 года – твидовые пиджаки, грубошерстные брюки, фирменные оксфордские рубашки и галстуки от «Халла». Но он не был готов к тому, что предстало его глазам. Многие ходили просто босиком или в сандалиях на босу ногу. Мужчины и женщины носили брюки, которые, с точки зрения Дикштейна, слишком вульгарно подчеркивали формы. Встретив несколько женщин, чьи груди свободно колыхались под лег-

кой тканью цветных блузок, он пришел к выводу, что лифчики окончательно вышли из моды. Вокруг было обилие синего цвета – не только джинсы, но и рубашки из джинсовой ткани, куртки, юбки и даже плащи. А волосы! Вот что действительно поразило его. У мужчин растительность не только закрывала уши, но порой грива волос спадала до середины спины.

Удивляясь и поражаясь, он прошел через центр города и миновал его пределы. В последний раз он шел по этой дороге двадцать лет назад. Стали возвращаться разные мелочи из времен, которые он провел в колледже: знакомство с удивительными звуками трубы Луи Армстронга; его старания избавиться от неистребимого акцента кокни; удивление, почему все, кроме него, так любят выпивку; стремление набрать книг больше, чем успевал их прочитать, так что стопка фолиантов на его столе постоянно росла.

Он попытался понять, сильно ли его изменили годы. Не очень, подумал он. Тогда он был испуган и искал себе укрытие от мира; теперь такой крепостью для него стал Израиль, но вместо того, чтобы обитать в ней, он вынужден покинуть ее и драться, чтобы сберечь свое убежище. Тогда, как, впрочем, и теперь, он придерживался умеренно социалистических взглядов, зная, что общество далеко от идеалов справедливости, но сомневаясь, что его можно улучшить. Становясь старше, он обретал знания и умения, но не мудрость. В сущности, он знает больше, но понимает куда меньше, чем

раньше.

Тогда он был в какой-то мере счастлив, решил он. Он знал, кто он такой и что должен делать. Он представлял, какая жизнь его ждет и как он должен будет себя вести в ней; и хотя его взгляды в принципе остались такими же, как и в 1948 году, теперь он был более уверен в них. Тем не менее, в юные годы Дикштейн надеялся, что к нему еще придет счастье, которое пока ему не встретилось, но, по мере того, как шли годы, его надежда слабела. И эти места болезненно напомнили ему о том, что прошло. И особенно этот дом.

Он остановился, рассматривая его. Совершенно не изменился: все такая же бело-зеленая окраска стен, садик перед входом, все такие же заросли. Открыв калитку, он прошел по дорожке к парадным дверям и постучал в них.

Надо ли было сюда приходить? Эшфорда могло не быть дома, он мог уже к этому времени скончаться или просто уехать на каникулы. Дикштейну стоило бы первым делом позвонить в университет и проверить. Но если расспрашивать надо было бы осторожно и между делом, так уж лучше рискнуть и потерять немного времени. Кроме того, ему захотелось по прошествии стольких лет посмотреть на старые места.

Дверь открылась, и женщина на пороге спросила:

– Да?

Дикштейн похолодел от потрясения. У него невольно приоткрылся рот. Его качнуло, и он ухватился за стенку, чтобы

обрести равновесие. Он не мог скрыть изумления.

Это была она, и ей по-прежнему было двадцать пять лет.

– Эйла...

Она смотрела на странного невысокого человека в дверях. Он выглядел типичным преподавателем с кафедры в своих круглых очках, в старом сером пиджачке и коротко стриженными волосами. В нем не было ничего необычного или странного, когда он предстал на пороге, но, подняв на нее глаза, он буквально посерел.

Нечто подобное уже случилось с ней однажды, когда она шла по Хай-стрит. Почтенный пожилой джентльмен, уставившись на нее, снял шляпу и остановил ее со словами: «Я бы сказал, что мы вроде бы не знакомы, но все же...»

Сейчас явно была та же самая ситуация, и поэтому она тут же поправила:

– Я не Эйла. Я Сузи.

– Сузи!

– Говорят, я выгляжу точно, как моя мать в этом возрасте.

Вы, очевидно, знали ее. Не зайдете ли?

Человек стоял на том же месте. Видно, он приходил в себя от удивления, но лицо его по-прежнему заливала бледность.

– Я Нат Дикштейн. – с легкой улыбкой представился он.

– Очень приятно, – ответила Сузи. – Не хотите ли... – И только тут до нее дошли его слова. Настала ее очередь изумляться. – Мистер Дикштейн, – едва не завопила она. Сузи повисла у него на шее и расцеловала его.

– Значит, вы помните, – спросил он, когда Сузи освободила его, обрадованного и смущенного.

– Конечно! Вы все время возились с Езекией. Вы были единственным, кто понимал, что она говорит.

Он снова слегка улыбнулся.

– Езекия, ваша кошка... я и забыл.

– Да заходите же!

Он зашел вслед за ней в дом, и она закрыла двери. Взяв его за руку, она протащила его сквозь квадратный холл.

– Просто потрясающе. Пойдемте на кухню, я там пытаюсь состряпать пирожные.

Она усадила его. Он медленно огляделся, порой чуть заметно кивая, узнавая старый кухонный стол, камин и вид из окна.

– Давайте выпьем кофе, – предложила Сузи. – Или вы предпочитаете чай?

– Лучше кофе. Спасибо.

– Я предполагаю, что вы хотите увидеть папу. Утром он читает лекции, но скоро будет к ленчу. – Она засыпала кофейные бобы в ручную мельничку.

– А ваша мать?...

– Она умерла четырнадцать лет назад. От рака. – Сузи глянула на него, ожидая услышать автоматический ответ: «Мне очень жаль». Он не вымолвил ни слова, но на лице его ясно отразились испытываемые им чувства. Почему-то она сразу как-то прониклась к нему симпатией за такую реакцию. Сузи

завертела ручку мельнички, и ее треск заполнил помещение.

– Профессор Эшфорд по-прежнему преподает... я все пытаюсь вспомнить, сколько же ему лет. – Дикштейн решил возобновить разговор, когда она кончила молоть кофе.

– Шестьдесят пять, – сказала она. – Он совершенно не меняется. – Шестьдесят пять – это жуткая древность, но папа совсем не выглядит старым, с удовольствием подумала она: ум его по-прежнему остер, как нож. Она решила выяснить, чем Дикштейн зарабатывает себе на жизнь. – Разве вы не эмигрировали в Палестину? – спросила она его.

– В Израиль. Я живу в кибуце. Выращиваю виноград и делаю вино.

Израиль. В этом доме его всегда называли Палестиной. Как папа отреагирует на встречу со старым другом, который ныне отстаивает все то, против чего отец неизменно выступал? Но она знала ответ на этот вопрос: никак, ибо политические взгляды отца носили теоретический характер, не выражаясь в практических действиях. С какой целью приехал Дикштейн?

– Вы в отпуске?

– По делам. Мы, наконец, решили, что наше вино достаточно хорошо для экспорта в Европу.

– Просто здорово. И вы продаете его?

– Изыскиваю возможности для этого. Расскажите мне о себе. Держу пари, что вы явно не профессор университета.

Замечание это несколько смутило ее, и она залилась крас-

кой до ушей: не хотелось, чтобы этот человек воспринимал ее недостаточно умной для преподавательской должности.

– Почему вы так думаете? – холодно спросила она.

– Вы такая... обаятельная. – Дикштейн отвел глаза в сторону, словно тут же пожалев о вырвавшихся у него словах. – И во всяком случае, очень молоды.

Она неправильно поняла его. Он совсем не хотел обидеть ее. Самому неловко от своих слов.

– Я унаследовала от отца способности к языкам, но не его академический склад ума, так что работаю стюардессой на авиалиниях, – сказала она, подумав, в самом ли деле у нее не академический склад ума, в самом ли деле она не могла бы преподавать. Она залила в кофеварку кипящей воды, и запах ароматного кофе наполнил кухню. Она не знала, что говорить. Подняла глаза на Дикштейна и увидела, что он в упор смотрит на нее, погруженный в свои размышления. Внезапно она смутилась, что было довольно непривычно для нее. О чем она ему и сказала.

– Смутились? – переспросил он. – Наверно потому, что я глазел на вас, словно вы картина или что-то вроде. Я все пытаюсь осознать тот факт, что вы не Эйла, что вы та самая маленькая девочка с ее старой серой кошкой.

– Езекия умерла вскоре после того, как вы уехали.

– С тех пор многое изменилось.

– Вы дружили с моими родителями?

– Я был одним из студентов вашего отца. И на расстоя-

нии восхищался вашей матерью. Эйла... – И снова у него появился рассеянный взгляд, словно он хотел услышать какие-то другие голоса. – Она была не просто красива... она была потрясающей.

Сузи посмотрела ему прямо в лицо. Подумала: он любил ее. Но не стала останавливаться на этой мысли: это была, скорее, интуитивная догадка, и она сразу же предположила, что может ошибаться. Тем не менее, это объясняло его неожиданную реакцию, когда он увидел ее на пороге.

– Моя мать, в сущности, была хиппи... вы знали это? – спросила она.

– Я плохо понимаю, что вы имеете в виду.

– Она хотела быть свободной. Она бунтовала против ограничений, которым должна подчиняться арабская женщина, хотя в доме у нее царила раскованная, достаточно либеральная атмосфера. Она вышла замуж за моего отца, чтобы удрать с Ближнего Востока. Конечно, она выяснила, что западное общество тоже по-своему подавляет женщину – так что она продолжала нарушать большинство его правил. – Разговаривая, Сузи припомнила, как, став женщиной и начав понимать, что такое страсть, она осознала, что ее мать была склонна к беспорядочным связям. В свое время это ее потрясло, но теперь такие чувства как-то не посещали ее.

– И поэтому она была хиппи? – удивился Дикштейн.

– Хиппи верят в свободную любовь.

– Понимаю.

И по его реакции она поняла, что ее мать не испытывала тяги к Дикштейну. Она не одарила его любовью. Почему-то это навеяло на нее печаль.

– Расскажите мне о своих родителях, – попросила она. Она разговаривала с ним, словно с ровесником.

– Только, если вы нальете кофе.

– Я совсем забыла о нем, – рассмеялась она.

– Мой отец был сапожником, – начал Дикштейн. – Он прекрасно подбивал подметки, но бизнесменом был никудышным. Все же тридцатые годы были очень благоприятными для сапожников в лондонском Ист-Энде. Люди тогда не могли позволить себе часто покупать новую обувь, так что из года в год они ремонтировали старую. Мы никогда не были богаты, но все же у нас было чуть больше денег, чем у окружающих. И, конечно, вся семья постоянно давила на отца, чтобы он расширил свое дело – открыл вторую мастерскую, нанял помощника.

Сузи протянула ему чашку с кофе.

– С молоком, с сахаром?

– Только с сахаром, без молока. Спасибо.

– Так, продолжайте. – Он был из другого мира, о котором она ничего не знала: ей никогда не приходило в голову, что времена депрессии могли стать благословением для сапожников.

– Торговцы кожей считали моего отца очень трудным покупателем – им никогда не удавалось всучить ему ничего,

кроме высшего сорта. Если встречался второсортный материал, они говорили между собой: «Даже не пытайтесь предлагать его Дикштейну, он вам его тут же вернет». Так, во всяком случае, мне рассказывали. – На его лице снова мелькнула легкая улыбка.

– Он еще жив? – спросила Сузи.

– Умер перед войной.

– Что с ним случилось?

– Видите ли... Тридцатые годы были временем расцвета фашистского движения в Англии. Каждый вечер они устраивали шумные митинги на открытом воздухе. Ораторы сообщали, что евреи правят миром, высасывая кровь из простого народа. Эти ораторы и организаторы митингов являлись уважаемыми представителями среднего класса, но толпы состояли из откровенных бандитов и шпаны. После митингов они маршировали по улицам, били стекла и задирали прохожих. И наш дом, конечно, стал заманчивой целью для них. Мы были евреями, у моего отца была мастерская, и тем самым он – кровопийца, и, в полном соответствии с их пропагандой, мы жили немного лучше остальных соседей.

Он замолчал, уставившись куда-то в пространство. Сузи ждала, когда он продолжит повествование. Рассказывая, он вроде бы съежился – скрестил ноги, плотно обхватил локти руками, опустил плечи.

– Мы жили над мастерской. И каждую эту проклятую ночь я просыпался, ожидая, когда они пойдут мимо нас. Меня не

покидало чувство жуткого страха, главным образом, потому, что я видел, как испуган мой отец. Порой они ничего не делали, просто проходили. Обычно они орали свои лозунги и призывы. Часто, очень часто, они били у нас стекла. Пару раз они врывались в мастерскую и все там крушили. Я думал, они вот-вот взберутся по лестнице. Я прятал голову под подушку, плакал и проклинал Бога за то, что он сподобил меня родиться евреем.

– Разве полиция ничего не делала?

– Что она могла? Если они оказывались поблизости, то останавливали погромщиков. Но в то время им было чем заниматься. Коммунисты были единственными, кто помогал нам сопротивляться, но мой отец не хотел их помощи. Конечно, все политические партии выступали против фашистов, но только красные готовили заточки, палки и строили баррикады. Я пытался вступить в партию, но меня не приняли – слишком молод.

– И ваш отец?

– Он как-то пал духом. После того, как мастерскую разгромили второй раз, у него уже не осталось ни денег, ни энергии на ее восстановление. Он погрузился в скорбь, видя, что все потеряно. И умер в 1938 году.

– А вы?

– Я быстро вырослел. Вступил в армию, как только представилась такая возможность. Попал в плен. После войны поступил в Оксфорд, потом бросил его и уехал в Израиль.

– У вас есть там семья?

– Моя семья – это весь кибуц... но я никогда не был женат.

– Из-за моей матери?

– Может быть. В какой-то мере. Вы очень любопытны.

– Простите.

– Не стоит извиняться. Я редко говорю на такие темы. Вся эта поездка полна воспоминаниями о прошлом. Есть даже такое слово... запах памяти.

– Оно напоминает запах смерти.

Дикштейн пожал плечами.

Наступило молчание. Мне очень нравится этот человек, подумала Сузи. Мне нравится, как он говорит и как молчит, его большие глаза и его старый пиджак, мне интересны его воспоминания. Я надеюсь, что он немного побудет у нас.

Она собрала кофейные чашки и загрузила их в посудомоечную машину. Звякнула упавшая ложка, которая залетела под холодильник.

– Вот черт! – вырвалось у нее.

Дикштейн встал на колени и заглянул в щель.

– Теперь она уже там навечно, – махнула рукой Сузи. – Эта махина слишком тяжелая, чтобы ее передвигать.

Правой рукой Дикштейн приподнял холодильник за угол, а левой стал шарить под ним. Опустив его на пол, он выпрямился и преподнес ложку Сузи.

Она уставилась на него.

– Вы кто – Капитан Америка? Да он же жутко тяжелый.

– Я много работал на земле.

– В самом деле? – она улыбнулась. Он походил скорее на клерка, чем на землепашца.

– Конечно.

– Продавец вина, у которого в самом деле грязь под ногтями после виноградника. Странно.

– Только не в Израиле. Мы слишком... преданы, я бы сказал... земле.

Глянув на часики, Сузи удивилась, что прошло столько времени, а она и не заметила.

– Папа будет с минуты на минуту. Вы поедите с нами, не так ли? Но я боюсь, что у нас есть только сэндвичи.

– Что может быть лучше?

Она нарезала французскую булку и стала делать салат. Дикштейн вызвался помыть лук, и она вручила ему передник. Спустя несколько минут она заметила, что он, улыбаясь, смотрит на нее.

– О чем вы думаете?

– То, что я вспомнил, может вас смутить.

– Все равно расскажите.

– Как-то я зашел к вам около шести часов, – начал он. – Вашей матери не было дома. Я хотел одолжить кое-какие книги у вашего отца. Вы сидели в ванночке. Отец же говорил по телефону с Францией, не помню уж по какому поводу. Пока он говорил, вы стали плакать. Я поднялся наверх, вытащил вас из ванны, вытер насухо и надел на вас ночную

рубашку. Вам, должно быть, было лет пять или около того.

Сузи засмеялась. Она внезапно представила себе Дикштейна в заполненной паром ванной, который наклоняется и без усилия поднимает ее из горячей воды, всю в мыльных пузырях. Но она не ребенок, а взрослая женщина с влажными грудями и хлопьями мыльной пены меж бедер, а руки у него сильные и уверенные, когда он прижимает ее к груди. И тут открылась кухонная дверь, вошел ее отец, и видение исчезло, оставив по себе лишь волнуящее чувство какой-то странной вины.

Нат Дикштейн подумал, что годы должны были куда больше сказаться на профессоре Эшфорде. Он был сейчас совершенно лыс, если не считать венчика белых волос, окаймлявших его тонзуру. Он несколько прибавил в весе, и его движения обрели некоторую замедленность, но в глазах по-прежнему поблескивали искорки, говорившие об интеллектуальном беспокойстве.

– А у нас неожиданный гость, папа, – встретила его Сузи. Едва только глянув на него, Эшфорд, не колеблясь, воскликнул:

– Никак, молодой Дикштейн! Ну, будь я проклят! Мой дорогой друг!

Дикштейн пожал ему руку. Хватка у него была крепкой и уверенной.

– Как поживаете, профессор?

– Превосходно, дорогой мой мальчик, особенно, когда тут

моя дочь и присматривает за мной. Ты помнишь Сузи?

– Мы провели в воспоминаниях все утро, – улыбнулся Дикштейн.

– Я вижу, она уже напялила на тебя передник. Довольно быстро, даже для нее. Я ей втолковываю, что таким образом она никогда не обретет себе мужа. Скидывай его, дорогой мой мальчик, идем пропустим по рюмочке.

Сокрушенно улыбнувшись Сузи, Дикштейн сделал то, что ему было сказано, и последовал за Эшфордом в гостиную.

– Шерри? – спросил тот.

– Спасибо, немного. – Дикштейн внезапно вспомнил, что пришел сюда с определенной целью. Он должен получить от Эшфорда кое-какую информацию, да так, чтобы тот ничего не понял. На пару часов, если можно так выразиться, он избавился от служебных обязанностей, но теперь пора снова приниматься за работу. Но мягко и осторожно, сказал он себе.

Эшфорд протянул ему маленький стаканчик с шерри.

– А теперь скажи мне, чем ты занимался все эти годы?

Дикштейн попробовал шерри. Напиток был терпким, как и любили в Оксфорде. Он рассказал профессору версию, которую уже изложил Хассану и Сузи: он ищет рынок сбыта для израильского вина. Эшфорд задавал наводящие вопросы. Бросают ли молодые люди кибуцы ради больших городов? Не размыли ли время и процветание общинные идеалы кибуцников? Ассимилируются ли европейские евреи сре-

ди африканских и левантинских соплеменников, существуют ли межобщинные браки?

Прежде чем Дикштейну представилась возможность задать свои вопросы, Сузи позвала их на кухню к ленчу. Ее французские сэндвичи так и таяли во рту. Она открыла бутылку красного вина и присела выпить с ними. Теперь Дикштейн понимал, почему Эшфорд прибавил в весе.

За кофе Дикштейн обмолвился:

– Пару недель назад я столкнулся с сокурсником – и надо же, в Люксембурге.

– С Ясифом Хассаном? – спросил Эшфорд.

– Откуда вы знаете?

– Мы как-то поддерживали с ним связь. Я знаю, что он живет в Люксембурге.

– Вы часто виделись с ним? – спросил Дикштейн, думая про себя: мягче, мягче.

– За все это время несколько раз. – Эшфорд помолчал. – Надо сказать, Дикштейн, что те войны, которые вам дали все, отняли у него все, что ему принадлежало: его семья потеряла все свое состояние и вынуждена жить в лагере беженцев. Можно понять, что он испытывает к Израилю.

Дикштейн кивнул. Теперь он был почти уверен, что Хассан принимает участие в этих играх.

– Я провел с ним очень мало времени – спешил к самолету. Что он вообще собой представляет?

Эшфорд нахмурился.

– Я нашел его несколько... рассеянным. Внезапно срывается с места по каким-то делам, отменяет встречи, странные телефонные звонки в любое время суток, таинственные отлучки. Возможно, так и должен себя вести обездоленный аристократ.

– Возможно, – кивнул Дикштейн. По сути, таково было типичное поведение агента, и теперь он был на все сто процентов уверен, что встреча с Хассаном и привела к его разоблачению. – Вы видели из моего выпуска еще кого-нибудь?

– Только старого Тоби. Ныне он в отделении Консервативного фронта.

– Еще кофе, Нат? – спросила Сузи.

– Нет, спасибо. – Он встал. – Я помогу вам убрать посуду, а потом я должен возвращаться в Лондон. Очень рад, что встретил вас.

– Папа все уберет, – улыбнулась Сузи. – Так мы с ним договорились.

– Боюсь, что мне этого не избежать, – согласился Эшфорд. – Она не терпит тяжелую работу, так что ее приходится выполнять мне. – Замечание удивило Дикштейна, потому что, по всей видимости, оно не соответствовало истине. Может, Сузи не обхаживала его денно и нощно, но было видно, что на ней лежат все обязанности по дому.

– Я прогуляюсь в город вместе с вами, – сказала Сузи. – Только плащ накину.

Эшфорд подал Дикштейну руку.

– Я был искренне рад увидеться с тобой, дорогой мой мальчик, искренне рад.

Сузи вернулась в плотной куртке. Эшфорд проводил их до дверей и помахал вслед, улыбаясь.

Когда они шли по улице, Дикштейн болтал, не переставая, только чтобы иметь предлог смотреть на нее. Куртка подходила к ее черным джинсовым брюкам, и на ней была рубашка кремового цвета, которая выглядела как шелковая. Как и ее мать, она умела одеваться, подчеркивая прелесть блестящих черных волос и нежный оттенок смуглой кожи. Дикштейн предложил ей руку, чувствуя себя старомодным кавалером, но хотел ощущать ее рядом. Она унаследовала то же гипнотическое физическое обаяние, присущее ее матери: в ней было нечто, заставлявшее мужчин испытывать наслаждение обладать ею, наслаждение, в котором было не столько физическое влечение, сколько жадность – это прекрасное создание принадлежит мне, и я его никому не отдам. Дикштейн был достаточно взрослым человеком, чтобы понимать, насколько обманчиво может быть такое чувство, и он понимал, что Эйла Эшфорд не могла бы дать ему счастья. Но в дочери, казалось, было то, чего не хватало ее матери – от нее исходило тепло. Печально, что он больше не увидит Сузи. Может, со временем...

Ну-ну. Вряд ли.

Когда они подошли к зданию вокзала, он спросил:

– Вы когда-нибудь бываете в Лондоне?

– Конечно, – сказала она. – И буду там завтра.

– Зачем?

– Чтобы пообедать с вами.

Когда мать Сузи умерла, отец стал для нее всем в жизни и прекрасно соответствовал этой роли.

Ей минуло одиннадцать лет: достаточно взрослая, чтобы знать о существовании смерти, но слишком молода, чтобы она слишком подействовала на нее. Папа был спокоен и мягок с ней, давая ей успокоение. Он отлично понимал, когда ее надо оставить в покое и дать выплакаться, а, когда надеть на нее лучшее платье и отправиться с ней на ленч. Не испытывая никакого смущения, он поведал ей о менструациях и весело покупал с ней новые лифчики. Он определил ей новую роль в жизни: она стала подлинной хозяйкой дома, давая указания уборщице, собирая белье для стирки и заказывая запасы шерри на воскресенье. К четырнадцати годам в ее ведение перешли и все семейные финансы. Она заботилась об отце куда лучше Эйлы. Она выбрасывала поношенные рубашки и заменяла их точно такими же, и отец даже ничего не замечал. Она поняла, что может жить, чувствовать себя в безопасности и быть любимой даже без матери.

Он хотел, чтобы она оставалась в Оксфорде, где получила сначала среднее образование, потом бы университетское, после чего она могла стать преподавателем. Что означало – ей всю жизнь придется заботиться о нем. Она заявила, что

недостаточно сообразительна для такой карьеры, испытывая смутное чувство, что просто ищет себе оправдание – и нашла работу, которая позволяла ей надолго отлучаться из дома, в силу чего она обхаживала отца только время от времени.

Возвращаясь домой из рейсов, она думала, что жизнь ее катится по наезженной колее и вряд ли удастся когда-нибудь сойти с нее.

Только что кончилось любовное приключение, которое, как и вся ее жизнь, стало утомлять привычностью и рутинностью. Джулиану было под сорок, он преподавал философию, специализируясь на досократовской Греции, был умен, всецело предан ей и совершенно беспомощен. На все случаи жизни у него были лекарства – каннабис, чтобы заниматься любовью, амфетамин для работы и «Могадон» на ночь. Разведен, детей не было. На первых порах она сочла его интересным: очаровательным и сексуальным. Когда они оказывались в постели, он предпочитал, чтобы она оказывалась сверху. Он таскал ее по любительским театрикам в Лондоне и взбалмошным студенческим вечеринкам. Но все быстро сошло на нет: она поняла, что и сексом он не очень интересуется, что и таскает ее с собой, поскольку хорошо смотрится рядом с ней, и что ему нравится ее общество лишь потому, что она откровенно восторгается его интеллектом. Както она поймала себя на том, что гладит его рубашки, пока он готовится к лекциям; все пошло по проторенной колее.

Она уже сожалела о порыве, который заставил ее назна-

читать встречу с Натом Дикштейном. Он в полной мере отвечал ее представлению об этом типе людей: человек старшего поколения, он, конечно же, нуждается в заботе и понимании. И, что хуже всего, он был когда-то влюблен в ее мать. На первый взгляд, он, как и все прочие, напоминал ее отца.

Но чем-то он и отличался, сказала она себе. Он был земледельцем, а не академиком – и меньше всего она могла себе представить, что у нее возможна встреча с таким человеком. Он отправился в Палестину, вместо того чтобы просиживать в кофейнях Оксфорда, болтая, как хорошо было бы это сделать. Он поднял холодильник одной рукой. За все то время, что они провели вместе, он не раз удивил ее тем, что его слова и поступки не отвечали ее ожиданиям.

Может быть, Нат Дикштейн и сможет нарушить принятый порядок вещей, подумала она.

А может быть, я снова обманываю сама себя.

Нат Дикштейн позвонил в израильское посольство из будки таксофона на вокзале Паддингтон. Когда там ответили, он попросил офис коммерческих кредитов. Такого отдела в посольстве не существовало: это было кодовое название центра, где принимали послания для Моссада. Ему ответил молодой человек с явным ивритским акцентом. Он обрадовал Дикштейна, потому что ему было приятно знать о существовании молодых людей, для которых иврит являлся родным языком. Он знал, что разговор автоматически записывает-

ся, и поэтому сразу же перешел к делу: «Спешно – для Билла. Сделка в опасности из-за присутствия противной стороны. Генри». Он повесил трубку, не дожидаясь подтверждения приема.

Со станции он направился в свою гостиницу, думая о Сузи Эшфорд. Завтра вечером он будет встречать ее на Паддингтонском вокзале. Ночь она сможет провести у подружки. Дикштейн плохо представлял себе, с чего начинать – он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь приглашал женщину пообедать просто ради удовольствия общения с нею.

Что делают в таких случаях? Предполагается, что вы посадите женщину в свою машину, на вас будет смокинг, и вы преподнесете ей коробочку шоколадных конфет, перевязанных широкой ленточкой. Дикштейну предстояло встретить Сузи на вокзале, но у него не было ни машины, ни смокинга. Куда он поведет ее? Он не знал ни одного шикарного ресторана в Израиле, не говоря уж об Англии.

Прогуливаясь по Гайд-парку, он невольно улыбался. Забавная ситуация для мужчины сорока трех лет. Она поняла, что он не искушен в житейских хитростях, но это ее не очень волновало, потому что она сама напросилась на обед с ним. В таком случае, она должна знать и ресторан и что в них заказывать. Вот уж не вопрос жизни и смерти. Как бы там ни было, но он будет рад встрече.

В делах теперь наступила определенная заминка. Выяснив, что его раскололи, он ничего не мог делать, пока не пе-

реговорит с Пьером Бортом и пока Борг не решит, уносить ему ноги или нет. Этим же вечером он пошел на французский фильм «Мужчина и женщина». Простая и очаровательная любовная история шла в сопровождении трогательной музыкальной мелодии. Он ушел, не досмотрев фильм и до половины, потому что эта история вызвала у него желание заплакать, и весь вечер мелодия звучала у него в голове.

Утром он зашел в телефонную будку рядом с гостиницей на улице и снова позвонил в посольство. Когда ему дали центр связи, он сказал:

– Это Генри. Есть ответ для меня?

– Соглашайтесь на девяносто три тысячи и завтра договаривайтесь.

Ответ, понял Дикштейн.

– Повестка дня будет в информационной службе аэропорта, – быстро сообщил он.

Пьер Борг прилетает завтра в девять тридцать.

Темнело, день клонился к вечеру, и четверо мужчин продолжали сидеть в машине, храня молчание и наблюдая с терпением, свойственным только шпионам.

Ник нашел нужного человека на третий день, который весь целиком провел, наблюдая за зданием Евроатома на Киршберг. Он был уверен, что точно опознал его.

– В деловом костюме он в общем-то не походил на того игрунчика, но я совершенно уверен, что это он. И, скорее

всего, он должен тут работать.

– И я так думаю, – согласился Ростов. – Если Дикштейн ищет какие-то тайны, его информаторы вряд ли работают в аэропорту или в отеле «Альфа». Так что Нику стоило первым делом поинтересоваться Евроатомом.

Он обращался к Тюрину, но Хассан услышал его и заметил:

– Вы не можете учитывать все до мелочей.

– Нет, могу, – ответил Ростов.

Он проинструктировал Хассана, чтобы тот обзавелся большой машиной темного цвета. Американский «бьюик», в котором они ныне сидели, был подозрителен, но вместителен и неприметен в темноте. Из Евроатома Ник последовал за этим человеком до его дома, и теперь они вчетвером ждали на мощеной улочке рядом со старым домом с террасой.

Ростов терпеть не мог эти номера в стиле «плаща и кинжала». Они так старомодны. Были в ходу в двадцатых и тридцатых годах, да и в таких местах, как Вена, Стамбул и Бейрут, но не в Западной Европе в 1968 году. Это просто опасно – хватать мирного человека на улице, запихивать его в машину и бить его, пока он не выдаст нужную информацию. Вас могут увидеть прохожие, которые не побоятся позвонить в полицию и рассказать о том, что они увидели. Ростов предпочитал ясный, четкий и подготовленный ход событий, и он привык пускать в ход мозги, а не кулаки. Но поскольку Дикштейн скрылся с глаз, слова этого типа становились все важ-

нее с каждым днем. Ростов должен выяснить, что он передал Дикштейну, и узнать это надо сегодня.

– Скорей бы он выбрался, – буркнул Петр Тюрин.

– Мы не спешим, – сказал Ростов.

Это не соответствовало истине, но он не хотел, чтобы его команда нервничала, считая, что уходит время, и наделала ошибок. Чтобы снять напряжение, он продолжал говорить:

– Дикштейну, конечно, кое-что удалось сделать. Он сделал то, что ему надо, и сейчас мы следуем по его стопам. Он понаблюдал за зданием Евроатома, проследил этого человека до дома и стал ждать его на улице. Объект, выйдя, направился в клуб гомосексуалистов. Дикштейн выявил его слабость и использовал ее, чтобы сделать из него своего информатора.

– Он не показывался в клубе два последних вечера, – заметил Ник.

– Он понял, что за все надо платить, – сказал Ростов, – особенно за любовь.

– Любовь? – презрительно фыркнул Ник. Ростов не ответил.

Тьма сгустилась, и зажглись уличные фонари. Воздух, проникавший в открытое окно машины, отдавал сыростью: Ростов обратил внимание, как вокруг фонарей курились туманные облачка. Испарения шли от реки. Стоял июнь, и в этом году туманы появились рановато.

– Это что такое? – бросил Тюрин. Пышноволосый человек

в двубортном пиджаке быстро шел по тротуару по направлению к ним.

– А ну, тихо, – приказал Ростов. Человек остановился у дома, за которым они наблюдали. Звякнул колокольчик у дверей.

Хассан положил руку на ручку дверцы.

– Еще рано, – прошипел Ростов. В верхнем окне дернулась портьера.

– Может, любовник? – сказал Хассан.

– Заткнись ты, ради Бога, – буркнул ему Ростов. Через минуту парадная дверь открылась, и пышноволосяный посетитель зашел внутрь. Ростов уловил облик человека, открывшего двери: это был тот самый, кто передал Дикштейну пакет. Дверь закрылась, и их шансы сошли на нет.

– Слишком быстро. Вот черт, – ругнулся Ростов. Тюрин снова забарабанил пальцами, а Ник почесал в затылке. Хассан разочарованно вздохнул, словно заранее знал, что ожидание просто глупо и ничего не даст. Ростов решил, что давно уже пора поставить его на место.

В течение часа ничего не происходило.

– Так они проведут весь вечер, – предположил Тюрин.

– Если Дикштейн их припугнул, они, скорее всего, опасаются выходить по вечерам, – сказал Ростов.

– Может, вломиться? – спросил Ник.

– Не так просто, – ответил Ростов. – Дело в том, что из окна сверху можно увидеть, кто звонит в двери. И я прики-

дываю, что незнакомцу они не откроют.

– Этот любовничек может пробыть у него всю ночь.

– Не исключено.

– Стоит просто вышибить двери, – настаивал Ник. Ростов не обратил на него внимания. Ник вечно хочет вламываться, но он не предпримет никаких силовых действий, пока ему не прикажут. Ростов прикидывал, что теперь им придется иметь дело с двумя людьми, что было и сложнее, и опаснее.

– У нас есть какое-то оружие? – спросил он.

Тюрин открыл «бардачок» перед ним и вытащил пистолет.

– Отлично. Лишь бы не пришлось его пускать в ход.

– Он даже не заряжен, – Тюрин засунул оружие в карман плаща.

– Если любовник останется на всю ночь, – спросил Хасан, – может, стоит взять его утром?

– Вне всякого сомнения, нет, – отрезал Ростов. – Мы не можем заниматься такого рода делами при свете дня.

– И что тогда?

– Я еще не решил.

Он погрузился в размышления вплоть до полуночи, когда проблема разрешилась сама собой.

Полуприкрытыми глазами Ростов наблюдал за парадной дверью. Он увидел, как она дрогнула и начала приоткрываться.

– Наконец-то, – обрадовался он.

Двое мужчин пожелали друг другу спокойной ночи; тот, что помоложе, стоял на тротуаре, а второй, в ночном халате – в дверях дома. Он держал руку своего любовника в прощальном пожатии. Оба они, вздрогнув, подняли глаза, когда Ник с Тюриным, выскочив из машины, приблизились к ним.

– Не двигаться и не шуметь, – тихо предупредил Тюрин по-французски, показывая им пистолет.

Ростов отметил, что Ник с безошибочным тактическим инстинктом занял позицию сзади и чуть сбоку молодого человека.

– О, Господи, – взмолился старший, – прошу вас, больше не надо.

– В машину, – приказал Тюрин.

– Почему бы вам, подонкам, не оставить нас в покое? – вспылил молодой.

Наблюдая за этой сценой и слушая с заднего сидения машины, Ростов подумал: «Вот та секунда, когда они прикидывают, подчиниться или поднять шум». Он быстро обвел взглядом пустую темную улицу.

Ник, почувствовав, что молодой человек готов оказать неповиновение, обхватил его обеими руками пониже плеч и легко оторвал от земли.

– Не бейте его, – взмолился старший, – я иду. – Он вышел из дома.

Его приятель крикнул:

– Черта с два ты пойдешь!

«Проклятье», – подумал Ростов.

Молодой человек отчаянно извивался в объятьях Ника, а потом попытался ударить его по стопе. Ник отступил на шаг и врезал тому кулаком по почкам.

– Нет, Пьер! – вскричал хозяин дома.

Тюрин подскочил к нему и зажал рот огромной ладонью. Отчаянным усилием тот отвел голову в сторону и успел крикнуть «На помощь!» прежде, чем Тюрин успел снова заткнуть ему рот.

Пьер, опустившись на одно колено, стонал.

Ростов перегнулся через спинку переднего сидения и крикнул в открытое окно: «Тащите их! Двинулись!»

Тюрин подхватил мужчину постарше на руки и таким образом донес его до машины. Пьер внезапно оправился от удара Ника и попытался было пуститься наутек. Хассан вытянул ногу, и тот полетел кувырком, распростершись на брусчатке мостовой.

Ростов увидел, как в верхнем окне соседнего дома зажегся свет. Если эта суматоха еще продолжится, их арестуют.

Тюрин запихал свою ношу на заднее сидение. Ростов ухватил добычу и сказал Тюрину.

– Я держу его. Включай двигатель. И поскорее.

Ник перехватил молодого гостя и дотащил его до машины. Тюрин прыгнул на место водителя, а Хассан открыл дверцу с другой стороны.

– Хассан, – рявкнул на него Ростов, – закрой дверь дома,

идиот!

Ник пихнул молодого человека на заднее сидение рядом с его приятелем, затем и сам разместился на нем так, что двое пленников оказались зажатыми между Ростовым и им. Хассан закрыл двери дома и вскарабкался на сиденье рядом с водителем. Тюрин рванул машину с места и резко повернул за угол.

– Боже Всемогущий, – по-английски сказал Ростов, – ну и мудня.

Пьер все еще стонал. Пленник постарше сказал:

– Мы ничем перед вами не провинились.

– Неужто? – ответил Ростов. – Три вечера тому назад в клубе на Рю Дик вы передали папку некоему англичанину.

– Эду Роджерсу?

– Это не его имя.

– Вы из полиции?

– Не совсем, – Ростов не хотел разочаровывать его, пусть верит в то, что ему хочется. – Меня не интересует сбор доказательств, составление обвинения и отдача вас под суд. Я интересуюсь лишь содержимым папки.

Наступило молчание.

Тюрин бросил из-за плеча:

– Двинемся из города и поищем какое-то тихое местечко?

– Подожди.

– Я вам все расскажу, – согласился пленник постарше.

– Покрутись пока вокруг города, – приказал Ростов Тю-

рину, не сводя взгляда с работника Евроатома. – Так, рассказывайте.

– Это была распечатка с компьютера Евроатома.

– Какая в ней хранилась информация?

– Подробности о выдаче лицензий на отправку грузов расщепляющихся материалов.

– Расщепляющихся? Вы имеете в виду ядерных?

– Руда, металлизированный уран, ядерные отходы, плутоний...

Откинувшись на спинку сидения, Ростов уставился на пролетающие за окном огни города. Кровь прихлынула к голове из-за охватившего его восторга: наконец-то он понял смысл операции Дикштейна.

Человек из Евроатома прервал его размышления.

– Теперь вы нас отпустите домой?

– Я должен получить копию этой распечатки.

– Я не могу вынести еще одну, потому что исчезновение одной уже достаточно подозрительно!

– Боюсь, что вам придется это сделать, – сказал Ростов. – Но если хотите, верните ее обратно после того, как она будет перефотографирована.

– О, Господи, – простонал человек.

– У вас нет выбора.

– Хорошо.

– Рули к дому, – приказал Ростов Тюрину. А чиновнику из Евроатома он сказал: – Завтра вечером принести распечатку

домой. Кто-нибудь зайдет к вам и перефотографирует ее.

Большой лимузин миновал улочки города. Ростов прикинул, что похищение прошло довольно гладко.

– Кончай тарашиться на меня, – сказал Ник Пьеру. Они въехали на брусчатку мостовой. Тюрин остановил машину.

– О'кей, – сказал Ростов. – Выпускай того, что постарше. Его дружок пока останется у нас.

Чиновник Евроатома завопил, словно от боли.

– Почему?

– На тот случай, если завтра вам захочется расколоться и все рассказать своему шефу. Молодой Пьер будет нашим заложником. Пошел!

Ник открыл дверцу и дал пленнику выйти. Несколько мгновений он, застыв, стоял на мостовой. Ник сел обратно в машину, и Тюрин двинул ее с места.

– Все ли с ним будет в порядке? – спросил Хассан. – Делает ли?

– Он будет работать на нас, пока не получит обратно своего приятеля, – сказал Ростов.

– А потом?

Ростов промолчал. Он думал, что благоразумнее всего будет убрать обоих.

Сузи мучилась кошмаром.

На бело-зеленый домик у реки спустились вечерние сумерки. Она была одна. Она принимала ванну и долго нежи-

лась в ароматной горячей воде. Затем пошла в большую спальню, где, сев у трехстворчатого зеркала, припудрила тело из ониксовой коробочки, которая принадлежала ее матери.

Она открыла гардероб, ожидая увидеть изъеденные молью наряды матери, выцветшие от времени лохмотья на вешалке, но ничего подобного – все было чистое, новое и в превосходном состоянии, если не считать слабого запаха нафталина. Она выбрала себе ночную рубашку, белую, как саван, и накинула ее на себя. Затем легла на постель.

Она лежала так долгое время, ожидая, когда же Нат Дикштейн придет к своей Эйле. Вечер перешел в ночь. За окном шелестели речные струи. Дверь открылась. В ногах кровати стоял мужчина, стягивая с себя одежду. Он склонился над ней, и паника сразу же запылала бурным пожаром, когда она увидела, что это не Дикштейн, а ее отец, и что она сама, конечно же, давно мертва – и вот ее ночная рубаха расплзлась прахом, волосы спали, плоть пошла складками, кожа на лице высохла и обтянулась, обнажая зубы и обрисовывая швы на черепе, а она превратилась в скелет, и она кричала, кричала, кричала и, наконец, проснулась в ужасе, обливаясь потом и дрожа, удивляясь, почему никто не примчался к ней в комнату спросить, что случилось, пока она с облегчением не осознала, что крики ей тоже приснились; она успокоилась и опять, отходя ко сну, пыталась понять, что же за сон ей приснился и что он означает.

Утром к ней вернулось обычное веселое настроение, если не считать какого-то смутного непонятного беспокойства, словно легкого облачка на небе ее безмятежности: сон совершенно изгладился у нее из памяти, оставив о себе лишь странное воспоминание как о чем-то неприятном, хотя беспокоиться было совершенно не о чем, ибо, как известно, кошмары заменяют подлинные тревоги дня.

Глава седьмая

– Нат Дикштейн собирается украсть уран, – объявил Ясиф Хассан.

Давид Ростов кивнул в знак согласия. Он напряженно размышлял, прикидывая, как избавиться от Ясифа Хассана.

Они прохаживались по аллее у подножья высокого утеса, который служил основанием старой части города. Хассан продолжил:

– Они поставили ядерный реактор в Димоне в пустыне Негев. Французы помогали им строить его и, скорее всего, снабжали ядерным топливом. После Шестидневной войны де Голль прекратил поставки оружия и, наверно, урана.

Это-то ясно, думал Ростов, так что лучше всего подогреть предположения Хассана полным согласием с ним.

– Совершенно типичный для Моссада образ действий, просто взять и украсть тот уран, который им нужен. Именно так эта публика и мыслит. У них менталитет людей, прижатых к стене, что заставляет их не обращать внимание на тонкости международной дипломатии.

Ростов мог заглянуть несколько дальше Хассана – поэтому он и был обеспокоен проблемой, как бы хоть на время избавиться от араба. Ростов знал о строительстве атомного реактора в Каттаре; Хассан наверняка нет: с чего ради сообщать такие секреты какому-то агенту в Люксембурге.

Скорее всего, поскольку в Каире происходили сплошные утечки информации, и израильтяне знают о египетской бомбе. И что же им остается? Делать свою собственную – для чего им и понадобились, по словам человека из Евроатома, «расщепляющиеся материалы». Ростов считал, что Дикштейн попытается украсть какое-то количество урана для создания израильской атомной бомбы. Но Хассан пока еще не сделал такой вывод, и Ростов не собирался помогать ему, ибо незачем Тель-Авиву знать, насколько близко он подошел к разгадке.

Вечером у них в руках появилась распечатка, но, хотя они так и не сдвинулись с места, он промолчал о ней, ибо из этого списка Дикштейн и должен выбрать себе цель. И Ростову не хотелось, чтобы Хассан обладал этой информацией.

У Ростова явно поднялось настроение. Он чувствовал себя как в шахматной партии, когда три или четыре пешки соперника начинали выстраиваться в боевой порядок, а он, видя, откуда последует нападение, готов превратить его в поражение. Он не забыл причины, по которым он вступил в схватку с Дикштейном: конфликт внутри КГБ между ним и Феликсом Воронцовым с Юрием Андроповым в роли третейского судьи, за которым должно последовать в виде награды место в спецколле для сына – но в данный момент все это отступило на задний план. Сейчас им руководили, держа в напряжении и обострив все чувства, азарт погони и запах добычи.

На пути у него стоял Хассан. Надутый обидчивый любитель, сообщавший о всех его действиях в Каир, в данный момент был более опасным врагом, чем Дикштейн. Несмотря на все свои ошибки и оплошности, он далеко не глуп – естественно, считал Ростов, ему присуща определенная сообразительность, типично левантинский склад ума, унаследованный от его папаши-капиталиста. Он может и догадываться, что Ростов хочет устранить его с дороги. Тем не менее, Ростов решил поручить ему какое-то реальное дело.

Они прошли под мостом Адольфа, и, обернувшись, Ростов остановился, любуясь видом, открывшимся сквозь проем арки. Он напомнил ему об Оксфорде, и внезапно Ростов понял, что делать с Хассаном.

– Дикштейн догадывается, что за ним кто-то следит, – сказал он, – и, скорее всего, связывает этот факт с вашей встречей.

– Вы так думаете?

– Ну, посмотри сам. Он отправляется на задание, внезапно сталкивается со знакомым арабом, и тут же за ним повиляет хвост.

– Он может это предполагать, но знать он не знает.

– Ты прав. – Глянув на Хассана, Ростов понял, что арабу просто нравится слышать от него такие слова. Он меня терпеть не может, подумал Ростов, но ему нужно, чтобы я согласился с ним, просто жутко нужно. Он горд – и я могу это использовать.

– Дикштейн должен проверить, – продолжал Ростов. – Есть ли на тебя досье в Тель-Авиве?

Хассан пожал плечами со следами некогда свойственного ему аристократического высокомерия.

– Кто знает?

– Как часто вы встречались лицом к лицу с другими агентами – американцами, англичанами, израильянами?

– Никогда. Я слишком осторожен.

Ростов чуть не расхохотался. Истина заключалась в том, что Хассан слишком незначительная сошка, чтобы представлять интерес для крупных разведывательных служб, и ему никогда не поручалось ничего достаточно важного, чтобы требовалась встреча с другими агентами.

– Если нет данных в досье, – сказал Ростов, – Дикштейну придется переговорить с вашими друзьями. Есть ли у вас какие-нибудь общие знакомые?

– Нет. После колледжа мы с ним не виделись. Да и в любом случае, он ничего не сможет узнать от моих знакомых. Они ничего не знают о моей тайной жизни. Я не выбалтывал налево и направо...

– Да, да, – подавляя нетерпение, прервал его Ростов. – Но в ходе беседы Дикштейн может задавать вроде бы незначущие вопросы касательно твоего поведения, как такового, дабы убедиться, соответствует ли твой образ жизни представлению о тайной деятельности – например, бывают ли таинственные телефонные звонки, внезапные отлучки, дру-

зья, которых ты стараешься не знакомить с окружающими... Есть ли кто-нибудь в Оксфорде, с кем ты продолжаешь видеться?

– Из студентов никого, – у Хассана изменился тон, и Ростов понял, что близок к цели. – Я поддерживаю некоторые связи с преподавателями на факультете – здравствуйте, до свидания – в частности, с профессором Эшфордом – пару раз он свел меня с людьми, которые готовы субсидировать наше дело.

– Если я не ошибаюсь, Дикштейн тоже знаком с Эшфордом.

– Конечно. Эшфорд возглавлял кафедру семитских языков, на которой занимались мы с Дикштейном.

– Вот видите. Дикштейну остается только связаться с Эшфордом и в разговоре невзначай упомянуть твое имя. Эшфорд же расскажет ему, что ты делаешь и какой ведешь образ жизни. И затем Дикштейну станет ясно, что ты – тайный агент.

– Что-то сомнительно, – настороженно возразил Хассан.

– Отнюдь, – уверенно ответил Ростов, хотя Хассан был прав. – Это стандартная техника. Я и сам так не раз делал. И всегда срабатывало.

– Значит, если он свяжется с Эшфордом...

– У нас появится возможность снова сесть ему на хвост. Поэтому я бы хотел, чтобы ты отправился в Оксфорд.

– О! – Хассан не догадывался, к чему может привести раз-

говор, и оказался в тупике. – Но Дикштейн мог просто позвонить по телефону...

– Мог, но такого рода разговоры предпочтительнее вести при личной встрече. Ты можешь сказать, что случайно оказался в городе и хочешь поболтать о добрых старых временах... а во время международного разговора трудно быть столь непринужденным. В силу этих же причин и следует прибыть на место, а не звонить по телефону.

– Может, вы и правы, – неохотно согласился Хассан. – Я планировал отправить сообщение в Каир, как только мы разберемся с распечаткой.

Вот именно этого Ростов и старался избежать.

– Хорошая мысль, – одобрил он. – Но сообщение будет выглядеть куда лучше, если вы сможете присовокупить к нему и известие, что удалось снова выйти на Дикштейна.

Хассан стоял, вглядываясь вдаль, словно надеялся увидеть отсюда Оксфорд.

– Давайте вернемся, – коротко сказал он. – Я уже нагулялся.

Настало время проявить общительность и дружелюбие. Ростов приобнял Хассана за плечи.

– Вы, европейцы, такие изнеженные.

– Только не пытайтесь меня убедить, что у КГБ в Москве трудная жизнь.

Выйдя к дороге, они остановились, пережидая поток машин.

– Ох, послушай, – спохватился Ростов, – все время хотел спросить. Ты трахал жену Эшфорда?

– Не больше четырех или пяти раз в неделю, – хмыкнул Хассан и, довольный, громко расхохотался.

Он явился на станцию слишком рано, поезд запаздывал, так что ему пришлось провести тут целый час. Единственный раз в жизни он прочитал «Ньюсуик» от корки до корки. По приходе поезда она едва ли не бегом кинулась к нему по платформе, широко улыбаясь. Как и вчера, она обняла его и расцеловала, на этот раз поцелуй был несколько продолжительнее. Он смутно предполагал, что увидит ее в длинном платье, окутанную шелками, как жена банкира в «Клубе-61» в Тель-Авиве, но, конечно же, Сузи принадлежала к другому поколению в другой стране и явилась в высоких сапожках, голенища которых исчезали под подолом юбки, спускавшейся чуть ниже колен, и в шелковой блузке, стянутой широким поясом. На лицо наложен макияж. Руки ее были пусты, ни плаща, ни сумочки, ни косметички. Несколько мгновений они стояли молча, лишь улыбаясь друг другу. Дикштейн, по-прежнему плохо представлявший, что ему делать, предложил ей руку, как вчера, и, по всей видимости, этот его жест обрадовал ее. Они двинулись к стоянке такси. Когда они сели в машину. Дикштейн спросил:

– Куда вы хотели бы направиться?

– Вы не заказали столик?

Я должен был бы это сделать, – пришло ему в голову, но он признался:

– Я не знаю лондонских ресторанов.

– На Кингс-Роуд, – велела Сузи водителю. Когда машина снялась с места, она глянула на Дикштейна и сказала:

– Привет, Натаниель.

Никто еще не называл его Натаниелем. Ему понравилось.

Небольшой ресторанчик в Челси, который она выбрала, был погружен в уютный полумрак. Когда они шли к столику, то Дикштейну показалось, что он видит несколько знакомых лиц, и в желудке у него возник ком; минуту спустя он понял, что это популярные исполнители, фото которых мелькают на страницах журналов, после чего снова расслабился. Он с удовольствием отметил, что в зале люди всех возрастов, ибо слегка опасался, что окажется среди них самым старым.

Они сели, и Дикштейн спросил:

– Вы водите сюда всех своих молодых людей?

Сузи одарила его холодной улыбкой.

– Это первая глупость, которую я от вас услышала.

– Я исправлюсь. – Ему хотелось провалиться сквозь землю от стыда.

– Что вы хотите заказать? – спросила она, и неловкость прошла.

– Дома я питаюсь просто и незамысловато, тем, что и все. В отлучке я живу в гостиницах, где мне вечно подсовывают какие-то загадочные блюда. А больше всего мне нравится то,

чего здесь не подадут: жареный бараний окорок, пудинг из почек с зеленью, ланкаширская похлебка.

– Знаете, что меня в вас больше всего привлекает? – улыбнулась она. – Вы не имеете представления, что является изысканностью, а что нет, но, в любом случае, она вас совершенно не волнует.

Он коснулся лацканов пиджака.

– Вам не нравится этот костюм?

– Нравится, – сказала она. – Хотя, скорее всего, он вышел из моды, уже когда вы его покупали.

Он остановился на куске мяса с вертела, а она на тушеной печенке, которую ела с завидным аппетитом. Он заказал бутылку бургундского, ибо это тонкое вино как нельзя лучше подходило к печенке, мягко дав ей понять, что хоть в винах он разбирается, поскольку такова его работа. Сузи опустошила добрую половину бутылки, что он ей с удовольствием позволил; у него же не было аппетита.

Она рассказала ему, как в свое время принимала ЛСД.

– Это просто незабываемо. Я чувствовала все свое тело, словно я в нем и вне его. Я слышала, как бьется сердце. Кожа просто пела от счастья, когда я прикасалась к ней. И вокруг полыхание красок... А я все задавалась вопросом: то ли наркотик в самом деле показывает мне эти красоты, то ли он привел меня в такое состояние? Это был новый путь осознания мира или же он просто усиливает ощущения, которые всегда присутствуют в вас?

– Но потом у вас не возникало потребности в нем? – спросил он.

Она покачала головой.

– Я не могла позволить себе настолько терять над собой контроль. Но я рада, что познала такое.

– Поэтому я не люблю пить – теряешь контроль над телом и мыслями. Хотя, конечно, это не то же самое. Как бы там ни было, пару раз, когда мне случалось напиваться, я отнюдь не считал, что обретаю ключ от вселенной.

Она рассеянно отмахнулась. У нее была длинная тонкая рука, точно как у Эйлы и такой же грациозный жест.

– Я не верю, – сказала Сузи, – что наркотики могут решить все проблемы мира.

– А во что вы верите, Сузи?

Медля с ответом, она, улыбаясь, смотрела на него.

– Я верю в то, что вам больше всего на свете нужна любовь. – Тон у нее был чуть вызывающий, словно она боялась ответной иронии.

– Эта философия, скорее, подходит утомленному жизнью обитателю Лондона, чем закаленному в драках израильтянину.

– Я даже не буду пытаться переубедить вас.

– Я был бы счастлив.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Вы никогда не знали счастья.

Уставившись в меню, он пробормотал:

– Я бы предпочел клубничное желе.

– Расскажите мне, кого вы любите, Натаниель, – внезапно попросила она.

– Одну пожилую женщину, ребенка и привидение, – тут же ответил он, потому что не раз сам задавался этим вопросом. – Пожилую женщину зовут Эстер, и она еще помнит погромы в царской России. Ребенок – это мальчик по имени Мотти. Ему нравится «Остров сокровищ». Его отец погиб в Шестидневной войне.

– А привидение?

– Вы хотите клубничное желе?

– Да, спасибо.

Стоял июнь, и клубника была великолепна.

– А теперь расскажите, что вы любите, – предложил Дикштейн.

– Ну... – сказала она и задумалась. – Ну... – она бросила ложку, – о, черт, Натаниель, думаю, что люблю вас.

Первой ее мыслью было: «Что за чертовщина мне взбрела в голову? Чего ради я это брякнула?» Затем она подумала: «Ну и пусть, это правда». И наконец: «Но почему же я влюбилась в него?» Она не знала, почему, но знала, когда. Ей представились две возможности заглянуть в него и увидеть подлинного Дикштейна: один раз, когда он говорил о лондонских фашистах тридцатых годов, и второй, когда упомянул о мальчике, чей отец был убит во время Шестидневной войны. Оба раза с него спадала маска. И она смогла

увидеть за ней не маленького, испуганного, прижавшегося в угол человечка. На самом же деле перед ней предстал сильный, решительный и уверенный в себе человек. И в эти минуты она уловила исходящее от него ощущение мощи, словно сильный неодолимый запах. Она даже слегка содрогнулась от неожиданности.

Этот человек был загадочен и интригующе властен. Ей захотелось сблизиться с ним, понять, о чем он думает, проникнуть в его тайные мысли. Она хотела, притрагиваться к его мускулистому телу, чтобы его сильные руки ласкали ее, и глядеть в грустные карие глаза, когда он будет кричать от страсти. Она хотела его любви.

Ничего подобного с ней раньше не случалось.

Нат Дикштейн понимал, что ничего этого не должно быть.

Он любил Эйлу, которая умерла. И было что-то неестественное в его отношениях с ее подростковой дочерью, смахивающей на нее, как две капли воды.

Он был не столько еврей, сколько израильтянин, не столько израильтянин, сколько агент Моссада. И из всех окружавших его женщин он ни в коем случае не мог полюбить девушку, в которой наполовину арабской крови.

Когда красивая и обаятельная девушка влюбляется в шпиона, первым делом тот обязан спросить себя, какой вражеской разведке это на руку.

В течение всех этих лет женщины постоянно увлекались Дикштейном, и каждый раз он находил причины, по кото-

рым должен быть холоден с ними, и рано или поздно они все понимали и уходили от него разочарованными, и тот факт, что Сузи перехитрила его подсознание, стремительным натиском сломав его оборону, было еще одной причиной для подозрительности.

Все тут было не так.

Но Дикштейна это не волновало.

На такси они добрались до квартирки, где она собиралась остановиться на ночь. Она пригласила его войти – ее друзья, владельцы квартиры, уехали на выходные дни, и они очутились в постели, но только тут начались их проблемы.

Сначала Сузи решила, что его обуревают слишком сильный порыв страсти, когда, еще стоя в маленьком холле, он притянул ее за руки и сильно поцеловал ее, а она простонала «О Господи», переняла его руки и положила их себе на грудь. В голове у нее мелькнула циничная мысль: «Эту картину я уже где-то видела, он настолько поражен моей красотой, что практически сейчас изнасилует меня, а потом, оказавшись в постели, через пять минут будет сопеть, провалившись в сон». Но, отстранившись от его поцелуев и заглянув в большие карие мягкие глаза, она подумала: «Что бы ни было, но такого не произойдет».

Она провела его в маленькую спальню на задах квартиры, выходящую окнами во двор. Сев на край постели, она скинула туфли. Дикштейн стоял в дверном проеме, наблюдая за ней. Она подняла на него глаза и улыбнулась.

– Раздевайся, – сказала она.

Он выключил свет.

Она нырнула под простыню, тронутая и заинтересованная тем, что он хочет заниматься любовью в темноте. Оказавшись рядом, он поцеловал ее на этот раз легко и нежно. Она провела руками по его сухому твердому телу и приоткрыла рот под его поцелуями. После мгновенного замешательства он ответил, и она предположила, что так он не целовался никогда или очень длительное время.

Теперь он нежно касался ее кончиками пальцев, изучая тело, и изумленно выдохнул «Ох!», когда обнаружил ее напрягшиеся соски. В его ласках не было ни следа той умелой опытности, столь знакомой ей по прошлым любовным историям; он был, словно... ну, словно девственница. Эта мысль заставила ее улыбнуться в темноте.

– У тебя прекрасные груди, – прошептал он.

– Они твои, – сказала она, притрагиваясь к ним. Страсть начала оказывать свое действие, и она напряглась, чувствуя шершавость его кожи, волосы на ногах, легкий приятный мужской запах. И внезапно что-то с ним произошло. Не было никаких видимых причин, и на мгновение она было решила, что ей все показалось, потому что он продолжал ласкать ее, но она ощутила, что движения его обрели механический характер, он думает о чем-то другом, и она теряет его.

Она уже была готова заговорить с ним, как он отвел руки и сказал:

– Ничего не получается. Я не могу.

Ее охватила паника, с которой она с трудом справилась. Она испугалась, но не за себя – «В свое время ты навидалась достаточно крепких колов, девочка, чтобы не бояться облома», а за него, и его реакция могла быть признаком отчаяния или стыда и...

Обхватив его обеими руками, она притянула его к себе.

– Что бы ты ни делал, но только, прошу тебя, не уходи.

– Я не могу.

Она захотела зажечь свет, чтобы заглянуть ему в лицо, но ей показалось, что именно сейчас делать этого не стоит. Она прижалась щекой к его груди.

– У тебя где-то есть жена?

– Нет.

Кончиком языка она лизнула его плечо.

– Я просто подумала, что ты испытываешь перед кем-то чувство вины. Может, из-за того, что во мне арабская кровь?

– Я не думал об этом.

– Или из-за того, что я дочка Эйлы Эшфорд? Ты же любил ее, не так ли?

– Откуда ты знаешь?

– Я видела, как ты говорил о ней.

– А, ясно... ну, не думаю, что должен испытывать чувство вины из-за этого, но все же... со мной что-то не то, доктор.

– М-м-м... – Он вроде начал выползать из своей скорлупы. Она поцеловала его в грудь. – Не расскажешь ли мне?

– Я бы хотел...

– Когда ты в последний раз занимался сексом?

– В 1944-м.

– Ты шутишь! – воскликнула она, не в силах скрыть удивления.

– Это первая глупость, которую я от тебя услышал.

– Я... прости, ты прав. – Она помедлила. – Но почему?

Он вздохнул.

– Я не могу... я не в состоянии рассказать тебе об этом.

– Но ты должен. – Дотянувшись до настольной лампы, она включила свет. Дикштейн закрыл глаза от яркого сияния.

Сузи приподнялась, опираясь на локоть. – И не должно быть никаких тайн. Если ты испуган, или тебе что-то неприятно, ты чем-то обеспокоен, ты можешь и должен обо всем рассказать. До сегодняшнего вечера я никогда и никому не говорила «Я люблю тебя». Нет. Поговори со мной, пожалуйста.

Наступило долгое молчание. Он лежал неподвижно, не подавая признаков жизни и закрыв глаза. Наконец, он начал рассказывать.

– Я так и не узнал, где находился – и до сих пор не знаю. Меня доставили в теплушке, а в то время я не мог отличить одну страну от другой по окружающему пейзажу. Это был специальный лагерь, медицинский исследовательский центр. Его заключенных отобрали из всех других лагерей. Все были молоды и здоровы, и все мы были евреями. У нас все время брали анализы – кровь, мочу; заставляли дуть в

трубку, давить мячи, читать буквы на карточках. Порой мы чувствовали себя, словно в больнице. Затем начались эксперименты.

Он остановился, чтобы сглотнуть ком в горле. Ему было все труднее сохранять спокойствие.

– Ты должен рассказать мне, – шепнула Сузи, – все, что с тобой произошло – все до последнего.

Он был бледен и говорил тихо. Глаза его по-прежнему были закрыты.

– Они привели меня в ту лабораторию. Стражники, которые сопровождали меня, подмигивали, подталкивая меня, и говорили, что я *glücklich*, счастливчик. Я оказался в большой комнате с низким потолком и очень ярко освещенной. Там было шесть или семь человек и стояла кинокамера. В середине комнаты стояла низкая лежанка с матрасом, без простыней. И там лежала женщина. Они приказали, чтобы я овладел ею. Она была голой, и ее била дрожь – тоже заключенная. Она шепнула мне: «Спасите мою жизнь, а я спасу вас». И тогда мы сделали то, что нам приказали. Но это было только началом.

После этого экспериментаторы стали заниматься разными вариантами. Каждый день в течение нескольких месяцев они что-то придумывали. Порой наркотики. Старухи. С мужчинами. Сношение в разных положениях – стоя, сидя, как угодно. Оральный секс, анальный секс, мастурбирование, групповой секс. Если вы выходили из строя, вас забивали на-

смерть или пристреливали. Вот почему после войны об этих историях никто ничего не знал. Потому что все их участники несли какую-то долю вины.

Сузи настойчивее погладила его. Она знала, сама не зная почему, что делает то, в чем он нуждался, и все правильно.

– Рассказывай мне. Все.

У него участилось дыхание. Глаза его открылись, и он уставился в чистый белый потолок, видя перед собой другое место и другое время.

– И в конце... это было самое позорное, самое ужасное... она была монахиней. Сначала я подумал, что они соврали мне: просто ее так одели, но она стала молиться по-французски. У нее не было ног... их у нее ампутировали, просто, чтобы посмотреть, какое это произведет на меня эффект... это было ужасно, и я... и я...

Он содрогнулся, а Сузи скользнула губами по его телу, опускаясь все ниже и ниже, и он шептал-кричал: «О, нет, нет, нет!», и ритм слов диктовался спазмами, сотрясавшими его тело, и, когда все завершилось, он разрыдался.

Она поцелуями осушала его слезы и говорила, что все в порядке, говорила снова и снова. Он постепенно успокаивался, пока, наконец, ей не показалось, что он на несколько минут провалился в сон. Она лежала рядом, наблюдая, как смягчились черты его лица, и на него снисходил покой. Вдруг он открыл глаза и спросил:

– Почему ты это для меня сделала?

– Видишь ли... – В те минуты она не понимала смысла своих действий, но сейчас к ней пришло осознание правильности своего поведения. – Я могла бы прочесть тебе лекцию. Я могла втолковать тебе, что стыдиться тут нечего. Я могла бы поспорить с тобой, но все это не имело бы смысла. Я должна была доказать тебе... Ну и, кроме того, – она смущенно улыбнулась, – и, кроме того, во мне тоже есть темные инстинкты.

Коснувшись пальцами ее щеки, он склонился к Сузи и поцеловал ее в губы.

– Откуда ты обрела такую мудрость, малыш?

– Это не мудрость, это любовь.

Обняв Сузи, он притянул ее к себе и поцеловал, называя своей дорогой, а немного погодя они стали заниматься любовью, просто и нежно, почти не говоря друг с другом, без каких-либо признаний или темных фантазий или дикой похоти, беря и давая друг другу нежность и радость, как давняя супружеская пара, которая отлично знает друг друга, потом они погрузились в сон, полный радости и покоя.

Давид Ростов испытал глубокое разочарование, изучая распечатку Евроатома. После того, как он с Пьером Тюриным провел долгие часы за ее изучением, стало совершенно ясно, что список грузов неподъемно велик. Не подлежало сомнению, что они не могли проследить за всеми из них. Единственный путь выяснить, на какой из них нацелился для

похищения Нат Дикштейн, – это снова напасть на его след.

Они ждали звонка араба. После десяти Ник Бунин, который любил спать так, как некоторые люди обожают загорать, пошел в постель. Тюрин еще держался до полуночи, но потом и он скис. Для Ростова звонок, наконец, прозвучал после часа ночи. Он испуганно подхватился, сорвал телефонную трубку, и ему пришлось переждать несколько секунд, чтобы успокоиться, и лишь потом он бросил в трубку:

– Да?

Голос Хассана пришел за триста миль по кабелю международной связи.

– Я все выяснил. Этот человек был здесь. Два дня назад. Ростов стиснул кулаки, стараясь подавить возбуждение.

– Иисусе! Вот повезло!

– Что теперь?

Ростов задумался.

– Теперь он знает, что мы знаем о нем.

– Да. Должен ли я возвращаться на базу?

– Не думаю. Сообщил ли профессор, как долго этот человек предполагает оставаться в Англии?

– Нет. Я задал ему этот вопрос напрямую. Профессор не знает: этот человек ничего не сообщал ему.

– Он и не мог. – Ростов нахмурился, прикидывая. – Первым делом в этих обстоятельствах он должен был бы сообщить, что его вычислили. То есть, он должен выйти на контакт со своей лондонской конторой.

– Может быть, он уже сделал это.

– Да, но он может потребовать и встречи. Ему придется принять меры предосторожности, а эти меры требуют времени. Ладно, предоставьте все мне. Сегодня во второй половине дня я буду в Лондоне. Где ты сейчас?

– Я все еще в Оксфорде. Направился сюда сразу же с самолета. И не могу вернуться в Лондон до утра.

– Хорошо. Загляни в «Хилтон», и я встречу там с тобой во время ленча.

– Договорились. А bientôt.

Ростов снова стал думать о Дикштейне. Этот человек может и не предоставить им второй раз сесть ему на хвост. Так что Ростов должен шевелиться и не терять времени. Он натянул пиджак, вышел из гостиницы и, взяв такси, направился к советскому посольству.

Он потерял какое-то время, представляясь четырем различным людям, прежде чем в середине ночи его впустили внутрь. Дежурный оператор вытянулся по стойке смирно, когда Ростов вошел в центр связи.

– Садитесь, – сказал Ростов. – Предстоит кое-какая работа. Первым делом, дайте мне контору в Лондоне.

Оператор включил скрамблер, устройство, препятствующее подслушиванию, и начал вызывать советское посольство в Лондоне. Ростов снял пиджак и закатал рукава.

– Товарищ полковник Давид Ростов, – бросил в трубку оператор, – хочет переговорить с самым старшим офицером

службы безопасности. – Он сделал знак Ростову, чтобы тот взял отводную трубку.

– Полковник Петров слушает. – Голос типичного служаки средних лет.

– Петров, мне нужна кое-какая помощь, – без предисловий начал Ростов. – Предполагается, что в Англии находится израильский агент Нат Дикштейн.

– Да, с дипломатической почтой к нам пришел его фотоснимок – но мы не уверены, что он здесь.

– Слушай. Я думаю, он может искать контактов со своим посольством. И я хочу, чтобы сразу же, с рассветом, ты поставил под наблюдение всех открытых сотрудников израильского посольства.

– Да брось ты, Ростов, – коротко засмеялся Петров. – Для этого же потребуется куча народа.

– Кончай глупить. У вас сотни человек, а израильтян всего пара дюжин.

– Извини, Ростов, я не могу раскручивать такую операцию только потому, что ты говоришь так, мол, и так. Вот представь мне соответствующий документик, и я в твоём распоряжении.

– Но к тому времени он исчезнет!

– Это уж не моя забота.

В ярости Ростов швырнул трубку и рявкнул:

– Чертова российская психология! Пальцем не шевельнут без шести подписей! Свяжитесь с Москвой, скажите, чтобы

нашли там Феликса Воронцова и дали его мне, где бы он ни был.

Через несколько минут на линии прорезался сонный голос Феликса, шефа Ростова.

– Да. Кто там?

– Давид Ростов. Я в Люксембурге. Мне нужна поддержка. Думаю, Пират решил выйти на связь с израильским посольством в Лондоне, и мне нужно поставить под наблюдение всех его сотрудников.

– Так и звони в Лондон.

– Что я и сделал. Им нужно подтверждение.

– Вот и попроси его.

– Ради Бога, Феликс, этим я и занимаюсь!

– Ночью я ничем не могу тебе помочь. Звони мне утром.

– Да в чем дело? Конечно же, ты можешь... – И внезапно Ростов осознал, в чем дело. Не без усилия он взял себя в руки. – Хорошо, Феликс. Утром.

– Кто следующий? – спросил оператор.

Ростов нахмурился.

– Держите связь с Москвой. Дайте мне минутку подумать.

Ему осталось только одно. Это был довольно опасный способ действия, который вполне может ему выйти боком – в сущности, на что Феликс и рассчитывал. Но он не имеет права жаловаться, что ставки слишком высоки, потому что именно он и поднял их.

Пару минут он продумывал порядок действий. Затем ска-

зал:

– Сообщите в Москву, пусть они дадут мне квартиру Юрия Владимировича Андропова на Кутузовском проспекте, 26. – Оператор вскинул брови – в первый и последний раз его просили связаться по телефону лично с главой КГБ, – но ничего не сказал. Ростов ждал, нервничая. – Ручаюсь, что ЦРУ так не работает, – пробормотал он.

Оператор кивнул ему, и он взял трубку. Голос на том конце провода произнес:

– Да?

Повысив голос, Ростов рявкнул:

– Ваше имя и звание!

– Майор Петр Эдуардович Щербицкий.

– Говорит полковник Ростов. Я хочу переговорить с Андроповым. Это очень срочно, и, если через две минуты он не подойдет к телефону, остаток жизни вы проведете на строительстве плотины в Братске. Я ясно выражаюсь?

– Да, товарищ полковник. Обождите, пожалуйста, у телефона.

Через несколько секунд Ростов услышал низкий спокойный голос Юрия Андропова, одного из самых могущественных людей в мире.

– А ты в самом деле перепугал Петра Эдуардовича, Ростов Давид.

– У меня не было выбора, сэр.

– Ладно, давай к делу. Надеюсь, оно стоит этой спешки.

– Моссад охотится за ураном.

– Боже милостивый.

– Думаю, Пират в Англии. Он может выйти на контакт со своим посольством. Хочу поставить под наблюдение всех его сотрудников, но там в Лондоне старый дурак Петров дал мне от ворот поворот.

– Я сейчас же переговорю с ним.

– Благодарю вас.

– И еще, Давид.

– Да?

– Ты хорошо сделал, что поднял меня – но больше этого не делай.

Глава восьмая

Утром Дикштейну было мучительно трудно оставить Сузи и возвращаться к делам.

Он все еще... ну, в общем, он все еще испытывал потрясение, когда в одиннадцать утра, сидя у окна ресторанчика на Фуллхем-роуд, ждал появления Пьера Борга. Он оставил послание в службе информации аэропорта Хитроу, в котором просил Борга появиться в кафе напротив того, в котором сейчас сидел сам. Ему казалось, что долгое время, может, никогда, он не оправится от того потрясения, в котором продолжал находиться.

Он проснулся в шесть часов и на несколько секунд впал в панику, пытаясь вспомнить, где он находится. Затем увидел длинные пряди каштановых волос Сузи, разметавшихся на подушке рядом, пока она спала, свернувшись во сне, как зверек; воспоминания о ночи захлестнули его, и он с трудом мог поверить выпавшему на его долю счастью. Он подумал, что не стоит будить ее, но не смог сдержать желания прикоснуться к ее телу. Она открыла глаза от его прикосновения, и они нежно приникли друг к другу, то улыбаясь от переполнявшего их чувства, то смеясь; в мгновения высшего взлета чувств они смотрели в глаза друг другу. Затем они, полуодетые, смеялись и дурачились на кухне, в результате чего кофе получился слишком слабым, а тосты подгорели.

Дикштейну хотелось, чтобы это длилось вечно.

С возгласом, полным ужаса, Сузи взяла его майку.

– Что это такое?

– Мое нижнее белье.

– Нижнее белье? Я просто запрещаю тебе носить его. Это старомодно, негигиенично, и оно мешает мне чувствовать под рубашкой твои соски.

Лицо ее изобразило такую похотливость, что он покатился со смеху.

Они вели себя так, словно только что познали секс. Единственная неудобная заминка наступила, когда она увидела его шрамы и спросила, где он получил их.

– С тех пор, как я очутился в Израиле, мы прошли три войны, – сказал он.

Это была правда, но не вся правда.

– Чего ради ты оказался в Израиле?

– В поисках безопасности.

– Но там же далеко не так безопасно.

– Это совсем другое дело, – рассеянно сказал он, не желая пускаться в объяснения, но потом передумал, потому что она должна все знать о нем и о его мыслях. – Должно быть какое-то место в мире, где никто не скажет тебе: «Ты другой, не такой, как остальные люди, ты еврей», где никто не будет бить мне стекла в окнах или подвергать экспериментам мое тело только потому, что я еврей. Понимаешь ли... – Она в упор смотрела на него чистыми и ясными глазами, и

он сделал над собой усилие, чтобы сказать ей всю истину, без умолчаний, не стараясь сделать ее лучше, чем она есть. – И для меня не имело значения, окажемся ли мы в Уганде, в Палестине или на Манхэттене – где бы я ни оказался, я хотел иметь право сказать: «Это мой дом», за который я буду драться зубами и когтями. Поэтому я никогда не пытался оспаривать с моральной точки зрения и право Израиля на существование и его ошибки. Законы справедливости и правила честной игры тут неприменимы. После войны... ну, понимаешь ли, предположение, что правила честной игры играют какую-то роль в международной политике, теперь кажется мне дурной шуткой. В любом месте, где доводится жить евреям – в Нью-Йорке ли, в Торонто или Париже – как бы хорошо им там ни было, как бы они ни были ассимилированы, они никогда не знают, сколько будет длиться их благополучие, когда придет очередной кризис, за который неизменно будут проклинать их, и только их. В Израиле же я знаю: что бы ни случилось, я никогда не стану жертвой этого. Так что, устранив эту проблему, мы можем иметь дело с реальностью, которая является частью повседневной жизни: обрабатывать землю и снимать урожай, покупать и продавать, драться и умирать. Думаю, именно поэтому я там и оказался... Может быть, в то время я и не понимал все это так ясно – во всяком случае, я никогда не пытался облекать в слова свои мысли – но во всяком случае, так я сейчас чувствую и мыслю.

Помолчав, Сузи сказала:

– Мой отец придерживается мнения, что в настоящее время Израиль является расистским обществом.

– Так считают юнцы. У них есть кое-какие основания. Если...

Она в ожидании смотрела на него.

– Если у нас с тобой будет ребенок, его откажут записывать евреем. Он будет гражданином второго сорта. Но не думаю, что это положение вещей будет длиться вечно. Сейчас религиозные фанатики обладают определенным весом в правительстве, что неизбежно: сионизм все-таки религиозное движение. По мере возмужания и становления нации, это будет отходить на второй план. Да, расовые законы уже несут в себе противоречия. Мы боремся с ними и, в конце концов, мы победим.

Сидя у окна ресторана и вспоминая это утро, он понял, что хочет видеть рядом с собой Сузи всю жизнь, и стал думать, что делать, если Сузи откажется последовать за ним на его родину, в его страну. Что же ему тогда выбрать, Израиль или Сузи? Он не знал.

Он наблюдал за улицей. Была типичная июньская погода: постоянные дожди с порывами холодного ветра. Неизменные красные автобусы и черные машины сновали взад и вперед по улице, пробираясь сквозь дождевые завесы и разбрызгивая лужи на мостовой. Его страна, его женщина; может, он обретет их обеих.

«Я должен наконец быть счастлив».

К кафе на другой стороне улицы подъехала машина, и Дикштейн напрягся: прислонившись к окну, он сквозь завесу дождя старался разглядеть пассажиров. Узнал грузную фигуру Пьера Борга в коротком темном плаще и мягкой фетровой шляпе, когда тот вылезал из машины. Второго мужчину, который расплачивался с водителем, Нат не знал. Пара вошла в кафе. Дикштейн осмотрел улицу с обеих сторон.

Серый «Марк-II Ягуар» остановился у двойной желтой линии в пятидесяти ярдах от кафе. Развернувшись, он подал задом на боковую улицу, где и остановился на углу так, чтобы его нельзя было увидеть из кафе. Пассажир вышел и направился к нему.

Оставив столик, Дикштейн пошел к телефонному аппарату в холле ресторана. Он по-прежнему не упускал из виду кафе напротив, набирая его номер.

– Да?

– Будьте любезны, не могу ли я переговорить с Биллом?

– Билл? Не знаю такого.

– Не могли бы вы спросить?

– Конечно. Есть тут кто-нибудь, кого зовут Биллом? – Пауза. – Да, он идет.

Через мгновение Дикштейн услышал голос Борга.

– Что это за тип с вами?

– Глава нашего лондонского отделения. Можно ли ему доверять, по твоему мнению?

Дикштейн пропустил мимо ушей сарказм.

– Один из вас привел хвост. Два человека в сером «Ягуаре».

– Мы их видели.

– Оторвитесь от них.

– Конечно. Слушай, ты знаешь этот город – как это лучше сделать?

– Отошлите спутника обратно в посольство в машине. Он уведет за собой «Ягуар». Подождите минут десять и берите такси до... – Дикштейн помолчал, припоминая какую-нибудь тихую улочку неподалеку. – До Рэдклифф-стрит. И там я вас встречу.

– О'кей.

Дикштейн посмотрел через улицу.

– Ваш хвост как раз входит в кафе. – Он повесил трубку. Вернувшись к своему месту около окна, он стал ждать. Спутник Борга вышел из кафе, открыл зонтик и остановился на углу в ожидании машины. Хвост то ли не опознал Борга в аэропорту, то ли следовал за главой отделения в силу каких-то других причин. Подъехало такси. Когда оно, взяв пассажира, снялось с места, серый «Ягуар» вывернулся из-за угла и последовал за ним. Дикштейн вышел из ресторана и взял такси для себя. Для шпиона нет ничего лучше водителя такси, подумал он.

Он велел кэбби ехать на Рэдклифф-стрит и подождать там. Минут через одиннадцать на улице показалось другое такси, и из него вылез Борг.

– Мигните фарами, – попросил Дикштейн. – Этого человека я и жду.

Борг увидел вспышку и махнул рукой в знак приветствия. Когда он расплачивался, третье такси въехало на улицу и остановилось. Борг заметил его.

Смутный силуэт в третьем такси ждал, наблюдая за происходящим. Обратив на него внимание, Борг двинулся в другую сторону от своей машины. Дикштейн сказал своему водителю, что мигать фарами больше не стоит.

Борг прошел мимо них. Хвост выскочил из такси, торопливо расплатился с водителем и последовал за Боргом. Когда такси, в котором прибыл хвост, исчезло за углом. Борг повернулся, подошел к машине с Дикштейном и залез в нее.

– О'кей, – сказал он водителю. – Поехали. – Они рванулись с места, оставив хвост стоять на мостовой в тщетных поисках другого такси. Улочка тут была тихая, и ему ничего не попадет на глаза минут пять или десять.

Дикштейн откинулся на спинку сидения и улыбнулся Боргу.

– Ну, Билл, старый пройдоха, как дела, черт побери?

Борг нахмурился.

– С чего это ты, мать твою, так развеселился?

Больше в такси они не разговаривали, и Дикштейн понял, что он как-то не готов к этой встрече. Ему надо было заранее рассчитать, что ему нужно от Борга, а теперь все придется решать на ходу.

Так что же я хочу, подумал он. Ответ пришел откуда-то из глубин подсознания и ошеломил его. Я хочу обеспечить Израиль бомбой – а после вернуться домой.

Он отвернулся от Борга. Дождевые струи, подобно слезам, текли по стеклам машины. Внезапно он испытал облегчение, что из-за присутствия водителя избавлен от необходимости говорить. На тротуаре жались трое хиппи без пальто, промокшие до костей; подняв лица и раскинув руки, они радовались дождю. «Если я справлюсь, если я завершу это дело, то смогу отдохнуть».

Эта мысль наполнила его безотчетным счастьем. Глянув на Борга, он улыбнулся. Борг сидел, отвернувшись к окну.

Добравшись до музея, они вошли в него. Перед ними предстал реконструированный скелет динозавра.

– Я подумываю, чтобы снять тебя с этого дела, – сказал Борг.

Дикштейн кивнул и, справившись с тревогой, стал лихорадочно думать. Хассан, должно быть, сообщил в Каир, а человек Борга в Каире получил его донесение и дал знать о нем Тель-Авиву.

– Я выяснил, что меня расконспирировали. – сказал он Боргу.

– Я знал это еще несколько недель назад. И если бы ты был на связи, мы бы успели вывести тебя из дела.

– Будь я на связи, я бы подзалетал куда чаще.

Борг хмыкнул и двинулся дальше. Он было вынул сигару,

но Дикштейн предупредил:

– Тут не курят. – Борг спрятал сигару в карман.

– То, что меня вычислили, это ерунда. Это случилось со мной не менее полудюжины раз, – сказал Дикштейн. – Главное, что они знают.

– Ты наскочил на этого Хассана, который знает тебя с давних времен. А теперь он работает на русских.

– Но что они знают?

– Что ты был в Люксембурге и во Франции.

– Это немного.

– Я понимаю, что это немного. Я тоже знаю, что ты был в Люксембурге и во Франции, но не имею представления, что ты там делал.

– Так что можешь и дальше не беспокоиться из-за меня, – сказал Дикштейн, сухо посмотрев на Борга.

– Это зависит от... Так что ты там делал?

– Ну что ж, – Дикштейн продолжал смотреть на Борга. Тот начал нервничать, не зная, куда девать руки, когда был лишен возможности закурить. Яркий свет, идущий от стендов, освещал его с головы до ног, всю его неуклюжую фигуру, искаженное беспокойством лицо. Дикштейну надо было очень аккуратно прикинуть, что он может сказать Боргу: достаточно, чтобы создать у него впечатление о крупном деле, на которое он вышел, и не так много, дабы у Борга не появилась мысль о замене Дикштейна другим человеком, который будет воплощать его замыслы... – Я тут напал на след груза

урановой руды, который можно будет спереть. В ноябре он будет переправляться на судне из Антверпена в Геную. И я собираюсь захватить судно.

– Черт! – Борг одновременно и обрадовался и испугался наглости этой идеи. – Какого черта ты держишь это в секрете?

– Я еще работаю над проектом. – Дикштейн решил поведать Боргу чуть больше, чтобы завести его. – Тут в Лондоне я должен зайти в Регистр «Ллойда». Надеюсь, что судно окажется одним из тех, которые выпускают целыми сериями – мне говорили, что большинство судов сегодня так и строят. И если я смогу купить идентичный корабль, где-то в Средиземном море я их подменю.

Борг дважды провел руками по короткой стрижке седеющих волос и крепко растер уши.

– Не понимаю...

– Я еще не разработал все в деталях, но уверен, что это единственный способ тайно провести такую операцию.

– Так иди и разрабатывай все детали.

– Но ты хотел вывести меня из дела.

– М-да... – Борг нерешительно склонил голову с одной стороны на другую. – Если я введу в операцию опытного человека, чтобы заменить тебя, то и его могут вычислить.

– А если будет введен неизвестный, то он будет и неопытен.

– Плюс к тому, я не уверен, есть ли такой опытный или

знающий, который может справиться с делом не хуже тебя. И есть кое-что еще, чего ты не знаешь.

Они остановились перед макетом ядерного реактора.

– Ну? – спросил Дикштейн.

– Мы получили донесение из Каттара. Русские теперь помогают им. И мы должны поторопиться, Дикштейн. Я не могу позволить оттяжек, а изменение наших планов неминуемо будет связано с задержкой.

– Устроит ли ноябрь?

Борг кивнул.

– Почти. – Видно было, что он принял определенное решение. – Хорошо. Я оставляю тебя в деле. Но действовать тебе придется очень скрытно, погореть ты не должен.

Дикштейн широко ухмыльнулся и хлопнул Борга по спине.

– Ты настоящий друг, Пьер. Можешь не беспокоиться, я их обведу вокруг пальца.

Борг нахмурился.

– Что это с тобой? Улыбка так и не сползает у тебя с физиономии.

– Только из-за твоего лицезрения. Твоя физиономия возбуждающе действует на меня. Твое радостное отношение к миру просто заразительно. А когда ты улыбаешься, Пьер, весь мир смеется вместе с тобой.

– Ну, ты совсем рехнулся, – буркнул Борг.

Пьер Борг мог быть вульгарным, бесцеремонным, злым

и надоедливым, но далеко не глупым. «Может, он и сукин сын, – говаривали о нем, – но чертовски умный сукин сын». К тому времени, когда они расстались, он догадался, что в жизни Ната Дикштейна произошло что-то важное.

Он размышлял на эту тему, возвращаясь в израильское посольство в Палас-Грин в Кенсингтоне. За те двадцать лет, когда они впервые встретились, Дикштейн почти не менялся. Его внутренняя сила исключительно редко давала о себе знать. Он всегда был тих и сдержан; неизменно выглядел как безработный банковский клерк, и, не считая редких проявлений его едкого циничного ума, он был, скорее, застенчив и молчалив.

До сегодняшнего дня.

На первых минутах встречи он был в привычном для себя облике – сдержан и замкнут. Но ближе к концу он предстал в роли типичного беззаботного воробья-кокни, какие шествуют по экранам голливудских фильмов.

Борг должен разобраться, в чем причина.

Он многое мог стерпеть от большинства своих агентов. Если дела у агента шли успешно и он работал эффективно и с отдачей, он мог позволить себе быть нервным, агрессивным, непослушным и даже проявлять садистские наклонности – лишь бы Борг знал об этом. Он мог позволить им ошибки, но не мог позволить себе иметь дело с чем-то непонятным и неизвестным. Он не может полностью доверять Дикштейну, пока не поймет, в чем причина происшедших в нем измене-

ний. Вот и все. В принципе он не возражал, если у кого-то из его агентов появится радостное отношение к миру.

Ему удалось незамеченным проскользнуть в посольство. Он установит слежку за Дикштейном, решил он. Что потребует две машины и три смены работников, по восемь часов каждая. Глава лондонского отделения будет жаловаться. Ну и черт с ним!

Необходимость выяснить, что произошло с Дикштейном, была только одной причиной, по которой Борг решил не выпускать его из-под наблюдения. Другая причина была куда важнее. Пока у Дикштейна на руках есть только половина плана, и вряд ли кто-либо другой сможет завершить его. Никто лучше Дикштейна не разработает его до конца. И как только его стараниями все встанет на места, только тогда кто-то другой переймет его к воплощению. Борг решил вывести его из дела при первой же возможности. Дикштейн будет в ярости; он решит, что ему не доверяют.

Ну и черт с ним тоже!

По сути, майор Петр Алексеевич Тюрин не любил Ростова. Он вообще не испытывал симпатии ни к кому из своих начальников: с его точки зрения, надо быть настоящей крысой, чтобы в КГБ подняться выше майора. Тем не менее, он испытывал своеобразную привязанность к своему умному и решительному шефу. Тюрин был далеко не глуп, особенно в делах, связанных с электроникой, но не мог управлять

людьми. Он получил звание майора лишь потому, что входил в состав команды Ростова, которой сопутствовала удача.

«Абба Аллон. Выходит с Хай-стрит. Откликнетесь, пятьдесят второй или девятый. Где вы, пятьдесят второй?»

«Пятьдесят второй. Мы рядом. Мы перейдем его. Как он выглядит?»

«Нейлоновый плащ, зеленая шапка, усы».

Как друг, Ростов собой ничего не представлял, но в роли врага он достаточно опасен. Тот полковник Петров в Лондоне уже успел убедиться в этом. Он попытался отделаться от Ростова и был несказанно удивлен, когда в середине ночи его поднял звонок от самого главы КГБ Юрия Владимировича Андропова.

Ростов получил в свое распоряжение лучших топтунов Петрова и большинство машин. Район вокруг израильского посольства в Лондоне заполнили агенты – кто-то даже сострил: «Красных тут больше, чем в Кремлевской больнице», – но заметить их было очень трудно. Они сидели в автомобилях, фургонах, микроавтобусах и грузовиках и еще к тому же в машине, которая как две капли воды смахивала на полицейский фургон Метрополитен-полис. Многие были на своих двоих, то заходя, якобы по делу, в общественные здания по соседству, то прогуливаясь по улицам и по дорожкам соседнего парка. Один из агентов оказался даже внутри посольства, где на ужасном ломаном английском попытался узнать, что ему надо делать для эмиграции в Израиль.

Никто из агентов не околачивался вблизи посольства Израиля. За дверями его наблюдал только один член команды – Ростов, который в полумиле отсюда, на двенадцатом этаже отеля вел наблюдение через мощную цейсовскую оптику, укрепленную на треножнике.

В его распоряжении был, наряду с телескопом, и передатчик. У каждого из агентов снаружи был уоки-токи. Ростов вел переговоры с ними на беглом русском, то и дело пуская в ход кодовые слова, а частоты, на которых он вел разговоры и на которых ему отвечали, менялись каждые пять минут в соответствии с программой миникомпьютеров, встроенных в каждый передатчик. Придумал эту систему Тюрин.

«Восьмой, двигайтесь в северную сторону».

«Понятно».

Располагаясь израильтяне в Белгравии, местоположении многих посольств, задача Ростова была бы куда труднее. Там почти не было магазинов, кафе или общественных учреждений, и агентам негде было бы скрыться; и в силу того, что район этот был тихим, благополучным и заполненным посольствами, полиция сразу бы обратила внимание на любую подозрительную активность в районе.

Сам Тюрин сидел в пабе на Кенисингтон-Черч-стрит. Человек из резидентуры КГБ рассказал ему, что этот паб часто посещается ребятами из «Специального отдела» – несколько забавное наименование для политической полиции Скотланд-Ярда. Четверо молодых, людей в отглаженных костю-

мах, которые пили виски у стойки бара, скорее всего, были детективами. Они не знали Тюрина, и вряд ли он мог привлечь их особый интерес, обрати они на него внимание.

Во всяком случае, Тюрин не сомневался, что не привлекает к себе внимания, кроме рассеянных взглядов случайных посетителей. Он был невысок ростом и, скорее, полноват, с крупным носом и испещренным красноватыми жилками лицом запойного пьяницы. Поверх зеленого свитера на нем был серый плащ. Дождь лишил его брюки последних воспоминаний о складках. Он сидел в углу зала с кружкой пива на столике и мисочкой жареного картофеля. От радиоприемника в нагрудном кармане шел тоненький проводок телесного цвета к затычке в левом ухе, которая смахивала на слуховой аппарат. Левым боком он сидел к стене. Он мог разговаривать с Ростовым, делая вид, что заглядывает во внутренний карман плаща, отвернувшись от посетителей и тихо бормоча слова в маленькое перфорированное отверстие в верхней части передатчика.

Наблюдая, как сотрудники «спецотдела» пьют виски, он думал, что им контора, должно быть, платит больше, чем их русским коллегам: он мог позволить себе лишь одну пинту в час, а за жареный картофель приходилось расплачиваться самому. В свое время агентам в Англии позволялось брать только по полпинты пива, пока финотделу не втолковали, что во всех пабах человек, который берет полпинты пива, неминуемо обращает на себя внимание, как в России чело-

век, что пьет водку глоточками вместо того, чтобы хлопнуть ее залпом.

«Тринадцатый, возьми зеленый «Вольво», два человека. Хай-стрит».

«Понятно».

«И один пешком... думаю, это Игал Мейер... Двадцатый?»

Двадцатым был Тюрин. Он уткнулся лицом в плечо и сказал:

– Да. опишите его.

«Высокий, седые волосы, зонтик, плащ с поясом. В воротах на Хай-стрит».

– Иду. – и Тюрин, допив стакан, оставил паб.

«Пятый, это твоя. Синий «Фольксваген».

«Ясно».

Тюрин дошел до Паласгейт, увидел перед собой мужчину, отвечающего описанию, и, не останавливаясь, последовал за ним. Когда он определил направление, по которому тот собирается двигаться, он остановился на углу, как бы намереваясь пересечь улицу, и посмотрел в обе стороны. Объект свернул с Палас-авеню и повернул к западу, увеличивая расстояние между собой и Тюриным.

Тот последовал за ним.

Служка на Хай-стрит была куда легче из-за кишачих тут толп. Затем они свернули к югу, в лабиринт маленьких боковых улочек, и Тюрин слегка занервничал, но израильтянин,

казалось, не подозревал, что стал объектом внимания.

Далеко он не ушел. Он повернул к небольшому современному отелю на Кромвел-роуд. Тюрин прошел мимо парадного входа и сквозь стекло дверей увидел, что объект вошел в телефонную будку в холле. Двинувшись дальше по дороге, Тюрин миновал зеленый «Вольво» и пришел к выводу, что израильтянин и его коллеги в машине облюбовали этот отель. Он заговорил в передатчик:

– Это Двадцатый. Мейер и зеленый «Вольво» у Якобинского отеля.

«Принято, Двадцатый. Пятый и Тринадцатый следят за израильскими машинами. Где Мейер?»

– В холле. – Глянув на улицу, Тюрин увидел «Остин», который следовал за зеленым «Вольво».

«Будьте рядом с ним».

– Понятно. – Теперь Тюрину предстояло принять нелегкое решение. Если он направится прямо в холл отеля, Мейер может обратить на него внимание, а если он будет искать черный ход, Мейер может тем временем исчезнуть.

Он решил принять вариант заднего хода, исходя из того, что две машины успеют придти на помощь, если случится худшее. К отелю примыкала узкая улочка, предназначенная для машин поставщиков. Двинувшись по ней, Тюрин нашел незапертый пожарный выход в глухой боковой стене здания. Миновав двери, он оказался на цементной лестнице, которая, по всей видимости, служила аварийным выходом. Под-

нимаясь по ней, он сложил зонтик, сунул его во внутренний карман и снял плащ. Сложив его в небольшой узелок, он пристроил его в укромном уголке на первой же площадке лестницы, откуда можно было подхватить его, если бы ему пришлось спешно покидать здание. Поднявшись на второй этаж, он воспользовался лифтом, чтобы спуститься в холл. В свитере и брюках он походил на обычного постояльца гостиницы.

Израильтянин все еще стоял в телефонной будке.

Тюрин подошел к стеклянным дверям холла, выглянул из них, посмотрел на часы и, вернувшись в холл, сел, словно дожидаясь кого-то.

Он увидел, как объект вышел из телефонной будки и направился к бару. Интересно, прикинул он, можно ли наблюдать за холлом из бара. Скорее всего, нет, потому что объект вернулся через несколько минут со стаканом в руках, сел напротив Тюрина и погрузился в газету.

Но у объекта даже не оказалось времени выпить свое пиво.

С шипением раскрылась дверь лифта, и оттуда вышел Нат Дикштейн.

Тюрин настолько изумился, что сделал ошибку, на несколько секунд вперившись в Дикштейна взглядом. Дикштейн поймал его взгляд и вежливо поклонился. Тюрин выдавил неопределенную улыбку и посмотрел на часы. Ему пришло в голову – скорее в виде надежды, чем уверенности –

что взгляд на Дикштейна был столь ужасающей ошибкой, что может послужить доказательством полной непричастности Тюрина к агентурной слежке.

Но на размышления времени совсем не оставалось. Двигаясь стремительно и, как показалось Тюрину, с подчеркнутой упругостью, Дикштейн, миновав стойку, бросил на нее ключ от номера и вышел на улицу. Следивший за ним израильтянин, Мейер, бросил газету и последовал в том же направлении.

Подойдя к лифту, Тюрин нажал кнопку первого этажа. В микрофон он бросил: «Это Двадцатый. Я засек Пирата». Ответа не поступило: стены здания препятствовали прохождению радиоволн. Он вышел из лифта на первом этаже и побежал по пожарной лестнице, подхватив плащ на той площадке, где оставил его. Оказавшись на воздухе, он попробовал снова связаться: «Это Двадцатый. Я засек Пирата».

«Отлично, Двадцатый. Тринадцатый тоже его видит».

Тюрин заметил объект, пересекающего Кромвел-роуд.

– Я следую за Мейером, – сообщил он в передатчик.

«Пятый и Двадцатый, оба слушайте меня. Прекратите слежку. Вы поняли, Пятый?»

«Да»

«Двадцатый?»

– Понятно, – сказал Тюрин. Остановившись на углу, он проводил глазами Дикштейна и Мейера, исчезавших по направлению к Челси.

«Двадцатый, возвращайтесь в отель и выясните номер его комнаты. Снимите номер по соседству. Как только это будет сделано, звоните мне по телефону».

– Ясно, – повернувшись, Тюрин направился к гостинице, прикидывая, как выведать у портье номер Дикштейна. Но ключ от комнаты Дикштейна по-прежнему лежал на конторке, и Тюрину осталось только запомнить номер.

Подошел портье.

– Чем могу служить?

– Мне нужен номер, – сказал Тюрин.

Он поцеловал ее с жадностью человека, который весь день маялся жаждой. Он наслаждался запахом ее кожи и нежной мягкостью ее губ. Лаская ее лицо, он повторял: «Вот, вот, вот то, что мне было нужно». Они смотрели друг на друга в глаза, и истина, объединявшая их, была подобна нагоде. Он думал: я могу сделать все, что хочу. Эта мысль настойчиво, подобно заклинанию, пульсировала у него в мозгу, он повторял ее, как волшебную формулу. Он снова с жадностью прикоснулся к ее телу. Он стоял лицом к ней в маленькой сине-желтой кухоньке, глядя ей в глаза, пока ласкал укромные места ее тела. Губы ее полуоткрылись, и он почувствовал на своем лице жаркое дуновение ее дыхания; он сделал глубокий вдох, словно хотел дышать одним с ней воздухом. Он подумал: если я могу сделать все, что хочу, то же может сделать и она, и, словно прочитав его мысли, она расстегну-

ла ему рубашку и приникла к его груди, защемив зубами сосок и втянув его к себе. Внезапное резкое наслаждение от ее губ и языка так остро пронзило его, что он застонал. Мягко прижимая к себе ее голову, он слегка раскачивался взад и вперед, чтобы усилить наслаждение. Он думал: все, что хочу. Оказавшись сзади нее, он поднял ее юбку до талии, приковавшись взглядом к белым трусикам, обтягивавшим изгиб ее бедер и контрастировавших со смуглой кожей длинных ног. Правой рукой он гладил ее лицо; скользнув по плечу, она ощутила тяжесть ее груди; его левая рука, скользнув по бедру, проникла в трусики и между ног, и все было так хорошо, так прекрасно, что он хотел, чтобы у него было четыре руки ласкать ее, шесть рук. Вдруг ему захотелось увидеть ее лицо, и он, схватив ее за плечи, развернул к себе со словами: «Я хочу смотреть на тебя». Ее глаза были полны слез, но он понимал, что они говорили не о печали, а о переполнявшем ее чувстве радости. И снова они уставились в глаза друг другу, но на этот раз между ними была не только искренность, а бурный наплыв чувств, который захлестывал их подобно половодью, кружа в своих водоворотах. Он благоговейно опустился перед ней на колени, прижавшись головой к ее бедрам и чувствуя сквозь ткань исходящий от нее жар тела. Обеими руками, скользнув ей под юбку, он нащупал резинку трусиков и опустил их, придерживая ступни ее ног, когда она избавлялась от них. Он поднялся с пола. Теперь они снова оказались в том положении, когда он поцеловал ее, едва войдя

в помещение. И не меняя его, они приникли друг к другу, начав заниматься любовью. Он смотрел ей прямо в лицо. На нем было умиротворенное выражение, и глаза ее были полужакрыты. Двигаясь медленно и неторопливо, он хотел, чтобы это длилось вечно, но тело его не могло больше томиться ожиданием. Он проникал в нее все глубже, и движения его все убыстрялись. Почувствовав, что теряет равновесие, Нат ухватился за нее обеими руками, на дюйм оторвал от пола и, не меняя положения их сплетенных тел, сделал два шага к стене, прижав ее спиной. Она опустила ему рубашку до талии и впилась ногтями в твердые мускулы его спины. Ягодицы ее лежали на его ладонях, и он приподнял их. Вскинув ноги, она обхватила его бедра, скрестила лодыжки у него за спиной, и, не веря самому себе, он смог проникнуть в нее еще глубже. Он был неутомим, и все ее движения, каждый взгляд ее наполняли его могучей радостью жизни. Он видел ее сквозь пелену страсти, застилавшую ему взор. В глазах ее появилось паническое выражение, она до предела распахнула их, страсть хлынула из него через край, и он чувствовал, что оно вот-вот подступает, самое прекрасное, что должно случиться, и он хотел сказать ей об этом и прошептал лишь: «Сузи, оно приближается», и она ответила ему: «О, и у меня тоже!» и, вцепившись ногтями ему в спину, она оставила на ней длинную царапину, которая пронзила его, как электрическим током, и когда он взорвался страстью, то почувствовал, как, словно от землетрясения, содрогнулось и ее тело, и

он по-прежнему смотрел на нее, видя, как распахнулись ее губы, как у нее перехватило дыхание, и, когда пик наслаждения захлестнул их обоих, она закричала.

– Мы следили за израильтянами, а израильтяне следили за Дикштейном. Оставалось только Дикштейну начать следить за нами, и так мы весь день бегали бы по кругу, – сказал Ростов. Он быстро шел по коридору гостиницы. Тюрин, едва не переходя на бег, торопливо перебирал короткими толстова- тыми ножками, стараясь держаться рядом с ним.

– Честно говоря, – признался Тюрин, – я все старался по- нять, почему вы приказали снять наблюдение, как только мы засекли его?

– Ясно, как божий день, – раздраженно бросил Ростов, но тут же напомнил себе, насколько ценна преданность Тюри- на, и решил все ему объяснить. – Большую часть последних нескольких недель Дикштейн был под постоянным наблюде- нием. Каждый раз он тут же засекал нас и отрывался. Для того, кто столь долго, как Дикштейн, играет в эти игры, ка- кая-то слежка является неизменным элементом его деятель- ности. Но столь же ясно – чем настойчивее за ним следят, тем больше шансов, что он может отказаться от своих за- мыслов и передать их кому-то другому – и мы не узнаем, ко- му именно. И слишком часто информация, которую удает- ся получить в ходе слежки, оказывается никуда не годной, поскольку объект выясняет, что он под наблюдением, и цен-

ность информации, полученной нами, становится весьма сомнительной. Таким образом, прекратив слежку – как было сделано сегодня – мы знаем, где он пребывает, но ему неизвестно, что мы в курсе дела.

– Понял, – кивнул Тюрин.

– Не сомневаюсь, что этим утром Дикштейн встречался с Боргом – что и объясняет, каким образом Боргу удалось избавиться от хвоста. Возможно, Борг вывел Дикштейна из дела, и сейчас он просто проверяет, подчинился ли тот его приказу и не пытается ли заниматься делом неофициально. – Он покачал головой, испытывая раздражение. – Нет, не убеждает. Но альтернативой является предположение, что Борг больше не доверяет Дикштейну, во что я тоже не могу поверить. А теперь внимательнее.

Они стояли перед дверью номера Дикштейна. Тюрин вытащил из кармана маленький, но мощный фонарик и провел его лучом по периметру дверей.

– Контрольки нету, – сообщил он.

Ростов кивнул в ожидании. Тут уже была епархия Тюрина. Маленький полноватый человек был, по мнению Ростова, лучшим техником в КГБ, мастером на все руки. Он смотрел, как Тюрин вынул из кармана несколько отмычек из своей большой коллекции таких приспособлений. Испытав их на дверях своего собственного номера, он установил, какая система ключей используется в этом отеле. Осторожно приоткрыв дверь номера Дикштейна, он остался снаружи, осмат-

ривая ее.

– Ловушек нет, – сказал он через минуту.

Комнату обыскали по привычному плану. Номер представлял собой стандартный набор помещений: дверь открывалась в маленький коридорчик, с ванной по одной стороне и гардеробом по другой. За ванной следовала квадратная комната с узкой кроватью у одной стены и телевизором у другой. В номере было большое окно, выходящее во двор.

Сняв трубку телефона, Тюрин стал откручивать наушник. Ростов стоял в изножье кровати, осматриваясь и пытаясь составить себе представление об обитавшем тут человеке. Ничего особенного ему не бросилось в глаза. Комната была чистой, и кровать аккуратно застелена. На ночном столике лежала книга о шахматах и вечерняя газета. Не пахло ни алкоголем, ни табаком. Корзинка для бумаг была пуста. В маленьком пластиковом черном дипломате на стуле лишь смена чистого белья и свежая рубашка.

– Этот тип путешествует лишь с одной рубашкой, – проворчал Ростов.

Ящики комода были пусты. Ростов заглянул в ванную. Он увидел в ней зубную щетку, электробритву с набором розеток для подключения к разным штепселям и – единственная личностная примета – набор содовых таблеток от изжоги.

Ростов вернулся в спальню, где Тюрин заканчивал собирать телефон.

– Все готово.

– Сунь-ка еще один к изголовью, – сказал Ростов.

Тюрин приклеивал «клопа» к стенке за изголовье кровати, когда зазвонил телефон.

Если бы Дикштейн вернулся, наблюдатель в холле должен был позвонить в номер Дикштейна по внутреннему телефону и после двух звонков повесить трубку.

Зуммер подал второй сигнал. Ростов с Тюриным в ожидании молча застыли на месте.

Еще один сигнал.

Они расслабились.

Телефон замолчал после седьмого звонка.

– Хорошо, чтобы у него была машина, куда мы могли сунуть подслушку, – сказал Ростов.

– У меня есть пуговица.

– Что?

– «Клоп» в виде пуговицы.

– Я даже не знал, что такие штуки существуют.

– Это новинка.

– У тебя есть иголка? И нитки?

– Конечно.

– Тогда валяй.

Открыв чемоданчик Дикштейна и не меняя порядка сложенных в нем вещей, Тюрин оторвал одну из пуговиц, аккуратно вытащив обрывки ниток. Несколькими точными стежками он приметал другую пуговицу. Его пухлые пальцы двигались с удивительной легкостью и уверенностью.

Ростов наблюдал за ним, но его мысли были далеко отсюда. Ему необходимо знать, что говорит и делает Дикштейн. Израильтянин может найти подслушку в телефоне и в изголовье кровати; он может вообще не надеть рубашку с подменной пуговицей. Ростов привык работать наверняка, но Дикштейн был чертовски изворотлив, его никак не удавалось подцепить на крючок. Ростов питал слабую надежду, что где-то в комнате удастся обнаружить снимок кого-то, к кому Дикштейн привязан.

– Вот так. – Тюрин показал ему свою работу. На аккуратной рубашке белого нейлона были самые обыкновенные белые пуговицы, неотличимые одна от другой.

– Отлично, – сказал Ростов. – Закрывай крышку.

– Что-нибудь еще?

– Быстренько осмотрись в поисках контролек. Не могу поверить, что Дикштейн покинул номер, не предприняв никаких мер предосторожности.

Они снова стали обыскивать номер; движения их были быстрые, бесшумные, практичные и экономные, и в них не было ни следа той торопливости, с которой им хотелось бы закончить дело. Были десятки способов поставить контрольные устройства. Самым простым был волосок, приклеенный на косяк двери; клочок бумаги, прижатый стенкой ящика комода, который падает, когда открывают ящик; кусочек сахара под толстым ковром, который бесшумно рассыпается под подошвой; монетка на боковой грани ящика стола, которая

съезжает назад...

Они ничего не обнаружили.

– Все израильтяне параноики, – сказал Ростов. – Почему же он отличается от них?

– Может быть, он просто торопился и выскочил.

Ростов хмыкнул.

– Почему еще он мог проявить беспечность?

– Он мог влюбиться, – предположил Тюрин.

Ростов рассмеялся.

– Ну конечно, – хмыкнул он. – Скорее Ватикан признает Сталина святым. Выбираемся отсюда.

Значит, женщина.

Борг был потрясен, изумлен, заинтригован и глубоко обеспокоен.

У Дикштейна никогда не было женщин.

Борг сидел под зонтиком на садовой скамейке в парке. Он был просто не в состоянии размышлять в посольстве, где постоянно звонили телефоны, люди непрестанно обращались к нему с вопросами, так что ему пришлось, не обращая внимания на погоду, выбраться наружу. Сквозь кроны деревьев пробивались струи дождя, поливая опустевший парк; время от времени брызги долетали до кончика его тлеющей сигары, и ему приходилось снова раскуривать ее.

Его топтуны проследовали за Дикштейном до небольшого домика в Челси, где он встретился с женщиной. «Чисто

сексуальные отношения, – сказал один из них. – Я слышал, как она испытала оргазм». Был опрошен управляющий домом, он ничего не знал об этой женщине, кроме того, что она близкая подруга людей, которым принадлежит квартира.

Лежащие на поверхности выводы заключались в том, что квартира принадлежала Дикштейну (и он дал взятку управляющему, дабы тот лгал); что он использует ее для свиданий; что он сошелся с кем-то из противной стороны; что они занимаются любовью и он выдает ей секреты.

Борг мог бы принять эту идею, если бы ему удалось как-то выяснить, что представляет собой эта женщина. Но если Дикштейн внезапно стал предателем, то он бы никак не позволил, чтобы у Борга зародились какие-то подозрения. Он слишком умен для этого. Он бы смог замести все следы. Он бы не позволил топтунам добраться до этого убежища, куда он спешил, даже ни разу не глянув из-за плеча. Его поведение было свидетельством его невинности. Встретившись с Боргом, он выглядел, как кот, объевшийся сметаны, не зная или не подозревая, что все его эмоции написаны у него на физиономии аршинными буквами. Когда Борг спросил, что с ним случилось, Нат отделался шуточками. Борг был вынужден пустить за ним хвост. Через несколько часов Дикштейн стал трахать какую-то девку, которой это так нравилось, что она орала на всю улицу. Вся эта история отдавала такой непосредственностью, что она в самом деле могла быть такой, какой и представляла.

У русских тоже есть досье, и они должны, подобно Боргу, предполагать, что Дикштейн неуязвим с точки зрения секса. Но, может быть, они решили, что стоит попробовать. И, может, им повезло.

И снова к Боргу пришло инстинктивное ощущение, что Дикштейна надо выводить из дела. И опять он помедлил. Если бы был другой агент, не Дикштейн, и если бы суть дела была другой... он бы знал, что делать. Но Дикштейн единственный, кому под силу решить эту проблему. У Борга не было иного мнения, что придется следовать намеченной схеме: дожидаться, пока Дикштейн окончательно отработает план, а затем отстранит его.

В конце концов, он поручит лондонскому отделению выяснить, что это за женщина, узнать о ней все, что только можно.

Ситуация была более, чем опасной, но ничего больше Борг не мог сделать.

Сигара его окончательно потухла, но он не обращал на нее внимания. Парк полностью опустел. Борг сидел на скамейке, застыв в непривычной для него неподвижности и держа зонтик над головой; он походил на статую, но испытывал смертельное волнение.

С радостями жизни покончено, сказал себе Дикштейн, пора возвращаться к делам.

Войдя в свой номер в десять утра, он припомнил, что не

оставил контролек, что для него было просто невероятно. В первый раз за двадцать лет агентурной деятельности, он начисто забыл об элементарных предосторожностях. Стоя в дверном проеме, он оглядывал комнату, ощущая ошеломляющий эффект этого открытия, думая о том потрясении, которое Сузи в нем вызвала.

Пройдя в ванную, он наполнил ее горячей водой. Чувства переполняли его так, что ему не хватало дыхания. Сегодня Сузи выходила на работу. Она работала в авиакомпании ВОАС, и на этот раз ее обязанности заставляли ее облететь чуть ли не вокруг всего земного шара. Она прикидывала, что вернется через двадцать один день, но, может, задержится и подольше. Он же не имел представления, где окажется через три недели, что означало, он не знал, когда снова сможет увидеть ее. Но если ему удастся остаться в живых, он увидится с ней.

Лежа в ванне, он постарался прикинуть, как ему провести остаток жизни. Он уже решил, что не хочет больше быть шпионом – но кем же он может быть? Вроде бы перед ним открывались широкие возможности. Он может стать членом кнессета, открыть свое собственное дело или же просто продолжать жить в кибуце и делать лучшее в Израиле вино. Он ощутил прелесть неизвестности, словно ребенок, прикидывающий, что ему подарят на день рождения.

Если удастся остаться в живых, подумал он. Внезапно он понял, как высоки ставки. Он испытал страх перед смертью.

До сих пор смерть была чем-то, чего следовало изо всех сил избегать, просто потому, что это полагалось правилами игры, в которой предпочтительнее не проигрывать. А теперь же ему отчаянно хотелось жить: снова спать с Сузи, обустроить их общий дом, познавать ее до мозга костей – какие у нее привычки, что она любит и что ненавидит, какие у нее тайны, что она читает, что она думает о Бетховене, и слушать, как она посапывает во сне.

Он не мог себе позволить потерять жизнь сразу же после, как она спасла его для жизни.

Он вылез из ванны, досуха растерся и переоделся. Он будет жить, только если выиграет эту битву.

Следующим ходом должен стать телефонный звонок. Он решил, что теперь и здесь будет вести себя исключительно осторожно; он отказался от гостиничного телефона и вышел наружу в поисках таксофона.

Погода изменилась. Небо очистилось от облаков, было солнечно и тепло, дождь перестал. Он миновал ближайшую будку и направился к отдаленной: излишняя осторожность не мешает. В телефонном справочнике он нашел лондонское отделение компании «Ллойд» и набрал его номер.

– Компания «Ллойд», доброе утро.

– Я хотел бы получить некоторую информацию об одном судне.

– Вам надо в отделение «Ллойда» «Лондон-пресс» – я вас соединю.

– «Ллойд», «Лондон-пресс».

– Доброе утро. Мне нужна кое-какая информация об одном судне.

– Какого рода информация? – спросил голос, и в нем, как ему показалось, мелькнула нотка подозрительности.

– Я хотел бы узнать, было ли оно построено в числе других из этой же серии, и если да, то наименования таких же судов, кому они принадлежат и их нынешнее местонахождение. Плюс чертежи, если возможно.

– Боюсь, что в данном случае не можем вам помочь.

У Дикштейна упало сердце.

– Почему же?

– Мы не даем чертежей, этим занимается Регистр «Ллойда» и поставляет их только владельцам.

– Но другая информация? О судах той же серии?

– И в данном случае не можем вам содействовать.

Дикштейну захотелось ухватить собеседника за глотку.

– Тогда кто же может?

– Мы единственные, кто обладает такой информацией.

– И вы держите ее в секрете?

– Мы не можем давать ее по телефону.

– Минутку! Вы хотите сказать, что не можете помочь мне по телефону?

– Совершенно верно.

– Но вы сможете, если я напишу вам или явлюсь лично.

– М-м-м... да, эти изыскания не займут много времени,

так что вы можете явиться и лично.

– Дайте мне ваш адрес. – Он записал его. – И вы можете сообщить мне все подробности, пока я буду ждать?

– Думаю, что да.

– Отлично. Сейчас я назову вам судно, и ко времени моего появления вы сможете собрать всю необходимую информацию. Оно называется «Копарелли». – Он продиктовал его по буквам.

– Ваше имя?

– Эд Роджерс.

– Компания?

– «Международная наука». Я буду через час. Всего хорошего.

Повесив трубку. Дикштейн вышел из кабины, думая: «Слава Богу, получилось». Перейдя дорогу, он зашел в кафе и заказал кофе и сэндвич.

Конечно, он соврал Боргу; он отлично представлял, как захватить «Копарелли». Ему придется купить такое же судно, его близнеца – если такие существуют – и вместе со своей командой он перехватит «Копарелли» в море. После захвата судна, вместо нудной переброски груза с одного на другое в открытом море, он потопит свое судно и переправит его документы на «Копарелли». Кроме того, он закрасит на борту название «Копарелли» и напишет название потопленного. А затем на корабле, который обретет облик его собственного, он напрямик направится в Хайфу.

Все это выглядело отлично, но пока у него были лишь наметки плана. Что делать с командой «Копарелли»? Как будет объяснено неожиданное исчезновение «Копарелли»? Как ему удастся избежать международного расследования исчезновения в открытом море нескольких сот тонн урановой руды?

Чем дольше он думал над ситуацией, тем сложнее представляли перед ним проблемы, особенно последняя. Конечно, будет проводиться широкомасштабный поиск судна, которое, предположительно, затонуло. Поскольку на борту у него урановая руда, поиск привлечет всеобщее внимание, и будет проведен с предельной тщательностью. И что если расследователи выяснят: «Копарелли» превратился в другое однотипное судно, которое ныне принадлежит Дикштейну?

Он обсасывал проблему со всех сторон, но так и не получил удовлетворительного ответа на свои вопросы. В уравнении пока еще было много неизвестных факторов. В желудке у него комом стоял то ли сэндвич, то ли проблема, и ему пришлось проглотить таблетку от изжоги.

Он стал размышлять, как ему избавиться от противной стороны. Достаточно ли хорошо он замел следы? О его планах знает только Борг. Даже если прослушивается его номер в отеле и ближайшая к гостинице телефонная будка – по-прежнему никто не догадается о его интересе к «Копарелли». Он был предельно осторожен.

Он сделал глоток кофе; но тут другой посетитель, выходя

из кафе, случайно толкнул Дикштейна под локоть, и выплеснувшийся кофе залил ему рубашку.

– «Копарелли», – возбужденно сказал Ростов. – Где мне доводилось слышать о суде с таким названием?

– И я что-то припоминаю, – поддакнул Ясиф Хассан.

– Дайте-ка я прогляжу эту распечатку.

Они сидели бок о бок в задней части фургона, наштипованного подслушивающей аппаратурой и припаркованного неподалеку от отеля Дикштейна. Фургон, принадлежавший КГБ, был темно-синего цвета, без всяких отличительных примет, достаточно грязный. Мощная радиоаппаратура занимала большую часть фургона, но оставалось небольшое пространство за передними сидениями, где, скорчившись, сидели Ростов и Хассан. Петр Тюрин занимал место за баранкой. Большие динамики, смонтированные над головой, доносили все обертона отдаленных разговоров и даже случайное звяканье посуды в кафе. Несколько мгновений шел какой-то непонятный диалог, когда кто-то извинялся за что-то, а Дикштейн говорил, что ничего страшного, все в порядке, чистая случайность. С тех пор не было слышно ничего стоящего.

Удовольствие Ростова от возможности слышать все разговоры Дикштейна омрачалось тем фактом, что их слушал и Хассан. Одержав триумфальную победу обнаружением Дикштейна в Англии, он стал самоуверен, пребывая в убежде-

нии, что теперь-то он стал профессиональным разведчиком, как и все остальные его спутники. Он настоял, чтобы его посвящали во все детали лондонской операции, угрожая в противном случае пожаловаться Каиру. Ростов испытывал искушение послать Хассана подальше, но это означало очередную головную боль в отношениях с Воронцовым, а после памятного разговора с Андроповым Ростов не хотел так скоро снова обращаться к нему через голову Воронцова. Так что он прибегнул к альтернативе: он решил позволить Хассану присутствовать рядом и предупредил его, чтобы он не спешил отправлять сообщения в Каир.

Хассан, который проглядывал распечатку, протянул ее Ростову. Пока русский проглядывал ее страницу за страницей, звуки улицы через пару минут сменились диалогом.

«Так куда, слышь?»

Голос Дикштейна: «Лайм-стрит».

Подняв глаза, Ростов обратился к Тюрину:

– Это «Ллойд», тот самый адрес, что ему продиктовали по телефону. Давай туда.

Тюрин включил двигатель и тронулся с места, держа курс к границам Сити. Ростов вернулся к распечатке.

Хассан сказал с пессимистическим выражением:

– «Ллойд», скорее всего, даст ему письменный отчет.

– «Клоп» работает более чем отлично... пока. – Тюрин держал баранку одной рукой, обкусывая заусеницы на другой. Наконец Ростов нашел то, что искал.

– Вот оно! Тот самый «Копарелли». Отлично, отлично, отлично! – В восторге он хлопнул кулаком по колену.

– Покажите-ка мне, – попросил Хассан.

Ростов на мгновение загнулся, поняв, что теперь ему никуда не деться, и улыбнулся Хассану, показывая последнюю страницу.

– Под графой «Неядерное использование». Двести тонн урановой руды отправляют из Антверпена в Геную на сухогрузе «Копарелли».

– Вот оно что, – сказал Хассан. – Вот на что нацелился Дикштейн.

Ростов кивнул.

– Все эти дела с судном однопалубной постройки должны что-то значить. – Он потер нос. – Но пока еще мне ничего не ясно.

«Два и еще шесть пенсов, парень».

«Держи мелочь».

– Найди где тут припарковаться, Тюрин, – бросил Ростов.

– Тут нелегко приткнуться, – пожаловался Тюрин.

– Если не найдешь места, просто остановись. Черт с ним, со штрафом за неправильную парковку, – нетерпеливо бросил Ростов.

«Доброе утро. Мое имя Эд Роджерс».

«Ах, да. Будьте любезны, минутку... Данные для вас только что отпечатаны. И вот счет».

«Вы отлично работаете».

– Данные в письменном виде, – кисло сказал Хассан.

«Благодарю вас».

«Всего хорошего, мистер Роджерс».

– Он не очень разговорчив, не так ли? – заметил Тюрин.

– Как и любой хороший агент, – сказал Ростов. – Что тебе стоило бы намотать на ус.

– Есть, сэр.

– Черт побери, – ругнулся Хассан. – Нам так и не удалось получить ответы на его вопросы.

– Не важно. Вот только что мне пришло в голову. – Ростов улыбнулся. – Мы знаем вопросы. И нам остается лишь задать их себе, и мы получим те же ответы, что и он. Слушай, он снова на улице. Обьедь вокруг квартала, Тюрин, и попробуй засечь его.

Фургон снялся с места, но прежде, чем он завершил круг вокруг квартала, уличные звуки снова затихли.

«Чем могу служить, сэр?»

– Он зашел в магазин, – догадался Хассан. Ростов глянул на него. Когда Хассан забывал надуваться от гордости, то, как истый школьник, приходил в возбуждение из-за автобуса с радиоаппаратурой, «клопов», слезки. Может, если он будет продолжать играть в шпионов вместе с ними, то будет держать язык за зубами.

«Мне нужна новая рубашка».

– О нет! – простонал Тюрин.

«Я вижу, сэр. Что это?»

«Кофе».

«Наверно, это случилось только что, сэр. И избавиться от пятна будет очень трудно. Вам нужна такая же рубашка?»

«Да. Из простого белого нейлона, манжеты на пуговицах, размер воротничка четырнадцать с половиной».

«Спасибо. Может, вы хотите тут же одеть ее?»

«Да, будьте любезны».

«Примерочная вон там».

Звуки шагов, потом краткое молчание.

«Нужен ли вам пакет для старой рубашки, сэр?»

«Сделайте одолжение, выкиньте ее».

– Эта пуговица стоит две тысячи рублей! – опять просто-нап Тюрин.

«О, конечно, сэр».

– Вот так, – сказал Хассан. – И ничего больше не узнаем.

– Две тысячи рублей! – снова выдавил Тюрин.

– Думаю, деньги себя оправдали, – успокоил его Ростов.

– Куда теперь? – спросил Тюрин.

– Обрато к посольству, – бросил ему Ростов. – Я хочу наконец вытянуть ноги. Левую я совсем не чувствую. Черт, а все же мы отлично сработали утром.

Пока Тюрин направлялся в западную сторону города, Хассан задумчиво сказал:

– Нам надо выяснить, где сейчас находится «Копарелли».

– Этим займутся белки, – сказал Ростов.

– Белки?

– Кабинетные работники в Московском центре. Они сидят за своими столами весь день, не подвергая себя риску большему, чем пересечь на красный свет улицу Грановского, получают больше, чем полевые работники. – Ростов решил воспользоваться возможностью продолжить образование Хассана. – Запомните, агент никогда не будет терять время на получение информации, которая рассеяна в открытых источниках. Все, что имеется в книгах, донесениях и досье, может быть собрано белками. Поскольку использование их обходится дешевле, чем работа с агентом – не из-за зарплаты, а из-за дополнительных усилий. – Комитет всегда предпочитает использовать белок для таких заданий, если это в его силах. Он, как правило, дает белкам задание. И тогда уж бездельничать им не приходится.

– Дикштейн работает не таким образом.

– У израильтян совершенно другой подход. Кроме того, подозреваю, что Дикштейн предпочитает работать в одиночку, не в команде.

– Сколько времени потребуется вашим белкам, чтобы сообщить нам о местонахождении «Копарелли»?

– Может, день. Я пошлю запрос, как только мы окажемся в посольстве.

Тюрин бросил из-за плеча:

– Можете ли запросить дополнительное оборудование?

– В чем нужда?

– Еще шесть пуговиц для рубашек.

– Шесть?

– Если они такие же, как в последней партии, пять сразу же выйдут из строя.

Хассан расхохотался.

– Такова коммунистическая эффективность?

– Качество далеко не коммунистическое, – объяснил ему Ростов. – Мы вечно страдаем от русского качества.

Фургон оказался в пределах посольского ряда, и постовой махнул рукой, показывая направление движения.

– Что будем делать, – спросил Хассан. – когда найдем «Копарелли»?

– Скорее всего, – сказал Ростов. – посадим нашего человека на борт.

Глава девятая

Дону достался плохой день.

Все началось за завтраком, когда дошли известия, что кое-кто из его людей погорел этой ночью. Полиция остановила и обыскала машину, в которой было две тысячи пятьсот пар шлепанцев, отороченных мехом, и пять килограммов очищенного героина. Груз, направлявшийся из Канады в Нью-Йорк, был перехвачен в Олбани. Содержимое кузова конфисковали, а водитель вместе с напарником оказались за решеткой.

Все добро принадлежало не дону. Тем не менее, команда, которая осуществляла переброску, уплатила ему вдвое, лишь после чего получила его протекцию. Теперь от него потребуется вытащить людей из каталажки и вернуть героин. Это было почти невозможно. Он мог бы еще справиться с задачей, если бы к этому бардаку имела отношение лишь полиция штата, но в таком случае бардака бы вообще не произошло.

И это было только началом. Его старший сын телеграфировал из Гарварда, прося подкинуть денег, поскольку спустил в карты все свое содержание за будущий семестр за неделю до начала занятий. Все утро он провел, пытаясь выяснить, в чем причина убытков в цепи его ресторанов, а днем пришлось объяснить любовнице, почему в этом году он

не может взять ее в Европу. И в завершении всех радостей доктор сообщил, что он снова подцепил гонорею. Завязывая галстук перед высоким зеркалом в спальне, он ругнулся:

– До чего паршивый день...

Выяснилось, что кавардак устроила полиция Нью-Йорка, они же имели дело с полицией штата, и та не беспокоила городскую мафию. Полиция города позволила себе не обратить внимание на их подсказки, что было признаком вмешательства каких-то значительных структур, скорее всего, Бюро по борьбе с наркотиками Государственного Казначейства. Дон переговорил с адвокатом, который должен был заняться арестованными водителями, послал человека нанести визит их семьям и приступил к переговорам, чтобы выкупить героин у полиции.

Он натянул пиджак: ему нравилось переодеваться к обеду. Пока он не представлял, как поступить со своим сыном Джонни. Почему тот не приехал домой на лето? Ребята из колледжей всегда едут домой на летние каникулы. Дон понимал, что надо было бы послать кого-нибудь повидаться с Джонни, а то мальчик решит, что отец беспокоится только из-за денег. Похоже, придется ему самому ехать.

Зазвонил телефон, и он поднял трубку.

– Да.

– Говорят от ворот, сэр. Тут явился какой-то англичанин, спрашивает вас, но не называется.

– Так гоните его, – ответил дон, все еще думая о Джонни.

– Он сказал, что он ваш друг из Оксфорда

– Я никого там не знаю... хотя минутку. Как он выглядит?

– Маленький тип в очках, невзрачный.

– Неужто? – Лицо дона расплылось в улыбке. – Тащите его сюда – и расстелить перед ним красный ковер!

За то время, что он не виделся со старым другом, стало заметно, как тот изменился; но перемены, происшедшие с Алом Кортоне, еще более бросались в глаза. Прибавление в весе, которое началось с его возвращения из Франкфурта, казалось, шло все это время, и теперь он весил самое малое двести пятьдесят фунтов. Если любовь к плотским радостям была еле заметна в 1947 году и полностью отсутствовала во время войны, то теперь ясно читалась на его пухлом лице. И он был совершенно лыс. Дикштейн подумал, что это несвойственно итальянцам.

Так ясно, словно это было вчера, Дикштейн помнил те обстоятельства, при которых Кортоне стал его должником. В те дни он полностью усвоил психологию загнанного в угол животного. Когда не было никакой возможности унести ноги, становилось ясно, с какой яростью ты можешь драться. Оказавшись с десантом в совершенно чужой стране, потеряв связь со своим взводом, продираясь сквозь незнакомую местность с ружьем в руках, Дикштейн обнаружил в себе неисчерпаемые запасы терпения, хитрости и жестокости, о присутствии которых и не подозревал. Не менее получаса он лежал, притаившись в зарослях, и наблюдал за танком, по-

кинутым экипажем, который, в чем он не сомневался – сам не зная, почему – был приманкой в ловушку. Он снял одного снайпера и высматривал второго, когда откуда-то с криками вывалились американцы.

Так, не думая ни о чем, кроме спасения собственной жизни, Дикштейн спас жизнь Ала Кортоне.

Условия войны были для Кортоне еще большим открытием, чем для Дикштейна, но он усваивал ее законы столь же быстро. Оба они прошли закалку в уличных драках и применяли старые принципы к новым условиям. С тех пор они дрались бок о бок, вместе смеялись, ругались и на пару говорили о женщинах. Когда остров был взят, им предоставили отдых перед следующим десантом, и они удрали, чтобы посетить сицилийских кузенов Кортоне.

И теперь эти кузены представляли для Дикштейна основной интерес.

Как-то они помогли ему в 1948 году. От той сделки они получили немалый доход. Этот же проект носил несколько иной характер: ему нужно было получить от них одолжение, и он не мог обещать никаких процентов с дохода. Следовательно, он должен отправиться прямиком к Алу – просить его о возврате долга двадцатичетырехлетней давности.

Он отнюдь не был уверен, что его просьба сработает. Теперь Кортоне обрел богатство. У него огромный дом – в Англии такое строение называлось бы усадьбой – с прекрасным садом, окруженным высокой стеной, и охраной у ворот. На

гравийной дорожке у дома стояли три машины, и Дикштейн потерял счет слугам. Богатый и преуспевающий американец средних лет не будет спешить впутываться в сомнительную политическую сумятицу в Средиземноморье, даже ради человека, который когда-то спас ему жизнь.

Кортоне искренне обрадовался встрече с ним, что было хорошей приметой. Они хлопали друг друга по спинам, точно так же, как в то ноябрьское воскресенье 1948 года, и восклицали: «Так как ты, черт побери?»

Кортоне оглядел Дикштейна с головы до ног.

– А ты все тот же! Я потерял волосы и набрал лишнюю сотню фунтов, а у тебя ни одного седого волоска. Чем ты занимаешься?

– Я перебрался в Израиль. Что-то вроде фермера. А ты?

– Ну ты же знаешь, чем я занимаюсь. Идем, поедим и потолкуем.

Обед представлял собой странное зрелище. Миссис Кортоне сидела по другую сторону стола, в отдалении от них, не говоря ни слова, и к ней никто не обращался. Двое мальчишек с плохими манерами с волчьей жадностью уничтожили поданную еду и тут же вылетели из-за стола, после чего донесся рев двигателя спортивной машины. Кортоне поглощал огромное количество жирной итальянской пищи и выпил несколько стаканов красного калифорнийского вина. Но самым загадочным типом был хорошо одетый мужчина с акульим лицом, который порой вел себя с непринужденно-

стью друга дома, порой как советник, а иногда и как лакей; один раз Кортоне обратился к нему, назвав его советником. Во время обеда не шло никаких разговоров о делах. Вместо этого они вспоминали военные истории – Кортоне уже рассказывал большинство из них. Он также рассказал историю, как в 1948 году Дикштейн обставил арабов; он слышал о ней от своих родственников, и ему она доставила не меньшее удовольствие, чем им. Повествование, переходя из уст в уста, превратилось в легенду. Дикштейн пришел к выводу, что Кортоне искренне рад его видеть. Может, ему просто все надоело. Что вполне может быть, если каждый вечер ему приходится поглощать свой обед в компании молчаливой жены, двух невоспитанных мальчишек и акулopodobного советника. Дикштейн делал все, что мог, дабы поддерживать у него хорошее настроение; он хотел, чтобы благодушие не покинуло хозяина дома, когда он обратится к нему с просьбой.

В завершении обеда Кортоне и Дикштейн расположились в кожаных креслах в его кабинете, и дворецкий принес им коньяк и сигары. Дикштейн отказался и от того, и от другого.

– Ты же чертовски пил, – вспомнил Кортоне.

– Это была чертовская война, – ответил Дикштейн.

Дворецкий оставил кабинет. Понаблюдав, как Кортоне пьет коньяк, как раскуривает сигару, Дикштейн подумал, что Ал ест, пьет и курит как-то безрадостно, словно надеясь, что, если он все это будет делать регулярно, то наконец почув-

ствует вкус этих радостей. Вспоминая непринужденное веселье, с которым они вдвоем проводили время у его сицилийских родственников, Дикштейн подумал, остались ли в жизни Кортоне какие-то настоящие живые люди.

Внезапно Кортоне расхохотался.

– Я помню каждую минуту того дня в Оксфорде. Слушай, у тебя что-нибудь получилось с той профессорской женой, как ее, этой арабкой?

– Нет, – сдержанно улыбнулся Дикштейн. – И ныне она мертва.

– Прости.

– И случилась странная вещь. Я вернулся туда, в тот домик у реки, и встретил ее дочь... Она выглядит точно такой, какой была Эйла.

– В самом деле?... – Кортоне плотоядно посмотрел на него. – И ты охмурил дочку – ну, просто не могу поверить! Дикштейн кивнул.

– Мы несколько раз встречались. И я хочу жениться на ней. В следующий раз, когда мы увидимся, я хочу просить ее руки.

– И ты считаешь, что она согласится?

– Не уверен. Но хочу надеяться. Я старше ее.

– Возраст не имеет значения. Хотя тебе надо немного прибавить в теле. Женщины любят, чтобы было, за что подержаться.

Разговор начал утомлять Дикштейна, и он понял, в чем

дело: Кортоне воспринимал их общение, как банальный треп. Может быть, сказывалась многолетняя привычка держать язык за зубами; может, дело заключалось в том, что большинство дел «семейного бизнеса» носило уголовный характер, и он не хотел, чтобы Дикштейн догадался об этом (хотя он так и так это предполагал); или, может, тут было что-то еще, с чем он очень боялся столкнуться, какое-то тайное разочарование, которого он не хотел испытывать – во всяком случае, в этом толстом мужчине давно исчезли следы того открытого, веселого, восторженного молодого человека. Дикштейна так и тянуло спросить его – скажи, что доставляет тебе радость в жизни, кого ты любишь и как вообще идет твоя жизнь.

Вместо этого он сказал:

– Ты помнишь, что сказал мне в Оксфорде?

– Конечно. Я у тебя в долгу, ты спас мне жизнь. – Кортоне затаился сигарой.

Хоть в этом он не изменился.

– И я здесь, чтобы попросить тебя о помощи.

– Валяй и проси.

– Ты не против, если я включу радио?

Кортоне улыбнулся.

– Это помещение обследуется на предмет обнаружения «клопов», самое малое, раз в неделю.

– Отлично, – сказал Дикштейн, но все-таки включил радио. – Карты на стол, Ал. Я работаю на израильскую развед-

ку.

Кортоне вытаращил глаза:

– Я должен был бы догадаться.

– И в ноябре я собираюсь провернуть одну операцию в Средиземноморье. Это... – Дикштейн остановился, прикидывая, сколько он может выложить собеседнику, и решил, что немного. – Это то, что может положить, в результате, конец войнам на Ближнем Востоке. – Он помолчал, вспоминая фразу, которую Кортоне обычно употреблял: – И я не пудрю тебе мозги.

Кортоне рассмеялся.

– Если бы ты хотел пудрить мне мозги, то, думаю, явился бы сюда скорее, чем через двадцать лет.

– Очень важно, чтобы следы операции не привели в Израиль. Мне нужна база, с которой я мог бы действовать. Большой дом на берегу, с причалом для небольших судов и якорной стоянкой недалеко от берега для судна побольше. Пока я буду там – думаю, недели две, не больше – мне нужно прикрытие от расспросов полиции и слишком любопытных чиновников. И мне пришло в голову единственное место, где я мог бы обрести все это, и единственный человек, который мог бы мне помочь.

Кортоне кивнул.

– Я знаю такое место – заброшенный дом в Сицилии. Там не особенно шикарно, парень – нет отопления, без телефона, но для оплаты по счету подойдет.

Дикштейн широко улыбнулся.

– Потрясающе. Именно об этом я и собираюсь просить.

– Ты шутишь, – сказал Кортоне. – И это все?

«КОМУ: шефу Моссада.

ОТ КОГО: Шефа лондонского отделения.

ДАТА: 29 июля 1968 года.

Почти с уверенностью можно утверждать, что Сузи Эшфорд является агентом арабской разведывательной службы.

Она родилась в Оксфорде (Англия) 17 июня 1944 года, единственный ребенок мистера (теперь профессора) Стивена Эшфорда (родился в Гилфорде, Англия, в 1908 году) и Эйлы Зуаби (родилась в Триполи, Ливан, в 1925 году). Мать, которая умерла в 1954 году, была чистокровной арабкой. Отец известен в Англии под именем «Арабиста»; большую часть первых сорока лет жизни провел на Ближнем Востоке как исследователь, предприниматель и лингвист. Ныне он преподает семитские языки в Оксфордском университете, где хорошо известны его умеренные, но явно проарабские взгляды.

Таким образом, хотя Сузи Эшфорд является урожденной подданной Соединенного Королевства, есть основания предполагать, что она предана делу арабов.

Она работает стюардессой в авиакомпании ВОАС на международных линиях, часто, среди прочих мест, посещая Тегеран, Сингапур и Цюрих. Следовательно,

у нее достаточно возможностей вступать в тайные контакты с дипломатическими представителями арабских стран.

Она удивительно красивая молодая женщина (см. прилагаемую фотографию), что в какой-то мере объясняет отношение к ней полевого агента. Она может вступать в различные связи, что не является чем-то необычным по стандартным представлениям ее профессии и ее поколения в Лондоне. Более точно следовало бы сказать, что для нее вступление в сексуальные отношения с человеком с целью получения от него информации было бы достаточно неприятным, но не травмирующим испытанием.

Наконец – и это главное – Ясиф Хассан, агент, который заметил Дикштейна в Люксембурге, учился под руководством ее отца профессора Эшфорда в то же время, что и Дикштейн, и в течение этих лет продолжал поддерживать с ним нерегулярные контакты. Именно он мог посетить Эшфорда – человек, отвечающий его описанию, в самом деле нанес тому визит – примерно в то время, когда началась любовная связь Дикштейна и Сузи Эшфорд.

Рекомендовал бы продолжить наблюдение.

(Подпись) Роберт Дженкс.

«КОМУ: Шефу лондонского отделения.

ОТ КОГО: Шефа Моссада.

ДАТА: 30 июля 1968 года.

В силу всего того, что свидетельствует против нее, я

не могу понять, почему вы не рекомендуете убить ее.
(Подпись) Пьер Борг».

«КОМУ: Шефу Моссада.

ОТ КОГО: Шефа лондонского отделения.

ДАТА: 30 июля 1968 года.

Я бы не рекомендовал устранение Сузи Эшфорд в силу следующих причин:

1. Свидетельства против нее достаточно убедительны, но все же носят случайный характер.

2. Из того, что мне известно о Дикштейне, я серьезно сомневаюсь, что он может снабдить ее какой-то информацией, даже если романтически увлечен ею.

3. Если мы устраним ее, другая сторона будет искать иных подходов к Дикштейну. Так лучше уж пусть мы знаем опасность.

4. Мы можем использовать ее, дабы снабжать другую сторону ложной информацией.

5. Я не склонен прибегать к убийствам на основе столь неопределенных доказательств. Мы не варвары. Мы евреи.

6. Если мы уьем женщину, которую любит Дикштейн, я думаю, он убьет вас, меня и всех, кто будет иметь отношение к этому делу.

(Подпись) Роберт Дженкс».

«КОМУ: Шефу лондонского отделения.

ОТ КОГО: Шефа Моссада.

ДАТА: 1 августа 1968 года.

Поступайте, как знаете.

(Подпись) Пьер Борг.

Постскрипtum (с отметкой «личное»).

Ваш пятый пункт очень благороден и трогателен, но подобные замечания вряд ли будут способствовать присуждению вам очередного звания в этой армии. – П.Б.»

Она была маленькой, старой, уродливой и грязной развальнойюхой.

Корпус украшали обширные пятна ржавчины, которые оранжевой сыпью покрывали ее от носа до кормы. Если когда-то их и закрашивали, то краска давно облупилась, ободрана ветром, оббита волнами и дождями в море. Планшир правого борта давно проломан ударом штормовой волны, и с тех пор никто не побеспокоился привести его в подобающий вид. В трубах скопился десятилетний слой сажи. Палуба была выщерблена, помята и испяtnана; хотя время от времени ее драили, вычистить ее так и не удавалось, и на ней повсюду были видны следы прошлых грузов – россыпь зерна, щепки строевого леса, ошметки гниющих овощей и обрывки мешковины – главным образом под спасательными шляпками, в бухтах небрежно смотанных канатов, внутри клапанов, ведущих в трюмы. В теплые дни отовсюду несло гнилью.

Она была примерно двух с половиной тысяч тонн водоизмещения, двухсот футов в длину и чуть больше 30 – в ширину. На ободранном носу высилась антенна. Большую часть главной палубы занимали огромные крышки люков, которые

вели в главный трюм. Над ними высились три крана: один обслуживал носовую часть трюма, один – середину, и третий стоял ближе к корме. Рулевая рубка, помещения для офицерского состава, галюн и кубрики для команды размещались на корме, вокруг дымовой трубы. Под кормой – единственный винт, который приводился в движение шестицилиндровым двигателем; теоретически тот обладал мощностью в 2450 лошадиных сил и мог развивать крейсерскую скорость до 13 узлов.

При полной загрузке судно подвергалось ужасной килевой качке. Болтало немилосердно. Даже при небольшом волнении, с балластной загрузкой, судно кренолось на бок чуть ли не до семидесяти градусов. Душные помещения почти не вентилировались, трюмы часто подтапливались, а машинное отделение было достойно кисти Иеронимуса Босха.

Ее обслуживала команда из тридцати одного человека, и ни у кого из них не нашлось бы о ней ни одного доброго слова.

Единственными ее пассажирами были колония тараканов, несколько мышей и пара сотен крыс.

Никому это судно не внушало симпатии, и название его было «Копарелли».

Глава десятая

Нат Дикштейн прибыл в Нью-Йорк, чтобы стать пароходным магнатом. Что и заняло у него все утро.

Заглянув в телефонный справочник Манхэттена, он выбрал адвоката, который, судя по адресу, обитал в нижнем Ист-Сайде. Вместо того, чтобы звонить, он явился к нему лично и с удовлетворением отметил, что адвокатская контора размещается над китайским ресторанчиком. Адвоката звали мистер Чанг.

Дикштейн и Чанг на такси добрались до офиса компании «Либериян Корпорейшен Сервис, инк» на Парк-авеню, которая была основана для содействия лицам, которые хотят зарегистрировать свое дело в либерийской корпорации, но не испытывают намерения отправляться для этого за три тысячи миль в Либерию. Дикштейна не просили предъявлять документы, он не должен доказывать, что он честный, обеспеченный и душевно-здоровый человек. За гонорар в пятьсот долларов – которые Дикштейн выложил наличными – была зарегистрирована либерийская корпорация «Сейвил шипинг». Тот факт, что на данном этапе Дикштейну не принадлежала даже гребная шлюпка, никого не волновал.

Штаб-квартира компании была вписана под номером 80 по адресу Брод-стрит, Монровия, Либерия, и ее директорами стали П.Сатиа, Э.К.Нугба и Дж. Д.Бойд, все жители Ли-

берии. По тому же адресу размещалось большинство таких либерийских корпораций, и директорами во многих из них были те же Сатиа, Нугба и Бойд – откровенно говоря, таким образом они зарабатывали себе на жизнь. Кроме того, они были служащими Либерийской залоговой компании, которая размещалась по тому же адресу.

Мистер Чанг попросил выдать ему пятьдесят долларов и оплатить такси. Дикштейн выдал ему наличными требуемую сумму и посоветовал воспользоваться автобусом.

Так, обзаведясь всего лишь адресом, Дикштейн стал основателем совершенно законной пароходной компании, которая не могла привести ни к нему, ни к Моссаду.

Через двадцать четыре часа Сатиа, Нугба и Бойд подали в отставку, которая была принята; в тот же самый день общественный нотариус из графства Монсеррадо в Либерии поставил печать на документ, в котором говорилось, что полный и всеобъемлющий контроль над деятельностью корпорации «Сейвил шипинг» вручается в руки некоего Андре Папагополуса.

К тому времени Дикштейн уже ехал на автобусе из Цюрихского аэропорта в город, где ему предстояло встретиться за ленчем с Папагополусом.

Когда, наконец, он смог прикинуть предстоящие действия, даже он был потрясен запутанностью планов, обилием деталей, которым предстояло сложиться одна к одной, как в головоломке, количеством людей, которых предстояло убеж-

дать, подкупать или запугивать, чтобы каждый из них исполнил свою роль. Пока ему везло, сначала с Воротничком, потом с Алом Кортоне, не говоря уж о «Ллоиде» в Лондоне и о либерийской фирме, но сколько же ему будет сопутствовать удача?

В определенном смысле Папагополус представлял собой самую серьезную проблему: человек столь же уклончивый, сколь и могущественный, и так же свободный от слабостей, как и сам Дикштейн.

Он родился в 1912 году в деревне, которая во времена его детства поочередно становилась то турецкой, то болгарской, то греческой. Его отец был рыбак. Еще подростком он освоил все морские премудрости, но главным образом уделял внимание контрабанде. После второй мировой войны он оказался в Эфиопии, где за ничтожную цену скупил горы военных излишков, которые по окончании войны оказались никому не нужны. Он продавал ружья и автоматы, ручные гранаты, пулеметы, противотанковые ружья и боеприпасы всем, у кого была нужда. Тогда же он вошел в контакт с Еврейским агентством в Каире и, получая огромную прибыль, продавал оружие подпольной израильской армии. Он организовал переброску на судах – в чем неоценимую услугу оказали его способности контрабандиста – оружия прямо в Палестину. Тогда-то он и спросил, не нужно ли что-нибудь еще.

Таким образом он и встретился с Натом Дикштейном.

Он быстро перемещался с места на место – из Каира времен короля Фарука в Швейцарию. Его дела с Израилем преобразовались из полностью незаконных в, худшем случае, несколько сомнительные, а в большинстве своем совершенно невинные. Теперь он именовал себя брокером по судам, что и было его основным, хотя и не полностью, делом.

Адреса у него не было. С ним необходимо было связываться по полудюжине телефонных номеров по всему миру, но его никогда не было на месте – каждый раз приходилось оставлять послание, и Папагополус звонил сам. Многие знали его и доверяли ему, особенно в судовом деле. Потому что он никогда никого не подводил; но доверие к нему было основано на репутации, а не в силу личных знакомств. Он жил хорошо, но достаточно тихо и незаметно, и Дикштейн был одним из немногих людей в мире, которому была известна его единственная слабость: он любил оказываться в постели в компании девочек, но, в самом деле, в компании, которая включала в себя десять-двенадцать красавиц. И у него не было чувства юмора.

Дикштейн сошел с автобуса у вокзала, где на тротуаре его ждал Папагополус. Это был крупный человек с оливковой кожей и редкими темными волосами, пряди которых прикрывали намечающуюся тонзуру.

Они обменялись рукопожатием.

– Как дела? – спросил Дикштейн.

– То вверх, то вниз, – улыбнулся Папагополус. – Но боль-

ше вверх.

Они двинулись по тихим чистым улочкам, напоминая директора компании в сопровождении его бухгалтера. Дикштейн с удовольствием вдыхал прохладный воздух.

– Мне нравится этот город, – сказал он.

– Я заказал столик у «Велтлинер Келлер» в старом городе, – предупредил его спутник. – Хотя знаю, что в отличие от меня, вы не обращаете внимания на пищу.

– Вы были на Пеликанштрассе? – спросил Дикштейн.

– Да.

– Хорошо.

На Пеликанштрассе располагался цюрихский офис «Либериян Корпорейшен сервис, инк». Дикштейн попросил Папагополуса зарегистрироваться там как исполнительного директора «Сейвил шипинг». После этого, получив десять тысяч долларов со счета Моссада в швейцарском банке, он сможет перевести их на счет Папагополуса в том же банке, и следы этого перевода будет очень трудно проследить.

– Но я больше ничего не обещаю. Так что вы можете впустую потерять деньги, – предупредил Папагополус.

– Уверен, что этого не произойдет.

В ресторане они заказали поесть и выпить. Дикштейн с сожалением отметил, что местное швейцарское вино все же лучше израильского.

За едой Дикштейн объяснил Папагополусу его обязанности как исполнительного директора «Сейвил шипинг».

– Первое: приобрести небольшое, но быстроходное судно в 1000 или 1500 тонн водоизмещения. Зарегистрировать его в Либерии. – Это задание предполагало еще один визит на Пеликанштрассе и выплаты налога в виде одного доллара за каждую тонну. – В стоимость включите и ваш процент, как брокера. За все действия с судном вам будут идти брокерские процентные отчисления. Меня не волнует, как оно будет использоваться, пока не придет время ему пуститься в путешествие, в конце которого оно пришвартуется в Хайфе; произойти это должно примерно 7 октября. В Хайфе вы рассчитаете команду. Вы будете делать заметки?

– Думаю, что обойдусь, – улыбнулся Папагополус.

От Дикштейна не ускользнула некоторая сдержанность собеседника. Папагополус внимательно слушал, но пока еще не давал согласия взяться за дело. Дикштейн продолжил:

– Второе: купите любое из судов в данном списке. – Он протянул ему листик бумаги, на котором были поименованы четыре судна-близнеца «Копарелли» с именами их владельцев и последним портом швартовки – информацию эту он получил в «Ллойде». – Давайте любую цену, которую запросят; мне нужно одно из них. Включите в нее ваш брокерский процент. И к 7 октября доставьте его в Хайфу. Там рассчитаете команду.

Папагополус с непроницаемым лицом поглощал шоколадный мусс. Положив ложечку, он надел очки в золотой оправе, чтобы прочесть список. Сложив листик, без коммента-

риев положил его на стол.

Дикштейн протянул ему другой лист бумаги.

– Третье: купите вот это судно – «Копарелли». Но вы должны приобрести его в точно обусловленное время. Оно выйдет из Антверпена в воскресенье, 17 ноября. Мы должны получить его после того, как оно выйдет в море, и до того, как минует Гибралтар.

Папагополус с сомнением посмотрел на него.

– М-да...

– Подождите, дайте мне досказать остальное. Четвертое: в самом начале 1969 года вы продадите судно номер один, маленькое, и номер три, «Копарелли». Вы получите от меня сертификат, подтверждающий, что корабль номер два продан на металлолом. Перешлете его «Ллойду». И прикроете «Сейвил шипинг».

– То есть, вы хотите, чтобы судно исчезло без следа.

Дикштейн кивнул. Папагополус уловил самую суть дела и резал, как ножом.

– Как вы должны понимать, – продолжил он, – все это достаточно несложно, кроме покупки «Копарелли», когда корабль будет в море. Нормальная процедура приобретения судна носит следующий характер: в ходе переговоров достигается соглашение о цене и подписываются соответствующие документы. Судно ставят в сухой док для осмотра. Когда он кончается удовлетворительным результатом, подписываются документы, выплачиваются деньги, и новый владелец полу-

чает право вывести судно из сухого дока. Покупка судна, находящегося в море, носит исключительный характер.

– Но возможный.

– Да, возможный.

Дикштейн внимательно наблюдал за ним. Папагополус задумался с рассеянным взглядом: он уже пытался осмыслить проблему, что обнадеживало.

– На следующей день, после того как судно уйдет в море, мы можем начать переговоры и обговорить цену, назначить дату инспекции. Затем, пока судно будет в рейсе, мы можем сказать, что покупателю необходимо срочно потратить деньги, предположим, в связи с уплатой налогов. Продавец внесет страховой взнос на случай каких-то серьезных неполадок, которые могут обнаружиться после осмотра... хотя это его не должно беспокоить. Он беспокоится о своей репутации как владелец судна. Он даст железные гарантии, что его имущество будет в целости и сохранности доставлено в распоряжение нового владельца «Копарелли».

– Можете ли вы представить такую гарантию грузоотправителю, основанную на вашей репутации?

– Конечно. Но почему я должен ее давать?

Дикштейн посмотрел ему прямо в глаза:

– Могу обещать вам, что владелец груза претензий к вам предъявлять не будет.

Папагополус развел в сторону распростертые ладони.

– Не подлежит сомнению, что вы замышляете какое-то

мошенничество. И я нужен вам в качестве респектабельного прикрытия. Что я еще могу сделать? Но, кроме того, вы требуете, чтобы я выложил на стол свою репутацию, предлагая верить вам на слово, что она не пострадает. Так?

– Да. Послушайте. Разрешите мне кое-что спросить у вас. Когда-то вы доверились израильтянам, помните?

– Конечно.

– Вы когда-нибудь сожалели об этом?

Папагополус улыбнулся, вспоминая добрые старые времена.

– Это было лучшее решение из всех, которые я когда-либо принимал.

– Так готовы ли вы снова поверить нам? – Дикштейн затаил дыхание.

– В то время я был готов и к потерям. Мне было... тридцать пять лет. То было веселое времечко. Я получил самое интригующее предложение за все двадцать лет. Черт побери, я согласен!

Дикштейн протянул ему руку над столиком. Папагополус пожал ее.

– Теперь детали, – сказал Дикштейн. – Откройте счет на «Сейвил шипинг» в вашем банке здесь. Как только будут получены средства, посольство сразу переведет их. Сообщите мне об этом, просто оставив письменную информацию в банке. Записку возьмет кто-нибудь из посольства. Если у нас возникнет необходимость встретиться и переговорить, вос-

пользуемся теми же самыми телефонными номерами.

– Договорились.

– Я рад, что мы снова будем работать вместе.

Папагополус погрузился в задумчивость.

– Судно номер два – это судно-близнец «Копарелли», – пробормотал он. – Думаю, что догадываюсь, к чему вы клоните. Есть только одно, что мне хотелось бы узнать, хотя не сомневаюсь, что вы не скажете. Какой же, черт побери, груз на борту «Копарелли» – уран, что ли?

Петр Тюрин задумчиво посмотрел на «Копарелли» и пробормотал:

– Ну и старое же корыто.

Ростов не ответил. Они сидели во взятом напрокат «Форде» рядом с кардиффскими доками. Белки в Московском центре предупредили, что сегодня «Копарелли» пришвартуется именно здесь, и теперь они наблюдали, как проходила эта операция. Судну предстояло разгрузить фрахт строевого леса из Швеции и взять генеральный груз в виде небольших станков и хлопка, что должно занять несколько дней.

– По крайней мере, на эту развалюху никто не захочет покуситься, – пробормотал Тюрин больше для себя.

– Оно не так уж старо, – возразил Ростов.

Тюрин удивился; Ростов понял, что его беспокоит. Но Ростов постоянно удивлял его своей прозорливостью.

Дождило. Дождь в Уэльсе был самый пронизывающий и

монотонный, чем по всей Англии, и куда холоднее. Петр Тюрин пребывал в тоске. В свое время он отслужил два года в военно-морском флоте. Это и еще плюс тот факт, что он специалист по радио и электронике, не оставило другого выбора, как оказаться на борту «Копарелли». Он не хотел опять уходить в море. Он терпеть не мог сырость, холод, корабельную пищу и строгую дисциплину на борту. В квартирке в Москве его ждала теплая уютная жена, и он скучал по ней.

Конечно, не могло быть и речи, чтобы он позволил себе отказаться перед Ростовым от задания.

– Мы подставим тебя на место радиста, но, в случае чего, у тебя должно быть свое оборудование, – сказал Ростов.

Тюрин постарался прикинуть, как все это будет организовано. В его обязанности, очевидно, будет входить найти радиста, трахнуть его по голове, кинуть в воду и, явившись на борт судна, сказать: «Я слышал, вам нужен новый радист». Но, скорее всего, Ростов придумает что-то поумнее, на то он и полковник.

Оживление на палубе стихло, и «Копарелли» вырубил двигатель. Шесть или семь матросов спустились по трапу, смеясь и перекрикиваясь, и направились в город.

– Проследи, в каком пабе они бросят якорь, Ник, – дал указание Ростов. Бунин вылез из машины и последовал за моряками.

Тюрин проводил его взглядом. Он решительно не мог разделить радостного возбуждения Ростова по поводу того, что

операция успешно развивается. Они снова не имели представления, куда делся Дикштейн – хотя и не потеряли окончательно его следы. Ростов принял решение дать ему свободно действовать: он боялся, что слежка за Дикштейном спугнет его.

– Мы будем следить за «Копарелли», – сказал он, – и Дикштейн сам выйдет на нас.

Ясиф Хассан было заспорил с ним, но Ростов одержал верх. Тюрин, который абсолютно не испытывал желания принимать участие в обсуждении стратегических вопросов, подумал, что Ростов прав, хотя у него и нет больших оснований быть столь уверенным.

– Первым делом надо подружиться с командой, – прервал Ростов размышления Тюрина. – Ты радист. Ты получил небольшую травму на борту своего последнего судна «Рождественская роза» – сломал руку – и тебя оставили тут в Кардиффе до полного выздоровления. От хозяина судна ты получил приличную компенсацию. Ты неплохо проводил время, пока у тебя были деньги. Осторожно намекни, что хотел бы найти себе работу, когда деньги подойдут к концу. Ты должен выяснить две вещи: кто у них радист и когда собирается отходить судно.

– Ясно, – кивнул Тюрин, хотя до ясности было далеко. Вот как, например, взять и просто «подружиться» с командой?

Подсознательно он поежился, шевельнув широкими плечами. Или он выполнит задание или же ему придется пред-

ставить убедительные доказательства, почему он не смог его выполнить. Он мог лишь пообещать приложить все усилия.

Вернулся Бунин.

– Перелезай-ка назад, – велел Ростов, – пусть Ник правит. – Тюрин вылез, придержав дверцу для Ника.

Когда машина отъехала от порта, Ростов повернулся с переднего сидения переговорить с Тюриным.

– Тут сотня фунтов, – сказал он, протягивая ему пачку банкнот. – Можешь не скупиться.

Бунин остановил машину у небольшой припортовой таверны на углу. На вывеске, хлопавшей под ветром, читалось «Лучшее пиво». За непрозрачными стеклами виднелись желтоватые огоньки светильников. Хуже этого места сегодня и не придумать, пришло в голову Тюрину.

– Какой национальности команда? – неожиданно спросил он.

– Шведы, – ответил Бунин.

По своим поддельным документам Тюрин был австрийцем.

– На каком же языке мне с ними разговаривать?

– Все шведы говорят по-английски, – объяснил ему Ростов. Настало краткое молчание. – Еще есть вопросы? – спросил Ростов. – Я хотел бы заняться Хассаном прежде, чем он наделает очередных глупостей.

– Вопросов не имею, – сказал Тюрин, открывая дверцу машины.

– Во сколько бы ты ни пришел вечером в гостиницу, переговори со мной, – наказал Ростов.

– Ясное дело.

– Удачи.

Захлопнув дверцу. Тюрин перешел дорогу, направляясь в паб.

Это был убогий маленький кабачок, с деревянными скамейками вдоль стен и пластиковыми столами, прикрепленными к полу. Четверо из компании моряков играли в стрелки в углу, а пятый стоял у бара, заказывая для всех выпивку.

Бармен кивнул Тюрину. Тот попросил у него пинту легкого светлого, большое виски и сэндвич с ветчиной.

Моряк у столика повернулся и вежливо кивнул. Тюрин улыбнулся:

– Только что отшвартовались?

– Да. Пришли на «Копарелли».

– Я с «Рождественской розы», – сообщил Тюрин. – Они оставили меня здесь.

– Повезло.

– Сломал себе руку.

– Ах вот как? – улыбнулся швед. – Так ты можешь держать стакан в другой.

– Что меня и устраивает. Дай-ка я поставлю тебе выпить. Что предпочитаешь?

Прошло два дня, и они по-прежнему пили. В составе собутельников произошли некоторые изменения, потому что

кое-кто пошел стоять вахту и на берег сошли другие; был небольшой период времени между четырьмя утра и открытием заведения, когда нигде в городе, законным или незаконным образом, нельзя приобрести выпивку, но все остальное время представляло собой бесконечное шатание по кабакам. Тюрин уже и подзабыл, как пьют моряки. Он мучился жутким похмельем. Правда, он радовался, что еще не пришлось идти к шлюхам: шведы проявляли интерес к женщинам, но только не к проституткам. Тюрину никак не удалось бы убедить жену, что он подхватил венерическую болезнь на службе матушке-России. Другим пороком шведов была отчаянная склонность к азартным играм. Тюрин спустил в покер едва ли не пятьдесят фунтов из выданных ему КГБ. Он настолько тесно сошелся с командой «Копарелли», что часам к двум ночи его пригласили даже на борт. Там он повалился спать на грузовой палубе, и его оставили в покое до восьми склянок.

Но этот вечер уже не будет походить на предыдущий. «Копарелли» уходит в море с утренним приливом: к полуночи и команда судна, и все ее офицеры должны быть на борту. Было десять минут двенадцатого. Хозяин кабачка ходил по помещению, собирая стаканы и вытряхивая пепельницы. Тюрин играл в домино с Ларсом, радистом судна. Сыграв несколько партий, они перешли к выстраиванию костяшек, пока те не падали при неосторожном движении. Ларс был крепко пьян, а Тюрин еще кое-что соображал. Его до испа-

рины пугала мысль о том, что должно будет произойти в ближайšie несколько минут.

Остальные члены команды уже покинули заведение. Тюрин и Ларс тоже поднялись. Тюрин обнял Ларса за плечи, и, пошатываясь, они бок о бок выбрались на улицу.

Ночной воздух был сыр и холоден. Тюрин поежился. Теперь ему предстояло держаться поближе к Ларсу. Надеюсь, что Ник точно рассчитает время, подумал он. И надеюсь, что машина не поломаётся. И еще: остается надеяться лишь на Бога, что Ларс не погибнет.

Они прошли мимо темно-синего «Форд-Капри 2000», который с потушенными фарами стоял на обочине. На мгновение вспыхнул свет в салоне, и Тюрин увидел лицо водителя. Это был Ник Бунин. Вытащив из кармана мятую белую фуражку, Тюрин натянул ее на голову: сигнал, по которому Бунин будет ориентироваться. Когда моряки прошли мимо, машина снялась с места и двинулась в противоположном направлении. Еще рано.

– У меня есть невеста, – сказал Ларс. О нет, только не начинай о ней.

– И она, – хихикнул Ларс, – жутко горячая баба.

– Ты собираешься жениться на ней? – Тюрин настойчиво пялился в темноту перед собой и, прислушиваясь, продолжал болтать с Парсом только, чтобы держаться поближе к нему.

– Чего ради? – Ларс осклабился.

– Она верна тебе?

– Еще бы, а то я перережу ей горло.

– А я думал, что Швеция придерживается свободной любви, – Тюрин сказал первое, что пришло ему в голову.

– Ну да, свободной любви. Но ей бы лучше не изменять мне.

– Понимаю.

– Могу объяснить...

Да где ты, Ник? Давай же...

Тюрин услышал приближение машины. Он напрягся.

– В чем дело? – спросил Ларс.

– Ничего особенного. – Тюрин увидел свет фар. Машина ехала прямо на них по середине дороги. Моряки отошли к тротуару, чтобы освободить ей дорогу. Это неправильно, так не может быть, это не сработает! Внезапно Тюрин растерялся и впал в панику – затем он ясно увидел перед собой машину, на которую упал свет уличных фонарей, и понял, что это не та, появления которой он ждал, это патрульная машина полиции.

Улица вливалась в широкую пустую площадь, всю в выбоинах. Движения вокруг никакого не было. Моряки направлялись напрямиком через площадь.

Вот тут.

Давай.

Они уже были на полпути.

Давай же!

Машина вывернулась из-за угла и помчалась через площадь, светя фарами. Окостеневшими пальцами Тюрин впился в плечо Ларса. Машина приближалась на полной скорости.

– Водитель надрался, – прохрипел Ларс.

Это был «Форд-Капри». Он вильнул, огибая группу моряков перед собой. Они перестали смеяться и рассыпались в разные стороны. Развернувшись, машина помчалась прямо на Тюрина с Ларсом.

– Смотри в оба! – заорал Тюрин.

Когда машина почти приблизилась к ним, он толкнул Ларса в сторону, заставив его потерять равновесие, и сам отпрыгнул в другую. Раздался глухой удар, сопровождаемый вскриком и звоном разбившегося стекла. Машина умчалась.

Готово, подумал Тюрин. Он с трудом поднялся на ноги и глянул на Ларса. Моряк лежал на дороге в нескольких футах от него. В свете фонарей блестела лужица крови. Ларс застонал. Жив, подумал Тюрин. Слава Богу!

Машина притормозила. Одна из фар у нее не горела – та, которой он сбил Ларса, прикинул Тюрин. Водитель словно бы медлил. Затем она набрала скорость и, подмигивая единственным глазом, умчалась в ночь.

Тюрин склонился над Ларсом. Остальные моряки столпились вокруг, переговариваясь по-шведски. Тюрин коснулся ноги Ларса. Тот отчаянно завопил от боли. Ларс был окровавлен, но кровотечение было не особенно сильным. Штур-

ман нагнулся к нему. Но Ларс не позволял притрагиваться к ноге.

Скорая помощь прибыла через несколько минут, но они показались Тюрину вечностью: ему никогда не доводилось убивать человека, и он не был готов к этому. Ларса положили на носилки. Офицер сел в салон скорой помощи и обратился к Тюрину:

– Тебе бы тоже лучше сесть сюда.

– Да.

– Думаю, ты спас ему жизнь.

– О, Господи.

Он занял место в салоне скорой рядом с офицером. Они помчались по залитым дождем улицам, и синий маячок на крыше отбрасывал зловещие отблески на стены зданий. Тюрин сидел у задней стенки машины, не в силах смотреть ни на Ларса, ни на сопровождающего, ни в окно и вообще не знал, куда девать глаза. Он сделал много неблаговидных вещей на службе своей стране и полковнику Ростову – подслушивал разговоры любовников, чтобы потом шантажировать их, обучал террористов, как делать бомбы, он помогал захватывать людей, которые потом подвергались пыткам – но ему никогда не доводилось ехать в скорой помощи рядом со своей жертвой. Ему это не могло нравиться.

Они прибыли в больницу. Санитары вынесли носилки с Ларсом. Тюрин и штурман остались в приемном покое.

После долгого ожидания показался врач.

– У него сломана нога и некоторая кровопотеря, – сказал он. У медика был очень усталый вид. – И он крепко выпил, что никак не пойдет ему на пользу. Но он молод, здоров, силен и крепок. Нога у него срастется и через несколько недель будет, как новая.

Тюрина охватило чувство огромного облегчения. Только тут он понял, что его колотит.

– Наше судно отходит утром, – сказал офицер.

– Он не может быть на нем, – заметил врач. – Ваш капитан едет сюда?

– Я послал за ним.

– Отлично. – Повернувшись, врач оставил их.

Капитан прибыл одновременно с полицией. Он переговорил по-шведски со штурманом, пока молодой сержант выслушивал от Тюрина неопределенное описание машины. Затем капитан подошел к нему.

– Я считаю, что вы спасли Ларса от гораздо более худшего исхода.

Тюрин предпочел бы не слышать от него таких слов.

– Я попытался оттащить его в сторону, но он упал. Он был очень пьян.

– Хорст сказал, что вы ожидаете подходящего судна, списавшись с предыдущего.

– Да, сэр.

– Вы квалифицированный дипломированный радиооператор?

– Да, сэр.

– Мне нужно кем-то заменить беднягу Ларса. Не хотите ли завтра утром отплыть с нами?

– Я вывожу тебя из дела, – сказал Пьер Борг. Дикштейн побледнел. Он молчал, уставившись на своего шефа.

– Я хочу, чтобы ты вернулся в Тель-Авив и осуществлял руководство операцией оттуда.

– Да имел я тебя, – бросил Дикштейн.

Они стояли на берегу Цюрихского озера. Его гладь заполняли яхточки, чьи многоцветные паруса радостно трепыхались под лучами швейцарского солнца.

– Не будем спорить, Нат.

– Не будем спорить, Пьер. Я отказываюсь выходить из дела. И точка.

– Я приказываю тебе.

– А я говорю тебе – да пошел ты!

– Слушай, – Борг глубоко вдохнул. – План твой прекрасен. Единственная погрешность в нем заключается в том, что ты скомпрометирован: противная сторона знает, что ты его разработал, и они попытаются найти тебя и пустить прахом все, что тебе удалось достичь. Ты можешь по-прежнему руководить операцией, но тебе надо убрать с глаз.

– Это не та операция, когда ты можешь сидеть в конторе, нажимать кнопки, и все идет, как по маслу. Она слишком сложна, в ней слишком много непредугадываемых ва-

риантов. И я должен постоянно находиться на месте, чтобы успевать принимать решения. – Прервавшись, Дикштейн задумался. Но в самом деле, почему я все должен делать сам? Неужели я единственный человек в Израиле, которому это под силу? А не в том ли дело, что я жажду славы?

Борг высказал вслух его мысли:

– Не пытайся быть героем, Нат. Ты для этого слишком умен. Ты профессионал; тебе надлежит подчиняться приказам.

Дикштейн покачал головой.

– Тебе следовало бы крепко подумать прежде, чем отдавать мне такой приказ. Помнишь, как евреи относятся к людям, которые всегда подчинялись приказам?

– Ну, хорошо, ты прошел концлагерь – но это не дает тебе право, черт побери, всю жизнь делать только то, что ты хочешь!

– Ты можешь, конечно, остановить меня. Можешь лишить поддержки. Но в таком случае ты так и не получишь свой уран, потому что я не собираюсь никому рассказывать, как его заполучить, – слова свои Дикштейн закончил выразительным жестом.

Борг в упор уставился на него:

– Ну, подонок, ты и это предусмотрел.

Дикштейн заметил выражение лица Борга. Как-то ему довелось быть свидетелем неприятной сцены, когда Борг ссорился со своим сыном – подростком Даном. Насупившись,

мальчишка мрачно слушал, как отец объяснял ему: участие в маршах мира является нелояльностью по отношению к отцу, матери, стране и Богу и так далее – пока Борг едва не задохнулся от душившей его ярости. Дан, подобно Дикштейну, знал, как противостоять, когда на тебя давят, а Борг в таких случаях обычно багровел и начинал орать. Внезапно Дикштейн увидел, что на этот раз ничего подобного не происходит. Борг сохранял спокойствие.

Сдержанно улыбнувшись, он сказал:

– Уверен, что та, кого ты трахаешь – агент другой стороны.

У Дикштейна перехватило дыхание. Ему показалось, что сзади ему врезали ломом по голове. Вот уж этого он ожидал меньше всего. Сузи была чем-то отдельным, совершенно отъединенным от всей прочей жизни, а теперь Борг выволок ее на всеобщее обозрение: гляньте-ка, чем Нат занимается!

– Нет. – Голос Ната звучал глухо и ровно.

– Я изложу тебе лишь самую суть, – продолжил Борг. – Она арабка, политические взгляды ее отца носят проарабский характер, она путешествует по всему миру и под прикрытием профессии имеет возможность входить в контакты; а агент Ясиф Хассан, который и заприметил тебя в Люксембурге – друг ее семьи.

Дикштейн подошел вплотную к Боргу и, с яростью глядя ему в глаза, бросил:

– Это все?

– Все! Что ты, мать твою, имеешь в виду под этим словеч-

ком – все? Мы расстреливали людей и при меньших доказательствах вины!

– Но не тех, кого я знаю.

– Попыталась ли она получить от тебя какую-то информацию?

– Нет! – рявкнул Дикштейн.

– Ты злишься, потому что знаешь – ты сделал ошибку.

Повернувшись. Дикштейн уставился на озеро, стараясь успокоиться и взять себя в руки. После долгой паузы он сказал:

– Да, я злюсь, потому что сделал ошибку. Я должен был рассказать тебе о ней, а не ходить вокруг да около. Теперь я понимаю, как вся эта ситуация представляется тебе...

– Представляется? Ты хочешь сказать, что не считаешь ее агентом?

– Ты проверял через Каир?

Борг выдавил искусственный смешок.

– Ты говоришь так, словно в Каире у меня собственная разведслужба. Я не могу просто звякнуть им и попросить просмотреть ее досье, пока я жду на линии.

– Но у тебя же есть отличный двойной агент в египетской разведке.

– Так ли уж он хорош? Похоже, все о нем знают.

– Кончай эти дурацкие игры. После Шестидневной войны даже газеты утверждают, что у тебя есть отличные агенты-двойники в Египте. И дело в том, что ты даже не пытался

ее проверить.

Борг умиротворяюще воздел руки ладонями кверху.

– О'кей, я постараюсь проверить ее через Каир. Это займет некоторое время. Тем временем ты представишь отчет, в котором изложишь все детали своего замысла, а я постараюсь привлечь других агентов к этому заданию.

Дикштейн вспомнил Ала Кортоне и Андре Папагополуса: никто из них не будет исполнять обещанное ни для кого другого, кроме Дикштейна.

– Не сработает, Пьер, – тихо сказал он. – Тебе необходимо получить уран, и я единственный человек, который может доставить его тебе.

– А если Каир подтвердит, что она в самом деле агент?

– Я уверен, что ответ будет отрицательным.

– Ну, а если нет?

– Думаю, что ты убьешь ее.

– О нет, – Борг ткнул пальцем едва ли не в нос Дикштейну, и теперь в его голосе слышалась сдавленная ярость. – О нет, я этого делать не буду, Дикштейн. Если она окажется агентом, ты убьешь ее.

С подчеркнутой медлительностью Дикштейн взял руку Борга и отвел ее от своего лица. И его голос еле заметно дрогнул, когда он сказал:

– Да, Пьер. Я сам убью ее.

Глава одиннадцатая

В баре аэропорта Хитроу Ростов заказал очередную порцию выпивки и решил начать игру с Ясифом Хассаном. Проблема по-прежнему заключалась в том, как остановить Хассана от информирования Каира, где все сразу же становится известно израильскому двойному агенту. Ростов и Хассан пришли к мнению, что пора уже выработать решение. Ростов собрался все выложить Хассану, а потом возвать к его профессионализму – какой бы он ни был. Конечно, он мог и спровоцировать его, но именно сейчас он был нужен ему в роли союзника, а не подозрительного антагониста.

– Взгляни-ка вот на это, – сказал Ростов, подавая Хассану расшифрованное сообщение.

«КОМУ: Полковнику Ростову через Лондонскую резиденцию.

ОТ КОГО: Московского Центра.

ДАТА: 3 сентября 1968 года.

Товарищ полковник!

Нами получено ваше сообщение g/35-21a, в котором вы просите дальнейшей информации о четырех судах, поименованных в нашем сообщении r/35-21.

Моторное судно «Штромберг», зарегистрированное в Дании и с датским же владельцем, недавно сменило последнего. Оно было куплено за 1500000 немецких марок неким Андре Папагополусом, корабельным

брокером, для корпорации «Сейвил шипинг» из Либерии.

«Сейвил шипинг» зарегистрирована 6 августа с. г, в нью-йоркском офисе «Либериян Корпорейшн сервис, инк», с начальным капиталом 500 долларов. Держателями акций являются Ли Чанг, адвокат из Нью-Йорка, и мистер Роберт Робертс, чей адрес совпадает с местонахождением конторы мистера Чанга. Три директора были обычным путем зарегистрированы в «Либериян Корпорейшн сервис», и они подали в отставку на другой же день после основания компании, что также является обычным образом действий. Папагополус стал президентом и исполнительным директором данной компании.

«Сейвил шипинг» приобрела также моторное судно «Джил Гамильтон», 1500 тонн водоизмещения за 80000 долларов.

Наш человек в Нью-Йорке переговорил с Чангом. Он сказал, что «мистер Робертс» пришел в его контору буквально с улицы, не оставив адреса, и уплатил свой гонорар наличными. Похоже, он англичанин. Подробное его описание прилагается в досье, но оно ничем не может помочь.

Папагополус является известной для нас личностью. Он преуспевающий международный бизнесмен неопределенной национальной принадлежности. Основная его деятельность связана с брокерством в области морских перевозок. Принято считать, что он действует на грани нарушения законов. Его адреса у

нас не имеется. Досье на него достаточно объемно, но содержание его носит в основном спекулятивный характер. Предполагается, что в 1948 году он работал по заданиям израильской разведки. Тем не менее, его политические пристрастия и взгляды остаются неизвестными.

Мы продолжаем собирать информацию относительно всех остальных судов, перечисленных в списке.

Московский Центр».

Прочитав, Хассан вернул листик Ростову.

– Как им удалось все это выяснить?

Ростов аккуратно разорвал сообщение на кусочки.

– Все хранится в том или ином досье. Ничто из вышеперечисленного не является секретом, кроме разве досье Папагополуса. Вся штука заключается в том, чтобы знать, где искать ответы на вопросы. А белки как раз в этом-то и специализируются. Это главное, чем они занимаются. – Ростов положил обрывки бумаги в большую стеклянную пепельницу и поджег их.

– Вам тоже надо бы обзавестись такими, – добавил он.

– Остается надеяться, что и у нас они появятся.

– Дай вам Бог. Во всяком случае, хуже не будет. Может, даже ты сам будешь заниматься этим делом. Что весьма способствует карьере.

– Может, я так и сделаю, – кивнул Хассан.

Появился заказ: водка для Ростова, джин для Хассана. Ро-

стов был доволен, что Хассан правильно отреагировал на его дружелюбное вступление. Он тщательно размешал хлопья пепла, чтобы среди них не осталось ни одного клочка бумаги.

– То есть, вы предполагаете, – сказал Хассан. – что за спиной «Сейвил шипинг» стоит Дикштейн?

– Да.

– Так что мы будем делать со «Штромбергом»?

– Ну... – опустошив свой стакан. Ростов поставил его на стол. – Предполагаю, что «Штромберг» нужен ему для того, чтобы в подходящий момент подменить им «Копарелли».

– Этот замысел может ему обойтись непомерно дорого.

– Он перепродает судно. Кроме того, он может использовать «Штромберг» для захвата «Копарелли» – правда, пока еще не представляю, как это будет осуществлено.

– Может, попробовать внедрить человека на борт «Штромберга», подобно Тюрину на «Копарелли»?

– Не имеет смысла. Дикштейн, не сомневаюсь, рассчитывает старую команду и наберет израильских моряков. Надо придумать что-то другое.

– Вы знаете, где сейчас находится «Штромберг»?

– Я послал запрос белкам. Когда свяжусь с Москвой, у них уже должен быть ответ.

Объявили посадку на рейс Хассана. Он встал.

– Мы встретимся в Люксембурге?

– Не уверен. Я дам знать. Но я должен еще кое-что сказать.

Присядь.

Хассан сел.

– Когда мы начали вместе работать по Дикштейну, я испытывал к тебе глубокую враждебность. Прими мои извинения, я могу только сожалеть об этом, но должен сказать, что для нее были свои причины. В Каире происходит утечка информации. Не подлежит сомнению, что в аппарате египетской разведки есть двойной агент, работающий на Израиль. И я убежден, как тогда, так и сейчас, что все сообщения, которые пересылаются вашему начальству, через этого двойного агента уходят в Тель-Авив; в таком случае Дикштейн узнает, как близко мы к нему подобрались и ускользнет от нас.

Хассан кивнул.

– И что вы предлагаете?

– Так. Конечно, ты должен проинформировать шефов о том, что удалось выяснить, но я бы хотел, чтобы ты особенно не вдавался в детали. Не называй ни имен, ни времени, ни места. Если на тебя будут давить, вали все на меня, жалуйся, что я не подпускаю тебя к информации. Не контактируй ни с кем, кроме тех, кому обязан сообщать. И, главное, не обмолвись ни о «Сейвил шипинг», ни о «Штротмберге», ни о «Копарелли». Что же касается Петра Тюрина на борту «Копарелли» – постарайся просто забыть о нем.

– Что же тогда остается для донесений? – забеспокоился Хассан.

– Более чем достаточно. Дикштейн, Евроатом, уран,

встреча с Пьером Боргом... если ты выложишь хотя бы половину из этого, то станешь в Каире просто героем.

Но Хассана его слова не убедили.

– Я отвечу такой же откровенностью. Если я последую вашим советам, мои донесения потеряют всю убедительность, которой отличаются ваши.

Ростов изобразил смущенную улыбку.

– Разве я веду нечестную игру?

– Нет, – признал Хассан. – Вы заслуживаете полного доверия.

– Да и, кроме того, никто, кроме нас двоих, не будет знать, как и чем отличаются наши донесения. И в завершении операции ты получишь полную информацию.

– Хорошо, – сказал Хассан. – Я буду осторожен. У вас есть какие-то планы?

– Постараюсь провести несколько дней с Марией и детьми. У нас дача на берегу Рижского залива.

– Прекрасно.

– Там великолепные места, хотя нет такой жары, конечно, к которой вы привыкли. Куда потом отправишься – в Александрию?

Прозвучало последнее приглашение на рейс, и араб встал.

– Мне еще не так везет, – сказал он. – Скорее всего, мне придется провести все время в прогнившем Каире.

Но у Ростова мелькнуло подозрение, что Хассан лжет.

Когда Германия потерпела поражение в войне, вся жизнь Франца Альбрехта Педлера пошла под откос. Пятидесятилетний кадровый офицер вермахта, он внезапно оказался бездомным безработным нищим. И, как миллионы других немцев, начал с нуля.

Он стал коммивояжером французского предприятия по окраске тканей: без зарплаты, на небольших комиссионных. В 1946 году у него было всего лишь несколько заказчиков, но к 1951 году германская промышленность постепенно стала восстанавливаться, и, когда наконец дела пошли на лад, Педлер уже обрел такое положение, что мог воспользоваться открывающимися перед ним новыми возможностями. Его офис располагался в Висбадене, куда сходились железнодорожные пути на правом берегу Рейна, и были все основания считать, что в будущем он станет крупным промышленным центром. Список продукции, с которой он имел дело, постоянно расширялся, как и увеличивалось число потребителей; скоро он продавал моющих средств не меньше, чем красителей; он получил доступ на базы США, которые в то время осуществляли управление оккупированной частью Германии. Оставшиеся позади трудные времена научили его пользоваться открывающимися возможностями: если интенданту армии США были нужны дезинсектанты в пинтовых бутылках, Педлер покупал средство от насекомых, расфасованное в бочки по десять галлонов, снимал ангар, разливал в нем дезинсектант в закупленные из вторых рук пинтовые бу-

тылки, украшал их наклейками «Специальный дезинсектант Ф.А.Педлера» и получал за эту операцию неплохой доход.

От аренды ангара и перерасфасовки было недалеко и до приобретения ингредиентов химических средств и их дальнейшего производства. Первые барели «Специальных чистящих средств Ф.А.Педлера» для нужд промышленности появились на свет в том же арендованном ангаре и были приобретены инженерно-технической службой военно-воздушной базы США. И компания пошла в рост.

Ф.А.Педлер стал поставщиком военных ведомств, у которых он получал не очень большие, но надежные и выгодные заказы. Взятый в аренду сарай превратился в комплекс одноэтажных зданий. Франц снова женился – его первая жена погибла при бомбежке в 1944 году – и усыновил ребенка жены. Но в глубине души он остался тем же ловцом удачи, и когда услышал, что где-то лежат солидные залежи урановой руды, которые можно задешево приобрести, почуял аромат прибыли.

Уран принадлежал бельгийской компании «Сосьете Женераль», которая входила в состав корпорации, фактически управлявшей Бельгийским Конго, где было изобилие естественных минеральных ресурсов. После волнений 1960 года компании пришлось оставить страну, и, поняв, что те, кто вовремя не унесут из нее ноги, будут просто выкинуты, компания приложила все усилия, дабы переправить в метрополию как можно больше сырья до того, как окончательно за-

хлопнутся ворота. Между 1960 и 1965 годами она собрала немалое количество урановой руды неподалеку от обогатительных фабрик рядом с границей Голландии. К большому огорчению компании в это время был ратифицирован договор о прекращении ядерных испытаний, и, когда все связи с Конго окончательно прервались, на уран оказалось очень мало покупателей. Запасы руды лежали втуне смертным капиталом.

По сути, Ф.А.Педдеру было нужно не так уж много урана для производства красителей. Тем не менее, Францу нравились игры такого рода: руду удалось закупить по дешевке, на обогащение ее тоже уйдет не так много денег, и как только возникнет потребность в уране – а рано или поздно это произойдет – он получит солидный доход от вложенных денег. Поэтому он и пошел на эти затраты.

Нат Дикштейн появился у Педлера как нельзя кстати. Ему был симпатичен бодрый семидесятитрехлетний немец с искорками в глазах, который ухитрился сохранить свою шевелюру. Они встретились в субботу. На Педлере был яркий спортивный пиджак и желтовато-коричневые брюки, он говорил на хорошем английском с легким американским акцентом и предложил Дикштейну стакан «Секта», местного шампанского.

На первых порах они осторожно присматривались друг к другу. В конце концов, в прошедшей войне они дрались на разных сторонах, и война жестоко обошлась с ними обоими.

Но Дикштейн всегда считал, что врагом был не немецкий народ, а фашизм, и его беспокоило лишь то, что Педлер будет чувствовать себя не в своей тарелке. Выяснилось, что то же самое волновало и Педлера.

Дикштейн позвонил из гостиницы в Висбадене, чтобы договориться о встрече. Его звонка ждали. Местный израильский консул предупредил Педлера об ожидаемом визите мистера Дикштейна, старшего армейского интенданта с большим списком предполагаемых закупок. Педлер прикинул, что перед ленчем у него дома он устроит гостю небольшую экскурсию по предприятию, которое в субботу утром будет пусто.

Просидев полночи над учебником, Дикштейн обзавелся набором интеллигентных вопросов относительно присадок и катализаторов, очистки сырья и контроля качества, а также складирования. Возможные ошибки он решил списать на плохое владение языком. Похоже, должно было сработать.

Сложилась достаточно забавная ситуация. Дикштейну предстояло играть роль заказчика, сомневающегося и нерешительного, которого уговаривает продавец, он же поставщик, тогда как на самом деле, он собирался втянуть Педлера в отношения, о серьезности которых немцу даже мысль не могла придти в голову. Он нуждался в уране Педлера, но ни словом, ни намеком не мог ему дать знать об этом. Он должен был поставить Педлера в положение, при котором его благосостояние зависело бы от расположения Дикштейна.

После осмотра предприятия Педлер, усадив его в «Мерседес», доставил Ната в обширный дом в стиле шале, размещившийся на склоне холма. Рассевшись перед широким окном, они попивали «Сект», пока фрау Педлер, живая веселая женщина, хлопотала на кухне.

Из окна открывался вид на долину. Далеко внизу медленно текла широкая река, по ее берегу вилась узкая ленточка дороги. Вдоль берега группками стояли серые домики с белыми ставнями, а посадки винограда поднимались по склонам вплоть до дома Педлера и, минуя его, до опушки леса. Если бы мне довелось жить в стране с прохладным климатом, подумал Дикштейн, я бы выбрал такое же прекрасное место.

– Итак, что вы думаете? – спросил Педлер.

– О пейзаже или о заводе?

Улыбнувшись, Педлер пожал плечами.

– И о том, и о другом.

– Пейзаж великолепен. Предприятие меньше, чем я ожидал.

Педлер закурил сигарету. Он был по-настоящему отчаянным курильщиком – и мог считать себя счастливым, что дожил до таких лет.

– Меньше?

– Очевидно, я должен объяснить, что меня интересует.

– Будьте любезны.

Дикштейн приступил к изложению своей версии.

– В данный момент армия производит закупки моющих и чистящих средств у разных поставщиков: детергенты у одного, обыкновенное мыло у другого, растворители для машин и агрегатов у третьего и так далее. Мы поставили задачу сократить расходы и, может быть, решим ее, если будем вести все дела в одном районе и с одним производителем.

Педлер невольно вытаращил глаза.

– Это же... – он поперхнулся на полуслове, – ...огромный заказ.

– Боюсь, он может оказаться слишком велик для вас, – сказал Дикштейн, думая лишь об одном: только не говори «да»!

– Не обязательно. Единственная причина, по которой мы не стремились расширять объемы, производства, заключалась в отсутствии таких крупных заказов. У нас, без сомнения, есть навык управления, есть отработанная технология, и если к нам обратится крупная фирма, найдутся и средства, чтобы расширяться... по сути, все зависит от объема заказа.

Дикштейн подтянул к себе дипломат, лежавший на соседнем стуле, и открыл его.

– Вот здесь спецификация товаров, – сказал он, протягивая Педлеру список. – Плюс их количество и время поставок. Вам потребуется время, чтобы посоветоваться с вашими директорами и...

– Я сам тут босс, – улыбнулся Педлер. – Мне ни с кем не надо советоваться. Завтра я обдумую цифры, а в понедель-

ник загляну в банк. Во вторник позвоню вам и назову цену.

Появилась фрау Педлер и объявила:

– Ленч готов.

«Моя дорогая Сузи!

Никогда раньше я не писал любовных писем. Не думаю даже, что когда-либо называл кого-нибудь словом «дорогая». И должен сказать тебе, звучит оно прекрасно.

Я сейчас совершенно один в чужом городе в холодный воскресный день. Город очень красив, тут много парков, и, в сущности, я сижу в одном из них и пишу тебе дешевой шариковой ручкой с ужасной зеленой пастой, единственной, что мне удалось купить. Моя скамейка стоит рядом со странным строением в виде пагоды с округлым куполом и греческими колоннами – она похожа на ярмарочный балаган или на летний домик, который эксцентричные викторианцы предпочитали ставить в своих садах. Передо мной – ухоженный газон, усаженный тополями, а где-то неподалеку духовой оркестр играет какую-то мелодию Эдварда Элгара. В парке полно гуляющих с детьми; здесь играют в мяч и выгуливают собак.

Не знаю, почему рассказываю тебе все это. На самом деле я хочу сказать, что люблю тебя и хотел бы провести рядом с тобой весь остаток своей жизни. Я понял это на другой день после нашей встречи. Я медлил сказать тебе об этом не потому, что был не уверен в себе, а...

Ну, если хочешь знать правду, я думал, что это может

испугать тебя. Я понял, что ты полюбила меня, но я также понимал, что тебе двадцать пять лет, что ты быстро влюбляешься (я совсем другой) и что любовь, которая легко приходит, столь же легко может и уйти. Поэтому я и думал: мягче, мягче, дай ей возможность самой придти к тебе прежде, чем ты попросишь ее сказать «навсегда». Но теперь, когда мы не виделись уже несколько недель, я не способен больше на такую сдержанность. Просто я должен сказать тебе, что со мной делается. Я хочу навсегда быть с тобой и хочу, чтобы ты это знала.

Мне свойственно меняться. Я сильно изменился. Я знаю, что слова эти – банальность, но когда нечто подобное происходит с тобой, они больше не кажутся банальностью, совсем наоборот. Жизнь теперь предстала передо мной совсем другими сторонами – о некоторых ты уже знаешь, о других же я когда-нибудь расскажу тебе. Даже свое сегодняшнее положение я воспринимаю совсем по-другому: я один в чужом городе и мне нечего делать до понедельника. Не то, что я обращаю на это особое внимание. Но раньше мне даже не приходило в голову, нравится мне или не нравится такая ситуация. Раньше передо мной не было выбора, что делать. Теперь же меня не покидает одно желание, и ты тот человек, с которым я хотел бы разделить его. Мне придется избавляться от своих мыслей, потому что они не дают мне покоя и заставляют нервничать.

Я снимусь отсюда через пару дней и не знаю, куда мне придется двинуться дальше; не знаю – и это хуже

всего – даже когда я снова увижу тебя. Но когда это случится, поверь, я не позволю тебе скрыться с глаз моих на ближайшие десять или пятнадцать лет.

Мне очень трудно выразить то, что я чувствую. Я хотел бы рассказать тебе, что делается со мной, но я не могу передать это словами. Я хотел бы, чтобы ты знала: много раз в течение дня я воссоздаю перед собой твой облик – стройную девочку с копной черных волос, и меня не покидает надежда, для которой нет никаких оснований, что когда-нибудь она будет моей и со мной, и я все время пытаюсь себе представить, что бы ты могла сказать и об этом пейзаже, и о газетной статье, об этом маленьком человечке с большой собакой, о проходящей мимо красотке; я тоскую по тебе, когда ложусь в свою одинокую постель, меня терзает боль, когда я не могу притронуться к тебе.

Я очень люблю тебя. Н.»

Секретарша Франца Педлера позвонила Нату Дикштейну в отель во вторник утром и назначила время ленча.

Они встретились в скромном ресторанчике на Вильгельмштрассе и заказали пиво вместо вина: им предстояла деловая встреча. Дикштейн сдерживал нетерпение – уговаривать должен не он, а Педлер.

– Ну-с, – сказал Педлер, – думаю, мы сможем удовлетворить вас.

Дикштейну захотелось заорать «ура!», но он продолжал сидеть с бесстрастным лицом.

Педлер продолжал:

– Цены, которые я вам сейчас представлю, носят условный характер. Нам необходим контракт на пять лет. Мы можем гарантировать неизменность цен на первые двенадцать месяцев; затем они могут меняться в зависимости от индекса мировых цен на некоторые исходные материалы. Тут же и штрафные санкции – до десяти процентов стоимости годовых поставок.

Дикштейну захотелось сказать «договорились!» и завершить сделку рукопожатием, но он напомнил себе, что должен продолжать играть роль.

– Десять процентов – многовато.

– Отнюдь, – запротестовал Педлер. – Если вы откажетесь от договора, они даже не компенсируют наших затрат. Но пени должны быть достаточно велики, чтобы отвлечь вас от нарушения договора, разве что в силу каких-нибудь исключительных обстоятельств.

– Понимаю. Но мы могли бы сойтись и на меньшем проценте.

Педлер пожал плечами.

– Можно и поторгаться. Вот цены.

Изучив список, Дикштейн сказал:

– Они близки к тому, что мы и ожидали.

Педлер просиял.

– В таком случае, – воскликнул он, – давайте в самом деле выпьем! Официант!

Когда появились напитки. Педлер поднял свой стакан.

– За много лет совместного сотрудничества!

– Я тоже выпью за это, – сказал Дикштейн.

И, поднимая бокал, подумал: «Ну надо же – мне снова удалось!»

Пребывание в море было достаточно неприятным, но все же не таким плохим, как думал Тюрин. В советском военно-морском флоте жизнь на корабле – это непрестанная тяжелая работа, жесткая дисциплина и плохое питание. На «Копарелли» все было совершенно по-другому. Капитан Эриксен требовал только соблюдения правил безопасности и исправного выполнения своих обязанностей, да и в этом смысле его требования были не особенно строги. Палубу время от времени приходилось драить шваброй, но без шлифовки и окраски. Пища была довольно приличной, да и к тому же Тюрину выпало преимущество разделить каюту с коком. Теоретически Тюрина могли поднять в любое время дня и ночи для работы на рации, но на практике во время рейса у него был нормальный рабочий день, так что каждую ночь ему выпадало восемь часов спокойного сна. Режим его вполне устраивал.

К сожалению, само судно было лишено удобств. Оно явилось сущим наказанием господним. Как только они вышли в Северное море, его стало валять с боку на бок при малейшем волнении. Тюрин жутко мучился морской болезнью, ко-

тору ему приходилось скрывать, поскольку он предстал в роли бывалого моряка.

Радиоаппаратура Тюрина была спрятана в рюкзаке, надежно обернутая холстиной, полиэтиленом и парой свитеров. Он не мог позволить себе подключить ее и пустить в дело в своей каюте, куда каждую минуту мог зайти кок или кто-нибудь еще. Он уже провел обычный радиоконтакт с Москвой в те тихие, но, тем не менее, напряженные минуты, когда никто не мог его услышать, но все же он нуждался в более надежном и безопасном месте. Здесь, на «Копарелли», он нашел такое место.

Исследуя днем судно, он обнаружил в носовой части, под крышкой переднего люка, небольшой лабиринт пустых помещений. Строитель судна набил ими пространство в носу, чтоб чем-то заполнить его. В основном из них вела полуприкрытая дверь, к которой надо было спускаться по длинному трапу. В ней хранились какие-то инструменты, несколько бочек со смазкой для двигателей и, как ни странно, старая ржавая газонокосилка. От главного кубрика отходили несколько поменьше; в одном из них валялись бухты канатов, в другом – части механизмов и помятые картонные ящики от крепежа и болтов; в остальных не обитал никто, кроме тараканов. Тюрин никогда не видел, чтобы сюда кто-нибудь спускался – все, что требовалось для работы, складировалось на корме.

Он дождался, когда сгустилась тьма, а большая часть команды и офицеры сидели за ужином. Зайдя к себе в каюту,

он захватил рюкзак и по трапу выбрался на палубу. Из рундучка под мостиком он вытащил карманный фонарик, но решил пока не включать.

«Копарелли» лег на борт, и Тюрина окатила волна холодных брызг; ему пришлось обеими руками ухватиться за леер, чтобы не вылететь за борт. Время от времени его опять окатывало – не очень основательно, но достаточно, чтобы в сапогах захлюпала вода и замерзли ноги. Он отчаянно надеялся, что ему никогда не доведется узнать, что такое настоящий шторм.

Все же он крепко промок, и его била дрожь, когда, наконец, он оказался на носу и спустился в маленький кубрик. Задраив за собой дверь, он включил фонарик и, лавируя между грудями барахла, проложил путь до помещения побольше. Его дверь он тоже плотно задраил. Скинув робу, он согрел и вытер руки о свитер, чтобы они стали теплыми и сухими, и лишь после того открыл клапан рюкзака. Положив передатчик в угол, он закрепил его концом, привязанным к кольцу в палубе, и подпер картонным ящиком.

На нем были резиновые сапоги, но для предосторожности он натянул и резиновые перчатки. Кабель от корабельной радиомачты был помещен в трубу, которая проходила у него прямо над головой. С помощью небольших клещей Тюрин отогнул металлическую пластину в трубе размером в шесть дюймов и вытянул силовой кабель. Он подсоединил его к входному устройству передатчика, а затем пустил в де-

ло антенну, подключив ее к соответствующему штекеру передатчика.

Включив его, он вызвал Москву.

Посылаемому им сигналу не могло помешать корабельное радио, поскольку он сам был радист, и весьма сомнительно, что кому-то понадобится в этот момент пустить в ход корабельную рацию.

Связавшись с Москвой, он сообщил:

«Второй передатчик проверен».

Его услышали и передали текст привычным кодом КГБ:

«Примите сообщение от Ростова».

«Принимаю, но поторопитесь»

– сообщил Тюрин.

Послание не заставило себя ждать:

«Не высывайся, пока что-то не случится. Ростов».

«Понятно,

– подтвердил Тюрин. –

Все ясно, ухожу из эфира».

Вечерние труды принесли ему ощущение удовлетворения. Он устроил себе гнездышко, наладил связь, и его никто не заметил. И теперь ему оставалось лишь сидеть тихо и спокойно: именно это он любил делать больше всего.

Он решил подтащить еще один картонный ящик и при-

крыть им передатчик от случайного взгляда. Приоткрыв дверь в большое помещение, он скользнул по нему лучом фонарика – и застыл.

Он был не один.

Горела лампочка, и от ее желтого свечения по переборкам ползали тени. В центре кладовки, прислонившись спиной к замасленной бочке и вытянув ноги, на полу сидел молодой матрос. Подняв глаза, он изумился не меньше Тюрина – и тот сразу же заметил виноватое выражение лица матроса.

Тюрин узнал его. Звали его Равло. Ему было около девятнадцати, у него были светлые волосы и тонкое бледное лицо. Он не был с ними во время гулянки в Кардиффе, но у него часто появлялись темные круги под глазами и рассеянный взгляд.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Тюрин и тут же все увидел сам.

Левый рукав куртки Равло был закатан до локтя. Между раскинутыми ногами стоял флакончик, рядом маленький водонепроницаемый пакетик. В правой руке он держал шприц с иглой, которую собирался ввести себе в вену.

Тюрин нахмурился.

– Ты что, диабетик?

Лицо Равло исказилось, и он еле-еле выдавил из себя короткий мрачный смешок.

– Наркоман, – догадался Тюрин.

Равло смотрел мимо него, приковавшись взглядом к

небольшому помещению, откуда вышел Тюрин. Обернувшись, он увидел, что передатчик хорошо виден. Два человека уставились друг на друга, ясно понимая, что каждый из них занимался таким делом, которое надо скрывать от окружающих.

– Я буду молчать о тебе, а ты – обо мне, – сказал Тюрин. Равло криво усмехнулся и снова мрачно хмыкнул; затем, отведя глаза от Тюрина, он уставился на руку и ввел иглу в вену.

Радиообмен между «Копарелли» и Москвой был перехвачен и зафиксирован станцией радиоподслушивания военно-морской разведки США. Поскольку употреблялся стандартный код КГБ, его удалось расшифровать. Но из перехвата дешифровальщики узнали лишь, что кто-то на борту судна – они даже не знали, какого именно – ввел в действие второй передатчик и какой-то Ростов – этого имени не было в их досье – советует ему не высовываться. Никто не придал этому никакого значения, так что, написав на обложке папки «Ростов», туда кинули сигнал и забыли о нем.

Глава двенадцатая

Завершив краткие переговоры в Каире, Хассан попросил разрешения отправиться в Сирию навестить своих родителей в лагере беженцев. Ему дали четыре дня. Он сел на самолет до Дамаска, а оттуда взял такси до лагеря.

Он не посетил своих родителей.

Он кое-кого поискал в лагере, и один из беженцев проводил его, пересаживаясь с автобуса на автобус, до Дары по ту сторону иорданской границы, а оттуда до Аммана. Здесь другой человек посадил его на автобус, идущий к реке Иордан.

Ночью второго дня он пересек реку в сопровождении двух человек с автоматами. На этот раз Хассан был одет в галабею и головной убор арабов, но автомата ему не потребовалось. Его проводниками были молодые парни, и их юные лица недавно прорезали морщины, говорящие об усталости и жестокости.

Хассан чувствовал себя беспомощным – и не только. На первых порах ему казалось, что это чувство объясняется его полной зависимостью от этих ребят, от их сноровки и смелости. Но позже, когда они расстались с ним, и он остался в одиночестве на сельской дороге в ожидании попутной машины, он понял, что стал путешественником в прошлое. За прошедшие годы он обрел облик европейского банкира, жил

в Люксембурге, имел машину, холодильник и уютную квартиру с телевизором. А тут он снова стал арабом, крестьянином, человеком второго сорта в стране своего рождения. Он чувствовал себя подобно ребенку, бродяге и беженцу одновременно.

Хассан отмахал пять миль, и на глаза ему не попало ни одной машины, пока мимо него не проскочил фруктовоз, двигатель которого кашлял и захлебывался клубами вонючего дыма. Он остановился в нескольких ярдах, и Хассан подбежал к нему.

– В Наблус? – крикнул он.

– Залезай.

Водителем оказался крупный мужчина с толстыми мускулистыми руками, который на полной скорости гнал по изгибам дороги. Он непрестанно курил. Должно быть, не сомневался, что навстречу ему не попадет ни одной машины, ибо он петлял от одной стороны дороги до другой и не притрагивался к тормозам. Хассану хотелось поспать, но водитель без умолку болтал. Он рассказал Хассану, что евреи толково управляют, бизнес пошел в рост с тех пор, как они оккупировали Иордан, но, конечно, в один прекрасный день эти места должны обрести свободу. Половина его слов была продиктована лицемерием, но Хассан так и не смог понять, какая именно половина.

Они въехали в Наблус с первыми лучами холодного рассвета в Самарии: красное солнце поднималось из-за склонов

холмов, но городок был еще погружен в сон. Грузовик с грохотом вылетел на рыночную площадь и остановился. Хассан распрощался с водителем.

Пока солнце разгоняло зябкость ночи, он неторопливо двинулся по пустым улочкам. Он вдыхал чистый воздух, глядя на низкие белые строения, впитывал в себя каждую деталь, испытывая щемящую ностальгию по дням своего детства: он был в Палестине, он был дома.

Не отклоняясь никуда в сторону, он точно вышел к дому без номера на улице без названия. Это был бедный квартал, где маленькие каменные строения грудились едва ли не друг на друге и где никто не подметал улицы. Бродили козы, и он удивился, чем они питаются, поскольку не видно ни стебелька травы. Дверь дома была открыта.

Он помедлил несколько мгновений у порога, стараясь преодолеть чувство восторга, которое зародилось где-то в животе. Он слишком долго был в отлучке – но теперь он вернулся на Землю. Он так много лет ждал, чтобы наконец нанести удар, продиктованный мстостью за то, что сделали с его отцом. Он пережил страдания изгнанника, он закалился в терпении, он сполна вынырнул свою ненависть, может быть, ее было слишком много.

Он вошел.

На полу сидело четыре или пять человек. Одна из них, женщина, открыв глаза, увидела его и мгновенно села, сунув руку под подушку, где, скорее всего, был пистолет.

– Что тебе надо?

Хассан назвал имя человека, который командовал феодами.

Махмуд жил рядом с Хассаном, когда в конце тридцатых годов оба они были мальчишками, но они никогда не встречались, во всяком случае, не помнили об этом. После европейской войны, когда Хассан отправился на учебу в Англию, Махмуд пас овец вместе со своим отцом, братьями и дедушкой. И жизни их развивались в совершенно разных направлениях до войны 1948 года. Отец Махмуда, подобно семье Ясифа, принял решение сложить вещи и покинуть эти места. Двое юношей – Ясиф был несколько старше, чем Махмуд – встретились в лагере беженцев. Реакция Махмуда на прекращение огня была еще резче, чем у Ясифа, что носило несколько парадоксальный характер, поскольку Ясиф потерял гораздо больше. Но Махмуд был охвачен такой яростью, что не видел для себя иного пути, как только бороться за освобождение Родины. С тех пор он, решив, что ему нечего делать с пастухами и баранами, ударился в политику; он решил досконально разобраться в ней. Прежде, чем претворить в жизнь свое решение, ему предстояло научиться читать.

Снова они встретились в пятидесятых годах в секторе Газа. К тому времени Махмуд заметно расцвел, если такое слово подходит к сжигавшей его ярости. Он прочел труды

Клаузевица о войне и «Республику» Платона, «Капитал» и «Майн кампф», Кейна, Мао, Тэлбрайта и Ганди; он читал исторические труды и биографии, классические романы и современные пьесы. Он хорошо говорил по-английски, плохо по-русски и бегло на кантонском диалекте. Он возглавлял небольшие группы террористов, прорывавшихся на территорию Израиля, которые взрывали и расстреливали все, что им попадалось на глаза, грабили, а потом, возвращаясь, исчезали в лагерях беженцев в Газе, подобно крысам в грудях мусора. Деньги, оружие и разведданные террористы получали из Каира; Хассан и сам короткое время занимался этой деятельностью. И когда они снова встретились, Ясиф поведал Махмуду, кому он, в конечном счете, хранит верность – ни Каиру, ни даже общеарабскому делу, а Палестине.

Ясиф был готов бросить все и вся: свою работу в банке, свой дом в Люксембурге, свои обязанности в египетской разведке, – и присоединиться к борцам за свободу. Но Махмуд сказал «нет», а привычка командовать уже накрепко срослась с ним. Через несколько лет, сказал он – ибо он смотрел далеко вперед – им не будет равных в партизанской войне, но по-прежнему будут нужны друзья и помощники в высших эшелонах, связи в Европе и в секретных службах.

Они встречались еще раз в Каире, и на этот раз обговорили систему связи, которая миновала египтян. Общение с разведывательным сообществом выработало у Хассана умение вводить собеседника в заблуждение: он казался куда ме-

нее проницательным, чем был на самом деле. На первых порах Ясиф слал те же материалы, что и Каиру, создавая облик преданного отчизне араба, который ловит счастье в Европе и в то же время старается заработать средства. Не так давно он обрел гораздо большую конкретную практическую ценность, когда палестинское движение стало разворачивать свои операции в Европе. Он заказывал гостиницы и билеты на авиарейсы, снимал дома и машины, закупал оружие и переводил средства.

Результаты его деятельности сказались взрывом в Риме. Ясиф был знаком с программой Махмуда по развертыванию террора в Европе. Он был убежден, что арабские армии, даже при мощной поддержке русских, никогда не одержат верх над евреями, потому что такое развитие событий позволило бы евреям считать себя осажденным народом, который защищает свои дома от иностранного вторжения, что и дало бы им силу выстоять. Истина же, с точки зрения Ясифа, заключалась в том, что палестинские арабы защищают свои дома против сионистских захватчиков. Палестинских арабов по-прежнему было значительно больше, чем евреев-израильтян, считая и беженцев в лагерях; и именно они, а не какое-то подобие солдат из Каира и Дамаска, освободят свою родину. Но сначала они должны поверить в силу и мощь федаинов. Такие факты, как взрыв в римском аэропорту, должны убедить всех, что федаины пользуются широкой международной поддержкой. И когда люди поверят в федаинов,

они вступят в ряды фedaинов, и тогда их натиск не остановить.

Но взрыв в римском аэропорту мелочь, пустячок в сравнении с тем, что вызрело у Хассана в голове.

Это был потрясающий замысел, после которого фedaины несколько недель не сходили бы с первых страниц газет по всему миру, доказывая, что они являются мощной международной силой, а не горсткой оборванных беженцев. И Хассан отчаянно надеялся, что Махмуд примет его план.

Ясиф Хассан пришел с предложением, чтобы фedaины перехватили возможность возникновения холокоста.

Они обнялись, как братья, расцеловали друг друга в обе щеки, а потом отстранились, чтобы получше рассмотреть друг друга.

– От тебя несет, как от шлюхи, – сказал Махмуд.

– А от тебя, как от козлиной задницы, – ответил Хассан.

Рассмеявшись, они снова обнялись.

Махмуд был крупным человеком, несколько выше Хассана и куда шире в плечах; он и производил впечатление крутой личности по тому, как ходил, говорил и держал голову.

В доме были две комнаты: та, в которую вошел Хассан, а за ней другая, где на полу, вместе с двумя другими мужчинами, спал Махмуд. Верхнего этажа не существовало. Пищу готовили на заднем дворе, а ближайший источник воды находился в ста ярдах. Женщины разводили огонь и варили кашу или похлебку из мятых бобов. Пока они ждали, Хассан

поведал Махмуду свою историю.

– Три месяца назад в Люксембурге я встретил человека, которого знал по Оксфорду, еврея Дикштейна. Выяснилось, что он крупный деятель Моссада. С тех пор я и слежу за ним с помощью русских, особенно человека из КГБ по фамилии Ростов. Мы выяснили, что Дикштейн планирует похитить судно с ураном, чтобы сионисты могли сделать свою атомную бомбу.

– Это угроза не только палестинскому делу. Такая бомба может опустошить весь Ближний Восток.

Это похоже на него, подумал Хассан, он видит все целиком.

– Что вы и ваши русские предполагаете делать? – спросил Махмуд.

– План заключается в том, чтобы остановить Дикштейна и разоблачить израильский заговор, представив сионистов в роли авантюристов, не подчиняющихся никаким законам. Пока деталей мы еще не разработали. Но у меня есть и другое предложение. – Он помедлил, пытаясь точно сформулировать мысль, а потом разом выплеснул ее: – Я думаю, что фedaины должны перехватить судно до того, как на нем окажется Дикштейн.

Махмуд приковался к нему пристальным взглядом и долго не отводил его.

Хассан молил: «Да скажи что-нибудь, ради Бога!» Махмуд медленно покачал головой из стороны в сторону, затем губы

его растянулись в улыбке, и, наконец, он зашелся в хохоте, который начался с короткого смешка и кончился громовыми раскатами, от чего содрогалось все его тело, и обитатели дома сбежались посмотреть, что происходит.

Хассан прервал его:

– Ну, а ты что думаешь?

– Прекрасно. Не вижу, как мы это сделаем, но идея прекрасная, – вздохнул Махмуд.

Затем он стал задавать вопросы...

К полудню он позвал двух человек, которые, по всей видимости, были его лейтенантами. В их присутствии он опять обратился к деталям, которые считал самыми важными.

– «Копарелли» – обыкновенное торговое судно с постоянной командой?

– Да.

– И оно пойдет через Средиземное море в Геную?

– Да.

– Сколько весит руда?

– Двести тонн.

– И она расфасована в бочки?

– Пятьсот шестьдесят бочек.

– Ее рыночная цена?

– Два миллиона американских долларов.

– И она используется для создания атомной бомбы?

– Да. Правда, это только сырье.

– Превращение его во взрывчатку – это дорогой или очень

трудный процесс?

– Нет, если есть ядерный реактор. В противном случае, да. Махмуд кивнул своим лейтенантам.

– Идите и расскажите остальным.

После полудня, когда солнце уже миновало зенит и потянуло холодком, Махмуд и Ясиф отправились на прогулку среди загородных холмов. Ясиф отчаянно хотел узнать, что Махмуд думает о его плане, но тот воздерживался от всяких разговоров об уране. Ясифу пришлось рассказывать о Давиде Ростове, и он признался, что восхищается его профессионализмом, хотя тот доставляет ему немало трудностей.

– Имеет смысл восхищаться русскими, – сказал Махмуд, – но не доверять им. Их сердца не отданы нашему делу. Есть три причины, по которым они на нашей стороне. Самая несущественная заключается в том, что мы доставляем беспокойство Западу, а все, что плохо для Запада, хорошо для русских. Мы работаем, кроме того, на их имидж. Развивающиеся нации признают, скорее всего, нас, а не сионистов, так что, поддерживая нас, русские получают кредит доверия от Третьего мира – и помни, в соревновании между Соединенными Штатами и Советским Союзом голос Третьего мира может оказаться решающим. Но самая главная причина – единственная по-настоящему важная причина – это нефть. А нефть есть у арабов.

Они миновали мальчика, пасущего небольшую отару костлявых овец. Мальчик играл на дудочке. Ясиф припом-

нил, что Махмуд когда-то был таким вот пастушком, который не умел ни читать, ни писать.

– Ты понимаешь, насколько важно обладание нефтью? – продолжил Махмуд. – Гитлер проиграл войну из-за нефти.

– Нет.

– Послушай. Русские сокрушили Гитлера. Иначе и быть не могло. Гитлер все предвидел: он знал и о судьбе Наполеона и знал, что никто не может завоевать Россию. Так почему же он все-таки полез на нее? Он задыхался от отсутствия нефти. Нефть была на Кавказе. Гитлер должен был завоевать Кавказ. Но его нельзя было удержать в руках, пока не будет взят Волгоград, который тогда назывался Сталинградом – и именно там остановился гитлеровский напор. Нефть. Вот из-за чего мы ведем борьбу, нравится ли нам это или нет, понимаешь? И не будь тут нефти, никого, кроме нас, не интересовала бы драка кучки евреев с кучкой арабов в грязной маленькой стране, такой, как наша.

Махмуд гипнотически влиял на собеседника, когда он говорил. Сильным чистым голосом он выстреливал короткие фразы, давал простые четкие объяснения, а его утверждения звучали непререкаемой истиной; Хассан подозревал, что это же он нередко повторял перед своими бойцами. Он смутно припомнил, каким усложненным языком дискутировали политики в таких местах, как Оксфорд и Люксембург, и ему показалось, что при всем огромном обилии информации эти люди знали меньше, чем Махмуд. Он знал, конечно,

что международная политика гораздо сложнее, что подоплека всех этих дел не только нефть, но в глубине души верил Махмуду.

Они сидели в тени под фиговым деревом. Вокруг них простиралось затянутое голубоватой дымкой пространство. С синего неба еще дышала жара, и от горизонта до горизонта – ни единого облачка. Махмуд откупорил бутылку и протянул Хассану, который сделал глоток теплой воды и вернул бутылку Махмуду. Затем он спросил Махмуда, неужели он хочет управлять Палестиной после того, как из нее будут выброшены сионисты.

– Я убил много людей, – сказал Махмуд. – Сначала я делал это сам, своими руками, при помощи бомб, ножа или пистолета. Теперь я убиваю, составляя планы и отдавая приказы, но я продолжаю убивать. Мы знаем, что это грех, но я не могу противостоять ему. У меня нет никаких угрызений совести, Ясиф. Если даже мы делаем ошибки и убиваем детей и арабов вместо солдат и сионистов, я думаю «это плохо для моей репутации», а не «это плохо для моей души». На моих руках кровь, но я не собираюсь смывать ее. И даже не буду пытаться. Была такая история, что называлась «Портрет Дориана Грея». О человеке, который вел ужасную жизнь, посвященную злу и порокам, и он давно должен был бы состариться, обрести морщины на лице и мешки под глазами, разрушенную печень и кучу венерических болезней. И тем не менее, с ним ничего не происходило. Шли годы, а он оста-

вался все таким же молодым, словно нашел эликсир вечной молодости. Но в закрытом помещении у него дома висел его портрет, который старел с каждым годом и на котором отражались следы всех его злых деяний и болезней. Ты знаешь этот рассказ. Его написал англичанин.

– Я видел фильм, – сказал Ясиф.

– А я читал, когда был в Москве. Хотелось бы посмотреть этот фильм. И ты помнишь, чем он кончился?

– О, да. Дориан Грей уничтожил портрет и тут же обрел его облик старой больной развалины, после чего скончался.

– Да. – Махмуд рассеянно уставился на очертания коричневых холмов вокруг. Затем он сказал: – Когда Палестина будет свободной, мой портрет тоже исчезнет.

После этого они какое-то время посидели молча. Наконец, все так же, не проронив ни слова, они встали и двинулись в город.

Вечером, в сумерках, как раз незадолго до комендантского часа, несколько человек собрались в этом маленьком домике в Наблусе. Хассан не знал, кто такие они были на самом деле; они могли быть и местными лидерами движения или представителями тех разрозненных групп, мнение которых Махмуд уважал, или временные советники, которые были близки с Махмудом, но не обитали вместе с ним. Хассан отметил определенную логику в последнем предположении, потому что, живи они все вместе, их всех вместе могли и уничтожить.

Женщины принесли им хлеба, рыбы и водянистого вина, и Махмуд изложил собравшимся замысел Хассана. Обдумал он его гораздо более тщательно, чем сам Хассан. Он предложил захватить судно до того, как на борту его появится Дикштейн, и, организовав засаду, уничтожить израильтян, когда они окажутся на палубе. Предполагая, что им встретится только обыкновенная команда и вялое сопротивление, группа Дикштейна будет сразу же уничтожена. Затем федаины отведут судно в какой-нибудь североафриканский порт и пригласят на его борт весь мир, которому и будут продемонстрированы тела сионистских преступников. Груз будет возвращен владельцу за половину его рыночной стоимости – за миллион долларов США.

Началось долгое обсуждение. Не подлежало сомнению, что часть движения обеспокоена и нервничала из-за политики Махмуда, который хотел перенести военные действия в Европу; они видели в предлагаемом захвате судна продолжение той же стратегии. Они предложили просто созвать пресс-конференцию в Бейруте или Дамаске и разоблачить в глазах международной прессы израильский заговор. Хассан был убежден, что этого недостаточно: обвинение ни на чем не базировалось, да и, кроме того, предстояло продемонстрировать не столько нарушение законов Израиля, сколько силу и мощь федаинов.

Все говорили как равные, и каждого Махмуд выслушивал с равной долей внимания. Хассан сидел недвижимо и молча,

слушая тихие спокойные голоса этих людей, которые походили на обыкновенных крестьян, а говорили, как истые сенаторы. Он одновременно и надеялся и боялся, что они примут его план: надеялся, потому что он даст выход чувству мести, которое он копил в себе двадцать лет; боялся по той причине, что ему придется делать вещи куда более трудные, жестокие, чем те, к чему он привык до сих пор.

Когда беседа подходила к концу, он уже не мог больше выдержать ее напряжения и вышел на задний двор, где присел в углу его на корточках, вдыхая запахи ночи и затухающего костра. Несколько погодя из помещения донесся тихий гул голосов, которые вроде бы принимали решение голосованием.

Махмуд, вышел и присел рядом с Хассаном.

– Я послал за машиной.

– Вот как?

– Мы должны отправиться в Дамаск. Сегодня же вечером. Там нас ждет масса дел. Это будет нашей самой крупной операцией. И мы должны немедленно приниматься за нее.

– Значит, решено.

– Да. Федаины перехватят судно и похитят уран.

– Быть по сему, – сказал Хассан.

Давид Ростов всегда любил свою семью, но воспринимал ее в небольших дозах, и по мере того, как он становился старше, дозы уменьшались. Первый день его отпуска был про-

сто прекрасен. Он сделал завтрак, они гуляли по пляжу, а днем Владимир, этот молодой гений, провел сеанс одновременной игры против него, Марии и Юрия и выиграл все три партии. Они отлично провели время за ужином, обсудив все новости и позволив себе немного вина. Второй день был похож на первый, но радовал его несколько меньше, а на третий день окружающее общество стало приедаться. Владимир вспомнил, что его ждет судьба вундеркинда и зарылся в книги; Юрий стал крутить эту дегенеративную западную музыку и спорить с отцом относительно диссидентской поэзии, Мария пропадала на кухне дачи и перестала накладывать макияж.

Так что, когда пришла депеша, сообщавшая, что Ник Бунин явился из Роттердама, где ему удалось успешно поставить радиомаячок на «Штромберг», Ростов использовал ее как предлог для возвращения в Москву.

Ник сообщил, что «Штромберг» поставлен в сухой док для обычного осмотра, предшествовавшего его покупке компанией «Сейвил шипинг». Предстояло провести несложные ремонтные работы на борту, и Ник без особых сложностей под видом электрика поднялся на палубу и смонтировал маленький, но мощный радиомаячок на носу судна. Когда он спускался по трапу, прораб спросил его, что он там делал, ибо у него по расписанию в этот день не было никаких электромонтажных работ. Ник же уверил его, что, если такие работы не предусмотрены, то, конечно же, за них не придется

платить.

С этого момента, когда бы ни включался главный двигатель судна – он все время был на ходу во время пребывания судна в море и большую часть времени в доке – маячок каждые тридцать минут посылал в эфир сигнал; и это будет длиться, пока судно не потонет или не пойдет на металлолом. И теперь весь отпущенный ему срок жизни «Штромберг» будет на контроле у Москвы, которая не позже, чем через час, определит его местонахождение.

Выслушав Ника, Ростов послал его домой. На этот вечер у него были свои планы. Он давно не видел Ольгу и сторал от нетерпения вручить ей вибратор на батарейках, который он привез в подарок из Лондона.

В военно-морской разведке Израиля служил молодой капитан по имени Дитер Кох, по образованию корабельный инженер. Когда «Копарелли» снимется из Антверпена с грузом урановой руды на борту, Кох должен быть в составе команды.

Нат Дикштейн оказался в Антверпене, смутно представляя себе, как этого добьется. Из номера гостиницы он позволил местному представителю компании, которой принадлежал «Копарелли».

Когда я умру, подумал он, ожидая соединения, меня так и вынесут на похороны из гостиничного номера.

Ответила девушка.

– Говорит Пьер Бодре, – коротко сказал Дикштейн. – Дай-

те мне директора.

– Будьте любезны, минутку.

Мужской голос:

– Да?

– Добрый день, это Пьер Бодре из компании «Бодре – подбор экипажа». – Дикштейн с ходу придумал это название.

– Никогда не слышал о вас.

– Поэтому я вам и звоню. Видите ли, мы собираемся открыть офис в Антверпене, и я хотел бы узнать, не изъявили бы вы желание сотрудничать с нами.

– Сомневаюсь, но вы можете написать и...

– Полностью ли вы удовлетворены сегодняшним агентством по подбору экипажей?

– Могло быть и хуже. Послушайте...

– Еще один вопрос, и я не буду вас больше беспокоить. Могу я узнать, чьими услугами вы пользуетесь в настоящий момент?

– Агентство Коэна. А теперь, простите, у меня нет больше времени...

– Я понял. Благодарю вас за терпение. Будьте здоровы.

Коэн! Ему подвалила удача. Может быть, я смогу все про-
вернуть и без применения угроз, подумал Дикштейн, кладя трубку. Коэн! Вот уж чего он не ожидал – кораблями и до-
ками евреи, как правило, не занимались. Но может порой и повезти.

Он нашел номер телефона агентства Коэна по набору эки-

пажей, запомнил адрес, накинул плащ и, выйдя из гостиницы, взял такси.

Агентство представляло собой небольшой офис из двух комнат над баром для моряков в квартале красных фонарей. Еще было далеко до полудня, и ночная публика спала – шлюхи и воры, музыканты и стриптизерки, официанты, вышибалы и те, чьими стараниями к ночи эти места оживали. Утром тут было пустынно, серо и холодно, не говоря уж о грязи на улицах.

Дикштейн поднялся к входной двери, постучал и вошел. Секретарша, женщина средних лет, восседала в небольшой приемной, забитой полками с досье и уставленной стульями с оранжевыми пластиковыми сидениями.

– Я хотел бы видеть мистера Коэна, – обратился к ней Дикштейн.

Оглядев его с головы до ног, она пришла к выводу, что он не похож на моряка.

– Вы хотите наняться на судно? – с сомнением в голосе спросила она.

– Нет, – сказал он. – Я из Израиля.

– Ах вот как. – Она помедлила. У нее были темные волосы и глубоко посаженные глаза с тенями под ними; на пальце у нее блестело обручальное кольцо. Дикштейн прикинул, не является ли она миссис Коэн. Встав, она скрылась в дверях за ее письменным столом, что вели в другое помещение. На ней были брюки, и со спины было видно, сколько ей лет.

Через минуту она появилась снова и пригласила его в кабинет Коэна. Встав, тот подал ему руку и без предисловий выпалил:

– Я даю на дело каждый год. Во время войны я пожертвовал двадцать тысяч гульденов. Я могу показать вам чек. Что, новый призыв? Еще одна война?

– Я здесь не для сбора денег, мистер Коэн, – улыбнулся Дикштейн; миссис Коэн оставила дверь открытой, и он затворил ее. – Могу ли я присесть?

– Если вы тут не ради денег, садитесь, пейте кофе, можете сидеть тут весь день, – сказал Коэн и рассмеялся.

Дикштейн сел. Коэн был невысокого роста, в очках, лыс и чисто выбрит, лет пятидесяти. На нем был коричневый пиджак, который явно знавал лучшие времена. У него тут маленькое надежное дело, прикинул Дикштейн, но он явно не миллионер.

– Вы были здесь во время второй мировой войны? – спросил Дикштейн. Коэн кивнул.

– Я был молодым человеком. Уехал в сельскую местность и работал на ферме, где меня никто не знал, никто не подозревал, что я еврей. Мне повезло.

– Вы не думаете, что все может повториться?

– Да. Это повторялось снова и снова во всей истории, почему же с этим будет покончено? Это повторится – но уже не на моем веку. Теперь тут все спокойно. И я не хочу ехать в Израиль.

– О'кей. Я работаю на правительство Израиля. Мы бы хотели, чтобы вы кое-что сделали для нас.

Коэн пожал плечами.

– Например?

– Через несколько недель один из ваших клиентов обратится к вам со срочной просьбой. Им будет нужен старший механик на судно «Копарелли», и вы пошлете им человека, который явится к вам от нас. Его фамилия Кох и он израильтянин, но у него будет другое имя и фальшивые документы. Тем не менее, он в самом деле является инженером – ваши клиенты не будут разочарованы.

– Вы не собираетесь сообщить мне, почему правительству Израиля понадобилось направить этого человека на «Копарелли»? – спросил Коэн.

– Нет.

Наступило молчание.

– У вас есть какое-нибудь удостоверение личности?

– Нет.

Без стука появилась секретарша и предложила им кофе. Дикштейн чувствовал, как от нее исходит враждебность. Коэн использовал паузу, чтобы собраться с мыслями. Когда она вышла, он сказал:

– Я буду мешуге ¹, если пойду на это.

– Почему?

– Вы явились ко мне с улицы, объявив, что представляете

¹ Мешуге (идиш) – сумасшедший.

правительство Израиля, не предъявив никаких документов, и даже не назвали. Вы требуете от меня принять участие в каком-то деле, которое, по всей видимости, является противозаконным и даже уголовно наказуемым; вы не сообщаете мне, какова его цель. Если бы даже я поверил в вашу историю, сомневаюсь, чтобы Израилю было нужно то, что вы от меня требуете.

Дикштейн вздохнул, думая о том, что ему предстоит: придется шантажировать его, похищать жену или даже угрожать уничтожением офиса...

– Каким образом я могу переубедить вас? – спросил он.

– Прежде чем я возьмусь за это дело, мне нужно личное указание премьер-министра Израиля.

Дикштейн встал, чтобы распрощаться, но тут он подумал: а почему бы и нет? Почему бы и нет, черт возьми? Это было дикой идеей, они решат, что он сошел с ума... но может сработать, цель будет достигнута... Все продумав, он усмехнулся. Пьера Борга хватит удар.

– Хорошо, – сказал он Коэну.

– Что вы имеете в виду – хорошо?

– Берите пальто. Мы отправляемся в Иерусалим.

– Сейчас?

– А вы так заняты?

– Вы серьезно?

– Я же сказал вам, что моя просьба очень важна. – Дикштейн ткнул в телефон на столе. – Звоните вашей жене.

– Она в той комнате.

Подойдя к двери, Дикштейн приоткрыл ее.

– Миссис Коэн?

– Да.

– Будьте любезны, не могли бы вы зайти к нам?

Она с встревоженным видом торопливо вошла в кабинет.

– В чем дело, Иосиф? – спросила она мужа.

– Этот человек хочет, чтобы я вместе с ним отправился в

Иерусалим.

– Когда?

– Сейчас.

– Ты хочешь сказать, на этой неделе?

– Я хочу сказать – этим утром, миссис Коэн, – вмешался Дикштейн. – Должен предупредить, что все носит строго конфиденциальный характер. Я попросил вашего мужа кое-что сделать для правительства Израиля. Естественно, он хочет убедиться, что за моей просьбой в самом деле стоит правительство, которое просит его об одолжении, а не уголовники. Так что мне придется доставить его на место.

– Не впутывайся в эти дела, Иосиф.

Коэн пожал плечами.

– Я еврей, и я уже впутался. Присмотри за лавочкой.

– Ты же ничего не знаешь об этом человеке!

– Поэтому я и хочу узнать.

– Мне это не нравится.

– Никакой опасности, – втолковывал ей Коэн. – Мы са-

димся на рейс по расписанию, прибываем в Иерусалим, я вижу с премьер-министром, и мы возвращаемся.

– С премьер-министром!

По ее реакции Дикштейн уловил, как она будет горда, если ее мужу доведется встретиться с премьер-министром Израиля.

– Все должно быть в полной тайне, миссис Коэн, – заметил он. – Объясните, пожалуйста, людям, что ваш муж выехал в Роттердам по делам. Завтра он вернется.

Она уставилась на двоих мужчин.

– Мой Иосиф встретится с премьер-министром, и я не могу рассказать об этом даже Рашель Ротштейн?

И только тут Дикштейн понял, что все будет в порядке. Коэн снял с вешалки пальто и натянул его. Миссис Коэн поцеловала, а потом обняла его.

– Все нормально, – сказал он ей. – Все это, конечно, очень странно и необычно, но все в порядке.

Она лишь тупо кивнула, проводив его взглядом.

Они взяли такси до аэропорта. Пока они добирались, Дикштейна все сильнее охватывало чувство облегчения. Замысел его был чистой авантюрой, и он чувствовал себя, как школьник, замышлявший лихую проделку. Он улыбался, и ему приходилось отворачиваться, чтобы Коэн не видел выражения его лица.

Пьер Борг забегает по потолку.

Дикштейн купил два билета туда и обратно до Тель-Ави-

ва, расплатившись кредитной карточкой. В Париже им предстояло пересесть на другой рейс. До посадки он успел позвонить в посольство в Париже и попросил, чтобы их кто-нибудь встретил в зале для транзитных пассажиров.

В Париже он передал человеку из посольства послание Боргу, в котором он объяснил, что от него требовалось. Дипломат был человеком из Моссада и почтительно отнесся к Дикштейну. Коэн присутствовал при их разговоре, и, когда собеседник покинул их, он сказал:

– Мы можем возвращаться, вы меня уже убедили.

– О, нет, – возразил Дикштейн. – Теперь, когда мы зашли так далеко, я хочу быть полностью уверенным в вас.

В самолете Коэн сказал:

– Вы, должно быть, очень важная личность в Израиле.

– Нет. Но то, что я делаю, в самом деле важно.

Коэн захотел выяснить, как ему себя вести, как ему обращаться к премьер-министру.

– Не знаю, – ответил Дикштейн, – никогда с ним не встречался. Пожмите ему руку и называйте по имени.

Коэн улыбнулся. На нем тоже начал сказываться авантюризм Дикштейна.

Пьер Борг встретил их в аэропорту Лод с машиной, в которой им предстояло добираться до Иерусалима. Улыбаясь, он обменялся рукопожатием с Коэном, но в нем чувствовалось напряжение. Когда они шли к машине, он пробормотал Дикштейну:

– Тебе, черт побери, придется толком объяснить всю эту историю.

– Объясню.

Поблизости постоянно находился Коэн, так что у Борга не было возможности устроить Дикштейну перекрестный допрос. Они направились напрямиком в резиденцию премьер-министра в Иерусалиме. Дикштейн и Коэн ждали в приемной, пока Борг объяснял премьер-министру, что случилось и почему.

Через пару минут их пригласили.

– Это Нат Дикштейн, сэр, – представил его Борг.

Они пожали друг другу руки, и премьер-министр сказал:

– Нам не доводилось встречаться, мистер Дикштейн, но я слышал о вас.

– А это мистер Иосиф Коэн из Антверпена.

– Мистер Коэн, – улыбнулся премьер-министр. – Вы очень предусмотрительный человек. Вам стоило бы быть политиком. Ну что ж... прошу вас, сделайте это для нас. Это очень важно и вам ничего не угрожает.

– Да, сэр, конечно, я все сделаю, простите, что причинил вам столько хлопот...

– Отнюдь. Вы были совершенно правы. – Он снова протянул Коэну руку. – Спасибо, что посетили меня. Всего вам хорошего.

На пути обратно Борг был уже далеко не так вежлив, как раньше. Он молча сидел на переднем сидении, посасывая си-

гару и нервничая. В аэропорту ему удалось остаться на пару минут наедине с Дикштейном.

– Если ты еще когда-нибудь отколешь такую хохму...

– Это было необходимо. И заняло меньше минуты. Почему бы и нет?

– Потому, что половина моего гребаного департамента работала весь день, чтобы обеспечить эту минуту. Почему ты просто не ткнул пистолетом ему в башку или не сделал чего-то подобного?

– Потому что мы не варвары.

– Это мне уже говорили.

– Говорили? Плохой признак.

– Почему?

– Потому что ты не должен слышать такие слова.

Объявили посадку на их рейс. Поднимаясь по трапу рядом с Козном, Дикштейн понял, что их отношения с Боргом постиг крах. Они всегда общались подобным образом, подкалывая друг друга и всаживая шпильки, но до сих пор в подтексте чувствовалось, может, не столько привязанность друг к другу, сколько уважение. И теперь оно исчезло. Борг был настроен откровенно враждебно. Отказ Дикштейна выйти из дела – лишь часть его общего неповиновения, которое не могло быть больше терпимо. Если Дикштейн собирался продолжить службу в Моссаде, ему предстояло сместить Борга с поста директора – больше в одной организации сосуществовать они не могли. Но это его не особенно волновало, потому

что Дикштейн собирался уходить в отставку.

Во время ночного полета обратно в Европу, Коэн выпил порцию джина и уснул. Дикштейн перебирал в памяти все, что ему удалось сделать за последние пять месяцев. В конце мая он приступил к делу, не представляя, как ему удастся похитить уран, в котором нуждался Израиль. Он сталкивался с проблемами по мере их появления и находил для каждой решение: как найти данные об уране, какой именно груз украсть, как захватить судно, как скрыть участие Израиля в его похищении, как предотвратить сообщение об исчезновении урана, как умиротворить владельцев груза. Если бы с самого начала он попытался представить себе эту схему, он никогда не смог бы учесть всех сложностей.

Кое в чем повезло, а кое в чем нет. Тот факт, что владельцы «Копарелли» в Антверпене прибегают к услугам еврейского агентства, было удачей, как и существование груза урана для использования с неядерными целями и переброска его по морю. Не повезло ему, главным образом, со случайной встречей с Ясифом Хассаном.

Хассан – это муха в молоке. Дикштейн не без основания был уверен, что отделался от хвоста, когда вылетел в Буффало на встречу с Кортоне, и с тех пор его вроде бы больше не засекли. Что не означает, будто они бросили это дело.

Стоило бы уточнить, что им удалось узнать до того, как они потеряли его.

Дикштейн не увидит Сузи, пока со всеми этими делами не

будет покончено, за что он также должен благодарить Хассана.

Если он рискнет показаться в Оксфорде, Хассан, конечно, тут же заприметит его.

Самолет пошел на снижение. Дикштейн пристегнул ремни. Все сделано, схема разработана, все меры приняты. Карты выложены на стол. Он знал, что у него на руках, он догадывался, какие карты у его противников, а они знали кое-что из его взятки. Оставалось лишь начать игру, исхода которой никто не взялся бы предсказать. Он хотел бы более ясно предвидеть будущее, он хотел, чтобы план был не так сложен, он хотел, чтобы ему больше не пришлось рисковать жизнью, и он жаждал, чтобы игра уже началась, дабы он перестал маяться ожиданием и включился в нее.

Коэн проснулся.

– Неужто мне все приснилось? – спросил он.

– Нет. – Дикштейн улыбнулся. Ему предстояла еще одна неприятная обязанность – напугать Коэна до полусмерти. – Я говорил вам, что это очень важное и секретное дело.

– Конечно, я понимаю.

– Вы не понимаете. Если вы обмолвитесь о нем кому-нибудь, кроме своей жены, нам придется предпринять очень неприятные шаги.

– Это что, угроза? О чем вы говорите?

– Я говорю, что если не будете держать язык за зубами, нам придется убить вашу жену.

Уставившись на него, Коэн побледнел. Через секунду он отвернулся и уставился в иллюминатор, за которым виднелись приближающиеся огни аэропорта.

Глава тринадцатая

Гостиница «Россия» была самым большим отелем в Европе. В ней было 5738 кроватей, десять миль коридоров и напроочь отсутствовали кондиционеры.

Ясифу Хассану спалось из рук вон плохо.

Куда как просто было сказать: «Федаины захватят корабль до того, как на нем окажется Дикштейн», но чем больше он думал об этом замысле, тем больший страх испытывал.

Организация Освобождения Палестины в 1968 году отнюдь не была тем единым, тесно сплоченным политическим единством, которым она старалась себя представить. Она не была даже свободной федерацией отдельных групп, работающих на единую цель. Она, скорее, представляла собой клуб по интересам: объединяла своих членов, но не контролировала их. Отдельные партизанские группы могли подавать свой голос через ООП, но они не хотели и не могли действовать воедино. Так что, когда Махмуд говорил, что федаины способны на эту акцию, он имел в виду только свою группу. Более того, в данной ситуации вряд ли стоило просить ООП о содействии. Организация получала деньги, снаряжение и укрытие у египтян, но она была и пронизана их агентами; если вы хотели сохранить что-то в секрете от арабского сообщества, первым делом надо было хранить тайну от ООП. Конечно, после операции, когда пресса всего мира получит

возможность осмотреть захваченное судно и ее груз, египтяне все узнают и, скорее всего, придут к выводу, что их обвели вокруг пальца, но Махмуд будет изображать полную невинность, и египтянам придется присоединиться к всеобщему хору восхваления федаинов, которые пресекли акт агрессии со стороны израильтян.

Во всяком случае, Махмуд не считал, что ему понадобится помощь со стороны. У его группы были отличные связи вне Палестины, мощная поддержка в Европе и достаточно денег. Сейчас он был в Бенгази, организуя аренду судна, пока его интернациональная команда собиралась со всех концов света.

Но самая ответственная обязанность легла на Хассана: если федаины собираются захватить «Копарелли» до израильтян, он должен точно установить, где и когда нападение Дикштейна на корабль будет иметь место. И для этого ему был нужен КГБ.

Теперь он ужасно неловко чувствовал себя в присутствии Ростова. До визита к Махмуду он мог, не кривя душой, сказать себе, что просто работает на две организации с общими интересами. Теперь же он, вне всяких сомнений, был двойным агентом, который всего лишь делал вид, что работает на египтян и КГБ, но саботировал их планы. Он чувствовал себя в некоторой мере предателем и боялся, что Ростов может заметить происшедшие в нем перемены.

Когда Хассан прилетел в Москву, Ростов встретил его до-

вольно прохладно. Он дал ему понять, что у него в квартире нет места для Хассана, хотя тот знал, что семья Ростова на даче. Казалось, Ростов что-то скрывает. Хассан предположил, что он встречается с какой-то женщиной и не хочет присутствия постороннего человека.

После очень утомительной ночи в гостинице «Россия» Хассан встретился с Ростовым в кабинете Феликса Воронцова. И здесь присутствовало какое-то скрытое напряжение. Двое мужчин спорили, когда Хассан вошел в кабинет, и хотя они сразу же прервали перепалку, в воздухе осталась висеть невысказанная враждебность. Но Хассан был слишком поглощен своими тайными проблемами, чтобы обратить на это внимание.

– Появились ли какие-то новости?

Ростов и Воронцов переглянулись. Ростов пожал плечами.

– «Штротберг» оснащен сильным радиомаяком, – сказал Воронцов. – Он покинул сухой док и, пересекая Бискайский залив, идет к югу. Существует предположение, что конечный пункт его назначения – Хайфа, где он возьмет на борт команду из агентов Моссада. Думаю, мы можем быть вполне удовлетворены работой по сбору разведывательной информации. Наш проект вступает в область принятия решений. Наша цель теперь – предугадывать события, а не описывать их, как было до сих пор.

– Вот так они все говорят в Московском Центре, – непочтительно бросил Ростов.

Воронцов сердито уставился на него.

– Какие предпринимаются действия? – спросил Хассан.

– Ростов отправится в Одессу, где сядет на борт польского торгового судна «Карла». Оно считается обыкновенным торговым сухогрузом, но обладает большой скоростью и специальным оборудованием – мы довольно часто использовали его.

Ростов сидел, уставившись в потолок, и на лице его читалось откровенное отвращение. Хассан предположил, что Ростов хочет утаить от египтян некоторые детали плана; может, именно об этом он и спорил с Воронцовым.

Тот продолжил:

– Ваша обязанность – оказаться на египетском корабле и войти в контакт с «Карлой» в Средиземном море.

– И потом?

– Мы дождемся, пока Тюрин, который находится на борту «Копарелли», сообщит нам, что израильский захват состоялся. Он также передаст нам, перегружен ли уран на «Штромберг» или же остался на «Копарелли», откуда после доставки его в Хайфу сгрузят с судна.

– А потом? – продолжал настаивать Хассан. Воронцов открыл было рот, но Ростов опередил его.

– Я хочу, чтобы вы изложили Каиру несколько иную версию, – обратился он к Хассану. – Я хочу, чтобы ваши люди считали, будто мы ничего не знаем о «Копарелли», а знаем всего лишь, что израильтяне что-то планируют, какую-то

акцию в Средиземноморье, и мы стараемся выяснить, что именно.

Хассан кивнул с бесстрастным лицом. Он должен выяснить, в чем состоит сущность плана, а Ростов не хочет ему рассказывать!

– Хорошо, – сказал он, – так я им и передам, если вы расскажете мне, в чем заключается настоящий план.

Ростов глянул на Воронцова и пожал плечами.

– После захвата «Карла» пойдет наперерез тому судну Дикштейна, на котором будет уран. И столкнется с ним.

– Столкнется!

– Ваше же судно будет свидетелем столкновения и сообщит о нем, после чего удостоверится, что команда судна – израильтяне и на борту у него уран. Состоится международное расследование обстоятельств столкновения. Присутствие на борту и израильтян, и урана будет, вне всякого сомнения, установлено. Тем временем уран будет возвращен владельцу, а израильтяне покрыты позором.

– Израильтяне будут драться.

– Тем лучше, – пожал плечами Ростов, – ваше судно будет свидетелем их нападения на нас и поможет справиться с ними.

– Хороший план, – сказал Воронцов. – И простой. Остается только организовать столкновение, а дальше все пойдет по автомату.

– Да, план хорош, – промолвил Хассан. Он как нельзя луч-

ше соответствовал замыслу федаинов. Не в пример Дикштейну, Хассан знал, что на борту «Копарелли» находится Тюрин. После того, как федаины захватят «Копарелли» и устроят засаду для израильтян, Тюрина с его рацией можно выкинуть за борт, и Ростову никогда не удастся найти их. Но Хассану надо выяснить, где и когда Дикштейн собирается брать судно на абордаж, чтобы федаины успели туда первыми.

В кабинете Воронцова стояла духота. Подойдя к окну, Хассан уставился на движение по Московской кольцевой дороге.

– Нам необходимо точно установить, когда и где Дикштейн будет захватывать судно, – сказал он.

– Зачем? – Ростов развел руки ладонями кверху. – На борту «Копарелли» Тюрин и маячок на «Штромберге». Мы ни на минуту не отпускаем их обоих из виду. Нам нужно только держаться поблизости и в нужную минуту появиться на сцене.

– Мое судно по расписанию будет точно на месте.

– И следуйте за «Штромбергом», держась за линией горизонта – вы будете принимать сигналы его рации. Или держите связь со мной на «Карле». Или и то, и другое.

– А если маячок замолкнет, а Тюрина разоблачат?

– Риск такого исхода должен быть соизмерен с опасностью, что нас вычислят, коль скоро мы снова начнем слежку за Дикштейном – если мы найдем его.

– Хотя в этом есть смысл, – бросил Воронцов. Настала

очередь Ростова уставиться на него. Хассан расстегнул воротничок рубашки.

– Разрешите, я открою окно?

– Они не открываются, – остановил его Воронцов.

– У вас вообще слышали о кондиционерах?

– В Москве?

Повернувшись, Хассан обратился к Ростову.

– Подумайте о таком варианте. Я должен быть полностью уверен, что мы накроем эту публику.

– Я все обдумал, – успокоил его Ростов. – И не сомневаюсь в успехе, насколько вообще можно быть уверенным. Отправляйтесь в Каир, займитесь судном и будьте на связи со мной.

Высокомерный ублюдок, подумал Хассан. Он повернулся к Воронцову.

– Честно говоря, я не могу сообщить своим людям, что полностью удовлетворен планом, пока не будет устранена оставшаяся неясность.

– Я согласен с Хассаном, – поддержал Воронцов.

– Ну, а я нет, – возразил Ростов. – И план в его настоящем виде уже одобрен Андроповым.

До сих пор Хассану казалось, что ему удастся добиться своего, поскольку Воронцов на его стороне, а он является шефом Ростова. Но упоминание председателя КГБ стало решающим ходом в этой игре: Воронцову пришлось отступить, и Хассан в очередной раз признал свое поражение.

– План можно и изменить, – предположил Воронцов.

– Только с разрешения товарища Андропова, – отрезал Ростов. – И моей поддержки в этом намерении вы не получите.

Губы Воронцова сжались в тонкую линию. Он ненавидит Ростова, догадался Хассан; терпеть его не могу и я.

– Что ж, отлично, – выдавил Воронцов.

Все время, что он занимался разведывательной деятельностью, Хассан был одним из членов профессиональной команды – египетской разведки, КГБ, даже федаинов. Вокруг него были другие люди, опытные и коварные, которые отдавали ему приказы, руководили им и брали на себя конечную ответственность. Теперь же, покинув здание КГБ и вернувшись в свою гостиницу, он почувствовал, что предоставлен самому себе.

Лишенный помощи и поддержки, он вынужден иметь дело с исключительно увертливым и умным человеком, у которого должен выведать строго охраняемые тайны.

Несколько дней его не покидало паническое состояние. Вернувшись в Каир, он рассказал там историю, придуманную Ростовым, и организовал фрахт судна, о котором тот вел речь. Стоящая перед ним проблема напоминала крутой утес, к которому он не мог даже подступить, пока не увидит хоть часть пути, ведущего на вершину. Подсознательно он рылся в воспоминаниях в поисках ситуаций, которые помогли бы ему разрешить эту проблему, чтобы действовать свободно и

раскованно.

Ему пришлось обратиться памятью в давние времена.

Давным-давно Ясиф Хассан был совершенно другим человеком. Обеспеченным, едва не представителем аристократии Египта, молодым арабом, у ног которого лежал весь мир. Он был преисполнен уверенности, что перед ним открыты все дороги, и сомнения его не посещали. Без сетований он отправился учиться в Англию, совершенно чужую для него страну, и он вписался в ее общество, не утруждая себя размышлениями, что о нем думают окружающие.

Были времена, когда ему приходилось постигать науки, но они тоже легко давались ему. Как-то некий виконт как-там-его пригласил в свое имение, где предполагалась игра в поло. Хассан никогда не играл в поло. Познакомившись с правилами, он понаблюдал за другими игроками, отмечая, как они держат длинные колотушки, как бьют по мячу, как делают пасы; затем сам вступил в игру. С колотушкой он обращался неловко, но зато носился, как ветер. Игру он провел достаточно сносно и даже получил от нее удовольствие, и его команда выиграла.

И теперь, в 1968 году, он сказал себе: мне все под силу, но с кем мне придется соперничать?

Ответ, конечно, был ясен: с Давидом Ростовым.

Ростов был независим, уверен в себе и блистательно эрудирован. Он смог найти Дикштейна, когда это казалось совершенно невозможным, когда, казалось, они зашли в тупик,

не представляя, куда двинуться. Он сделал это дважды. Хассан припомнил, как это было.

Вопрос: Почему Дикштейн оказался в Люксембурге?

Что мы вообще знаем о Люксембурге? Что здесь находится?

Фондовая биржа, банки, Евросовет, Евроатом...

Евроатом!

Вопрос: Дикштейн исчез – куда он мог направиться?

Неизвестно.

Но известно ли нам те, кого он знает?

Только профессор Эшфорд из Оксфорда...

Оксфорд!

Метод Ростова заключался в собирании воедино клочков информации – любой информации, какой бы она ни казалась несущественной – в стремлении наконец нащупать цель.

Беда была в том, что они вроде использовали всю информацию, имевшуюся в их распоряжении.

Значит, я раздобуду другую, подумал Хассан; я все могу.

Он напряг память, пытаясь вспомнить досконально все с тех времен, когда они были вместе в Оксфорде. Дикштейн воевал; он играл в шахматы; ходил в поношенной одежде...

У него была мать.

Но она умерла.

Хассан никогда не встречался с братьями и сестрами и вообще со всякого рода родственниками. Он видел их давным-давно, да и тогда между ними не было никакой близости.

сти.

Тем не менее, есть человек, который может знать о Дикштейне что-то больше: профессор Эшфорд.

Так что, полный надежд, Хассан вернулся в Оксфорд.

Всю дорогу – в самолете из Каира, в такси из Лондонского аэропорта до Паддингтонского вокзала, в поезде до Оксфорда и в такси, которое доставило его к маленькому бело-зеленому домику у реки – он вспоминал Эшфорда. Правда, он презирал профессора. В юности, может быть, он и был искателем приключений, но с годами стал никчемным пожилым человеком, дилетантом в политике, таким академиком, который не мог даже удержать при себе жену. Нет, старый роносец не заслуживал уважения – и тот факт, что англичане в массе своей думали не так, как он, лишь усиливал презрение Хассана.

Он беспокоился лишь о том, что слабость Эшфорда плюс его некоторая симпатия к Дикштейну, как к бывшему другу и ученику, может остановить его от желания как-то вмешаться в ситуацию.

Он прикинул, не стоит ли обыграть факт еврейства Дикштейна. Еще со своих оксфордских времен он знал, что самый отъявленный антисемитизм в Англии имел место в верхних слоях общества: лондонские клубы, в которых регулярно накидывали евреям черные шары, существовали в Вест-Энде, а не в Ист-Энде. Но Эшфорд и тут был исключением. Он любил Ближний Восток, но его проарабские взгляды имели

этическую, а не расовую мотивацию. Нет, такой подход будет ошибкой.

В конце концов он решил играть в открытую: рассказать Эшфорду, почему он стремится найти Дикштейна, и остается лишь надеяться, что он согласится помочь ему в силу тех же самых причин.

Обменявшись рукопожатиями и отдав должное шерри, они расселись в саду, и Эшфорд спросил:

– Что так быстро снова привело вас в Англию?

– Я гоняюсь за Натом Дикштейном, – откровенно ответил Хассан.

Они сидели на берегу реки, в уголке сада, отрезанном высокой изгородью, где Хассан много лет назад целовал красавицу Эйлу. Здесь они были укрыты от прохладного октябрьского ветра, и слабые лучи осеннего солнца согревали их.

Эшфорд был настороже и явно обеспокоен, но его лицо сохраняло бесстрашие.

– Думаю, вам бы лучше рассказать мне, что происходит.

Хассан отметил, что за прошедшее лето профессор явно стал испытывать некоторую склонность к моде. Он отпустил бачки, монашеское обрамление тонзуры явно прибавило в длине, и он был в джинсах с широким кожаным поясом под твидовым пиджаком.

– Я вам все расскажу, – начал Хассан, испытывая неловкость при мысли, что Ростов, конечно, действовал бы более тонко, – но я должен взять с вас слово, что все рассказанное

не пойдет дальше никуда.

– Договорились.

– Дикштейн – израильский шпион.

Эшфорд прищурился, но промолчал. Хассан двинулся дальше.

– Сионисты планируют создать ядерную бомбу, но у них нет плутония. Они хотят тайным образом раздобыть уран, загрузить его в свой реактор и получить плутоний. Задача Дикштейна – украсть этот уран, а моя – найти его и остановить. И я хочу, чтобы вы помогли мне.

Уставившись в свой стакан, Эшфорд одним глотком выпил шерри.

– Касательно этой темы есть два вопроса, – сказал он, и Хассан понял, что Эшфорд пытается рассматривать его рассказ, как чисто интеллектуальную проблему, типичная защита перепуганного ученого. – Первая заключается в том, могу ли я помочь вам или нет, а вторая – должен ли я это делать. Последнее, я думаю, доминирует, во всяком случае, с моральной точки зрения.

«Взять бы тебя за глотку и потрясти, – подумал Хассан. – Может быть, так я сделал бы, во всяком случае, фигурально». Вслух же он сказал:

– Конечно, вы должны. Вы же верите в наше дело.

– Все не так просто. Я вынужден вмешиваться в конфликт между двумя людьми, которых я считаю своими друзьями.

– Но прав из них только один.

– Поэтому я и должен помогать тому, кто прав – и предать того, кто ошибается?

– Конечно.

– Тут не может быть «конечно»... Что вы собираетесь делать, если и когда вы найдете Дикштейна?

– Я работаю в египетской разведке, профессор. Но моя преданность – и, не сомневаюсь, ваша тоже – принадлежит Палестине.

Эшфорд отказался заглывать наживку.

– Продолжайте, – бесстрастно кивнул он.

– Я должен точно выяснить, где и когда Дикштейн собирается похитить уран. – Хассан замялся. – А федаины окажутся на месте раньше Дикштейна и сами захватят уран.

У Эшфорда вспыхнули глаза.

– Господи. Просто потрясающе.

Я его уже почти уговорил, подумал Хассан. Он и испуган, и возбужден.

– Вам нетрудно испытывать симпатии к Палестине, сидя тут в Оксфорде, читая лекции и посещая митинги. Но тем из нас, кто борется за свою страну, гораздо труднее. И я у вас с просьбой, чтобы вы сделали что-то конкретное в поддержку ваших убеждений, дабы убедились, что ваши идеалы что-то значат для вас – или нет. Именно на этом пути и вы, и я должны убедиться, что дело арабов для вас нечто большее, чем просто романтическое увлечение. Это испытание, профессор.

– Может, вы и правы, – сказал Эшфорд.
И Хассан подумал: я сломал тебя.

Сузи решила, наконец, сказать отцу, что полюбила Ната Дикштейна.

Сначала она не могла поверить самой себе, что это в самом деле произошло. Те несколько дней, что они провели вместе в Лондоне, были какими-то сумасшедшими, наполненными любовью и счастьем, но несколько погодя она сообразила, что все эти чувства могут быть преходящи. Так что она решила не торопиться с выводами. Она будет вести себя совершенно нормально и посмотрит, как будут складываться обстоятельства.

Но происшествие в Сингапуре заставило ее изменить свои взгляды. Двое из стюардов в салоне были геями, которые, как обычно, расположились в одной из двух комнат номера гостиницы, отводившегося экипажу; в другой комнате все собрались на вечеринку. В ее ходе второй пилот стал волочиться за Сузи. Это был спокойный улыбчивый блондин с несколько странным чувством юмора. Стюардессы относились к нему не без симпатии. Раньше Сузи, особо не раздумывая, оказалась бы с ним в постели. Но она решительно сказала ему «нет», изумив всю команду. Вспоминая потом происшедшее, она решила, что больше не хочет, чтобы ее укладывали в койку. Ей было неприятно даже думать об этом. Она хотела быть лишь с Натаниелем. Это было слов-

но... словно напоминающее тот день, когда пять лет назад вышел второй альбом «Битлов», и она выкинула целую кучу пластинок Элвиса, Роби Орбисона и братьев Эверли, поняв, что не хочет больше их слушать, они не доставляют ей удовольствия, старые знакомые мелодии, которые она слушала раз за разом, а теперь ей нужна музыка более высокого порядка. Вот и сейчас с ней случилось нечто подобное – и больше того.

Письмо Дикштейна потрясло ее. Оно было написано Бог знает когда и опущено в аэропорту Орли в Париже. Своим мелким аккуратным почерком со смешными завитушками он изливал свое сердце с предельной откровенностью, которая поразила ее тем более, что исходила от нормального сдержанного человека. Она плакала над этими строками.

Она обдумала, как сможет все объяснить отцу.

Она знала, что он осуждал Израиль. Дикштейн был его старым студентом, и отец откровенно обрадовался встрече с ним, с готовностью отбросив в сторону тот факт, что его бывший студент оказался на стороне врага. Но теперь она хотела, чтобы Дикштейн стал частью ее жизни, членом семьи. В его письме говорилось: «Я хочу навсегда быть с тобой», и Сузи с трудом могла дождаться той минуты, когда она скажет ему: «О да, я тоже».

Она считала, что обе стороны на Ближнем Востоке неправы. Изгнание беженцев было несправедливым делом, достойным сожаления, но она считала, что те давно уже долж-

ны были обзавестись новыми домами – то было непросто, но все же куда легче, чем постоянно воевать, и она презирала тот театральный героизм, искушению которого многие арабы решительно не могли противостоять. С другой стороны, было ясно, что вся эта чертова неразбериха в основе своей несет ошибку сионистов, которые завладели землями, принадлежащими другим. Этот достаточно циничный взгляд не встречал отклика у ее отца, который считал правой одну сторону и виновной другую, а светлый облик его жены, конечно же, был на стороне правых.

Ему придется нелегко. Она давно уже высмеяла его мечты, как он пройдет по церковному проходу рядом с дочерью в белом свадебном наряде; но время от времени он заводил разговоры, что ей пора угомониться и подарить ему внучку. И мысль, что его внуки могут оказаться израильтянами, будет для него тяжелым ударом.

Что ж, такова цена за право быть отцом, думала Сузи, входя в дом. Она крикнула: «Папа, я приехала!», снимая плащ и кидая в угол сумку. Ответа не последовало, но его папка лежала в холле; должно быть, он где-то в саду. Поставив на плиту кастрюлю, она вышла из кухни и направилась в сторону реки, по-прежнему подыскивая те слова, которыми она изложит ему новость. Может, ей стоит начать с повествования о последнем рейсе, а потом постепенно...

Она услышала голоса, когда приблизилась к изгороди.
– И что вы собираетесь делать с ним? – Это был голос ее

отца.

– Просто следить, – сказал другой голос, которого она не узнавала. – Конечно, до поры до времени Дикштейн будет оставаться в живых.

Она поднесла руки ко рту, чтобы перехватить готовый вырваться вскрик ужаса. Затем, перепуганная, она повернулась и на цыпочках поспешила обратно в дом.

– Итак, – сказал профессор Эшфорд, – придерживаясь той системы мышления, которую мы назвали бы «методом Ростова», давайте вспомним все, что нам известно о Нате Дикштейне.

Поступай, как тебе заблагорассудится, подумал Хассан, но ради Бога решишь на что-нибудь.

– Он родился в Лондоне, в Ист-Энде, – продолжал Эшфорд. – Его отец умер, когда он был еще подростком. Что относительно матери?

– По данным нашего досье, она тоже умерла.

– Ах вот как. Итак, он попал в армию в середине войны – 1943 году, насколько мне помнится. Во всяком случае, он успел принять участие в высадке на Сицилии. После того, когда была занята половина Италии, он попал в плен, точно не помню, в каком месте. Ходили слухи – не сомневаюсь, вы их тоже помните – что, будучи евреем, он подвергся особенно жестокому обращению в лагере. После войны он оказался здесь. Он...

– Сицилия, – прервал его Хассан.

– То есть?

– В его досье упоминается Сицилия. Предполагается, что он имел прямое отношение к похищению судна с грузом оружия. Наши люди купили его у шайки сицилийских уголовников.

– Если верить тому, что пишется в газетах, – сказал Эшфорд, – то на Сицилии есть только одно преступное сообщество.

– Наши люди подозревают, – добавил Хассан, – что захват судна произошел из-за подкупа сицилийцев, которые и дали наводку на него.

– Не в Сицилии ли он спас чью-то жизнь?

Хассан пытался вспомнить, о чем толкует Эшфорд. Он сдерживал нетерпение, думая: пусть трепется – авось что-то и прояснится.

– Он спас чью-то жизнь?

– Американца. Разве вы не помните? Я никогда не мог забыть. Дикштейн приводил этого человека сюда. Этаким грубоватый джи-ай. Он и рассказал мне эту историю, как раз в этом доме. Вроде мы что-то нащупали. Вы должны помнить этого человека: вы же были тут в этот день, разве не помните?

– Не берусь утверждать, что помню, – пробормотал Хассан. Он был смущен... скорее всего, он был на кухне, обольщая Эйлу.

– Это как-то... выбивалось из ряда, – тихо сказал Эшфорд. Он сидел, глядя на медленные струи воды; память его вернулась на двадцать лет назад, и лицо затуманилось грустью, когда он вспомнил свою жену. – Вот тут мы сидели, компания преподавателей и студентов, скорее всего, болтая то ли об атональной музыке, то ли об экзистенциализме, попивали шерри, и вдруг появился здоровый солдат, который начал рассказывать о снайперах, танках, о крови и смерти. По нам словно мороз прошел, поэтому я и помню все так ясно. Он рассказал, что его семья родом с Сицилии, и его родственники принимали Дикштейна после этой истории со спасением жизни. Вы сказали, что сицилийский клан дал Дикштейну наводку на судно с грузом оружия?

– Вполне возможно, вот и все.

– Может, ему не пришлось даже давать им взятку.

Хассан покачал головой. Все этой было информацией, самой обычной информацией, на детали и подробности которой Ростов постоянно обращал внимание – но что ему с ней делать?

– Пока я не вижу, какой толк для нас во всех этих воспоминаниях. Каким образом то давнее похищение Дикштейном оружия может быть связано с мафией?

– Мафия, – произнес Эшфорд. – Вот то слово, которое я постоянно искал. И звали того человека Кортоне, Тони Кортоне... нет. Ал Кортоне из Буффало. Говорю вам, мне западали в голову все детали!

– Но какая тут связь? – нетерпеливо спросил Хассан.

Эшфорд пожал плечами.

– Все очень просто. Дикштейн всего лишь использовал свою связь с Кортоне, чтобы выйти на сицилийскую мафию, которая и помогла ему совершить пиратский акт в Средиземном море... Люди, как вы знаете, нередко обращаются к опыту юности: вот он и может повторить снова то же самое.

Хассан начал кое-что понимать, и тогда перед ним забрезжила надежда. Дело было неопределенным; в основе его лежали всего лишь предположения, но оно имело смысл, что-то тут просматривалось и, вполне возможно, ему удастся опять выйти на Дикштейна.

Эшфорд явно был удовлетворен собой.

– Прекрасный образчик умозрительных размышлений – хотел бы я опубликовать их со своими примечаниями.

– Я поражен, – со всей силой страсти признался Ясиф Хассан. – Я просто поражен.

– Холодает, давайте вернемся в дом.

Когда они покидали сад, Хассан бегло подумал, что Ростовым ему явно не быть; но зато нашел Эшфорда в виде его заменителя. Может быть, к нему никогда больше не вернется его прежняя, полная гордости, независимость. Тут явно ощущался недостаток мужественности. Он подумал, неужели другие федаины чувствуют то же самое, и если да, то почему они столь кровожадны?

– Сложность в том, – заметил Эшфорд. – что я сомневаюсь

в откровенности Кортоне, если даже он что-то знает.

– А вам он скажет?

– С чего ему откровенничать передо мной? Он вряд ли помнит меня. Правда, если бы Эйла была жива, она могла бы отправиться к нему, рассказать всю историю...

– М-да... – Хассану хотелось, чтобы имя Эйлы не всплыло в разговоре. – Я должен сам попытаться.

Они вошли в дом. Переступив порог кухни, они увидели Сузи и, глянув друг на друга, поняли, что нашли ответ на мучающую их проблему.

К тому времени, когда двое мужчин оказались в доме, Сузи почти убедила себя, что ей померещилось, когда в саду услышала разговор, якобы об убийстве Ната Дикштейна. Этого просто не могло быть... сад, речка, осеннее солнышко, профессор и его гость... нет, убийству тут совсем не могло быть места, и все это – чистый бред, как увидеть белого медведя в пустыне Сахара. Кроме того, существовало очень убедительное психологическое объяснение ее заблуждению: она собиралась рассказать отцу, что любит Дикштейна, и боялась его реакции – Фрейд, скорее всего, объяснил бы эту ситуацию тем, что подсознательно она опасалась, как бы отец не убил ее возлюбленного.

Поскольку она почти убедила себя в этом, она смогла широко улыбнуться и сказать:

– Кто хочет кофе? Я только что приготовила его.

Отец поцеловал ее в щеку.

– А, я и не подозревал, что ты вернулась, моя дорогая.

– Я только что вошла и уже подумывала пойти поискать тебя. – Почему я вру ему?

– Ты, должно быть, не знаешь Ясифа Хассана – он был одним из моих студентов, когда ты была совсем маленькой.

Хассан поцеловал ей руку и устоял на нее с выражением человека, когда-то знавшего Эйлу.

– Всеми своими черточками вы столь же прекрасны, как и ваша мать, – сказал он, и в его голосе не было ни игривости, ни даже лести: в нем звучало изумление.

– Ясиф был тут всего несколько месяцев назад, – сказал отец, – вскоре после того, как нас посетил его сокурсник – Нат Дикштейн. Думаю, ты помнишь Дикштейна, но когда появился Ясиф, ты уже куда-то улетела.

– А тут была какая-то св... связь? – спросила она, молча проклиная себя, что позволила себе запнуться на последнем слове.

Двое мужчин переглянулись, и отец кивнул.

– В общем-то была.

И тут она поняла, что все – правда, она не ослышалась, они в самом деле собираются убить единственного человека, которого она любит. Она почувствовала опасную близость слез и торопливо отвернулась, делая вид, что занялась чашками.

– Я хотел бы попросить тебя, чтобы ты кое-что сделала,

моя дорогая, – обратился к ней отец. – Нечто очень важное, ради памяти твоей матери. Садись.

Держись, сказала она себе; хуже быть не может, прошу тебя.

Она глубоко вдохнула, повернулась и села лицом к нему.

– Я хочу, – сказал отец, – чтобы ты помогла Ясифу найти Ната Дикштейна.

С этой минуты она возненавидела отца. Внезапно, в долю секунды, она поняла, что его любовь к ней – обман, что он никогда не видел в ней личность, что он использовал ее, как использовал мать. Никогда больше она не будет заботиться о нем, обслуживать его, никогда больше ее не взволнует, как он себя чувствует, не страдает ли от одиночества, что ему нужно... В этой вспышке озарения и ненависти она поняла, что в один день мать тоже стала относиться к нему точно так же; и что теперь она может вести себя с ним, как Эйла, и так же презирать его.

Эшфорд продолжил:

– Есть некий человек в Америке, который может знать, где Дикштейн. Я хочу, чтобы ты отправилась туда вместе с Ясифом и узнала это у него.

Она ничего не сказала. Хассан принял ее молчание за признак непонимания и стал объяснять:

– Видите ли, этот Дикштейн – израильский агент, работающий против нашего народа. Мы должны остановить его. Кортоне, то есть человек в Буффало, может быть, помогает

ему, и в таком случае помогать нам он не будет. Но он может помнить вашу мать и в таком случае пойдет на сотрудничество с вами. Вы даже можете сказать ему, что вы с Дикштейном любовники.

– Ха-ха! – во вспышке Сузи проскользнули едва ли не истерические нотки, и ей оставалось только надеяться, что они не поймут их причины. Она справилась с собой, онемев и оцепенев с бесстрастным лицом, пока они рассказывали ей об урановой руде, о человеке на борту «Копарелли», о радиомаячке на «Штромберге», о Махмуде и о его планах захвата судна, и какое значение он может иметь для палестинского освободительного движения; в конце концов, она в самом деле онемела, и ей не надо было притворяться.

Наконец, ее отец сказал:

– Так, моя дорогая, ты сможешь помочь? Возьмешься ли?

С усилием, которое удивило ее самое, она одарила их самой яркой из улыбок стюардессы, встала и сказала:

– Так сразу и не решишь. Я подумаю, пока буду в ванной.

И она вышла.

Постепенно перед ней все стало всплывать и проясняться, пока она лежала в ванной, в горячей воде, отделенная от них накрепко запертой дверью.

Вот, значит, что предстояло сделать Нату до того, как они смогут опять увидеться: украсть судно. А потом, как он сказал ей, он не упустит ее из виду, самое малое, на десять или пятнадцать лет... Может быть, это означает, что он бросит

свою работу.

Но, конечно же, ничто из его планов не удастся, потому что враги осведомлены о них. Русские собираются протаранить судно Ната, а Хассан хочет первым захватить его и устроить на нем засаду. Так или иначе, но Дикштейну угрожает опасность. Так или иначе, но его уничтожат. Сузи может предупредить его.

Если бы только она знала, где он.

Насколько эти люди внизу ничего не знают о ней! Хассан просто убежден, как любой араб, мужчина-шовинист, свинья, что она безропотно сделает все, что он ей сказал. Отец же предположил, что она слепо примет сторону палестинцев, потому что он их поддерживает, а она – его отпрыск. Он никогда не догадывался, о чем и как думает его дочь; точно так же он относился и к жене. Эйла без труда могла водить его за нос: он никогда даже не подозревал, что она может быть иной, чем он себе воображал.

Поняв наконец, что она должна делать, Сузи снова перепугалась.

Но как бы там ни было, это единственный способ найти Натаниеля и предупредить его.

«Найди Ната», – вот чего они от нее хотели.

Она не сомневалась, что может обмануть их, потому что они были уверены – она на их стороне, чего и в помине не было.

Так что она сделает то, чего они от нее ждут. Она найдет

Ната – а потом предупредит его.

Но не ухудшит ли она дело? Если она пустится на его поиски, то выведет их на Ната.

Но если даже Хассан не обнаружит его, Нату будет угрожать опасность со стороны русских.

А если его удастся предупредить, он сможет избежать как той, так и другой ловушки.

К тому же, может быть, ей удастся избавиться от Хассана еще до того, как она доберется до Ната.

Какой выбор? Ждать, делая вид, что ничего не случилось, надеясь услышать телефонный звонок, который так никогда и не раздастся... Она понимала, что в какой-то мере ею руководило желание увидеть Дикштейна. Заставляло ее думать подобным образом и предположение, что во время захвата судна он может погибнуть, и ей предоставляется единственная возможность спасти его. Но, кроме того, были и другие веские причины: ничего не делая, она может разрушить планы Хассана, но оставались русские со своим замыслом.

Наконец она приняла решение. Она будет делать вид, что работает на Хассана, и это поможет ей найти Натаниеля.

Как ни странно, она была счастлива. Ее приперли к стенке, но она чувствовала внутреннюю свободу; она покорилась отцу, но в глубине души не сомневалась, что одержит над ним верх; как бы там ни было, но она предана только Натаниелю.

Но она была очень-очень испугана.

Она вылезла из ванны, вытерлась, оделась и спустилась вниз, дабы обрадовать мужчин хорошими вестями.

В четыре часа утра 16 ноября 1968 года «Копарелли» пошел к Флиссенгену на побережье Нидерландов и взял на борт лоцмана, который должен был провести судно по каналу Вестешельде до Антверпена. Через четыре часа у самого входа в гавань «Копарелли» принял на борт другого лоцмана, чтобы дойти до пирса. Из основной гавани сообщаемыми водными путями судно добралось до пирсов Катенджик, где и пришвартовалось.

Нат Дикштейн наблюдал за его маневрами.

Глядя, как оно медленно разворачивается, и прочитав название «Копарелли» на борту, он подумал о бочках с урановой рудой, которые скоро заполнят ее брюхо, и его охватило более чем странное чувство, подобное тому, когда он смотрел на обнаженное тело Сузи... да, это было нечто, смахивающее на страсть.

Он перевел взгляд от 42-го причала к рельсам железнодорожных путей, которые подходили почти к краю причала. На путях уже стоял состав из одиннадцати вагонов и локомотива. В каждом из десяти вагонов было по пятьдесят одной 200-литровой бочке с запаянными крышками и надписью «Запломбировано» на боку; в одиннадцатом вагоне было только пятьдесят бочек. Он был так близок к ним, к этому урану; сделав несколько шагов, он мог прикоснуться к со-

держимому вагонов, что однажды и сделал, еще утром, когда подумал: а не проще просто высадить вертолетный десант израильских коммандос и просто уволочь это добро?

По расписанию «Копарелли» должен был обернуться без промедления. Портовые власти не сомневались, что с урановой рудой надо обращаться с предельной тщательностью, но, с другой стороны, они не хотели, чтобы она находилась на территории порта хоть минуту дольше положенного. Так что портовый кран стоял в полной готовности начать загрузку трюмов.

Тем не менее, предстояло завершить некоторые формальности перед началом погрузки.

Первый, кто на глазах Дикштейна поднялся по трапу, был официальный представитель судоходной компании. Он должен был оформить компенсацию за услуги лоцмана и получить у капитана судовую роль для портовой полиции.

Вторым человеком на борту был Иосиф Коэн. Его появление ознаменовалось привычным обрядом: он преподнес капитану бутылку виски и сел пропустить стаканчик с ним и представителем компании. К тому же он принес пачку билетов, дающих право на посещение ночного клуба и одноразовую выпивку в нем, которые вручил капитану и офицерам судна. Ему предстояло узнать имя старшего механика. Дикштейн предположил, что он может заглянуть с этой целью в судовую роль, дабы каждому офицеру поименно вручить по билету в ночной клуб.

Как бы он там ни действовал, его старания увенчались успехом: спустившись по трапу и направляясь по набережной в свой офис, он, проходя мимо Дикштейна, пробормотал, не замедляя шага: «Механика зовут Сарн».

Лишь к полудню кран приступил к работе, и докеры стали устанавливать бочки в трех трюмах «Копарелли». Каждая бочка перегружалась в отдельности, а в трюме ее предстояло раскрепить деревянными клиньями. Как и предполагалось, до вечера погрузку завершить не удалось.

Вечером Дикштейн направился в лучший ночной клуб города. За стойкой рядом с телефоном сидела потрясающая женщина примерно тридцати лет, с густыми черными волосами и тонким аристократическим лицом, на котором застыло легкое выражение брезгливости. На ней было элегантное черное платье, которое предоставляло взгляду почти всю длину ее совершенных ног и большую часть высокой округлой груди. Дикштейн еле заметно кивнул ей, но не обмолвился ни словом.

Сев в углу, он заказал себе стакан пива, оставаясь в надежде, что моряки все же появятся. Конечно же, они придут. Когда моряк отказался от дармовой выпивки?

Именно так.

Клуб начал заполняться. Женщина в черном платье уже получила пару приглашений, но каждый раз отказывала обоим мужчинам, давая им понять, что она не искательница приключений. В девять часов Дикштейн вышел в холл и по-

звонил Коэну. До этого, как было условлено, Коэн под каким-то предлогом позвонит капитану. И теперь он сообщил Дикштейну то, что ему удалось узнать: все, кроме двух офицеров, решили воспользоваться предложенными билетами. Исключение составили сам капитан, который был занят бумажной волокитой, и радист – новенький, которого взяли на борт в Кардиффе, когда Ларс поломал себе ногу; у него небольшой насморк.

Затем Дикштейн набрал номер телефона клуба, в котором сам находился. Он хотел бы поговорить с мистером Сарном, который, насколько он предполагает, должен находиться где-то около стойки. Дожидаясь ответа, он слышал, как бармен выкрикнул имя Сарна, и оно доносилось до него с двух сторон: одно прямо из помещения бара, а другое, пройдя несколько миль по телефонной линии, из трубки. Наконец он услышал в ней голос:

– Да? Алло? Это Сарн. Кто здесь? Алло?

Повесив трубку, Дикштейн незамедлительно вернулся в бар, не спуская глаз с того места, где стоял телефонный аппарат на стойке. Женщина в черном платье говорила с высоким загорелым блондином лет тридцати с небольшим, которого Дикштейн видел днем на пристани. Значит, это и есть Сарн.

Женщина улыбнулась своему собеседнику. Она одарила его очаровательной улыбкой, которая не может не воздействовать на любого мужчину; она была теплой и мно-

гобещающей, демонстрирующей ровные белоснежные зубы, и сопровождалась влажным мерцанием полужакранных глаз, полных неприкрытой страсти – даже в голову не могло придти, что этот взгляд тысячу раз отрепетирован перед зеркалом.

Дикштейн наблюдал за происходящим, и сам очарованный этой игрой. Он имел очень смутное представление, как срабатывают такие штуки, как мужчины подцепляют женщин, а женщины – мужчин, и он еще меньше понимал, каким образом женщина может подцепить мужчину, в то же время создавая у него впечатление, что это он выбирает ее.

Похоже было, что и Сарн не лишен обаятельности. Он ответил ей такой же улыбкой, в которой было что-то мальчишеское, после чего помолодел лет на десять. Он что-то сказал ей, на что она опять улыбнулась. Он замялся, как мужчина, который хочет еще что-то сказать, но не может придумать тему для разговора; и тут, к ужасу Дикштейна, он повернулся, словно собираясь отойти от своей собеседницы.

Но женщина знала свое дело: Дикштейн мог не беспокоиться. Она коснулась рукава блейзера Сарна, и тот повернулся к ней. В ее руке внезапно появилась сигарета. Сарн хлопал себя по карманам в поисках спичек. Видно было, что он не курит. Дикштейн застонал про себя. Женщина вынула зажигалку из вечерней сумочки, лежащей перед ней на стойке, и протянула ему. Он дал ей прикурить.

Дикштейн не мог ни отойти, ни наблюдать за происходя-

щим с расстояния; он с трудом приходил в себя от нервного потрясения. Он должен слышать, о чем они беседуют. Протолкавшись поближе, он остановился за спиной Сарна, который разговаривал с женщиной. Дикштейн заказал еще пива.

Дикштейн знал, что у женщины может быть теплый и зовущий голос, но сейчас она пустила в ход все его обертона. У некоторых женщин порочные глаза, а у нее голос.

– Такие штуки вечно случаются со мной, – говорил Сарн.

– Вы имеете в виду телефонный звонок? – спросила женщина.

Сарн кивнул.

– Это все женщины. Терпеть не могу женщин. Всю жизнь они причиняли мне боль и страдания. Прямо хоть становись гомосексуалистом.

Дикштейн удивился. Что он говорит? Что он имеет в виду? Неужели он хочет таким образом от нее отделаться?

– Поэтому вы и не обзавелись одной женщиной?

– Из меня не получается любовника.

– Станьте монахом.

– Видите ли, у меня другая проблема, у меня просто ненасытный сексуальный аппетит. Мне нужна женщина несколько раз за ночь. И это довольно серьезная проблема для меня. Не хотите ли еще выпить?

Ага. У него просто такая линия трепа. Как, интересно, он дальше будет выкручиваться? Дикштейн предположил, что моряк нередко пускал в ход этот прием, доводя его до уровня

искусства.

Так оно и случилось. Дикштейн искренне восхищался мастерством, с которым женщина водила Сарна за нос, все время создавая у него впечатление, что именно он ведет игру. Она сообщила ему, что остановилась в Антверпене на ночь, и намекнула, что у нее хороший номер в отличном отеле. Вскоре он уже предложил ей выпить шампанского, но тот сорт, что подавался в этом клубе, был очень низкого качества, он не идет ни в какое сравнение с тем, что можно найти в каком-нибудь другом месте; скажем, в гостинице, да, например, в ее отеле.

Они покинули бар, когда началось представление. Дикштейн был доволен: пока все идет, как по маслу. Минут десять понаблюдав за девицами, вскидывающими ножки, он тоже вышел.

Взяв такси до гостиницы, он поднялся в свой номер, где застыл у дверей, которые вели в соседние апартаменты. Он слышал, как возбужденно хихикала женщина и что-то тихо говорил Сарн.

Сев на кровать и натянув респиратор. Дикштейн проверил баллончик с газом. Быстро повернув назад и вперед клапан, он уловил резкий запах, пробившийся сквозь маску на лице. На него он не оказал никакого воздействия. Он прикинул, сколько нужно сделать вдохов прежде, чем газ окажет свое воздействие. У него не было времени как следует опробовать эту штуку.

Звуки из соседней комнаты стали громче, и Дикштейн почувствовал некоторое смущение. Интересно, какой уровень сознательности проявит Сарн. Захочет ли он вернуться на судно, когда кончит возиться с женщиной? Это внесет определенные сложности. Может, даже с ним придется сцепиться в коридоре отеля – и рискованно, и непрофессионально.

Дикштейн ждал, испытывая напряжение, смущение и тревогу. Женщина знала свое дело. Она знала, что Дикштейн ждет, чтобы Сарн провалился в сон после любовных утех, и изо всех сил старалась утомить его. Казалось, это будет длиться вечно.

Лишь после двух часов она постучала в соседнюю дверь. Как они договорились: три медленных удара означают, что он уснул, шесть быстрых – он уходит.

Она медленно постучала три раза.

Дикштейн открыл двери. Держа газовый баллончик в одной руке, а маску – в другой, он бесшумно вошел в комнату.

Сарн, обнаженный, лежал на спине, его белокурые волосы спутались, рот широко открыт, а глаза закрыты. У него было стройное мускулистое тело. Подойдя поближе, Дикштейн прислушался к его дыханию. Набрав в грудь воздуха, он выпустил его – и как раз перед тем, как он собирался снова втягивать в себя воздух, Дикштейн повернул клапан и прижал маску к носу и рту спящего моряка.

Сарн широко открыл глаза. Дикштейн плотнее прижал маску. Сарн сделал короткий вдох; в глазах у него мелькнуло

непонимающее выражение. Вдох перешел в хрип, Сарн дернул головой, пытаясь ослабить хватку Дикштейна, и начал ерзать. Дикштейн надавил локтем на грудь, думая: ради Бога, поскорее бы!

Сарн выдохнул. Растерянность в его глазах сменилась паническим ужасом. Он снова втянул в себя воздух, как бы собираясь с силами. Дикштейн подумал было, что придется звать на помощь женщину, чтобы уложить его. Но очередной вдох достиг цели: сопротивление ослабло, ресницы дрогнули и опустились, и когда Сарн выдохнул второй раз, он уже спал.

Все это заняло примерно три секунды. Дикштейн расслабился. Сарн, скорее всего, ничего не будет помнить. Он подбавил для надежности подачу газа, а потом встал.

Он посмотрел на женщину. На ней были чулки, туфли, пояс и больше ничего. Выглядела она восхитительно. Перехватив его взгляд, она развела руки, предлагая себя – к вашим услугам, сэ. Дикштейн покачал головой со смущенной улыбкой, которая лишь частично была искренней.

Сев в кресло рядом с кроватью, он понаблюдал, как она одевается: узенькие трусики, изящный лифчик, платье, украшения, плащ, сумочка. Она подошла к нему, и он вручил ей восемь тысяч голландских гульденов. Поцеловав его в щеку, она отпустила поцелуй банкнотам. Не произнеся ни слова, удалилась.

Дикштейн подошел к окну. Через несколько минут он

увидел фары ее спортивной машины, когда она проехала мимо отеля, направляясь в Амстердам.

Он снова сел и стал ждать. Его клонило ко сну. Перейдя в соседний номер, он заказал кофе.

Утром позвонил Коэн сказать, что первый помощник просто обыскался по всем барам, борделям и забегаловкам Антверпена в поисках своего механика.

В половине первого Коэн позвонил снова. Капитан, связался с ним сообщить, что погрузка закончена, но он остался без главного механика.

– Капитан, – ответил ему Коэн, – считайте, что сегодня вам крупно повезло.

Через два часа Коэн сообщил, что видел, как Дитер Кох поднимался по трапу «Копарелли» с рюкзаком за плечами.

Как только Дикштейн увидел, что Сарн проявляет желание проснуться, он подбавил очередную порцию газа. Последней дозой он снабдил его в шесть вечера, когда, уплатив по счету за два номера, покинул отель.

Когда Сарн наконец пришел в себя, он увидел, что женщина, с которой он был в постели, исчезла, даже не попрощавшись. Кроме того, он обнаружил, что жутко, просто чудовищно проголодался.

Приводя утром себя в порядок, он выяснил, что проспал не ночь, как ему казалось, а две ночи и день, который их разделял.

Где-то в подсознании у него гнездилась настойчивая

мысль, что он забыл что-то важное, но он так никогда и не узнал, что случилось с ним в течение тех суток, которые выпали у него из памяти.

А тем временем, в воскресенье 17 ноября 1968 года, «Копарелли» вышел в рейс.

Глава четырнадцатая

Вот что она должна сделать – позвонить в израильское посольство и оставить послание для Ната Дикштейна.

Эта мысль пришла Сузи в голову через час после того, как она пообещала отцу, что поможет Хассану. У нее всегда была наготове дорожная сумка, и она сразу же схватилась за телефон в своей спальне, чтобы узнать в справочном номер посольства. Но вошел отец и спросил, кому она звонит. Она ответила, что в аэропорт, услышав в ответ, что он уже обо всем позаботился.

Затем она постоянно искала возможность тайным образом позвонить, но никак не удавалось. Хассан не оставлял ее ни на минуту. Они отправились в аэропорт, сели на самолет, в аэропорту Кеннеди пересели на другой рейс, добрались до Буффало и поехали напрямиком в дом к Кортоне.

Во время путешествия она молча проклинала Хассана. Он постоянно, с хвастливым видом, многозначительно намекал о своей работе на федаинов; масляно улыбаясь, клал ей руку на колено; он давал понять, что они с Эйлой были больше, чем друзья, и что он хотел бы быть больше, чем другом, для Сузи. Она втолковывала ему, что Палестина не будет свободной, пока не обретут свободу ее женщины, и что арабские мужчины должны, наконец, понять разницу между мужественностью и свинством. Это, наконец, заставило его

заткнуться.

Некоторые хлопоты им доставили поиски адреса Кортоне – Сузи надеялась, что у них ничего не получится – но, в конце концов, они нашли водителя такси, который знал этот дом. Сузи вылезла из машины, а Хассан остался ждать ее в полумиле внизу по дороге.

Дом был огромен и окружен высокой стеной, с охраной у ворот. Сузи сказала, что она хочет видеть Кортоне и что она друг Ната Дикштейна.

Она немало передумала относительно того, что ей говорить Кортоне: сказать ли ему всю правду или только часть ее? Предположим, он знает или может выяснить, где находится Дикштейн, но чего ради он будет ей говорить об этом? Она может сказать, что Дикштейну угрожает опасность, она должна разыскать его и предупредить. Почему Кортоне должен ей поверить? Она может, конечно, пококетничать с ним – она знала, как вести себя с мужчинами в его возрасте – но это не устранит его подозрительности.

Она хотела изложить Кортоне картину во всей полноте: она ищет Ната, чтобы предупредить его, но в то же время ее используют его враги, чтобы выйти на него, что в полумиле внизу по дороге в такси ее поджидает Хассан. Но в таком случае он уж точно ей ничего не скажет.

Ей было очень трудно думать о сложившейся ситуации: так много в ней было лжи и двойных обманов. И она ужасно хотела увидеть Натаниеля воочию и поговорить с ним.

Она так и не решила, что ей говорить, когда охранник распахнул перед ней ворота, а потом проводил по гравийной дорожке вплоть до дома. Это было прекрасное место, но красота его была слишком изобильна, словно декоратор лез из кожи вон, стараясь удовлетворить непритязательные вкусы хозяина, привыкшего к дешёвке. Слуга провел ее наверх, сказав, что мистер Кортоне вкушает второй завтрак в своей спальне.

Когда она вошла, Кортоне сидел за маленьким столиком, поглощая яйцо всмятку с гарниром. Он был толст и почти лыс. Сузи не помнила его в Оксфорде, но, должно быть, в то время он выглядел совершенно по-другому.

Бросив на нее взгляд, он вскочил с выражением ужаса на лице и вскрикнул: «Вы должны быть куда старше!», после чего, поперхнувшись, натужно закашлялся.

Слуга было сразу же схватил Сузи сзади, больно сжав ей руки, а потом, кинувшись к Кортоне, стал колотить его по спине.

– Что вы с собой сделали? – выдавил он. – Что вы с собой сделали, ради Бога?

Как ни странно, эта фарсовая сцена помогла ей успокоиться и придти в себя. Вряд ли ее испугает мужчина, которого она сама смогла так перепугать. С уверенным и раскованным видом она села за столик и налила себе кофе. Когда Кортоне перестал кашлять, она спокойно заявила:

– То была моя мать.

– Боже мой, – выдавил Кортоне. Оправившись, наконец, он отослал слугу и сел. – Вы так похожи на нее, что, черт побери, напугали меня до полусмерти. – Он закатил глаза, вспоминая. – Вам было года четыре или пять в... м-м-м... году 1947-м?

– Совершенно верно.

– Черт, а я ведь помню, у вас еще была ленточка в волосах. А теперь вы с Натом в одном и том же деле.

– Значит, он здесь.

Сердце у нее подпрыгнуло от радости.

– Может быть, – сказал Кортоне. Его дружелюбие тут же исчезло. Она поняла, что манипулировать им будет непросто.

– Я хотела бы узнать, где он.

– А я хотел бы узнать, кто послал вас сюда.

– Никто меня не посылал. – Сузи собралась с мыслями, приложив все усилия, чтобы не выдать свое напряжение. – Я предположила, что он должен обратиться к вам за помощью... в том проекте, над которым он сейчас работает. Дело в том, что арабы знают о нем, и они убьют его, а я должна предупредить его... Пожалуйста, если вы знаете, где он, прошу вас, помогите.

Она едва удерживала слезы, но Кортоне оставался недвижим.

– Помочь вам куда как просто. Поверить вам куда сложнее. – Он снял обертку с сигары и раскурил ее, чтобы потя-

нуть время. Сузи наблюдала за ним с нетерпением. – Понимаете ли, были времена, когда стоило только мне увидеть то, что хотелось, как я хватал это и тащил к себе. Теперь это не так просто. Теперь я познакомился со всеми сложностями. Мне приходится делать выбор, и далеко не всегда он отвечает моим желаниям. И я не уверен, так ли обстоят дела на самом деле или мне только кажется. – Повернувшись, он внимательно посмотрел на нее. – Я обязан Дикштейну жизнью. А теперь мне представился шанс спасти его жизнь, если вы говорите правду. Это долг чести. Я обязан уплатить его сам лично. Так что я должен делать?

Сузи затаила дыхание.

– Нат обитает сейчас в старом разрушенном доме на берегу Средиземного моря. Сущие развалины, там никто не жил годами, так что теперь там нет телефона. Я мог бы послать ему телеграмму, но не уверен, что она дойдет до него, и, как говорил, я должен это сделать лично.

Он пыхнул сигарой.

– Я мог бы сказать вам, где его найти, но вы можете передать информацию не в те руки. Я не могу позволить себе такой риск.

– Так что теперь? – сдавленным голосом спросила Сузи. – Мы должны помочь ему!

– Знаю, – невозмутимо сказал Кортоне. – Так что я сам туда отправлюсь.

– О! – Сузи была поражена: такую возможность она не

могла себе представить.

– Так что же с вами делать? – продолжил он. – Я не собираюсь сообщать направление моей поездки, но за вами могут быть люди, которые проследят меня. Нужно, чтобы отныне вы держались рядом со мной. Давайте говорить откровенно – не исключено, что вы можете играть на обе стороны. Так что я беру вас с собой.

Она не сводила с него глаз. Напряжение стремительно покидало ее, и она обмякла в кресле.

– О, благодарю вас, – произнесла она. И только тут позволила себе заплакать.

Летели они первым классом, которым Кортоне всегда предпочитал пользоваться. После обеда Сузи, оставив его, направилась в туалет. Сквозь щель занавески она глянула на салон экономического класса, питая тщетные надежды, но была разочарована: Хассан смотрел на нее поверх ряда кресел.

Заглянув на маленькую кухню, она конфиденциально переговорила со старшим стюардом. У нее возникла некая проблема, сказала она. Она хотела бы переговорить со своим приятелем, но ее не отпускает от себя итальянский папаша, который вообще хотел бы, чтобы она до двадцати одного года носила пояс невинности. Может ли он из аэропорта позвонить в израильское консульство в Риме и оставить послание для Ната Дикштейна? Просто передать, что, мол, Хассан все

мне рассказал и мы с ним направляемся к тебе. Она дала ему деньги для телефонного звонка, которых было значительно больше, чем требовалось, но они сыграли роль своеобразной взятки. Он записал текст и обещал все сделать.

Она вернулась к Кортоне. Плохие новости, сказала она. Один из арабов сидит в экономическом салоне. Он, должно быть, следит за ними.

Выругавшись, Кортоне сказал, чтобы она не беспокоилась, попозже об этом человеке позаботятся.

«О, Господи, что же я делаю?» – подумала Сузи.

Из большого дома на вершине холма Дикштейн зигзагообразной тропой, вырубленной в скалах, спустился на пляж. Уворачиваясь от брызг прибоя, он прыгнул в кокпит дождавшейся его моторной лодки и кивнул человеку за штурвалом.

Взревел двигатель, и катер, разрезая волны, двинулся в открытое море. Солнце почти село. Догорали его последние лучи, и скоро в разрывах облаков, нависающих на горизонте, будут видны звезды. Дикштейн погрузился в глубокое раздумье, припоминая все, что он еще не сделал, предосторожности, которые ему предстояло предпринять, и прорехи, которые надо успеть закрыть. Он снова и снова продумывал свой план, словно человек, который выучил наизусть важную речь, но хочет, чтобы она звучала еще лучше.

Над головой навис высокий борт «Штромберга», и руле-

вой повел маленькое суденышко вдоль него до того места, где, почти касаясь воды, висела веревочная лестница. Дикштейн вскарабкался по ней на палубу.

Шкипер пожал ему руку и представился. Как и вся команда на борту, он служил в израильском военно-морском флоте.

Они двинулись по палубе.

– Есть проблемы, капитан? – спросил Дикштейн.

– Судно далеко не лучшее, – ответил он. – Оно медленное, старое и неуклюжее. Но мы постарались привести его в подобающее состояние.

В сумерках Дикштейн успел заметить, что сейчас «Штротберг» выглядит куда лучше, чем его близнец «Копарелли», когда последний швартовался в Антверпене. Палуба и надстройки были выдраены, все лишнее убрано по местам, и теперь он куда больше напоминал корабль.

Они поднялись на мостик, где осмотрели радиорубку, а потом спустились в кают-компанию, где команда кончала обедать. Не в пример офицерам, все ее члены были агентами Моссада, большая часть которых не имела опыта морских плаваний. Кое с кем из них Дикштейну доводилось работать раньше. Все они были, как он заметил, лет на десять моложе его: крепко сбитые ясноглазые ребята, одетые в разнообразные джинсы и свитера ручной вязки; команда была надежная, веселая и хорошо подготовленная.

Взяв чашку кофе, Дикштейн присел за одним из столи-

ков. Он был значительно старше всех их по званию, но в израильской армии, и тем более Моссаде, чиновничество не в чести. Четверо за столиком кивнули ему и поздоровались. Иш, мрачноватый уроженец Палестины, крупный и мускулистый, заметил:

– Погода меняется.

– Да брось ты. Я собираюсь загореть в этом круизе, – отозвался стройный, со светлыми пепельными волосами уроженец Нью-Йорка по фамилии Фейнберг, с обманчиво красивым лицом и ресницами такой длины, что ему завидовали женщины.

Называть дело, в котором они участвовали, «круизом», стало привычной шуткой. В кратком разговоре, состоявшемся сегодня днем, Дикштейн сказал, что «Копарелли» будет почти пуст, когда они захватят его.

– Вскоре после того, как он минет Гибралтар, – объяснил он, – сломается двигатель. Поломка будет такого масштаба, что в море отремонтировать ее не удастся. Капитан телеграфирует владельцу о происшествии – а владельцами являемся мы. По счастливой случайности, неподалеку будет другое наше судно, «Джил Гамильтон», которое сейчас болтается в заливе. Оно подойдет к «Копарелли» и снимет с него всю команду, за исключением инженера. Затем, после того, как дойдет до ближайшего порта и спустит команду на берег, оплатив ей проезд до дома, оно исчезнет со сцены.

Им был предоставлен целый день, чтобы обдумать ин-

структаж, и Дикштейн предполагал услышать вопросы. И наконец Леви Аббас, невысокий ширококостный парень – «сложен как танк и столь же обаятелен», как говорил Фейнберг, спросил:

– Вы не рассказали нам, каким образом «Копарелли» поломается именно в тот момент, когда это будет нужно.

– Ах, да, – Дикштейн отпил глоток кофе, – Вы знаете Дитера Коха из военно-морской разведки?

Знал его Фейнберг.

– Он главный механик на «Копарелли».

Аббас кивнул.

– Значит, мы сможем отремонтировать «Копарелли». Он будет в курсе, что там поломалось.

– Верно.

Аббас продолжил:

– Мы закрасим название «Копарелли» и напишем сверху «Штроберг», открыв кингстоны, пустим старину «Штроберга» ко дну, а на «Копарелли», которое теперь будет иметь другое название, двинем с грузом в Хайфу. Но почему бы просто не перевалить груз с одного на другое судно прямо в море. У нас же есть краны.

– Такова была и моя первоначальная идея, – сказал Дикштейн. – Но оказалось, что она слишком рискованная. Я не могу гарантировать, что операция пройдет гладко, особенно при плохой погоде.

– Если она продержится, можем все равно попробовать.

– Да, но, поскольку у нас имеются суда-близнецы, проще переименовать одно из них, чем переваливать груз.

– Тем более, – мрачно добавил Иш, – что хорошая погода и не продержится.

Четвертым за столом сидел Поруш, с прической ежиком и грудью, как бочка эля, женатый на сестре Аббаса.

– Если предполагается, – спросил он, – что все пройдет так легко, так что тут на борту делает наша отборная команда?

– Последние полгода, – объяснил Дикштейн, – я мотался по всему миру, организовывая эту операцию. Пару раз я наткнулся на публику с другой стороны – чисто случайно. Не думаю, что они знают наши замыслы... но в таком случае нам придется им доказать, что мы на самом деле крутые ребята.

С листом бумаги в руке вошел один из офицеров и обратился к Дикштейну.

– Сообщение из Тель-Авива, сэр. «Копарелли» только что прошел Гибралтар.

– Ясно, – сказал Дикштейн, вставая. – Мы отходим утром.

Сузи Эшфорд и Ал Кортоне, пересев в Риме на другой рейс, прибыли на Сицилию рано утром. Двое из братьев Кортоне уже были в аэропорту, встречая его. Между ними состоялся долгий спор; в нем не было озлобленности, но все же он был громок и возбужден. Сузи не могла следить за тирадами на местном диалекте, но суть уловила: братья хотели со-

проводить Кортоне, а он настаивал, что должен отправиться один, поскольку на нем лежит долг чести.

Похоже, спор остался за Кортоне. Они покинули аэропорт, разместившись вдвоем в большом белом «Фиате». Сузи сидела за рулем. Кортоне показывал ей направление по прибрежной дороге. В сотый раз она прокрутила в воображении сцену встречи с Натаниелем: она видит его худую угловатую фигуру, он поднимает глаза; он узнает ее, и его лицо озаряется радостной улыбкой; она кидается к нему; они обнимаются; он с такой силой прижимает ее к себе, что у нее болят кости; она говорит: «Ох, как я люблю тебя», – и целует его в щеку, в нос, в губы... Но ее не покидало чувство вины и испуга, и в воображении куда чаще вставала другая сцена, когда он смотрел на нее с каменным лицом и говорил: «Интересно, какого черта ты тут делаешь?»

Это напоминало ей историю времен детства, когда она плохо вела себя на Рождество, а мать разгневалась и сказала Сузи, что Санта-Клаус положит ей в сапожок, приготовленный для подарков, камни вместо печений и игрушек. Она не знала, верить ли словам матери или нет, и долго лежала без сна, одновременно и боясь утра и желая его.

Она искоса посмотрела на Кортоне, сидящего рядом с ней. Трансатлантический перелет утомил его. Сузи было трудно воспринимать его человеком того же возраста, что и Нат, он был так толст и лыс, и... он бодрился, что могло бы показаться смешным, если бы не говорило, что он не может спра-

виться с грузом лет.

Когда встало солнце, остров предстал во всей красе. Сузи поглядывала на окружающий пейзаж, стараясь отвлечься, чтобы время летело быстрее. Дорога вилась вдоль берега от городка к городку, и с правой стороны виднелись скалистые пляжи и искрилась гладь Средиземного моря.

Кортоне закурил сигару.

– Я не раз откалывал такие штуки, когда был молод, – сказал он. – На самолет – и отправиться куда-то с хорошенькой девушкой, шляться, где придется, разглядывать места. Но увы... Похоже, я прочно засел в Буффало. Так вот вечно с делами – становишься богатым, но всегда есть, о чем сожалеть. И ты уже ничего не видишь, никуда не едешь, а к тебе приходят и все приносят. Становишься слишком ленивым, чтобы получать удовольствие от жизни.

– Это был ваш выбор, – сказала Сузи. Она испытывала симпатию к Кортоне, хотя старалась особо не показывать ее: каковы бы ни были несправедливые цели этого человека, он трудно и тяжело работал всю жизнь.

– Да, мой выбор, – признал Кортоне. – Молодежь не знает жалости. – Он как-то странно криво усмехнулся и затянулся сигарой.

В третий раз Сузи заметила все ту же синюю машину в зеркале заднего вида.

– За нами следят, – сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно и сдержанно.

– Тот араб?

– Должно быть. – Она не видела лица водителя за ветровым стеклом. – Что будем делать? Вы сказали, что им займутся.

– Что я и сделаю.

Он замолчал. Ожидая еще каких-то слов, Сузи искоса поглядывала на него. Он заряжал обойму пистолета пулями с черно-коричневыми гильзами. У нее перехватило дыхание: она еще никогда в жизни не видела настоящего пистолета.

Кортоне посмотрел на нее, а потом перевел взгляд на дорогу.

– Господи, да следите же за этой чертовой дорогой!

Нажав на тормоз, она едва успела вписаться в поворот.

– Откуда у вас эта штука? – спросила она.

– От моего брата.

Сузи все отчетливее ощущала, что оказалась в атмосфере какого-то кошмара. Она уже не спала в постели четыре дня. С того момента, когда услышала, как ее отец спокойно обсуждает будущее убийство Натаниеля, она была в непрерывном движении: убегая от ужасной правды, открывшейся ей относительно Хассана и ее отца, она стремилась попасть в безопасность надежных рук Дикштейна; но, как и полагается в кошмарах, чем быстрее она бежала к цели, тем стремительнее та отдалялась.

– Почему вы не говорите, куда мы едем? – спросила она у Кортоне.

– Теперь, наверно, я могу сказать. Нат попросил меня найти ему дом, где он может бросить якорь, и чтобы туда не сошла нос полиция. Вот в этот дом мы и направляемся.

У Сузи забилося сердце.

– Далеко он?

– Еще пару миль.

Через минуту Кортоне бросил:

– Успеем, не гони, не стоит гробиться у цели.

Она поняла, что бессознательно вжимала акселератор до отказа. Она сбросила скорость, но не могла справиться со стремительным бегом мыслей. Еще несколько минут – и она увидит его, коснется его лица, поцелует его в знак приветствия, почувствует его руки на своих плечах...

– Тут направо.

Она миновала открытые ворота и по короткой гравийной дорожке, поросшей сорняками, подъехала к большой полуразрушенной вилле из белого камня. Остановившись перед портиком с колоннами, она застыла в ожидании, что сейчас навстречу ей выбежит Натаниель.

Но в этой половине дома не было никаких следов жизни.

Они вылезли из машины и по выщербленным ступеням поднялись к центральному входу. Высокая деревянная дверь была прикрыта, но не заперта. Сузи открыла ее, и они вошли.

Перед ними открылся большой холл с мраморным полом в выбоинах. Потолок провис, а стены покрылись пятнами плесени. В центре холла на полу лежал большой канделябр,

напоминая очертаниями рухнувшего орла.

– Эй, есть кто-нибудь? – крикнул Кортоне.

Никто не ответил.

Это большой дом, подумала Сузи, он должен быть где-то здесь, он просто не слышит, может быть, он в саду.

Они миновали холл, обогнув канделябр. В пустой гостиной гулко отдавались их шаги, и через высокую французскую дверь они вышли на зады дома.

Небольшой садик тянулся вплоть до гребня скалы. Пройдя его, они увидели врезанную в камень длинную лестницу, которая зигзагами спускалась до самого моря.

Никого не было видно.

Его нет тут, подумала Сузи – на этот раз Санта-Клаус в самом деле положил мне камень.

– Смотри, – Кортоне ткнул в сторону моря толстым пальцем.

Присмотревшись, Сузи увидела два судна: корабль и моторный катер. Последний быстро приближался к ним, прыгая по волнам и разрезая воду острым форштевнем; в кокпите виднелись очертания только одного человека. Судно же выходило из заливчика, разводя широкую волну.

– Похоже, мы с ними разминулись, – сказал Кортоне.

Сузи побежала вниз по ступенькам, отчаянно крича и размахивая руками; она старалась привлечь внимание людей на судне, но понимала, что это уже невозможно, слишком далеко оно отошло от берега. Поскользнувшись, она тяжело упа-

ла ничком и заплакала.

Кортоне подбежал к ней, его грузное тело колыхалось, когда он перескакивал со ступеньки на ступеньку. Он поднял ее на ноги.

– Катер, – с отчаянием сказала она. – Может, мы успеем на катере догнать их...

– Бессмысленно. Когда подойдет катер, судно будет уже слишком далеко, а скорость у него больше, чем у катера.

Он помог ей подняться наверх. Она успела сбегать почти до самого низа, и обратный подъем заметно утомил его. Сузи почти не обращала на него внимания: отчаяние переполняло ее.

В голове у нее была полная пустота, когда они поднялись по склону садика и вошли в дом.

– Давайте-ка присядем, – предложил Кортоне, когда они оказались в гостиной.

Сузи посмотрела на него. Он тяжело дышал, его лицо посерело и покрылось испариной. Внезапно она поняла, что его обмякшее тело подвергалось непосильным испытаниям. На мгновение она забыла свое ужасное разочарование.

– Это все лестница, – виновато сказала она. Они вошли в полуразрушенный холл. Она подвела Кортоне к широкому изгибу лестницы и усадила его на вторую ступеньку. Он грузно опустился, закрыл глаза и прислонился головой к стенке.

– Послушай, – сказал он, – ты можешь связаться с судном... или послать радиограмму... мы еще можем попробо-

вать выйти на него...

– Посидите тихонько минутку. И помолчите пока.

– Обратись к моим братьям... кто это там?

Сузи резко повернулась. Звякнули подвески канделябра, и теперь она увидела причину этого звука.

Через холл к ним шел Ясиф Хассан.

Вдруг, сделав над собой усилие, Кортоне поднялся.

Хассан остановился.

Кортоне дышал тяжело и с хрипом. Он запустил руку в карман.

– Нет... – испугалась Сузи.

Кортоне вытащил пистолет.

Хассан, оцепенев, застыл на месте.

Сузи вскрикнула. Кортоне запнулся, пошатнувшись, пистолет в его руке вскинулся в воздух.

Кортоне стиснул спусковой крючок. Раздались два оглушительных выстрела, следующих один за другим. Пули ушли в сторону. Кортоне с мертвенно-бледным лицом опустился навзничь. Пистолет выпал из его разжавшихся пальцев, звякнув о мрамор пола.

Ясиф Хассан пришел в себя.

Сузи опустилась на колени рядом с Кортоне.

Он открыл глаза.

– Слушай... – хрипло прошептал он.

– Оставь его в покое, – сказал Хассан.

Сузи повернулась лицом к нему и изо всех сил заорала:

– Да пошел ты! – Затем она снова склонилась к Кортоне.

– Я убил кучу народу, – прошептал он. Сузи приникла к его губам, чтобы слышать. – Одиннадцать человек я убил своими руками... я соблазнял женщин... – голос прервался, глаза закрылись, и он сделал отчаянное усилие, чтобы снова заговорить. – Всю свою проклятую жизнь я был грабителем и преступником. Но сейчас я умираю ради своего друга, верно? И это зачтется мне, не так ли?

– Да, – сказала она. – Это, конечно же, зачтется.

– О'кей, – прошептал он. И умер.

Сузи никогда не видела, как умирают люди. Это ужасно. Внезапно рядом с ней никого не осталось, только недвижимое тело: человек как таковой исчез. Она подумала: ничего удивительного, что смерть выжимает из нас слезы. Она почувствовала, что ее собственное лицо залито слезами. А ведь до последней минуты я не испытывала к нему симпатии, подумала она.

– Ты отлично сработала, – похвалил ее Хассан. – а сейчас давай выбираться отсюда.

Сузи не поняла его. «Я отлично сработала?» – подумала она. И наконец она все осознала. Хассан не знает, что она сказала Кортоне – за ними следит араб. И пока Хассан убежден, что она делает только то, что он и хотел от нее: она привела его сюда. И теперь ей придется продолжать игру, создавая впечатление, что она на его стороне, пока ей не удастся найти Ната.

Я больше не могу врать и обманывать, больше не могу, это не под силу мне, я слишком устала, думала она.

И затем, ты можешь позвонить на судно или, в крайнем случае, послать радиogramму, как сказал Кортоне.

Она должна предупредить Ната.

О, Господи, когда же я смогу выспаться?

Она встала.

– Так чего же мы ждем?

Они миновали высокий древний портик.

– Возьмем мою машину, – сказал Хассан.

Не сбежать ли от него, подумала она, но это глупая мысль. Скоро она и так от него избавится. Ведь она сделала все, что он от нее просил, не так ли? И теперь он отпустит ее домой. Она села в машину.

– Подождите-ка, – остановил ее Хассан. Вернувшись к машине Кортоне, он вынул ключи и забросил их в кусты, после чего подсел к ней. – Так что человек в катере не сможет последовать за нами, – объяснил он.

Когда они снялись с места, Хассан холодно сказал:

– Меня разочаровало ваше отношение. Этот человек помогал нашим врагам. И когда враг умирает, надо радоваться, а не плакать.

Она закрыла глаза рукой.

– Он помогал своему другу.

Хассан потрепал ее по коленке.

– Вы отлично сработали, и мне не стоит критиковать вас.

Мы получили всю информацию, которая мне нужна.

Она посмотрела на него.

– Неужто?

– Конечно. Большое судно, которое мы с вами видели, – это «Штроберг». Я знаю, когда оно отошло, знаю его скорость, так что могу вычислить время, когда оно может встретиться с «Копарелли». А мои люди окажутся в этой точке на день раньше. – Он снова потрепал ее по колену, но на этот раз рука его осталась у нее на бедре.

– Не прикасайтесь ко мне, – сказала она.

Он убрал руку.

Закрыв глаза, она попыталась сосредоточиться. В силу своих действий она оказалась в самом худшем положении из всех мыслимых: она привела Хассана на Сицилию, но ей не удалось предупредить Ната. Она должна найти способ, как послать радиogramму на судно, и сделать это в ту же минуту, как расстанется с Хассаном. Пока у нее оставалась только одна возможность – тот стюард с самолета, который обещал позвонить в израильское консульство в Риме.

– О, Господи, – вырвалось у нее, – как я буду рада вернуться в Оксфорд.

– В Оксфорд? – Хассан рассмеялся. – Пока об этом позабудьте. Вы останетесь со мной до окончания операции.

Господи, в ужасе подумала она, этого я не вынесу.

– Но я так устала, – сказала она.

– Скоро мы отдохнем. Я не могу позволить вам уехать.

По соображениям безопасности, вы сами должны понимать. Во всяком случае, вы не покинете нас, пока не увидите труп Ната Дикштейна.

В аэропорту у стойки компании «Алиталия» к Ясифу Хассану подошли три человека. У двоих помоложе был бандитский вид, а у третьего, которому было лет под пятьдесят, высокого, были резкие сухие черты лица.

Постарше и обратился к Хассану.

– Ты, проклятый болван, ты заслуживаешь, чтобы тебя расстреляли.

Хассан поднял глаза, и Сузи увидела в них откровенный ужас, когда тот выдавил из себя:

– Ростов!

Боже, что теперь? – мелькнуло в голове.

Ростов перехватил руку Хассана. На мгновение показалось, что Хассан собирается сопротивляться. Двое бандитов подошли к нему. Сузи с Хассаном прикрыли от посторонних взглядов. Ростов отвел Хассана от билетной стойки; один из головорезов взял Сузи за руку, и они последовали за этой парой.

Все оказались в тихом уголке аэропорта. Чувствовалось, что Ростов кипит от ярости, но говорил он тихо и спокойно.

– Ты мог пустить ко дну всю операцию, не опоздай на несколько минут.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – с отчаянием промямлил Хассан.

– Ты думаешь, я не знаю, чего ради ты болтался по свету в поисках Дикштейна? Ты думаешь, я не следил за тобой, как за любым другим таким же идиотом-имбецилом. Как только ты оставил Каир, я каждый час получал информацию о твоих передвижениях. И с чего ты взял, что ей можно доверять? – Он ткнул пальцем в сторону Сузи.

– Она и привела меня на место.

– Да, но все равно ты о ней ничего не знаешь.

Сузи стояла на месте, оцепенев, молчаливая и перепуганная. Она потеряла всякую способность к сопротивлению. Все эти сменяющие друг друга потрясения этого утра – потеря Ната, смерть Кортоне, а теперь вот и это – парализовали ее ум. Она и без того была на пределе сил, когда обманывала Хассана и рассказала Кортоне правду, которую Хассан принял за обман итальянца. А теперь перед ней Ростов, которому Хассан сам врал, и она никак не могла собраться с мыслями, что говорить Ростову – выдать ли ему правду или другую ложь.

– Как вы здесь оказались? – спросил Хассан.

– На «Карле», конечно же. Мы были всего в сорока или пятидесяти милях от Сицилии, когда я получил известие, что и ты там оказался. Кроме того, я получил разрешение из Каира отдать приказ, чтобы ты немедленно же отправлялся туда, ни на что не отвлекаясь.

– И все же я считаю, что поступил правильно, – сказал Хассан.

– Пошел вон с глаз моих.

Хассан двинулся. Сузи было последовала за ним, но Ростов остановил ее:

– Не вы. – Взяв ее за руку, он двинулся в другую сторону. Она влачилась за ним, думая: что же мне теперь делать?

– Я знаю, вы уже доказали свою преданность нам, мисс Эшфорд, но в середине такой операции мы просто не можем позволить, чтобы недавно подключившийся к ней человек так просто взял и отправился домой. С другой стороны, у меня тут на Сицилии нет людей, кроме экипажа судна, так что сопровождать вас некому. Боюсь, вам придется отправиться вместе со мной на борт «Карлы», пока вся операция не закончится. Надеюсь, вы ничего не имеете против. Вы знаете, что как две капли воды похожи на свою мать?

Выйдя из здания аэропорта, они подошли к ожидавшей их машине. Ростов открыл дверцу. Вот сейчас она еще может сбежать. Потом будет слишком поздно. Она помедлила. Один из головорезов стоял рядом с ней. Пиджак его слегка распахнулся, и она увидела рукоятку револьвера. Она вспомнила тот грохот, который издало оружие Кортоне на старой вилле, и как она вскрикнула; и тут внезапно она поняла, что боится умереть, стать кучей бездыханной плоти, напоминающей грудку тряпья, как бедный толстый Кортоне; она перепугалась при виде этого револьвера, который может с грохотом раздробить ей череп, и ее заколотило.

– В чем дело? – спросил Ростов.

– Ал Кортоне умер.

– Мы знаем, – сказал Ростов. – Садитесь в машину.

Покинув пределы Афин, Борг остановил машину в укромном месте пляжа, которое облюбовали для своих встреч бездомные любовники. Выйдя из машины, он двинулся вдоль берега, пока не встретился с Кавашем, который шел ему навстречу. Они остановились бок о бок, глядя в море и не обращая внимания на легкую зыбь, которая касалась носков их обуви. В чистом звездном свете Борг видел строгие красивые черты лица араба, двойного агента; Каваша на этот раз покинула привычная для него уверенность.

– Спасибо, что пришли, – как всегда, сказал он. Борг так и не понял, за что его благодарят. Если вообще кто-то должен был тут говорить спасибо, то уж точно он. Только какое-то время спустя он понял, какой смысл вкладывал Каваш в эту благодарность. Он все делал продуманно и очень тонко, включая и оскорбления.

– Русские подозревают, что в Каире утечка. И теперь держат карты очень близко к их коллективной коммунистической груди, так сказать. – Каваш сдержанно улыбнулся. Борг не видел в этом ничего смешного. – Даже когда Хассан вернулся в Каир для доклада, нам почти ничего не удалось узнать – и даже я не получил доступа ко всей информации Хассана.

Борг громко отрыгнул: недавно он позволил себе обиль-

ный обед греческой кухни.

– Не тратьте времени на извинения, прошу вас. Просто расскажите, что вам известно.

– Хорошо, – спокойно согласился Каваш. – Они знают, что Дикштейн собирается похитить какой-то уран.

– Вы это уже говорили в последний раз.

– Не думаю, чтобы им были известны все детали. Но они к этому стремятся. Они хотят дать событиям развиваться своим чередом, а затем решительно вмешаться. У них болтаются в Средиземном море два судна, но пока не знают, куда их направить.

Прибой вынес на берег пластиковую бутылку, которая коснулась ноги Борга. Тот отшвырнул ее обратно в воду.

– А что насчет Сузи Эшфорд?

– Вне всякого сомнения, работает на арабов. Послушайте, между Ростовым и Хассаном разгорелся спор. Хассан хотел выяснить, где находится Дикштейн, а Ростов считал, что в этом нет необходимости.

– Плохие новости. Продолжайте.

– И тогда Хассан решил действовать по своему разумению. Он взял с собой эту девушку, чтобы она помогла ему разыскать Дикштейна. Они явились в Буффало, в США, и встретились с гангстером по фамилии Кортоне, который и доставил их на Сицилию. Дикштейна они там не застали, но опоздали буквально всего ничего: они видели, как «Штромберг» уходит в море. У Хассана из-за этого случились круп-

ные неприятности. Ему было приказано немедленно отправиться в Каир, но он еще не вернулся.

– Но девушка привела его прямо к местопребыванию Дикштейна?

– Именно так.

– Боже милостивый, до чего плохо. – Борг вспомнил послание, которое пришло в римское консульство для Ната Дикштейна, подписанное «подруга». Он рассказал о нем Кавашу.

«Хассан все мне рассказал и мы с ним отправляемся повидаться с тобой».

Что это, черт побери, может означать? Ставило ли это послание целью предупредить Дикштейна, или задержать его, или же смутить его? Или это двойной обман – попытка заставить его подумать, что Хассан заставил ее отправиться к нему?

– Я бы предположил последнее, – сказал Каваш. – Она понимала, что ее роль в этой комбинации рано или поздно станет ясна, так что хотела как можно дольше пользоваться доверием Дикштейна. Вы не можете послать такую депешу, только чтобы...

– Конечно, нет. – Борг уже думал о другом. – Если они отправились на Сицилию, значит, знали о «Штромберге». Какие они могут из этого сделать выводы?

– Что «Штромберг» может быть использован для похищения урана?

– Верно. Будь я на месте Ростова, то последовал бы за «Штромбергом», подождал, чтобы похищение состоялось, и лишь потом напал бы. Черт, черт, черт! Боюсь, что придется сворачиваться. – Он зарыл носки туфель в мягкий песок. – А что слышно из Каттара?

– Самые плохие новости я приберег для вас напоследок. Все испытания закончились удовлетворительно. Русские поставляют уран. Реактор выйдет на полную мощность через три недели, начиная с сегодняшнего дня.

Борг не отводил глаз от моря, чувствуя себя таким разбитым, усталым и подавленным, каким никогда не был во всей своей несчастной жизни.

– Вы знаете, что это означает? Это долбаное дерьмо? Это означает, что я ничего уже не могу изменить. Это означает, что я не могу остановить Дикштейна. Это означает, что Дикштейн – последний шанс Израиля.

Каваш молчал. Борг посмотрел на него. Глаза араба были закрыты.

– Что вы делаете? – спросил Борг.

Молчание длилось несколько мгновений. Затем Каваш открыл глаза, посмотрел на Борга и одарил его своей вежливой сдержанной улыбкой.

– Молился, – сказал он.

Из Тель-Авива – на сухогруз «Штромберг».

Лично от Борга – только Дикштейну.

Расшифровано должно быть только адресатом.

Получено признание Сузи Эшфорд является арабским агентом стоп она убедила Кортоне взять ее и Хассана в Сицилию стоп они явились сразу же после вашего отхода стоп Кортоне теперь умер стоп эти факты и некоторые другие данные свидетельствуют о большой вероятности что в море вы можете быть атакованы стоп пока ничего больше со своей стороны мы не можем предпринять стоп провалиться тебе теперь все зависит от тебя выпутывайся сам конец.

Облака, которые уже несколько дней собирались на западе Средиземного моря, наконец в ту ночь разразились обильным ливнем. Задували резкие порывы ветра, и неудачная конструкция судна приводила к тому, что «Штромберг» плясал и качался на волнах, как игрушка.

Нат Дикштейн не обращал внимания на погоду.

Он сидел в своей маленькой каюте за столиком, прикрепленным к переборке, с карандашом и листиком шифровального блокнота, разбирая послание Борга.

Он перечитывал его снова и снова и, наконец, остался сидеть, тупо глядя в голую металлическую переборку перед собой.

Бесполезно теперь размышлять, почему она так поступила; не стоило строить гипотезы, что Хассан мог соблазнить или шантажировать ее; убеждать себя, что она могла так действовать в силу ошибочных представлений или неправильных мотивов; Борг говорил, что она шпионка, и он оказался прав. Она была шпионкой с самого начала. Вот почему она

и занималась с ним любовью.

У нее большое будущее в разведке, у этой девочки.

Дикштейн опустил голову на руки и прижал глазные яблоки кончиками пальцев, но тем не менее, он продолжал видеть ее, полностью обнаженной, только в туфлях на высоких каблуках, когда она, прислонившись к шкафчику в той кухоньке маленькой квартиры, ждала, пока закипит кофейник, читая в это время утреннюю газету.

Хуже всего, он продолжал любить ее. До встречи с ней он был калекой; у него ампутировали часть эмоций, и на их месте был словно пустой рукав, болтающийся там, где полагалось быть любви; но ей удалось совершить чудо, собрав его воедино. А теперь она предала его, отняв то, что было даровано ему, и теперь уже ему не будет спасения. Он написал ей любовное письмо. Господи, подумал он, что же она делала, читая его? Смеялась? Или показала Ясифу Хассану и бросила: «Смотри, как я его подцепила»?

Был слепой человек, ему вернули на день зрение, а потом, пока он спал, снова лишили его – вот как он чувствовал себя, когда перед ним открылась истина.

Он сказал Боргу, что убьет Сузи, если она окажется агентом, но теперь он понимал, что обманывал и себя, и его. Он никогда не сможет причинить ей боль, что бы она ни сделала.

Было поздно, большинство команды спало, кроме тех, кто нес вахту. Он оставил каюту и, не замеченный никем, поднялся на палубу. Пробираясь от люка до форштевня, он про-

мок до костей, но не обратил на это внимания. Он стоял у фальшборта, вглядываясь в темноту, не видя, где кончалась черная гладь моря и начинался черный покров неба, и струи дождя, летевшие ему в лицо, текли по нему, как слезы.

Он никогда не убьет Сузи, но Ясифа Хассана – совсем другое дело.

Если и может быть враг у человека, то таковым для него стал Хассан. Он любил Эйлу только для того, чтобы увидеть, как ее страстно обнимает Хассан. А теперь он полюбил Сузи только для того, чтобы узнать – ее соблазнил все тот же старый соперник. И Хассан использовал Сузи в кампании, направленной на то, чтобы лишить Дикштейна родины.

О, да, он убьет Хассана и сделает это голыми руками, если ему представится такой случай. И других. Эта мысль заставила его воспрянуть из глубин отчаяния, которое переросло в ярость: он жаждал услышать, как трещат кости, он жаждал видеть, как корчатся тела, он жаждал обонять запах страха и порохового дыма, он жаждал, чтобы вокруг него торжествовала смерть.

Борг предположил, что они могут подвергнуться нападению в море. Дикштейн стоял, вцепившись в поручень, пока судно прокладывало себе путь в штормовом море; мгновенный порыв ветра ожег его лицо холодом, дождь усилился; и он подумал – быть по сему, а затем крикнул навстречу ветру: «Пусть они приходят – пусть эти ублюдки приходят!»

Глава пятнадцатая

Хассан не собирался возвращаться в Каир – ни сейчас, ни потом.

Возбуждение переполняло его, когда самолет поднялся из Палермо. Он чуть не раскололся, но ему удалось снова перехитрить Ростова! Он с трудом поверил собственным ушам, когда Ростов сказал ему: «Пошел вон с глаз моих». Он был уверен, что его заставят силой оказаться на борту «Карлы» и, соответственно, он не сможет принять участие в операции фedaинов. Но Ростов, наконец, поверил, что Хассан просто полон чрезмерного энтузиазма, импульсивен и неопытен. Ему не могло прийти в голову, что Хассан способен на предательство. И в самом деле, с чего бы? Если бы Ростов испытывал к нему подозрение, он мог бы предположить, что Хассан работает на израильтян, в то время как существовала и другая сторона – палестинцы, которая никогда еще не появлялась на сцене.

Все прошло просто потрясающе. Умный, надменный, покровительственный полковник Ростов и вся мощь знаменитого КГБ были обмануты жалким палестинским беженцем, человеком, который в их глазах являл собой полное ничтожество.

Но это далеко не конец. Ему еще предстояло присоединиться к фedaинам.

После Палермо он оказался в Риме, где попытался сесть на самолет до Аннабы или Константины, что располагались рядом с алжирским побережьем. Но рейс был только до Туниса, куда он и направился.

Там он нашел молодого водителя такси с новеньким «Рено» и потряс перед его лицом такой пачкой долларов, которые тот зарабатывал за год. На такси он одолел сто миль по Тунису, пересек границу Алжира и высадился у маленькой рыбацкой деревушки, лежащей на берегу естественной гавани.

Один из федиайнов уже ждал его. Хассан нашел его на берегу, где он сидел под опрокинутой лодкой, спасаясь от дождя. Втроем они разместились в лодке и отвалили от берега.

К концу дня на море поднялось волнение. Хассан, не обладавший морским опытом, волновался, что лодка может зачерпнуть бортом воду, но рыбак лишь весело скалился.

Путешествие заняло у них больше получаса. Когда шлюпка стукнулась о высокий борт судна, Хассан ощутил прилив восторга. Корабль... у них есть корабль.

Он вскарабкался на борт, пока сопровождающий расплачивался с рыбаком. Махмуд ждал его на палубе. Они обнялись, и Хассан сказал:

– Мы должны немедленно поднимать якорь – события развиваются очень быстро.

– Пошли на мостик.

Хассан последовал за Махмудом. Судно было небольшим

каботажником, примерно в тысячу тонн водоизмещением, относительно новое и в хорошем состоянии. Оно выглядело ухоженным, и на палубе не громоздилось ничего лишнего. Один люк вел в трюм. Судно предназначалось для быстрой доставки небольших грузов в местные порты Северной Африки.

Несколько секунд, озираясь, они постояли на корме.

– Как раз то, что нам нужно, – весело сказал Хассан.

– Мы переименовали его в «Наблус», – сообщил ему Махмуд. – Первый корабль палестинского военно-морского флота.

Хассан почувствовал, как глаза наполняются слезами.

Они поднялись по трапу.

– Я приобрел его, – пояснил Махмуд, – у ливанского бизнесмена, который хотел спасти душу и отмаливал грехи.

Рулевая рубка была небольшой и тесной. В ней был только один серьезный недостаток: не хватало радара. Многие из таких небольших судов обходятся без него, и не было времени приобретать и монтировать его.

Махмуд представил капитана, тоже ливийца – вместе с судном бизнесмен предоставил и команду, потому что никто из федаинов не обладал морским опытом. Капитан отдал приказ поднимать якорь и включить главный двигатель.

Пока Хассан рассказывал, что ему удалось узнать в Сицилии, трое мужчин разглядывали карту.

– «Штротберг» оставил южный берег Сицилии сегодня в

полдень. Прошлой ночью «Копарелли» прошел Гибралтар, направляясь в сторону Генуи. Оба судна одной серии, у них одна и та же предельная скорость, так что они могут встретиться, самое раннее, через двенадцать часов на полпути между Сицилией и Гибралтаром.

Капитан произвел кое-какие подсчеты и обратился к другой карте.

– То есть, к юго-востоку от Менорки.

– Мы должны перехватить «Копарелли» на восемь часов раньше.

Капитан провел пальцем вдоль линии курса.

– Завтра к вечеру он будет точно к югу от острова Ивиса.

– Можем ли мы оказаться там?

– Да, если не будем терять времени. Разве что будет шторм.

– Он что, ожидается?

– В один из ближайших дней, но, думаю, завтра он еще не придет.

– Отлично. Где радист?

– Здесь. Это Яаков.

Хассан повернулся к небольшому улыбающемуся человеку с желтыми от никотина зубами и сказал ему:

– На борту «Копарелли» есть русский по фамилии Тюрин, который держит связь с польским судном «Карлой». Ты должен слушать его на этой волне. – Он написал частоту. – Кроме того, на «Штромберге» есть радиомаяк, который каждые

полчаса подает тридцатисекундный сигнал. Если мы будем ловить его, то, значит, «Штромберг» не обогнал нас.

Капитан стал прокладывать курс. На нижней палубе помощник поднимал команду. Махмуд дал указание одному из федаинов проверить готовность оружия. Радист стал задавать Хассану вопросы относительно радиомаяка на «Штромберге». Хассан не слушал его. Он думал: «Что бы ни случилось, мы будем овееяны славой».

Взревел двигатель судна, палуба дрогнула, нос врезался в волну, и они двинулись в путь.

Дитер Кох, новый главный механик судна «Копарелли», лежа ночью в своей каюте, думал: но что я скажу, если кто-то меня увидит?

Задача ему предстояла несложная. Он должен был проникнуть в кормовую кладовку запасных частей, найти масляный насос и избавиться от него. Он был почти уверен, что справится, потому что его каюта располагалась недалеко от кладовой, большая часть команды спала, а те, кто бодрствовал, находились на мостике и в машинном отделении, не собираясь покидать их. Но «почти уверен» – этого мало для столь важной операции. Если кто-нибудь его рано или поздно заподозрит, что на самом деле он...

Он натянул свитер, брюки, ботинки и дождевик. Дело необходимо завершить, и время для того пришло. Сунув в карман ключи от кладовой, он открыл дверь каюты и вышел.

Двигаясь по проходу, он решил: в крайнем случае, скажу, что мне не спится и я пошел проверить наличие запчастей.

Открыв дверь в кладовую, он включил свет и, войдя, плотно задраил за собой двери. Вокруг него лежали на полках и валялись в кучах запчасти к двигателю – прокладки, сальники, клапаны, кабели, крепеж, фильтры... будь в наличии блок цилиндров, тут можно было бы найти все, чтобы собрать полный двигатель.

Запасной масляный насос он нашел на верхней полке. Он опустил его вниз – деталь не очень объемная, но тяжелая – и еще минут пять провел в поисках, дабы убедиться, что еще одного насоса не существует.

Теперь предстояла самая ответственная часть операции.

– ...мне не спалось, сэр, и я прошел проверить набор запчастей.

– Все ли в порядке?

– Да, сэр.

– А что это у вас под мышкой?

– Бутылка виски, сэр. И печенье, что мне прислала матушка. Запасной масляный насос, сэр, который я собираюсь выкинуть за борт...

Открыв дверь кладовки, он выглянул из нее.

Никого.

Потушив свет, он вышел, прикрыл за собой дверь и запер ее. По трапу поднялся на палубу.

Никого.

По-прежнему дождило. Он различал перед собой пространство только на несколько ярдов, что его как нельзя больше устраивало – значит, остальные тоже ничего не увидят.

По палубе прошел до кормового свеса, перегнулся через леер фальшборта, кинул масляный насос в море, повернулся и едва не наткнулся на кого-то.

«Печенье, которое мне прислала матушка...»

– Кто тут? – с акцентом спросил чей-то голос.

– Механик. А вы? – При этих словах Коха человек повернулся, и его профиль стал виден в свете, падающем с палубы; Кох узнал коренастую фигуру и носатую физиономию радиста.

– Не спится, – сказал тот. – И я, м-м-м... вышел подышать воздухом.

Он смущен так же, как и я, подумал Кох. Интересно, почему?

– Паршивая ночка, – сказал Кох. – Я к себе.

– Спокойной ночи.

Перешагнув комингс, Кох спустился к себе в каюту. Странный тип, этот радист. Он не из постоянного состава команды. Его взяли в Кардиффе, когда настоящий радист сломал себе ногу. Как и Кох, он был чужаком здесь. Слава Богу, что наткнулся на него, а не на кого-то другого.

Оказавшись в каюте, Дитер стянул мокрую одежду и забрался в койку. Он понимал, что заснуть ему не удастся.

План на завтрашний день был полностью проработан, не имело смысла обдумывать его еще раз, и поэтому он попытался вызвать в памяти другие воспоминания: о матери, которая делала лучший картофельный кугель в мире, о своей невесте, у которой самая умная головка в мире, об отце, который сейчас лежал в больнице в Тель-Авиве, о самой лучшей стереоустановке, которую он обязательно купит, когда ему заплатят за это задание, о своей прекрасной квартире в Хайфе, о детях, которые у него появятся и которые будут расти в Израиле, свободном от войн.

Встав через пару часов, он пошел в камбуз за чашкой кофе. Кок уже был здесь, стоя по щиколотку в воде, жарил бекон для команды.

– Паршивая погода, – сказал Кох.

– Будет еще хуже.

Выпив чашку, Кох наполнил еще одну и поднялся с ней на мостик. Первый помощник стоял на вахте.

– Доброе утро.

– Не совсем доброе, – ответил первый помощник, вглядываясь сквозь завесу дождя.

– Хотите кофе?

– Весьма любезно с вашей стороны. Спасибо.

Кох протянул ему кружку.

– Где мы?

– Вот здесь. – Вахтенный показал ему их положение по карте. – Идем точно по расписанию, несмотря на погоду.

Кох кивнул. Это означало, что через пятнадцать минут он должен остановить судно.

– До встречи, – сказал он и, оставив мостик, спустился вниз в машинное отделение.

Напарник его был на месте и выглядел свежим и отдохнувшим, словно отменно выспался во время ночной вахты.

– Как давление масла? – спросил его Кох.

– Стабильное.

– Вчера оно немного плясало.

– Ну, ночью не было оснований для беспокойства, – сказал второй механик. Он говорил с излишней уверенностью, так как боялся обвинений, что заснул в то время, когда стрелка плясала.

– Отлично. Может, в подаче масла все наладилось само собой. Будешь идти к себе, подними Ларсена.

– Хорошо.

– Спокойной ночи.

Второй ушел, а Кох приступил к делу.

Показатель давления масла находился среди прочих датчиков в задней части двигателя. Он был врезан в панель тонкого металла, окрашенную в матово-черный цвет и закрепленную четырьмя винтами. Пустив в ход большую отвертку, Кох открутил их и снял защитный кожух. За ним находилось целое сплетение многоцветных проводов, каждый из которых нес информацию о работе той или иной части двигателя. Сменив большую отвертку на маленькую с изолированной

ручкой, Кох аккуратно отсоединил один из проводов, сообщавших об уровне давления масла. Сделав несколько витков изоляционной ленты вокруг обнаженного конца провода, он пристроил его так, что лишь при очень внимательном осмотре можно было догадаться, что датчик практически бездействует. Затем он пристроил кожух на место и закрепил его теми же четырьмя винтами.

Когда вернулся Ларсен, Кох смазывал вращающиеся части.

– Может быть, я этим займусь, сэр? – Смазка была обязанностью Ларсена.

– Я уже все сделал, – сказал Кох, ставя канистру на ее обычное место.

Ларсен протер глаза и закурил. Мельком глянув на циферблаты, он присмотрелся к ним повнимательнее и крикнул:

– Сэр! Давление масла на нуле!

– На нуле?

– Да!

– Стоп машина!

– Есть, есть, сэр!

Без подачи масла трущиеся и вращающиеся части двигателя быстро разогреваются до точки плавления, отдельные детали сварятся между собой, и двигатель остановится, да так, что его невозможно будет снова запустить. Опасность отсутствия масла была так велика, что Ларсен имел полное право и самому остановить двигатель, не обращаясь к Коху.

Все обитатели судна услышали, как двигатель смолк, и «Копарелли» безвольно качнулся на волне; даже сменившиеся с ночной вахты, которые спали в своих каютах, обеспокоились сквозь сон наступившим затишьем и проснулись. Еще до того, как двигатель окончательно остановился, по переговорной трубе сверху донесся голос первого помощника.

– Говорит мостик! Что у вас там внизу?

Кох приблизил губы к раструбу.

– Внезапное падение давления масла.

– Есть ли ясность, в чем дело?

– Пока еще нет.

– Держите меня в курсе.

– Есть, сэр.

Кох повернулся к Ларсену.

– Придется отсоединить маслоотстойник, – сказал он.

Подхватив ящик с инструментами, Ларсен спустился за Кохом на самую нижнюю палубу, откуда был доступ к двигателю. – Если засорился бы маслопровод, то падение давления шло бы постепенно. Внезапное падение означает, что перекрыта подача масла. Я проверял раньше – масла в системе хватало, и не было никаких следов утечки. Значит, скорее всего, где-то перекрыта подача.

Гаечным ключом Кох отсоединил маслоотстойник, они вдвоем опустили его на палубу и внимательно осмотрели, включая главный и дополнительный клапаны, но не нашли и следа каких-то повреждений.

– Если тут все в порядке, то, скорее всего, поврежден масляный насос, – сказал Кох. – Притащи-ка запасной.

– Он должен быть в кладовке на главной палубе, – вспомнил Ларсен.

Кох протянул ему ключ, и Ларсен поднялся наверх.

Теперь Коху предстояло работать быстро и точно. Он снял кожух масляного насоса, обнажив две шестеренки с крупными зубьями. Сменив насадку дрели на закаленное сверло, он привел зубья шестеренок в полную негодность, выщербив их. Положив сверло, он взял короткий ломик и молотком загнал ломик между двумя шестеренками, раздвигая их, пока не услышал громкий отчетливый треск. Затем он вынул из кармана изрядно помятый шарик из закаленной стали; когда Кох садился на судно, шарик уже лежал у него в кармане. Он бросил его в маслоотстойник.

Готово.

Вернулся Ларсен.

Кох успел заметить, что забыл сменить насадку на дрели: когда Ларсен уходил, в патроне торчал гаечный ключ. «Только не смотреть на дрель!» – пронеслось у него в голове.

– Насоса там нет, сэр, – сказал Ларсен.

Пошарив в отстойнике, Кох вытащил шарик.

– Глянь-ка на это, – сказал он, стараясь, чтобы взгляд Ларсена не упал на свидетельство преступления, дрель с насадкой. – Вот в чем причина аварии. – Он показал Ларсену искореженные шестеренки насоса. – Должно быть, этот шарик

попал туда, когда последний раз меняли фильтры. Его затянуло в насос, и с тех пор он так и крутился в шестеренках. Я удивлен, что мы вообще не слышали скрежета, пусть даже и грохотал двигатель. Как бы там ни было, масляный насос уже не подлежит ремонту, так что давай-ка ищи запасной. Возьми кого-нибудь себе в подмогу, но обязательно найдите его.

Ларсен вышел. Кох быстро вытащил сверло из патрона дрели и заменил его на гаечный ключ. Взбежав по трапу в машинное отделение, он успел устранить и другие следы своего вмешательства. Работая с предельной быстротой, чтобы никто не успел застать его, он снял кожух с датчиков и подсоединил провод к показателю давления масла. Теперь он в самом деле стоял на нуле. Поставив на место кожух, Кох выкинул обрывки изоляционной ленты.

Все кончено. Теперь предстояло обвести вокруг пальца капитана.

Как только поисковая партия признала свою неудачу, Кох поднялся на мостик.

– Должно быть, – обратился он к капитану, – в последний раз, когда проводился профилактический ремонт двигателя, сэр, механик уронил в масляный насос вот этот шарик. – Он продемонстрировал его капитану. – И в какой-то момент – может, когда судно качалось на волне – шарик попал в подвижную часть насоса. После этого выход его из строя оставался только вопросом времени. Шарик, добравшись до зубьев шестеренок, окончательно вывел их из строя. И, боюсь,

заменить их на борту нам не удастся. На судне должен быть запасной масляный насос, но его не оказалось.

Капитан был в ярости.

– Он у меня сполна расплатится за это, когда я найду виновного.

– Проверка наличия запасных частей входит в обязанность главного механика, сэр, но вы же знаете, что я поднялся на борт буквально в последнюю минуту.

– Значит, это ошибка Сарна.

– Одно из объяснений...

– Еще бы! Он слишком активно бегал за бельгийскими шлюхами вместо того, чтобы заниматься двигателем. Есть ли у нас хоть какой-нибудь ход?

– Абсолютно исключено, сэр. Мы не сдвинемся с места, пока все не будет в порядке.

– Проклятье! Где радист?

– Я найду его, сэр, – вызвался первый помощник, выходя.

– Вы абсолютно уверены, что не удастся чего-то там склепать? – спросил Коха капитан.

– Боюсь, что из имеющихся в нашем распоряжении запасных частей масляный насос не получится. Именно поэтому и был запасной насос.

Первый помощник вернулся с радистом. Им был тот самый коренастый носатый человек, с которым Кох столкнулся ночью на палубе.

– Где вас черти носили? – рявкнул капитан.

Радист обиделся.

– Я помогал искать масляный насос, сэр, а потом пошел вымыть руки. – Он посмотрел на Коха, но в его взгляде не было и следа подозрительности: Кох сомневался, удалось ли радисту что-то увидеть во время их случайной встречи на палубе, но если даже он и заподозрил какую-то связь между пропавшей деталью двигателя и выброшенным за борт грузом, то не обмолвился об этом.

– Ладно, – сказал капитан. – Радируйте владельцу: сообщаем о поломке машины в... где мы точно находимся, первый?

Первый помощник дал радисту точные координаты места. Капитан продолжил:

«Требуется новый масляный насос или буксир до порта. Прошу инструкций».

Кох с облегчением расслабился: своего он добился.

Сразу же пришел ответ от владельца:

«Копарелли» продан компании «Сейвил шипинг» из Цюриха. Ваше послание передано новым владельцам. Оставайтесь на месте до получения их указаний».

И почти тут же пришла радиограмма от «Сейвил шипинг».

«Наше судно «Джил Гамильтон» находится в ваших водах. Оно подойдет примерно к полудню. Приготовьтесь перевести на него всю команду за

исключением главного механика. «Джил Гамильтон» доставит экипаж в Марсель. Механик на борту будет дожидаться нового масляного насоса. Папагополус».

Этот обмен радиопосланиями слушал в шестидесяти милях Солли Вейнберг, капитан «Джил Гамильтона» и командор израильского военно-морского флота. Он пробормотал: «Точно по расписанию. Хорошо сработано, Кох». Определив точку, в которой стоял «Копарелли», он дал команду двигаться полным ходом.

Этого не слышали Ясиф Хассан и Махмуд на борту «Наблуса» в 150 милях. Они находились в капитанской каюте, склонившись над схематическим планом «Копарелли», который набросал Хассан, прикидывая, как они поднимутся на борт судна и захватят его. Хассан дал указание радисту «Наблуса» прослушивать две частоты: одну, на которой работал маячок на «Штромберге», и другую, на которой Тюрин тайно сносился с Ростовым на борту «Карлы». Поскольку передача шла на обычной волне «Копарелли», «Наблус» не уловил ее. И пройдет время, прежде чем федаины поймут, что захватили опустевшее судно.

Обмен радиосигналами был пойман на мостике «Штромберга». Когда до «Копарелли» дошло указание Папагополуса, все присутствующие радостно захлопали в ладоши. Нат Дикштейн, прислонившись к переборке с чашкой кофе в ру-

ках, смотрел на простиравшееся перед ним море, не испытывая радости. Тело его ныло от напряжения, лицо стало жестким и непроницаемым, карие глаза за пластиковой оправой очков сузились. Кто-то из присутствующих на мостике обратил внимание на его долгое молчание и бросил замечание, что первое препятствие удалось преодолеть. Сдержанный ответ Дикштейна был преисполнен нехарактерной для него едкости и воспринимался, как оскорбление. Развеселившийся офицер отпрянул от него, а позже заметил, что Нат Дикштейн выглядел, как человек, готовый пырнуть вас ножом, если вы вдруг случайно наступите ему на ногу.

Радиообмен слышала и Сузи Эшфорд, которая вместе с Ростовым находилась на «Карле» в 300 милях отсюда.

Сузи, словно в забытьи, поднималась по трапу польского судна, стоящего у мола в Сицилии. Она с трудом понимала, что происходит, когда Ростов показал ее каюту, где раньше жил один из командного состава судна, и сказал, что, он надеется, ей будет здесь удобно. Она села на койку. Час спустя ей принесли на подносе холодную закуску и молча поставили на столик. Есть она не могла. Когда спустились сумерки, ее стала бить дрожь, и она залезла в постель, в которой и осталась лежать, глядя широко открытыми глазами перед собой, не в силах справиться с дрожью.

Наконец, она заснула – сначала задремала, то и дело просыпаясь от странных бесформенных кошмарных видений, и,

в конце концов, ее сморил глубокий сон. Проснувшись она с рассветом.

Она лежала неподвижно, чувствуя покачивание судна и тупо осматриваясь вокруг; наконец поняла, где она и что с ней. Проснувшись утром, человек вспоминает ночные кошмары и думает: «Слава Богу, это был только сон», но она поняла, что все это на самом деле и продолжает длиться.

Ее мучило ужасное чувство вины. Она обманулась и теперь-то это понимала. Она убедила себя, что хочет найти Нату, дабы предупредить об опасности, и риск ее не беспокоил; но истина заключалась в том, что она была готова воспользоваться любым предложением, лишь бы увидеть его. Ужасные последствия ее поступков явились естественным следствием ее желаний. Да, Нату угрожала опасность, но теперь еще в большей степени, и виной тому она, Сузи.

Она думала об этом, осознавая, что вот она очутилась в море на польском судне, окруженная врагами Ната и русскими головорезами; плотно зажмурив глаза, она засунула голову под подушку, стараясь подавить истерические рыдания, которые клочкотали у нее в горле.

Ее захлестнул приступ гнева, и именно он помог ей сохранить рассудок и здравый смысл.

Она вспомнила отца, и как он хотел использовать ее ради своих политических идей, и при этих мыслях ее снова охватил гнев. Она подумала о Хассане, который манипулировал ее отцом, клал ей руку на колено, и пожалела, что не дала

ему пощечину, когда у нее была для этого возможность. Наконец, она вспомнила Ростова с его сухим умным лицом и ледяной усмешкой, как он хочет протаранить судно Ната и убить его – и она взбесилась при этих мыслях.

Дикштейн был ее мужчиной. Он был и забавен, и силен, он был до странности раним, и он писал ей любовные письма и украл корабль, и он был единственным мужчиной, которого она так любила; и она не собиралась терять его.

Она была во вражеском лагере на положении пленницы, но только со своей точки зрения. Они-то думали, что она на их стороне; они ей доверяли. Может быть, ей представится возможность нарушить их замыслы. Она должна присмотреться к тому, что делается вокруг. Она должна побродить по судну, подавляя свой страх, поболтать с врагами, добиться их полного доверия, делая вид, что разделяет их планы и намерения – пока ей не представится возможность.

От этих мыслей ее заколотило. Затем она сказала себе: если я этого не сделаю, то потеряю его; а если я потеряю его, то не хочу жить.

Она вылезла из постели. Сняв одежду, в которой она так и уснула, Сузи умылась, натянула чистый свитер и брюки, которые были в сумке. Присев за маленьким столиком, привинченным к полу, она съела сыр и несколько сосисок, которые принесли ей вчера. Причесав волосы, она, чтобы придать себе бодрости, наложила легкий грим.

Она попробовала дверь каюты, которая оказалась неза-

пертой.

И вышла.

Двинувшись по проходу, она уловила запах пищи из камбуза. Подойдя туда, она осторожно заглянула в помещение.

Ростов сидел в одиночестве за столом, аккуратно поедая яйцо всмятку. Подняв глаза, он увидел ее. Внезапно лицо его исказилось злобой, тонкие губы отвердели, и он холодно посмотрел на нее. Сузи замаялась, но потом все же заставила себя подойти к нему. Оказавшись около стола, она небрежно прислонилась к стулу, потому что ноги ее не держали.

– Садитесь, – пригласил Ростов. Она опустилась на стул.

– Как спалось?

Она с трудом перевела дыхание, словно после бега.

– Прекрасно, – сказала Сузи, не в силах справиться с дрожью в голосе.

Его острый скептический взгляд, казалось, проникал в самые глубины ее мозга.

– Похоже, вы взволнованы. – Он говорил ровным голосом, без симпатии, но и без враждебности.

– Я... – Слова застревали у нее в горле и душили ее. – Вчера... так неловко получилось. – Во всяком случае, это было правдой, и ей было легко признаться в этом. – Я никогда не видела, как кто-то умирает.

– Ах, это. – Наконец нечто, напоминающее человеческое чувство, мелькнуло в выражении лица Ростова: может, и он вспомнил, когда ему довелось увидеть умирающего человека

в первый раз. Потянувшись за кофейником, он налил Сузи кофе. – Вы еще очень молоды, – сказал он. – Должно быть, вы ненамного старше моего сына.

Сузи изящно сделала первый глоток, надеясь, что он продолжит разговор на эту тему – что позволит ей успокоиться.

– Ваш сын? – переспросила она.

– Юрий Давидович, ему минуло двадцать лет.

– И что он делает?

Улыбка Ростова на этот раз была не такой холодной.

– К сожалению, большую часть времени он проводит, слушая упадническую музыку. И не учится так упорно, как ему следовало бы. Не в пример своему брату.

Дыхание Сузи обрело нормальный ритм, и руки у нее больше не дрожали, когда она держала чашку. Они понимала, что этот человек не становится менее опасен лишь потому, что у него есть семья; но он казался не таким пугающим, когда говорил о ней.

– А ваш второй сын? – спросила она. – Тот, что младше?

Ростов кивнул.

– Владимир. – Теперь в нем не осталось ничего, что пугало ее; он смотрел куда-то поверх головы Сузи, и на его лице появилось мягкое расслабленное выражение. – Он очень одаренный мальчик. Он будет великим математиком, если получит соответствующее образование.

– Это не должно быть проблемой, – сказала она, продолжая наблюдать за ним. – Советская система образования счи-

тается лучшей в мире.

Она не сомневалась в правоте своих слов, но, должно быть, эта тема имела для Ростова какое-то особое значение, потому что рассеянность его взгляда исчезла, и он снова стал холоден и неприступен.

– Да, – сказал он. – Это не будет проблемой. – Он продолжал расправляться с яйцом.

Сузи торопливо прикинула: в нем начало пробуждаться дружелюбие, и я не должна упустить его. Она лихорадочно соображала, о чем бы еще завести речь? Что у них может быть общего, о чем еще они могут поговорить? Затем ее осенило.

– Я все пытаюсь вспомнить вас в те времена, когда вы учились в Оксфорде.

– Вы тогда были очень маленькой. – Он налил себе еще кофе. – Все помнили вашу мать. Пожалуй, она была самой красивой женщиной из тех, что обитали там. А вы очень смахиваете на нее.

Это лучше, подумала Сузи. Она спросила его:

– Что вы изучали?

– Экономику.

– В те дни, как мне кажется, ее трудно было назвать настоящей наукой.

– Да и сегодня она не лучше.

Сузи придала лицу серьезное выражение.

– Мы, конечно, имеем в виду буржуазную экономику.

– Конечно. – Ростов посмотрел на нее, словно пытаюсь понять, насколько она серьезна. Чувствовалось, она убедила его.

Появился какой-то офицер и по-русски обратился к нему. Ростов с сожалением поднялся, глянув на Сузи.

– Я должен идти на мостик.

Она должна быть вместе с ним. Сузи сделала усилие, чтобы ее голос звучал спокойно и непринужденно.

– Могу я сопровождать вас?

Он помедлил. Сузи думала: он должен взять меня. Ему нравится говорить со мной, он уверен, что я на его стороне, и, если даже я узнаю какие-то тайны, неужели он думает, что смогу использовать их, находясь на корабле КГБ?

– Почему бы и нет? – сказал Ростов.

Он вышел. Сузи последовала за ним.

Оказавшись в радиорубке, Ростов улыбнулся, читая текст радиодепеш и перевел их для Сузи. Похоже, он был доволен изобретательностью Дикштейна.

– Этот парень чертовски хитер.

– А что такое «Сейвил шипинг»? – спросила Сузи.

– Прикрытие для израильской разведки. Дикштейн избавился от всех, у кого были причины заинтересоваться, что случилось с ураном. Пароходная компания интересоваться не будет, потому что судно больше ей не принадлежит. Теперь он снимает с борта и капитана и команду. Не сомневаюсь, он что-то рассказал и тем, кому по-настоящему принад-

лежит уран.

Вот это и надо было Сузи. Ростов обращается к ней, как к коллеге, и она в центре событий; она должна найти способ, чтобы обратить их ход в свою пользу.

– Так что все препятствия им преодолены? – спросила она.

– Да. Дикштейну удалось захватить судно без единого выстрела.

Сузи быстро соображала. Когда она «предала» Дикштейна, она тем самым доказала свою преданность арабам. Теперь та раскололась на два лагеря: в одном были Ростов, КГБ и египетская разведка; в другом – Хассан и федаины. И теперь Сузи может доказать свою верность Ростову, выдав Хассана.

С наивной небрежностью она бросила:

– Что, конечно же, удастся и Хассану.

– Что?

– Хассан тоже захватит «Копарелли» без единого выстрела.

Ростов уставился на нее. Казалось, от его худого лица отхлынула вся кровь. Сузи была потрясена, увидев, как в мгновение ока он потерял всю свою уверенность и сдержанность.

– Ясиф Хассан собирается захватить «Копарелли»? – переспросил он.

Сузи сделала вид, что удивлена.

– Вы хотите сказать, что ничего не знали?

– Но кто именно? Не египтяне же, в самом деле?

– Федаины. Хассан объяснил, что это был ваш план.

Ростов грохнул кулаком по столешнице и в этот момент, разгоряченный, он стал похож на русского.

– Хассан лжец и предатель!

Сузи поняла, что наконец ей представилась возможность. Она подумала: «Боже, дай мне силы».

– Может, нам удастся остановить его...

Ростов посмотрел на нее.

– В чем заключается его план?

– Захватить «Копарелли» до того, как к судну подойдет Дикштейн, затем захватить в ловушку израильский отряд, после чего отправиться... он не говорил мне, куда точно, куда-то в Северную Африку. А каков ваш план?

– Протаранить судно после того, как Дикштейн захватит его...

– Разве мы не можем все-таки сделать это?

– Нет. Мы слишком далеко, мы не успеем перехватить их.

Сузи осознала, что если сейчас, в эту минуту, она не скажет единственные верные слова, и она, и Дикштейн погибнут. Она скрестила руки на груди, чтобы скрыть, как ее колотит.

– Значит, нам остается сделать одно-единственное, – сказала она.

Ростов поднял на нее глаза.

– То есть?

– Мы должны предупредить Дикштейна: фedaины собираются устроить засаду, чтобы он мог отбить обратно «Копарелли».

Так. Слово сказано. Она не сводила глаз с лица Ростова. Он должен проглотить наживку, все совершенно логично, ничего иного ему не остается!

Ростов глубоко задумался. Наконец сказал:

– Предупредить Дикштейна, чтобы он мог отбить «Копарелли» у фedaинов... Затем он будет действовать в соответствии со своим замыслом, а мы – в соответствии со своим.

– Да! – воскликнула Сузи. – Это единственный выход! Разве не так?

«ОТ: «Сейвил шипинг», Цюрих.

К: «Ангелуцци и Бьянко», Генуя.

Ваш груз урановой руды от фирмы Ф.А.Педлера задерживается на неопределенное время в связи с поломкой двигателя в море. Новая дата прибытия груза будет вам незамедлительно сообщена. Папагополус».

Когда на горизонте показался «Джил Гамильтон», Петр Тюрин зажал в углу Равло, того самого наркомана; они стояли на твиндеке «Копарелли». Тюрин действовал с решительностью и уверенностью, которых раньше у себя не подозревал. Оттеснив его в сторону, он схватил Равло за ворот свитера. Тюрин был напорист и крепок, а Равло худ и изможден.

– Слышь, – сказал Тюрин, – ты для меня кое-что сделаешь.

– Конечно, все, что скажешь.

Тюрин помедлил. Риск тут, ясное дело, был. Но выбора у него не имелось.

– Мне нужно остаться на судне, когда все вы перейдете на «Джил Гамильтон». Если я потеряюсь, скажешь, что видел меня и что я уже там.

– Ладно, договорились, конечно.

– Если меня найдут и перетащат на борт «Джил Гамильтона», то, не сомневайся, я выдам твою тайну.

– Я сделаю все, что ты хочешь.

– Так тебе же будет лучше.

Тюрин отпустил его. Уверенности пока у него не было: такой человек пообещает все, что угодно, но стоит его только прижать, и он рассыплется на куски.

Вся команда собралась на палубе. Море было слишком бурным, и «Джил Гамильтон» не мог встать борт о борт, так что с него спустили шлюпку. Всем приказано было надеть спасательные жилеты. Офицеры и команда «Копарелли» безмолвно стояли под дождем, пока шел пересчет, затем первый моряк спустился по трапу, спрыгнув прямо в кокпит.

Шлюпка слишком мала, чтобы сразу же взять на борт всю команду – надо совершить два или три рейса, прикинул Тюрин. Пока внимание всех было приковано к первому спускающемуся, Тюрин успел шепнуть Равло: «Постарайся быть среди последних».

– Хорошо.

Они вдвоем стояли с краю сгрудившейся толпы. Старпом, перегнувшись через леер, наблюдал, как идет посадка. Все остальные стояли, приглядываясь к «Джил Гамильтону».

Тюрин нырнул за надстройку.

Он оказался в двух шагах от спасательной шлюпки, брезентовое покрытие на которой ослабил еще раньше. Нос ее был виден с того места палубы, где стояла команда, но корма была скрыта от взглядов. Тюрин подобрался к ней, приподнял брезент, влез и затащил покрытие.

Он подумал, что если его сейчас обнаружат, все рухнет.

Он был крупного телосложения и спасательный жилет делал его еще объемнее. Не без труда он принял в шлюпке такое положение, при котором сквозь дырочку в брезенте мог наблюдать за происходящим. Теперь его взгляд приковался к Равло.

Он видел, как вторая группа стала спускаться по трапу в шлюпку, и услышал, как первый помощник спросил: «А где радист?»

Тюрин уставился на Равло. Да говори же, черт бы тебя побрал!

Равло помедлил.

– Он спустился с первой партией, сэр.

Молодец, мальчик!

– Ты уверен?

– Да, сэр, я его видел.

Помощник кивнул и буркнул, что не может отличить од-

ного от другого при этом проклятом дожде.

Капитан окликнул Коха, и двое мужчин отошли переговорить поближе к тому месту, где скрывался Тюрин.

– Я никогда не слышал о «Сейвил шипинг», – сказал капитан. – А вы?

– Нет, сэр.

– В этом что-то есть – продавать корабль, когда он в море, а потом оставлять на нем механика, заставляя капитана покинуть судно.

– Да, сэр. Я думаю, что они никогда не были в море, эти новые владельцы.

– Конечно, не были, а то бы они разобрались, что к чему. Скорее всего, случайные люди. – Наступила пауза. – Вы, конечно, можете отказаться оставаться тут в одиночестве, и тогда я останусь с вами. Во всяком случае, я вас поддержу.

– Боюсь, что тогда меня выгонят.

– Верно, я этого не учел. Ну что ж, удачи.

– Благодарю вас, сэр.

Третья группа моряков спустилась в шлюпку. Первый офицер уже висел на верхней ступеньке, ожидая капитана, который продолжал бормотать о случайной публике, спускаясь вслед за помощником вдоль борта.

Внимание Тюрина теперь обратилось к Коху, который считал, что остался единственным обитателем судна. Механик, проводив взглядом шлюпку, которая подваливала к «Джил Гамильтону», по трапу поднялся на мостик.

Тюрин вслух выругался. Он надеялся, что Кох спустится в машинное отделение, и тогда он проберется в кладовую и свяжется по рации с «Карлой». Он наблюдал за мостиком, видя, как лицо Коха то и дело мелькает в его иллюминаторах. Если Кох будет торчать там, Тюрину придется ждать до темноты, прежде чем он сможет связаться с Ростовым.

Похоже, его ждет нелегкое испытание, если Кох предполагает весь день оставаться на мостике.

Тюрин приготовился к долгому ожиданию.

Когда «Наблус» оказался в той точке южнее острова, где Хассан предполагал встречу с «Копарелли», в поле зрения не было ни одного судна.

Они стали циркулировать расширяющимися кругами, и Хассан неустанно рассматривал в бинокль пустой горизонт.

– Ты ошибся, – сказал Махмуд.

– Не обязательно. – Хассан решил, что будет говорить спокойно и убедительно, без ноток паники в голосе. – Это самая первая точка, в которой мы можем встретиться. «Копарелли», может, идет и не на предельной скорости. Для того есть куча причин.

– Какие, например?

Махмуд тоже нервничает, заметил Хассан. На борту судна он уже не контролирует все и вся, только Хассан может принимать решения.

– Мы двинемся на юго-запад, наперерез предполагаемому

курсу «Копарелли». Рано или поздно мы должны столкнуться с ним.

– Отдай приказ капитану. – Махмуд спустился вниз к своей команде, оставив Хассана на мостике вместе с капитаном.

Махмуд кипел от непонятного чувства гнева, причиной которого явилось напряжение. Как и его команда, отметил Хассан. Они предполагали, что к полудню уже вступят в бой, а теперь им приходится ждать, слоняясь по кубрикам и коридорам, чистя оружие, играя в карты и бахвалясь прошлыми подвигами. Они были готовы разить врагов в схватке, но единственное, что им пока остается – играть в опасные игры с метанием ножей, чтобы демонстрировать отвагу перед своими друзьями. Один из федаинов сцепился с двумя моряками, которые якобы нанесли ему оскорбление, и, прежде чем их успели растащить, порезал их осколками разбитой бутылки. И теперь команда старалась держаться подальше от федаинов.

Хассан попытался представить себе, мог бы он управлять с ними, будь он на месте Махмуда. Ему это уже приходило в голову. Махмуд по-прежнему был командиром, но самая важная доля работы выпала на него, Хассана: он обнаружил Дикштейна, проник в его планы, придумал, как захватить судно, и определил местонахождение «Штромберга». Он начал прикидывать, какое положение займет в движении, когда все завершится успехом.

Ясное дело, Махмуд думал о том же самом.

Ну-ну. Если в свое время они и сцепятся, то пока с этим торопиться не стоит. Первым делом им предстоит захватить «Копарелли» и устроить засаду Дикштейну. Хассана слегка замутило, когда он подумал, что ему предстоит. Хорошо быть закаленным в боях человеком, который ясно представляет себе ход будущей схватки. Хассан никогда не участвовал в боевых действиях, на него никто не наводил оружие, если не считать Кортоне на разрушенной вилле. Он боялся, но еще больше он опасался покрыть себя позором, если позволит увидеть свой страх, если бросится бежать, показав спину, если впадет в замешательство, как тогда, на вилле. Но вместе с тем, он чувствовал возбуждение, ибо если они победят... а они победят!

В половине пятого прозвучала ложная тревога, когда они увидели приближающееся к ним судно, но рассмотрев его в бинокль, Ясиф Хассан объявил, что это не «Копарелли»; когда корабль прошел мимо, он успел прочесть название на его борту – «Джил Гамильтон».

Спускались сумерки, и Хассан начал беспокоиться. При такой погоде, да ночью, при всех ходовых навигационных огнях два корабля могут разминуться в полумиле друг от друга. И весь день по тайному радиопередатчику с «Копарелли» не поступило ни звука, хотя Яаков сообщил – Ростов пытается вызвать Тюрина. Чтобы не пропустить «Копарелли», «Наблус» ночью должен двинуться к Генуе со скоростью «Копарелли», а потом с первыми лучами рассвета развернуть-

ся и продолжить поиск. Но к тому времени к нему подойдет «Штромберг», и фedaины потеряют возможность устроить ловушку для Дикштейна.

Хассан уже приготовился объяснить ситуацию Махмуду, который как раз вернулся на мостик, когда в отдалении мелькнул одинокий огонек.

– Стоит на якоре, – отметил капитан.

– Откуда вы знаете? – спросил Махмуд.

– Об этом говорит одиночный белый огонь.

Хассан сказал:

– Что и объясняет, почему оно и не подошло к острову, где мы ждали судно. Если это «Копарелли», надо приготовиться к высадке на его борт.

– Согласен, – кивнул Махмуд и поспешил к своим.

– Выключите свои навигационные огни, – приказал Хассан капитану.

Когда «Наблус» приблизился к другому судну, ночь сгустилась.

– Я почти уверен, что это «Копарелли», – сказал Хассан.

Капитан опустил бинокль.

– На палубе три крана, а люки в кормовой части.

– Вы разбираетесь лучше меня, – признал Хассан. – Это «Копарелли».

Он спустился вниз, где выстроив в коридоре свою команду, Махмуд обращался к ней. Махмуд глянул на него. Хассан кивнул.

Махмуд повернулся к своим людям.

– Серьезного сопротивления не ожидается. Команда на судне из самых обыкновенных моряков, иметь оружие у них нет никаких оснований. Мы подойдем в двух шлюпках, одна будет атаковать с правого борта, другая – с левого. На борту сразу же занять мостик и перекрыть проходы к радиорубке, чтобы никто не воспользовался рацией. Затем мы сгоним всю команду на палубу. – Замолчав, он повернулся к Хассану: – Скажи капитану подойти как можно ближе к «Копарелли» и заглушить двигатель.

Хассан повернулся. Внезапно он увидел, что снова стал мальчиком для посылки: Махмуд дал ему понять, что он остается боевым командиром. Унижение, испытанное Хассаном, заставило всю кровь броситься ему в лицо.

– Ясиф.

Он повернулся.

– Твое оружие. – Махмуд бросил ему пистолет. Хассан поймал его. Он был маленький, почти игрушкой, того типа, который женщины таскают в сумочках. Федаины покатались со смеху.

Хассан подумал: в эти игры и я могу играть. Он нашел защелку, которая выглядела, как предохранитель, и спустил ее. Нацелив ствол в палубу, он нажал спусковой крючок. Раздался грохот. Он опустошил всю обойму.

Наступило молчание.

– Мне показалось, что я увидел мышь, – спокойно сказал

Хассан и кинул пистолет обратно Махмуду.

Федаины расхохотались еще громче.

Хассан вышел. Поднявшись на мостик, он передал указание капитану и вернулся на палубу. Стояла почти полная тьма. Был виден только стояночный огонь «Копарелли». Когда глаза попривыкли, сквозь стену тьмы стали различимы величественные темные очертания борта и надстроек.

Федаины уже бесшумно поднялись на палубу и стояли тут, смешавшись с командой. Двигатель «Наблуса» замолк. Команда стала спускать шлюпки.

Хассан оказался в той же шлюпке, что и Махмуд. Ялик прыгал на волнах, чередой которых была бесконечной. Они подошли под крутой борт «Копарелли». На судне не было никаких признаков жизни. Конечно же, подумал Хассан, вахтенный офицер должен был слышать шум двигателей приближающегося судна, не так ли? Но никто не обеспокоился, свет не заливал палубу, никто не выкрикивал приказов и не склонялся над бортом.

Первым по трапу вскарабкался Махмуд.

Когда Хассан оказался на палубе «Копарелли», все остальные уже собрались на корме по правому борту. По трапу они спустились в кают-компанию. По-прежнему не было и следа команды «Копарелли». У Хассана возникло омерзительное чувство, что совершена какая-то ужасная ошибка. Вслед за Махмудом он поднялся на мостик. Там уже были два человека.

– Они успели воспользоваться рацией? – спросил Хассан.

– Кто? – посмотрел на него Махмуд.

Они спустились обратно на палубу. Постепенно подтягивались и остальные, обшаривавшие внутренности судна; вид у них был удивленный, и в руках они держали холодные стволы оружия.

– Останки «Марии Селесты», – пробормотал Махмуд.

Двое подтащили по палубе какого-то моряка, у которого был предельно перепуганный вид.

– Что тут произошло? – по-английски спросил у него Хассан.

Моряк ответил на каком-то другом языке. Хассану внезапно в голову пришла испугавшая его мысль.

– Давай проверим трюмы, – обратился он к Махмуду.

Они нашли трап, который вел вниз, и спустились в трюм. Хассан нащупал выключатель и повернул его.

Трюм был полон огромными бочками из-под масла, распертыми деревянными клиньями. На округлых бочках было написано слово «Запломбировано».

– Вот он, – облегченно вздохнул Хассан. – Вот он, уран.

Уставившись на бочки, они потом посмотрели друг на друга. В это мгновение все соперничество было забыто.

– Мы это сделали, – сказал Хассан. – Аллах милостивый, мы это сделали.

Когда сгустилась тьма, Тюрин увидел, как механик пошел

включить белый стояночный огонь. Возвращаясь, он не поднялся на мостик, а прошел на корму и скрылся в надстройке. Скорее всего, пошел перекусить. Тюрин тоже проголодался. Он захватил с собой соленую треску и солидный ломоть черного хлеба. Весь день он просидел, скорчившись, в спасательной шлюпке и наблюдал, как Кох разгуливает по палубе. Он не мог думать ни о чем, кроме как о раздиравшем его чувстве голода; он мучил себя картинками икры, копченых балыков, грибочков и обилия мягкого хлеба.

Еще рано, Петр, говорил он себе.

Как только Кох скрылся из виду, Тюрин выкарабкался из шлюпки, с трудом размял застывшие мышцы и торопливо двинулся по палубе к кладовой.

Ему пришлось отбросить ящики и барахло, перекрывавшие доступ в маленькое помещение, где хранилась его рация. Стоя на четвереньках, он отбросил последнюю коробку и пополз по образовавшемуся проходу.

Передача началась с повторения короткого двухбуквенного сигнала. Найдя кодовую книгу, Тюрин выяснил, что предварительно должен переключиться на другую частоту. Подчинившись инструкции, он передал свои позывные.

Ростов тут же ответил:

«План изменен. Хассан нападает на «Копарелли».

Тюрин изумленно нахмурился и передал:

«Прошу повторить».

«Хассан предатель. Федаины будут атаковать «Копарелли».

– Господи, что же это происходит? – вслух произнес Тюрин. – «Копарелли» на месте, он на нем... Почему Хассан собирается... ну, конечно же, из-за урана.

Ростов по-прежнему что-то передавал.

«Хассан планирует устроить засаду для Дикштейна. Для претворения наших планов необходимо предупредить Дикштейна о засаде».

Тюрин было нахмурился, расшифровывая послание, а потом, все поняв, просиял.

– А потом мы появимся и вышибем всех, – сказал он про себя. – Умно. Но что мне делать?

Он передал:

«Как?»

«Вызывай «Штромберг» на постоянной частоте «Копарелли» и точно, повторяю, точно передай следующий текст: кавычки Судно захвачено, думаю, что арабами кавычки закрываются.

Тюрин кивнул. Дикштейн решит, что Кох успел передать эти несколько слов до того, как арабы убили его. Предупрежденный, Дикштейн сможет отбить «Копарелли». А затем «Карла» Ростова столкнется с судном Дикштейна, как и планировалось. Но что со мной будет? – подумал Тюрин.

Он отбил:

«Все понятно».

До него донесся отдаленный глухой удар, словно кто-то пришвартовался к борту судна. Сначала он не обратил на это внимания, а потом припомнил, что на борту нет никого, кроме них с Кохом. Подобравшись к дверям, он выглянул из них.

На борт поднимались федаины.

Задравив двери, он поспешил обратно к передатчику.

«Хассан здесь»,

– передал он.

Ростов ответил:

«Тут же связаться с Дикштейном».

«А что мне потом делать?»

«Прятаться».

Большое спасибо, подумал Тюрин. Вздохнув, он настроился на другую волну, чтобы связаться со «Штормбергом».

В голову ему пришла мрачная мысль, что ему уж больше не придется поесть даже соленой трески.

– Я было думал, что придется обвешиваться оружием до зубов, но тут это просто смешно, – сказал Дикштейн, и все охотно рассмеялись.

Поступившее послание с «Копарелли» сразу же изменило его настроение. Сначала он был просто поражен. Каким

образом противная сторона смогла проникнуть в его планы настолько, что им удалось первым захватить «Копарелли»? Должно быть, где-то он допустил ужасную ошибку, доверившись кому-то. Сузи?... Но пока не имело смысла терзаться угрызениями совести. Их ждал бой. Его мрачная подавленность исчезла. Напряжение не покинуло его; оно сжалось, подобно стальной пружине, но теперь он мог управлять им на пользу делу, он знал, как его использовать.

Двенадцать человек в кают-компании «Штромберга» почувствовали перемену, происшедшую в Дикштейне, и им передалась его собранность перед схваткой, хотя они понимали, что кое-кому из них скоро придется погибнуть.

Теперь они в самом деле были вооружены до зубов. У каждого был 9-миллиметровый автомат «Узи», компактное удобное оружие весом в девять фунтов с полным магазином в 25 патронов и с откинутым прикладом всего на дюйм длиннее двух футов. У каждого было по три запасных магазина, а в кобуре на поясе – 9-миллиметровый «Люгер», обойма которого снаряжалась теми же боеприпасами, что и автомат; с другой стороны на поясе висели четыре ручные гранаты. Кроме того, каждый обзавелся оружием по своему собственному выбору: ножи, дубинки, штыки, кастеты и другое еще более экзотическое, которое трудно даже представить смертельно опасным оружием.

Дикштейн понимал, в каком настроении его боевые друзья, и понимал, что оно перешло к ним от него. Он и раньше

сталкивался с таким общим духом перед боем. Всем им не был чужд страх, и, как ни парадоксально, именно он заставлял их желать скорейшего начала схватки, потому что хуже всего было ожидание; обстановка боя оказывала наркотическое воздействие, и лишь после него было ясно, кто остался в живых, кто погиб, но ни о чем больше не надо беспокоиться.

Дикштейн детально разработал план атаки и рассказал о нем. «Копарелли» – этакий миниатюрный танкер, с трюмами в передней и средней части палубы, с основной надстройкой на корме, где располагается и дополнительная. Основная надстройка включает в себя командный мостик, каюты офицерского состава и общую кают-компанию; под ней – кубрики команды. В дополнительной надстройке проход, ведущий к кладовым, а под ними – машинное отделение. На палубе обе надстройки отделены друг от друга, но внизу сообщаются между собой.

Им предстоит высаживаться тремя группами. Аббас атакует с носа. Остальные две, возглавляемые Бадером и Гибли, штурмуют с правого борта и левого по трапам, свисающим с кормы.

Обеим этим штурмовым группам предстоит сразу же уходить вниз и двигаться вперед, уничтожая врагов внутри судна, куда их должен будет загнать Аббас и его люди с носовой части судна. Поскольку принятая стратегия действий предполагала, что основной очаг сопротивления останется на мостике, Дикштейн решил сам заняться им.

Атака должна состояться под покровом ночной тьмы: в противном случае им ни в коем случае не удастся подняться на борт – их засекут едва только они окажутся на палубе. Осталось решить проблему, как не подстрелить друг друга в ночном бою. Он предложил опознавательный сигнал, слово «Алия», и атакующие силы были разведены в разные стороны, чтобы они не столкнулись друг с другом, пока все не будет кончено.

Теперь оставалось лишь ждать.

Они сидели тесным кружком на «Штромберге», столь похожего на «Копарелли», где им скоро предстояло драться и умирать. Дикштейн обратился к Аббасу.

– С носа вы будете держать под контролем переднюю часть палубы, пространство, открытое для огня. Размести своих ребят за прикрытиями и оставайтесь там. Как только враг на палубе попыбует сменить позиции, снимайте его. Ваша главная проблема – подавить огонь с мостика.

Развалившись в кресле, Аббас еще больше, чем обычно, походил на танк. Дикштейн мог только радоваться, что он рядом с ним.

– И мы первыми открываем огонь.

Дикштейн кивнул.

– Да. У вас есть хорошая возможность попасть на борт незамеченными. Но не открывайте огня, пока последний из нас не поднимется на палубу.

Кивнул и Аббас.

– Я вижу, что в моей команде и Пороуш. Ты же знаешь, что он мой зять, муж сестры.

– Да. Кроме того, я знаю, что он единственный женатый человек здесь. И, думаю, у тебя есть право позаботиться о нем.

– Спасибо.

Фейнберг поднял глаза от лезвия ножа, которое он острил. Теперь тощий ньюйоркец не улыбался.

– Что ты знаешь об этих арабах?

Дикштейн нерешительно покачал головой.

– Они могут быть и регулярной армией и федаинами.

Фейнберг ухмыльнулся.

– Будем надеяться, что армейские – стоит им только увидеть наши рожи, сразу сдадутся.

Шутка была не из лучших, но все облегченно расхохотались.

– Поймите, – сказал Дикштейн, – они предполагают, что, по нашему мнению, нас ждет совершенно пустое судно. И их засада должна быть жуткой неожиданностью для нас. Они ждут легкой победы – но мы подготовились к бою. И кроме того, будет темно...

Открылась дверь и вошел капитан.

– Мы в виду «Копарелли», – сказал он.

Дикштейн встал.

– Пошли. Удачи – и пленных не брать.

Глава шестнадцатая

Три шлюпки отвалили от «Штормберга» незадолго перед рассветом.

Через несколько секунд они уже не видели судна, оставшегося за кормой. Оно притушило навигационные огни, освещения ни на палубе, ни в каютах не было, даже в тех, что располагались ниже ватерлинии, дабы ничто не могло предупредить «Копарелли».

В течение ночи погода ухудшилась. Капитан «Штормберга» сказал, она еще не такая плохая, чтобы заслужить название шторма, но дождь налетал порывами столь мощными, что ведро со звоном летало по палубе, а волны были так высоки, что Дикштейну пришлось изо всех сил вцепиться в банку, на которой он сидел в шлюпке.

На какое-то время они словно зависли в непроглядной тьме, когда ничего не было видно ни спереди, ни сзади. Дикштейн даже не мог различить лиц тех четверых, что были с ним в шлюпке. Нарушил молчание Фейнберг:

– Я все же считаю, что стоило отложить рыбалку до рассвета.

Легкий свист дал понять, что наступила полночь.

Дикштейн предпринял те же предосторожности, что и прочие: под непромокаемой курткой и спасательным жилетом он надел старый вязаный пуловер отца, в нагрудном кар-

машке которого лежали старые часы. Однажды они уже приняли на себя немецкую пулю.

Дикштейну было свойственно логическое мышление, но порой ему казалось, что он слегка сходит с ума. Его роман с Сузи и ее предательство все перевернули в нем; все прежние ценности и мотивы действий были отброшены, а новые сейчас рассыпались в прах. Его по-прежнему беспокоили лишь строго определенные вещи: он хотел победить в этой схватке, он хотел, чтобы уран достался Израилю, и он хотел убить Ясифа Хассана; единственное, что его не беспокоило – он сам. Внезапно его покинуло ощущение страха перед пулевым ранением, перед болью и смертью. Сузи предала его, и он больше не ощущал всепоглощающей страсти и желания жить долго и счастливо всю оставшуюся жизнь. Если Израиль обзаведется своей бомбой, Эстер успокоится в мире. Мотти дочитает «Остров сокровищ», а Игал будет выращивать свой виноград.

Он сжал под курткой ствол автомата.

Шлюпка перевалила через гребень волны, и внезапно перед ними вырос борт «Копарелли».

Несколько раз притормаживая и прикидывая, как добиться мгновенного успеха, Леви Аббас подвел свою шлюпку к самому носу «Копарелли». Белый фонарь над головой мешал четко различать все вокруг, но нависающий над ним изгиб борта скрывал суденышко от глаз любого, кто оказался бы на палубе или на мостике. Когда шлюпка подошла к свисающе-

му трапу, Аббас обвязался под курткой канатом. Помедлив, он скинул ее, отвязал автомат и повесил его себе на шею. Стоя одной ногой в шлюпке, а другой опираясь на планшир, он, дождавшись подходящего момента, прыгнул.

Ему удалось вцепиться в трап ногами и руками. Размотав канат, он привязал его к нижней перекладине. Поднявшись по лестнице почти доверху, он остановился. Все должны перевалить перила, держась как можно ближе друг к другу, почти одновременно.

Обернувшись, он посмотрел назад. Шаррет и Шапир уже были на трапе сразу же за ним. Пока он смотрел, прыгнул и Поруш, но промахнулся, не успел ухватиться за перекладину, и на мгновение у Аббаса сперло дыхание в горле; но Поруш скользнул вниз лишь на одну ступеньку, после чего зацепился локтем и восстановил равновесие.

Аббас подождал, пока Поруш подтянулся к Шапиру, и после чего перевалился через перила. Мягко приземлившись на четвереньки, он растянулся вдоль борта. Остальные столь же беззвучно последовали за ним: раз, два, три. Они оказались на свету, и их было ясно видно.

Аббас огляделся. Шаррет был самым маленьким и обладал верткостью змеи. Аббас прикоснулся к его плечу и показал через палубу.

– Прикрой-ка нас с того борта.

Шаррет ужом проскользнул два ярда открытой палубы и почти полностью скрылся за приподнятым комингсом люка.

Затем продвинулся еще немного вперед.

Аббас огляделся. В любой момент их могут обнаружить; они так ничего и не поймут, пока их не остановят очереди. Быстрее, быстрее! Тут же на носу стоял кабестан для подъема якоря с большой кучей цепей рядом.

– Шапир, – показал Аббас, и тот подполз к указанной позиции.

– Мне нравится кран, – сказал Поруш.

Аббас глянул на высящийся над ними деррик, который господствовал над всей носовой палубой. Кабинка машиниста крана была примерно в десяти футах. Позиция там была довольно опасной, но давала тактические преимущества.

– Давай, – кивнул он.

Поруш пополз вперед, по следам Шаррета. Наблюдая за ним, Аббас думал: толстая у него задница – сестра явно перекармливает его. Добравшись до крана, Поруш начал карабкаться по лестничке. Аббас затаил дыхание – если кому-то из врагов доведется сейчас взглянуть в ту сторону, пока Поруш на лестнице... но он уже забрался в кабину.

За спиной Аббаса на носу высилась небольшая надстройка, прикрывавшая несколько ступенек короткого трапа, что вел к двери вниз. Места там было немного и совершенно ясно, что там не размещалось ничего важного – скорее всего, судовая кладовка. Он сполз туда и осторожно приоткрыл скрипнувшую дверь. За ней была темнота. Прикрыв дверь, он повернулся и положил ствол автомата на верхнюю

ступеньку, испытывая удовлетворение, что успел расставить всех по местам.

На корме свет еле мерцал, и шлюпка Дикштейна без помех приблизилась к лестнице, свисавшей с правой стороны кормы. Гибли, руководитель группы, с трудом удерживал шлюпку на месте. Дикштейн нащупал багор на дне ее и притянулся к борту «Копарелли», пока волны старались оторвать их.

Гибли, который пришел из армии, настаивал на соблюдении старой израильской военной традиции, когда офицеры ведут своих подчиненных в бой, а не командуют ими сзади: он должен идти первым. Он неизменно носил шляпу, чтобы сохранить свою ухоженную прическу, но сейчас сменил ее на берет. Он скорчился у борта шлюпки, поднятой волной, а когда она приблизилась к борту судна, прыгнул. Зацепился он успешно и поднялся наверх.

Дождаясь своей очереди, Фейнберг сказал:

– Итак, ребята, считаю до трех – и открываю свой парашют, верно? – И затем он прыгнул.

Следующим пошел Кацен, а за ним Рауль Доврат. Дикштейн бросил крюк и последовал за ними. Вися на лестничке, он откинулся назад и увидел, что Гибли уже переносит ногу через перила.

Глянув из-за плеча, Дикштейн заметил, как начал светлеть горизонт, сообщая о близком приближении рассвета.

Внезапно раздался грохот автоматной очереди и крики.

Дикштейн увидел, как Гибли медленно валится спиной назад с верхней перекладины лестницы. Его берет слетел, подхваченный ветром, и исчез в темноте. Тело Гибли мелькнуло мимо Дикштейна и кануло в море.

– Пошел, пошел, пошел! – заорал Дикштейн.

Фейнберг буквально перелетел через перила. Упав на палубу, он кубарем покатился, как Дикштейн и предполагал и – да, он стал поливать очередями из своего автомата, прикрывая высадку остальных...

Вот уже и Кацен наверху, и в бой вступили четыре, пять автоматов, а Дикштейн, еще висая на лестнице, сорвал с пояса гранату, вырвал зубами из нее чеку и швырнул через борт ярдов на тридцать, где осколки ее не могли поразить никого из его людей, уже оказавшихся на палубе, и вот Доврат перевалил через перила, и Дикштейн увидел, как, перекатившись по палубе и привстав, он нырнул за укрытие кормовой надстройки, и тут Дикштейн завопил: «Я пришел за вами, ублюдками!» – и в высоком прыжке, перемахнув через ограждение, он приземлился на четвереньки, приник к палубе, скрываясь от огня, и кинулся к надстройке.

– Где они? – крикнул он.

Фейнберг перестал стрелять, чтобы ответить ему.

– На камбузе, – он ткнул пальцем в соседнюю надстройку. – На шлюпочной палубе и за проходом посреди судна.

– Ясно. – Дикштейн приподнялся. – Будем удерживать свои позиции, пока не поднимется на палубу группа Бадера.

Когда вы услышите, что они открыли огонь, двигайтесь. Доврат и Кацен, вышибить двери камбуза – и ныряйте в него. Фейнберг, прикрой их, а потом прокладывай путь вперед по палубе. Я проверю шлюпочную палубу. А ты тем временем как-нибудь отвлеки их внимание от трапа за бортом и команды Бадера. Сразу же открывай огонь.

Когда началась стрельба, Махмуд и Хассан допрашивали захваченного моряка. Они были в штурманской рубке, в задней части мостика. Моряк мог говорить только по-немецки, но Хассан владел этим языком. Моряк изложил историю, что на «Копарелли» случилась авария, экипаж сняли, оставив его дожидаться другого судна, которое доставит запасную часть. Он ничего не знал ни об уране, ни о готовящемся нападении Дикштейна. Хассан, конечно, не поверил ему, ибо – как он указал Махмуду – если Дикштейн организовал эту аварию на судне, он обязательно должен был бы оставить на борту кого-нибудь из своих людей. Моряка привязали к стулу, и теперь Махмуд один за другим отрезал ему пальцы, чтобы заставить выложить другую историю.

Они слышали выстрелы, потом наступило молчание, и снова выстрелы, которые теперь грохотали сплошным валом. Махмуд сунул в ножны свой кинжал и сбежал вниз по трапу, который вел из штурманской в отсек офицерских кают.

Хассан попытался оценить ситуацию. Федаины сгруппированны в трех местах – на палубе для спасательных шлю-

пок, в районе камбуза и в главной надстройке. С того места, где он находился, взгляду Хассана открывались оба борта, а если он пройдет на мостик, то увидит и носовую часть. Большая часть израильтян поднялась на судно со стороны кормы. Федаины – и те, кто размещались сразу под Хассаном, и на шлюпочной палубе – с обеих сторон поливали огнем корму. Со стороны камбуза огня не велось, поскольку, скорее всего, израильтяне захватили его. Они должны были бы спускаться вниз, но нападающие оставили на палубе двух человек, по одному с каждой стороны, чтобы следить за их отходом.

Засада Махмуда провалилась, это ясно. Израильтян надо было скосить, едва только те показались на борту. Но они успели укрыться, и сейчас бой шел на равных.

На палубе возникла патовая ситуация: обе стороны стреляли друг в друга, стоило кому-то только показаться из-за укрытия. В этом и есть замысел израильтян, предположил Хассан: держать все силы на палубе, пока кто-то из нападавших прорывается вниз. Они могут и должны атаковать опорный пункт федаинов, надстройку посреди судна и снизу, после чего прорвутся на промежуточную палубу.

Где ему лучше всего быть? Именно тут, решил Хассан. Чтобы добраться до него, израильтянам придется пробиваться через промежуточную палубу, потом через офицерский отсек, вверх на мостик и в штурманскую рубку. Эта позиция достаточно надежна, взять ее непросто.

Мостик качнулся от грохота взрыва. Тяжелая дверь, отде-

лявшая штурманскую рубку от мостика, сорвалась с петель и рухнула внутрь. Перед Хассаном открылся проем.

На мостике взорвалась граната. Тела трех фedaинов были разметаны по всему его пространству. Все стекла на мостике превратились в осколки. Граната, должно быть, прилетела с кормовой части, что означало высадку там еще одной группы израильтян. Словно в подтверждение его опасения с крана раздался треск очередей.

Хассан подобрал валяющийся на полу автомат, приладил его на оконную раму и открыл огонь.

Леви Аббас видел, как граната Поруша, мелькнув в воздухе, упала на мостик, откуда донесся глухой взрыв и полетели осколки стекла. Автоматный огонь оттуда ненадолго смолк, но потом вновь заговорил один ствол. Пару минут Аббас никак не мог понять, куда тот стреляет, поскольку ни одна из пуль не легла и близко с ним. Он посмотрел в другую сторону. Шапир и Шаррет вели огонь по мостику, и, похоже, никто из них не был под огнем. Аббас глянул на кран. Поруш – вот кто был под огнем. Из кабины раздавались ответные очереди. Поруш отстреливался.

Стрельба с мостика носила явно непрофессиональный характер, беспорядочный и неточный, человек просто выпускал веер пуль. Но у него была отличная позиция. Он был наверху и надежно защищен переборками мостика. Рано или поздно он поразит цель. Аббас кинул гранату, но она не до-

летела до цели. Только Поруш был на таком расстоянии, что мог поразить мостик броском, но он уже пустил в ход все свои гранаты, лишь четвертая из которых достигла цели.

Аббас снова выпустил несколько очередей и опять глянул на кабинку крана. Он увидел, как Поруш вывалился из нее, перевернулся в воздухе и грузно рухнул на палубу.

«Что я скажу сестре?» – подумал Аббас.

Автоматчик на мостике было прекратил огонь, а потом перевел его на Шаррета. Не в пример Аббасу и Шапиру, у того было очень ненадежное укрытие: он скорчился между планширем и кабестаном. Аббас и Шапир открыли яростный огонь по мостику. Но невидимый стрелок был недосыгаем: его очереди поливали палубу рядом с Шарретом, тот вскрикнул, рванулся в сторону и дернулся, как пораженный электрическим током, когда очередь прошла его тело: затем он застыл на месте.

Положение складывалось далеко не лучшим образом. Группа Аббаса должна была взять под контроль носовую часть палубы, но пока это сдерживал человек на мостике. Аббас должен снять его оттуда.

Он бросил еще одну гранату. Она упала недалеко от мостика и взорвалась: вспышка должна была на пару секунд ослепить стрелка: одновременно со взрывом Аббас вскочил и бросился к крану, чуть не оглохнув от огня Шапира, прикрывавшего его. Вскочив на лестничку, он открыл огонь, пока стрелок на мостике не заметил его. Пули со звоном вре-

зались в металл вокруг него. Ему показалось, что он целую вечность взбирается по лестнице. Какая-то явно свихнувшаяся часть его мозга начала считать ступени: семь-восемь-девять-десять...

В него попала срикошетившая пуля. Прощив бедренные мышцы, она не убила его, но потрясение от удара было таково, что, казалось, парализовало все мышцы нижней части тела. Ноги его соскользнули со ступенек. Несколько секунд он отчаянно пытался справиться с паникой, осознавая, что не чувствует ног. Инстинктивно Аббас схватился за ступеньки обеими руками, но выпустил их. В воздухе он успел повернуться, но, неловко упав, сломал себе шею и сразу же умер.

Чуть приоткрылась дверь из кладовой и оттуда вынырнуло испуганное лицо с вытаращенными глазами: никто не заметил русского, и он нырнул обратно, прикрыв за собой дверцу.

Когда Кацен и Доврат ворвались в коридор, ведущий в сторону камбуза, Дикштейн под прикрытием огня Фейнберга кинулся вперед. Согнувшись, он проскочил мимо того места, где они поднялись на борт, и приник к палубе за первой из спасательных шлюпок, которая была разнесена гранатой. Отсюда в слабом свете рассвета виднелись очертания центральной надстройки, походившей на три поставленных друг на друга кубика. На уровне главной палубы были офицерская палуба, их кают-компания, лазарет и каюты для воз-

можных пассажиров, которые использовались, как склад. На втором уровне располагались каюты офицеров, капитана и штурмана. На самом верху – мостик со штурманской и радиорубка.

Большая часть врагов была сейчас на уровне палубы в районе кают-компания. Ему предстояло проскочить мимо них и подняться по трапу, что вдоль дымовой трубы вел на вторую палубу, но единственный путь на мостик не позволял миновать вторую палубу. Он должен был сам уничтожить того, кто находился там, наверху.

Он оглянулся. Фейнберг скрылся за переборкой, наверно, чтобы перезарядить автомат. Он подождал, пока тот снова открыл огонь, и поднялся на ноги. Рассыпая веер пуль с бедра, он выскочил из-за спасательной шлюпки и бросился к трапу. Не замедляя скорости, он прыгнул сразу же на четвертую ступеньку и полез наверх, понимая, что в течение нескольких секунд представляет собой беззащитную цель, и слыша, как вокруг него пули со звоном впиваются в дымовод: добравшись до верхней палубы, он сразу же откатился в сторону, тяжело переводя дыхание. Стараясь унять дрожь во всем теле от напряжения, он лежал на полу рядом с дверью на офицерскую палубу.

Он шепотом выругался.

Оставалось перезарядить автомат. Прижавшись спиной к переборке, он тихонько приподнялся, пока не приник к заочной скважине: его взгляду открылся коридор с тремя

дверями по каждой стороне, а в дальнем конце вниз в кают-компанию уходил трап, откуда вел путь наверх в штурманскую рубку. Он прикинул, что на мостик можно попасть двумя путями: или по двум наружным трапам, которые вели на мостик, а оттуда в штурманскую – или же отсюда. Но арабы все еще контролировали ту часть палубы, держа ее под огнем; значит на мостик оставался только этот единственный путь.

Открыв дверь, он вошел внутрь. Скользнув по коридору до двери первой каюты, он приоткрыл ее и швырнул гранату. Он успел увидеть, как один из врагов стал поворачиваться и успел захлопнуть створку. Граната оглушительно разорвалась в небольшом пространстве. Оказавшись с соседними дверями на той же стороне, он швырнул гранату и туда, но она взорвалась в пустоте необитаемой каюты.

На этой стороне была еще одна дверь, но у него не осталось больше гранат.

Оказавшись рядом с дверью, он рывком открыл ее и прошил каюту огнем. Там был один человек, который вел огонь из иллюминатора. Он успел повернуться, высвобождая автомат, но очередь Дикштейна перерезала его пополам.

Повернувшись в дверном проеме, Дикштейн застыл в ожидании. Дверь каюты на противоположной стороне распахнулась, и Дикштейн сразу же срезал появившегося в ней человека. Он оказался в коридоре, ведя слепой огонь. Оставалось еще две каюты. Дверь ближайшей из них открылась,

когда Дикштейн просил ее очередь, и оттуда выпало тело убитого фedaина.

Оставалась только одна. Дикштейн ждал. Дверь со скрипом приоткрылась и снова закрылась. Прыгнув к ней, Дикштейн ударом ноги распахнул ее и выпустил очередь. Ответного огня не последовало: единственный обитатель каюты лежал, залитый кровью, на койке.

Дикштейн испытал нечто вроде дикого восторга: ему в одиночку удалось захватить эту палубу.

Теперь на мостик. Он двинулся по проходу. В дальнем конце кают-компания был путь наверх в штурманскую и вниз на офицерскую палубу. Ступив на ступеньку трапа, он посмотрел наверх и тут же, упав на палубу, откатился в сторону, потому что наверху показался ствол автомата, который открыл огонь.

Гранаты у него кончились. Человек в штурманской недосыгаем для автоматного огня. Укрываясь за переборкой, он мог поливать огнем трап, ведущий к нему. Дикштейну же, чтобы попасть наверх, надо было преодолеть этот трап.

Он заскочил в ближайшую каюту, чтобы из нее выглянуть на палубу и оценить ситуацию. Его потрясло открывшееся зрелище: только один из четырех человек группы Аббаса еще вел огонь, и Дикштейн увидел три распростертых тела. Казалось, что три или четыре автоматчика вели огонь по оставшимся израильтянам, прижимая их к прикрытию в виде кучи якорной цепи.

Дикштейн посмотрел в другую сторону. Фейнберг оставался на том же месте – ему не удалось продвинуться вперед. И по-прежнему не видно тех ребят, что спустились вниз.

Федаины хорошо закрепились на промежуточной палубе. Эта позиция давала им возможность держать под огнем силы врага и на палубе и под ними. Единственный способ справиться с ними – одновременная атака со всех сторон – включая и сверху. Для этого первым делом предстояло захватить мостик. Но до него не добраться, он был неприступен.

Проскочив по проходу обратно, Дикштейн выбрался из дверей, выходящих к носовой части судна. Все еще лил дождь, но на небе уже занимался холодный рассвет. Он должен поставить Фейнберга с одной стороны, а Доврата – с другой. Он стал выкрикивать их имена, пока они не услышали его, а затем показал направление броска. Выскочив на палубу, он рывком пересек ее и кинулся в сторону камбуза.

Они поняли его намерения. Через мгновение они последовали за ним.

– Мы должны пробиться в кают-компанию, – сказал Дикштейн.

– Не вижу, как это сделать, – отозвался Фейнберг.

– Заткнись, и я все объясню. Мы одновременно ворвемся в нее со всех сторон: сверху, снизу, с правого борта и с левого. Первым делом надо захватить мостик. Это я беру на себя. Когда я окажусь на нем, включу ревун. Он будет сигналом. Я хочу, чтобы вы спустились вниз и предупредили там ребят.

- Как ты доберешься до мостика? – спросил Фейнберг.
– Через крышу, – ответил Дикштейн.

Пока два фedaина на мостике, прикинув к окнам, вели огонь, Ясиф Хассан и Махмуд, сидя на полу, совещались.

– Они не могут одержать верх, – сказал Махмуд. – Отсюда мы контролируем практически всю палубу. Они не могут прорваться вниз через кают-компанию, потому что мы перекрываем подходы к ней. Они не могут атаковать ни с боков, ни в лоб, потому что отсюда мы их всех перестреляем. Они не могут нападать сверху, потому что им туда не добраться: мы снизу не подпустим. Так что остается только вести огонь, пока они не сдадутся.

– Один из них, – сказал Хассан, – несколько минут назад пытался прорваться в кают-компанию. Я остановил его.

- Ты сам справился с ним?
– Да.

Махмуд положил руку на плечо Хассана.

– Теперь ты один из фedaинов.

Хассан высказал то, что у обоих было на уме.

– А потом?

Махмуд кивнул.

– На равных.

Они сплели руки в пожатии. Хассан повторил:

– На равных.

– Теперь, – сказал Махмуд. – я думаю, они попробуют сно-

ва прорваться через кают-компанию – это их единственная надежда.

– Я буду прикрывать ее из штурманской, – предложил Хассан.

Они оба встали: в это мгновение очередь с фордека, прошив оконный проем, в котором не осталось стекол, вошла Махмуду в голову, и он мгновенно скончался.

Теперь Хассан стал лидером федаинов.

Лежа ничком, раскинув руки и ноги, чтобы затормозить скольжение, Дикштейн дюйм за дюймом полз по крыше. Скат ее был крут, зацепиться на ней было не за что, и от дождя сильно скользила. «Копарелли» качался на волнах, и в такт с его движениями крыша вздымалась, опадала, покачивалась с боку на бок. Дикштейну оставалось только прижиматься к ее мокрому металлическому покрытию, стараясь замедлить сползание.

На передней кромке крыши размещался навигационный фонарь. Если он доберется до него, то спасен, потому что сможет ухватиться за кронштейн. Но продвигался он до ужаса медленно. Он одолел около фута, но тут крыша встала дыбом, и он соскользнул назад, едва успев ухватиться за ее край, чтобы окончательно не упасть. Несколько секунд он висел, уцепившись, в тридцати футах над палубой. Судно качнулось в другую сторону, он успел забросить ногу на крышу и буквально вцепился ногтями в окрашенный металл.

Наступило мучительное затишье.

«Копарелли» качнулся назад.

Дикштейн заскользил вперед, все быстрее и быстрее, приближаясь к стойке навигационного фонаря.

Но корабль уже бросило в другую сторону, крыша вскинулась, и он покатился по ней, не дотянувшись до стойки всего лишь около ярда. Снова вжался руками, ногами и всем телом в металл, пытаюсь продвинуться хоть чуть дальше: снова завис над палубой; но на этот раз он держался правой рукой, и автомат, соскользнув с плеча, свалился в шлюпку под ним.

Корабль несколько раз бросило на волнах, и Дикштейн увидел, что он с нарастающей скоростью скользит к стойке навигационного фонаря. На этот раз он уцепился обеими руками. Стойка была примерно в футах от передней кромки крыши. Сразу же под ней располагалось окно мостика, стекло в котором уже было давно выбито, и из оконного проема торчали автоматические стволы.

Дикштейн держался за стояк, но не мог предотвратить дальнейшего скольжения. Его тело неудержимо тянуло к кромке крыши. Он заметил, что вдоль нее, не в пример боковым сторонам, тянулся металлический желоб, предохранявший стекла мостика от дождевых потоков с крыши. Когда его тело оказалось на самом краю, он отпустил стойку, перевалил через желоб, ухватился пальцами за его металлический изгиб и сделал резкое размашистое движение обеими ногами. Он пролетел вперед ногами сквозь выбитый окон-

ный проем и приземлился как раз посреди мостика. Чтобы смягчить удар, он приземлился на колени и сразу же выпрямился. Автомата у него не было и не было времени выхватить пистолет или нож. По обе стороны от него стояли два араба, поливавшие палубу огнем. Когда Дикштейн поднялся, они поворачивались к нему, и на их лицах застыло нескрываемое изумление.

На несколько сантиметров Дикштейн оказался ближе к одному из стрелков. Он нанес ему резкий удар ногой, который, скорее, в силу удачи попал тому в локоть, моментально парализовав руку, в которой он держал автомат. Дикштейн тут же прыгнул к другому автоматчику. Ствол развернулся навстречу нападавшему, но с запозданием на долю секунды: Дикштейн поднырнул под него. Он вскинул правую руку, нанося самый жестокий удар из всех ему известных: тыльная часть ладони пришлась точно в подбородок арабу, и его голова откинулась назад, подставившись под второй удар, который Дикштейн нанес по законам карате, перерубив ему кадык.

Прежде, чем тот успел опуститься на палубу, Дикштейн схватил его за куртку и подтянул к себе, закрывшись от другого араба. Тот успел уже вскинуть автомат. Дикштейн толкнул обвисший на его руках труп навстречу оружию, открывшему огонь. Тело мертвеца приняло в себя очередь и повалилось на араба, который, потеряв равновесие, сделал шаг в открытую за его спиной дверь и рухнул на палубу.

В штурманской находился и третий человек, перекрывавший подход снизу. В течение тех секунд, что Дикштейн находился на мостике, он успел встать и повернуться. Дикштейн узнал Ясифа Хассана.

Мгновенно присев на корточки, Дикштейн выкинул ногу и толкнул сорванную с петель дверь, что лежала между ним и Хассаном. Она скользнула по палубе, ударив Хассана по ноге. Этого хватило, чтобы тот на мгновение потерял равновесие, но когда он взмахнул руками, пытаясь сохранить его, Дикштейн уже был рядом с ним.

До этого момента Дикштейн действовал как машина, рефлекторно реагируя на все, что противостояло ему, отключив нервную систему и позволяя руководить собой только тренировке и инстинкту; но сейчас он осознал, что происходит. Теперь перед ним оказался враг всего, что было ему дорого, всего, что он любил, и им овладели дикая ненависть и слепая ярость.

Они придали ему дополнительную мощь и быстроту движений, о которых он и не подозревал.

Он перехватил руку Хассана, в которой был автомат, в кисти и у плеча и резким рывком вниз переломил ее о колено. Хассан вскрикнул, и автомат выпал из его парализованной руки. Развернувшись, Дикштейн нанес сопернику резкий удар локтем, который пришелся тому под ухо. Хассан развернулся, падая. Оказавшись сзади, Дикштейн схватил его за волосы, оттянув голову, а когда Хассан попытался,

дернувшись, освободиться от него, он поднял ступню и нанес четкий удар. Его пятка пришлась в основание черепа Хассана, когда тот пытался повернуть голову. Раздался сухой треск, и голова, безвольно мотнувшись, свесилась на плечо.

Дикштейн отпустил его, и тело Хассана, обмякнув, свалилось на палубу.

Он смотрел на поверженного врага, и звон в ушах говорил о владевшем им возбуждении.

И тут только он увидел Коха.

Инженер висел на веревках, которые приматывали его к креслу, бледный как смерть, но в сознании. Его одежда была залита кровью. Дикштейн вынул нож и перерезал веревки. Только тут он увидел руки Коха.

– Господи, – только и смог вымолвить он.

– Я буду жить, – пробормотал Кох.

Дикштейн взял автомат Хассана и проверил магазин. Он был почти полон. Оглядевшись на мостике, нашел ревуна.

– Кох, – сказал он, – можешь ли ты сползти с этого кресла?

Встав, Кох пошатнулся, и Дикштейн успел поддержать его и подтащить по мостику.

– Видишь эту кнопку? Я хочу, чтобы ты медленно сосчитал до десяти, а потом нажал ее.

Кох помотал головой, чтобы к нему вернулась ясность мышления.

– Думаю, что справлюсь.

– Начинай. Итак...

– Раз, – начал считать Кох. – Два...

Дикштейн спустился в кают-компанию и выбрался на вторую палубу, которую уже очистил несколько ранее. Она по-прежнему была пуста. Он прошел еще дальше и остановился у трапа, который вел в кают-компанию. Он прикинул, что еще оставшиеся в живых фedaины должны быть здесь: прижавшись к переборкам, они стреляют сквозь иллюминаторы и дверные проемы; один или два, наверно, наблюдают за кают-компанией. Надежного и безопасного способа взять столь укрепленную позицию не существовало.

Давай же, Кох!

Дикштейн прикинул, что в кают-компании он может провести не более нескольких секунд. В любой момент один из арабов может двинуться проверить, что тут делается. Если Кох потерял сознание, ему самому придется подняться наверх и...

Раздался ревун.

Дикштейн прыгнул ногами вперед. Еще в полете он открыл огонь. У подножья трапа стояли два человека. Он уложил их первыми. С внешней стороны огонь пошел по нарастающей. Дикштейн стремительно полуобернулся и припал на колени, чтобы представлять собой как можно меньшую цель, и прошил очередь фedaинов, стоящих вдоль переборки. Внезапно к нему присоединился еще один автомат Иша, поднявшегося снизу: в дверях показался безостановочно стрелявший Фейнберг, а в других – Доврат, не обращаю-

щий внимания на свое ранение. И, словно по сигналу, все они прекратили стрелять, и наступившая тишина обрушилась на них, подобно грому.

Все фedaины были мертвы.

Дикштейн, не поднимаясь с колен, в изнеможении опустил голову. Через несколько секунд, поднявшись, он посмотрел на своих людей.

– Где остальные? – спросил он.

Фейнберг как-то странно глянул на него.

– Кто-то на верхней палубе, думаю, что Шапир.

– А остальные?

– Вот и все, – сказал Фейнберг. – Все остальные погибли.

Дикштейн привалился к переборке.

– Какой ценой... – прошептал он. И глядя сквозь выбитый иллюминатор, он увидел, что уже занялось утро.

Глава семнадцатая

Год тому назад лайнер ВОАС, в салоне которого Сузи разносила обед, внезапно без всяких видимых причин стал терять высоту над Атлантическим океаном. Пилот включил надпись: «Пристегнуть ремни!». Сузи ходила по проходу, помогая людям закрепиться в креслах, и повторяла: «Всего лишь небольшая воздушная яма», – и в то же время в голове у нее крутилась мысль: «Мы погибнем, мы все погибнем».

Сейчас она чувствовала себя точно так же.

Поступило краткое послание от Тюрина: «Израильтяне нападают...» – и затем молчание. Может, в эту минуту Натаниеля уже застрелили. Он мог получить ранение, его могли захватить в плен, его могли убить; но, терзаясь этими мыслями, Сузи вынуждала себя одаривать радиста «Большой Улыбкой» компании ВОАС и восхищаться:

– Ну, до чего у вас сложная работа.

Радистом на «Карле» был крупный седоволосый человек из Одессы. Звали его Александр и он говорил на вполне сносном английском.

– Эта аппаратура стоит сто тысяч долларов. Вы знакомы с радио?

– Немного... я была стюардессой. – Она сказала «была» без задней мысли, удивившись, неужели она в самом деле была ею в настоящей жизни? – Я видела, как экипаж поль-

зовался рацией. И знаю какие-то основы.

– По сути, тут четыре рации, – объяснил Александр. – Одна настроена на маяк «Штромберга». Одна слушает Тюрина на «Копарелли». А эта запасная. Вот смотрите.

Он показал ей шкалу, по которой медленно ползала стрелка.

– Она ищет передатчик и останавливается, когда найдет его.

– Невероятно! Это вы сами все придумали?

– К сожалению, я всего лишь радист, а не изобретатель.

– То есть, вы можете работать на любой из этих четырех раций – стоит только поставить на «Передачу»?

– Да, азбукой Морзе или голосом. Но, конечно, речь тут никто не пользуется.

– Наверно, надо долго учиться, прежде чем стать радистом?

– Не очень. Выучить азбуку Морзе нетрудно. Но чтобы быть судовым радистом, надо уметь ремонтировать аппаратуру. – Он понизил голос. – А радист КГБ должен кончить разведшколу. – Он засмеялся, и Сузи присоединилась к нему, думая в то же время: «Объявись же, Тюрин», и, наконец, ее желание исполнилось.

Когда началась передача, Александр начал было ее записывать и тут же повернулся к Сузи.

– Это Тюрин. Позовите, пожалуйста, Ростова.

Сузи неохотно покинула мостик, потому что хотела знать,

что радировал Тюрин. Она спустилась в кают-компанию, надеясь найти Ростова за чашкой крепкого черного кофе, но там его не было. Спустившись на нижнюю палубу, она прошла к его каюте и постучала.

Она услышала несколько слов по-русски, которые приняла за разрешение войти.

Сузи открыла дверь. Ростов стоял в трусах, моясь в тазу.
– Тюрин передает, – сказала Сузи, поворачиваясь, чтобы уходить.

– Сузи.

Она развернулась.

– Что бы вы сказали, если бы я застал вас в белье?

– Я бы вас послала.

– Подождите снаружи.

Она закрыла двери, думая: так мне и надо. Когда он вышел, Сузи извинилась. Он натянуто улыбнулся.

– Я не должен был позволить себе такие непрофессиональные действия. Пошли.

Она последовала за ним в радиорубку, которая находилась сразу же под мостиком, рядом с капитанской каютой. Поскольку радиоаппаратура занимала много места, как объяснил Александр, ее нельзя разместить на мостике, так что такое расположение общепринято. Сузи прикинула, что такой подход обеспечивает добавочные меры предосторожности, чтобы к рации никто не имел доступа, хотя на судне половина моряков, а другая половина – агенты КГБ.

Александр перевел сообщение Тюрина. Он протянул его Ростову, который зачитал текст по-английски.

«Израильтяне взяли «Копарелли». На подходе «Штромберг». Дикштейн жив».

Сузи испытала огромное облегчение. Ей пришлось сесть, потому что ноги ее не держали.

Никто не обратил на нее внимания. Ростов уже составлял ответ Тюрину:

«Сближение с вами предполагается к шести часам завтрашнего утра».

Облегчение покинуло ее, и Сузи подумала: «О, Господи, что же мне теперь делать?»

Нат Дикштейн молча стоял, надвинув на глаза старую морскую фуражку, пока капитан «Штромберга» читал заупокойную молитву по погибшим, перекрикивая вой ветра, гул дождя и моря. Один за другим, зашитые в парусину, тела канули в черные глубины моря: Аббас, Шаррет, Поруш, Гибли, Бадер, Ремес и Жаботинский. Семь ребят из двенадцати погибли. Уран – самый дорогой металл в мире.

Раньше состоялись и другие похороны. Четверо фedaинов остались в живых – трое раненых, а у одного сдали нервы в бою и он спрятался. После того, как их обезоружили, Дикштейн разрешил им похоронить своих погибших. Им пришлось изрядно потрудиться – в море отправились двадцать

пять трупов. Они торопливо провели церемонию похорон под взглядами – и автоматами – оставшихся в живых израильтян, которые понимали, что вынуждены оказать врагам такую любезность, но она им не нравилась.

Тем временем капитан «Штромберга» перенес к себе на борт все корабельные бумаги и документы. Команда плотников и отделочников, которых взяли на борт именно для такого случая, спешно принялась переоборудовать «Копарелли» в «Штромберг», заделывая следы разыгравшегося боя. Дикштейн потребовал уделить основное внимание тем разрушениям, которые видны с палубы: остальное может подождать, пока они не окажутся в порту. Они заделывали и закрашивали пробоины, ремонтировали мебель, вставляли стекла и меняли искореженные рамы и косяки, которые безжалостно выдирались с обреченного «Штромберга». Маляр, висящий в лебедке за бортом, закрасив название «Копарелли», на его месте выводил «Ш-т-р-о-м-б-е-р-г». Закончив с бортом, он принялся за надстройку и трубу. Те спасательные шлюпки «Копарелли», которые уже не подлежали ремонту, были выкинуты за борт, а на их месте оказались шлюпки «Штромберга». Новый масляный насос, который по указанию Коха доставил «Штромберг», был поставлен на «Копарелли».

Работа была прекращена только для церемонии похорон и, как только капитан произнес последние слова прощальной молитвы, закипела снова. Ближе к концу дня ожил двигатель. Дикштейн стоял на мостике, когда капитан приказал

поднять якорь. Команда «Штромберга» быстро освоилась на новом корабле, который был копией предыдущего. Капитан проложил курс и отдал «полный вперед».

Все почти кончено, подумал Дикштейн. «Копарелли» исчез: по всем приметам судно, которое сейчас легло на курс, было «Штромбергом», а он законным образом принадлежал «Сейвил шипинг». У Израиля будет свой уран, и никому в голову не придет, откуда он взялся. Все, участвовавшие в этой операции, получили свое – все, кроме Педлера, который пока еще считается законным владельцем урановой руды. Он – единственный человек, который еще может разрушить весь замысел, если будет излишне дотошным и враждебным. Папагополусу еще придется иметь с ним дело: Дикштейн мысленно пожелал ему удачи.

– Мы на курсе, – доложил капитан.

Взрывник в штурманской повернул ручку своей машинки, и все, столпившиеся на палубе, устремили взгляды на опустевший «Штромберг», который виднелся в миле от них.

Раздался мощный глухой гул, подобно грому, и «Штромберг» осел в середине корпуса. Его топливные баки занялись пламенем, отсветы которого отражались в низких вечерних облаках. Дикштейн ощутил возбуждение и легкую тревогу при виде такой величественной гибели судна. «Штромберг» начал тонуть, сначала медленно, а потом все быстрее. Вот и корма ушла под воду, через несколько секунд погрузилась носовая часть: труба еще несколько секунд виднелась над во-

дой, как вскинута рука утопающего человека, а потом исчезла и она.

Дикштейн чуть заметно улыбнулся и повернул голову.

До него донеслись какие-то звуки. Капитан тоже их услышал. Они склонились с крыла мостика и только тут все поняли.

Столпившиеся внизу на палубе люди аплодировали.

Франц Альберт Педлер сидел в своем офисе на окраине Висбадена и задумчиво почесывал снежно-белую голову. Телеграмма от «Ангелуцци и Бьянко» из Италии, которую перевела с итальянского его секретарша-полиглот, была совершенно недвусмысленная и, с другой стороны, абсолютно непонятная. В ней говорилось:

«Будьте любезны, как можно скорее сообщите о новой дате прибытия урановой руды».

Насколько Педлер знал, груз должен был прибыть, как и предполагалось, пару дней назад. Но, без сомнения. «Ангелуцци и Бьянко» его не получили. Он тут же связался с капитаном:

«Доставлена ли руда?»

Он чувствовал легкое раздражение. Конечно же, как получатели груза, они должны были проинформировать его о задержке. Но, может, они что-то напутали со своим посланием. Во время войны у Педлера сформировалось твердое

убеждение, что итальянцы никогда не делают того, что говорят. Он было думал, что в наши дни они переменились, но, скорее всего, остались точно такими же.

Он стоял у окна, наблюдая, как вечерние сумерки сгущаются над крышами его небольшого предприятия. Надо было бы ему самому закупить уран. Эта сделка с израильской армией могла бы обеспечить доход его компании до конца его жизни, и у него не было бы больше необходимости спекулировать.

Его секретарша доставила ответ от капитана, который тут же перевела:

«Копарелли» продан компании «Сейвил шипинг» из Цюриха, которая ныне несет ответственность за ваш груз. Заверяем вас в полной надежности покупателей».

Дальше следовал номер телефона «Сейвил шипинг» и совет:

«Переговорите с Папагополусом».

Педлер передал телеграмму секретарше.

– Будьте любезны набрать этот цюрихский номер и пригласить к телефону Папагополуса.

Она вернулась через несколько минут.

– Папагополус вам перезвонит.

Педлер посмотрел на часы.

– Мне лучше дождаться его звонка. Если я уж начал это дело, надо его довести до конца.

Папагополус объявился через десять минут. Педлер сказал ему:

– Мне сообщили, что теперь вы отвечаете за мой груз на борту «Копарелли». Я получил радиограмму от итальянцев, которые осведомляются о новой дате получения его – что, возникла какая-то задержка?

– Да, в какой-то мере, – ответил Папагополус. – Вам должны были сообщить, и я очень извиняюсь. – Человек говорил на отличном немецком, но чувствовалось, что он не немец. Видно было также, что извинения не волновали его. Он продолжил: – Когда «Копарелли» был в море, вышел из строя масляный насос, и судну пришлось встать на якорь. Мы предпринимаем все возможное, чтобы ваш груз был доставлен, как можно скорее.

– Ну, а что мне сказать «Ангелупци и Бьянко»?

– Я скажу им, что, как только мне станет известна окончательная дата доставки, я им тут же сообщу, – заверил его Папагополус. – Прошу вас, предоставьте мне это. Я буду держать обе стороны в курсе.

– Очень хорошо. Будьте здоровы.

Странно, подумал Педлер, вешая трубку. Глянув в окно, он заметил, что все рабочие уже ушли. Стоянка для служащих была пуста, если не считать его «Мерседеса» и «Фольксвагена» секретарши. Какого черта, пора отправляться домой. Он надел пальто. Уран застрахован. Если с ним что-то случится, потери возместят. Он выключил свет в кабине и

помог секретарше надеть пальто, после чего сел в свою машину и направился домой к жене.

Сузи Эшфорд всю ночь не сомкнула глаз.

Жизнь Ната Дикштейна снова в опасности. И снова она была той единственной, которая могла предупредить его. Но на этот раз она уже никого не могла обмануть, чтобы кто-то оказал ей содействие.

Она должна действовать в одиночку.

Это было просто. Она должна оказаться в радиорубке «Карлы», избавиться от Александра и связаться с «Копарелли».

Мне никогда с этим не справиться. Судно полно агентов КГБ. Александр – крупный мужчина. Я хочу уснуть. Навсегда. Это невозможно. Я не могу этого сделать.

О, Натаниель.

Встав в четыре утра, она натянула свитер, брюки, сапоги и непромокаемую куртку. Из кают-компания она захватила полную бутылку водки – поможет уснуть – и засунула ее во внутренний карман куртки.

Ей предстояло узнать, где находится «Карла».

Она поднялась на мостик. Первый помощник встретил ее улыбкой.

– Не спится? – спросил он по-английски.

– Слишком сказывается напряжение, – ответила она ему.

«Большая Улыбка» авиакомпании ВОАС. «Вы пристегну-

лись, сэр? Всего лишь небольшая воздушная яма, не стоит беспокоиться». Она спросила первого помощника: – Где мы находимся?

Он показал ей их место на карте и предполагаемое место «Копарелли».

– А это что за цифры? – поинтересовалась Сузи. Он растолковал ей все о координатах, курсе и скорости «Карлы». Она повторила цифры вслух и дважды про себя – чтобы они отпечатались в мозгу.

– Потрясающе, – восхитилась она. – Тут на судне все такие умные... Вы думаете, мы настигнем «Копарелли» вовремя?

– О, да, – сказал он. – А потом – бум!

Она выглянула наружу. Стояла густая тьма – в поле зрения не видно ни звезд, ни судовых огней. Погода заметно ухудшилась.

– Вы дрожите, – сказал первый помощник. – Холодно?

– Да, – сказала она, хотя колотило ее не из-за погоды. –

Когда поднимется полковник Ростов?

– Он просил разбудить его в пять часов.

– Думаю, что попробую вздремнуть еще часик.

Она спустилась в радиорубку. В ней находился Александр.

– Вам тоже не спится? – спросила она его.

– Да. Я послал спать напарника.

Она пригляделась к радиоаппаратуре.

– Разве вы не слушаете больше «Штромберга»?

– Передача прекратилась. То ли они нашли маяк, что ли судно затонуло. Мы думаем, что они потопили его.

Сев, Сузи вытащила бутылку водки и открыла пробку.

– Выпейте. – Она протянула ему бутылку.

– Вам холодно?

– Немного.

– У вас руки дрожат. – Он взял у нее бутылку и, поднеся к губам, сделал большой глоток. – Ну, спасибо. – поблагодарил он Сузи, возвращая ей бутылку.

Сузи тоже отпила для храбрости. Это была крепкая русская водка, которая обожгла ей горло, но оказала свое воздействие. Закрутив пробку, она подождала, пока Александр повернулся к ней спиной.

– Расскажите мне о жизни в Англии, – обратился Александр к ней. – Это правда, что бедняки голодают, пока богачи толстеют и наживаются?

– Голодают не очень многие, – сказала она. Повернись, черт возьми, да повернись же. Я не могу сделать это, стоя лицом к тебе. – Но существует большое неравенство.

– И существуют разные законы для богатых и бедных?

– Есть пословица: «И богатым и бедным закон запрещает воровать хлеб и спать под мостом».

Александр засмеялся.

– В Советском Союзе все равны, но у некоторых есть кое-какие привилегии. Теперь вы будете жить в России?

– Не знаю. – Сузи снова открыла бутылку и протянула ему.

Сделав большой глоток, он вернул ее.

– В России у вас не будет таких нарядов.

Время стремительно улетучивалось, и ей придется приступить к делу. Она встала, чтобы перенять бутылку. Куртка ее распахнулась на груди. Стоя перед ним, она запрокинула голову, чтобы отпить из бутылки, зная, что теперь он уставился на ее поднявшуюся грудь. Она позволила ему основательно приковаться к ней взглядом, а затем, перехватив бутылку за горлышко, со всей силой спустила ее ему на макушку.

От звука удара ее передернуло. Он изумленно уставился на нее. Она подумала: ты же должен потерять сознание! Но глаза его оставались открытыми. Что делать? Сжав зубы, она еще раз ударила его.

Глаза его закрылись, и он обмяк на стуле. Сузи еле успела отпрянуть от его дернувшихся ног. Когда он свалился со стула, голова его гулко стукнулась о палубу, заставив Сузи слегка вздрогнуть, но в то же время она подумала: еще лучше, он окончательно и надолго отключился.

Она подтащила его к шкафу. Она тяжело дышала от страха и от возбуждения. Из кармана джинсов она вытащила двойной моток веревки, которую нашла на корме. Она связала Александру ноги и, перевернув его на живот, скрутила руки за спиной.

Она должна засунуть его в шкаф. Сузи посмотрела на дверь. О, Господи, только бы никто не зашел. Она засуну-

ла в проем шкафа его ноги, а затем попыталась приподнять его бесчувственное тело. Он был очень грузным. Она почти усадила его, но, когда попыталась еще приподнять его и засунуть в шкаф, выскользнул у нее из рук. Она попыталась снова подхватить его сзади, пропустив руки под мышками и приподнимая его. На этот раз получилось лучше: вес ради-ста лег ей на грудь, и ей удалось подтащить его. Ей придется залезть в шкаф вместе с ним, уложить его, а потом как-то выбраться из-под него.

Теперь он находился в сидячем положении, с согнутыми коленями, подошвы его упирались в стенку шкафа, а спина – к противоположной стенке. Она проверила веревки: не развяжутся. Но он же может закричать, придя в себя! Она огляделась в поисках тряпки, из которой можно сделать кляп и засунуть ему в рот. На глаза ей ничего не попало. Она не могла оставить рубку и отправиться на поиски, потому что он каждую минуту мог придти в себя. Единственное, что ей пришло на ум – это ее трусики.

Ей казалось, что она освобождается от них целую вечность. Ей пришлось скинуть тяжелые сапоги, стянуть джинсы, спустить трусики, натянуть джинсы, влезть в сапоги, затем смять нейлон в тугий комок и засунуть в рот пленнику.

Ей не удалось закрыть дверцу шкафа. Господи! Мешал оттопыренный локоть Александра. Связанные руки касались дна шкафа и в этой скрюченной позиции торчали наружу. Как бы она ни толкала и ни прижимала дверь, локоть мешал

ей. Наконец она сама залезла в шкаф и положила его чуть на бок, чтобы он привалился в угол. Локоть больше не мешал ей.

Несколько секунд она смотрела на него. Как долго люди остаются без сознания? Она не имела представления об этом. Она понимала, что для верности стоило нанести ему еще один удар, но боялась убить его. Все же взяла бутылку и даже вскинула ее над головой, но в последний момент нервы отказали, и, опустив бутылку, она просто захлопнула дверцу шкафа.

Сев на панель, она перевела стрелку на «Передачу», выбрав ту рацию, которая уже была настроена на волну «Копарелли» и склонилась к микрофону.

– Вызываю «Копарелли», ответьте, пожалуйста.

Она ждала. Ничего.

– Вызываю «Копарелли», ответьте, пожалуйста.

Молчание.

– Черт бы тебя побрал, Нат Дикштейн, да говори же со мной. Натаниель!

Нат Дикштейн стоял у кромки люка «Копарелли», глядя на бочки с металлизированным рудным песком, который так дорого обошелся им. В нем, на первый взгляд, не было ничего особенного – просто большие черные металлические бочки с надписями на их округлых боках. Ему хотелось открыть одну из них и посмотреть на их содержимое, просто увидеть,

что оно собой представляет, но крышки были плотно приварены.

У него было убийственное состояние. Вместо радости победы его не покидало ощущение тяжелой утраты. Его совершенно не волновали террористы, которых ему довелось убить, он скорбел о павших товарищах.

Он снова припомнил ход боя, чем занимался всю бессонную ночь. Если бы он приказал Аббасу открыть огонь, как только очутился на палубе, это могло бы отвлечь федиайнов и дать Гибли возможность перебраться через борт, а не принять в себя пулю. Если бы он сразу же бросил трех человек с гранатами на штурм мостика, кают-компанию удалось бы занять раньше и многие остались бы в живых. Если бы... но были сотни тех ходов, которые он мог предпринять, если бы он был способен заглянуть в будущее или хотя бы был поумнее.

Ну что ж, по крайней мере, у Израиля теперь будет атомная бомба и он навечно сможет защитить себя.

Но даже эта мысль не принесла ему радости. Год тому назад она привела бы его в восторг. Но год тому назад он еще не знал Сузи Эшфорд.

Он услышал голоса и обернулся. Похоже, кто-то бежал по палубе. Видно, у кого-то приступ морской болезни.

Сузи изменила ему. Она дала ему понять, что в жизни существуют и другие радости, кроме счастья победы в бою. Он постоянно вспоминал тот день, он думал о пришедшем к

нему потрясении, и она всегда была в его мыслях, она ждала его, готовая разделить с ним его радости, его триумф. Но теперь ее не было с ним рядом. И никого не будет. И в этом одиноком празднестве для него не было радости.

Он очнулся от забытья и полез по трапу из люка, думая, что же ему делать весь остаток жизни. Он выкарабкался на палубу. Посыльный матрос чуть не налетел на него.

– Мистер Дикштейн?

– Да. В чем дело?

– Мы обыскались по всему судну ради вас, сэр... Это ра-
ция, кто-то вызывает «Копарелли». Мы не отвечаем, сэр, по-
тому что мы больше не «Копарелли», не так ли? Но она го-
ворит...

– Она?

– Да, сэр. Ее слышно совершенно ясно – она говорит, а
не стучит по азбуке Морзе. Ее четко слышно. И она взвол-
нована. «Говори со мной, Натаниель», это ее слова и что-то
такое, сэр.

Дикштейн схватил матроса за отвороты куртки.

– Натаниель? – выкрикнул он. – Она сказала «Натани-
ель»?

– Да, сэр. Простите, если...

Но Дикштейн уже мчался к мостику.

Сквозь треск разрядов прорезался голос Ната Дикштейна.

– Кто вызывает «Копарелли»?

Внезапно Сузи потеряла голос. После всего, что она пере-

жила, звук его голоса заставил ее ощутить беспомощность.

– Кто вызывает «Копарелли»?

– Ох, Нат, наконец-то.

– Сузи? Это Сузи?

– Да, да.

– Где ты?

Она собралась с мыслями.

– Я вместе с Давидом Ростовым на русском судне «Карла». Записывай. – Она передала ему координаты, курс и скорость, которые точно запомнила со слов старшего помощника. – Это данные на 4.10 утра. Нат, судно собирается вас таранить в шесть утра.

– Таранить? Зачем? Ах, да, понятно...

– Нат, они каждую минуту могут засечь меня в радиорубке, что нам делать, быстрее...

– Можешь ли точно в половине шестого организовать какую-нибудь диверсию?

– Диверсию?

– Зажечь что-нибудь, закричать «человек за бортом», все что угодно, лишь бы они были заняты ею несколько минут.

– Ну... я попытаюсь...

– Постарайся. Я хотел бы, чтобы они какое-то время бежали взад и вперед, чтобы никто не понимал, что происходит...

они все из КГБ?

– Да.

– О'кей, действуй...

Дверь в радиорубку открылась – Сузи едва успела перевести стрелку с «Передачи», голос Ната Дикштейна смолк. Вошел Давид Ростов.

– Где Александр? – спросил он. Сузи попыталась улыбнуться.

– Он пошел выпить кофе. А я хозяйничаю в лавке.

– Чертов болван... – он выругался сквозь зубы по-русски и вылетел.

Сузи перевела стрелку на «Прием». Голос Ната:

– Я все слышал. Тебе бы лучше где-нибудь спрятаться до половины шестого...

– Подожди, – выкрикнула она. – Что ты собираешься делать?

– Делать? – переспросил он. – Я приду за тобой.

– Ох, – вырвалось у нее. – Ох, спасибо.

– Я люблю тебя.

Когда она отключилась, из другой рации посыпалась морзянка. Тюрин, должно быть, слышал каждое слово из их разговора и пытался предупредить Ростова. Она забыла сказать Натю о Тюрине.

Она может снова связаться с ним, но это очень рискованно, и Тюрин успеет связаться с Ростовым, пока люди Ната обыщут «Копарелли», найдут Тюрина и выведут из строя его аппаратуру. А когда до Ростова дойдет информация Тюрина, он уже будет знать о будущем появлении Ната и подготовит-

ся к ней.

Она должна заблокировать эту передачу.

И кроме того, она должна скрыться.

Она решила вывести из строя рацию.

Как? Вся проводка должна быть за панелью. Ей предстоит снять ее. Нужна отвертка. Быстрее, быстрее, пока Ростов ищет Александра! В углу она нашла ящичек с инструментами радиста и вынула маленькую отвертку. Ей удалось открутить два небольших винта по углам панели. В нетерпении она сунула отвертку в карман и рванула панель обеими руками. Внутри оказалась масса спутанных цветных проводов, напоминающих взбесившиеся спагетти. Она захватила их в кулак и дернула. Ничего не произошло: она захватила сразу слишком много. Отобрав один, она потянула его. Сузи в ярости стала рвать провода, пока не повисли пятнадцать или двадцать свободных концов. Но морзянка по-прежнему стрекотала. Она вылила остатки водки во внутренность радиации. Морзянка замолчала, и все огоньки на панели потухли.

Из шкафа раздался глухой стук. Должно быть, Александр пришел в себя. Ну что ж, как только они увидят, в каком состоянии радиоаппаратура, то все поймут.

Она вышла, прикрыв за собой дверь.

Спустившись по трапу, она оказалась на палубе, пытаясь прикинуть, где может спрятаться и какого рода диверсия ей под силу. Не имеет смысла кричать «Человек за бортом» после того, что она сделала с радистом и с радиорубкой. Бро-

снить якорь? Она не знала, с чего начинать.

Что теперь делает Ростов? Он поищет Александра в переходах, на камбузе, в кают-компании и в его каюте. Не обнаружив его, он вернется в радиорубку, и тут же ее начнут искать по всему судну.

Он методичный человек. Начнет с носа и прочешет всю палубу до кормы, а потом пошлет несколько групп, чтобы они так же старательно прочесали все палубы надстройки и укрытия, сверху донизу и снизу доверху.

Что находится в самой нижней части судна? Машинное отделение. Там ей и удастся найти укрытие. Спускаясь, она миновала нижнюю кают-компанию. Ее нога уже была на верхней ступеньке трапа, когда она увидела Ростова.

И он увидел ее.

Она не имела представления, как у нее вырвалось:

– Александр уже в радиорубке. Я буду через пару минут.

Ростов мрачно кивнул и двинулся в сторону радиорубки. Она мигом миновала две палубы и оказалась в машинном отделении. Второй механик был на вахте всю ночь. Он усталый на гостью, когда она подошла к нему.

– Тут единственное по-настоящему теплое место на всем корабле, – весело обратилась она к нему. – Вы не против, если я составлю вам компанию?

Удивившись, он медленно ответил:

– Я не умею... говорить английски... извините...

– Вы не говорите по-английски?

Он отрицательно покачал головой.

– Я замерзла. – Она мимикой показала, как ее колотит и положила руки на вздрагивающий теплый кожух двигателя. – О'кей?

Механик был более чем счастлив, что такая красивая девушка составит ему компанию на вахте.

– О'кей! – яростно закивал он.

Он продолжал смотреть на нее, не скрывая счастливого выражения лица, пока ему не пришло в голову, что должен оказать госте какое-то гостеприимство. Оглядевшись, он вытащил из кармана пачку сигарет и предложил Сузи закурить.

– Обычно я не курю, но думаю, что сейчас можно, – улыбнулась она, вытягивая сигарету. Они были маленькие и с фильтром. Механик дал ей прикурить. Она подняла голову к проему люка, ожидая вот-вот увидеть в нем Ростова. Глянула на часы. Не может быть, чтобы уже отстукало двадцать пять минут шестого! У нее нет времени даже подумать. Диверсия, надо приступать к диверсии. Закричать «человек за бортом!», бросить якорь, поджечь...

Поджечь!

Каким образом?

Бензин! Тут должен быть бензин или дизельное топливо, или что-нибудь, но именно тут, в машинном отделении.

Она оглядела его. Откуда поступает горючее? Вокруг сплетение труб и трубок. Соберись, соберись! Если бы толь-

ко она разбиралась хотя бы в двигателе своей машины. Таков и корабельный двигатель? Нет, иногда в ход идет совсем другое топливо. Какого рода оно здесь? Предполагалось, что у судна большая скорость, так что, скорее всего, тут бензин; она смутно припомнила, что бензиновые двигатели обходятся дороже, но дают выигрыш в скорости. Если же двигатель тут на бензине, то он должен смахивать на мотор ее машины. Где подвод к свечам? Как-то ей доводилось менять свечи.

Она осмотрелась. Да, похоже на ее машину. Шесть свечей, от которых идут отводы к круглому кожуху распределителя. Где-то здесь должен быть карбюратор. Через него проходит бензин. Это такая маленькая штучка, которая порой засоряется...

Переговорная трубка что-то рывкнула по-русски, и механик поспешил к ней, чтобы ответить. Он стоял спиной к Сузи.

Теперь пора.

Она увидела устройство, напоминающее небольшой кофейник с крышкой. Вот это, должно быть, карбюратор. Она перегнулась через кожух и попыталась оторвать трубку руками. Она не поддавалась. Внутрь уходила жесткая пластиковая трубка. Схватив ее, она потянула изо всех сил. Вырвать не удалось. Она вспомнила, что в кармане куртки у нее осталась отвертка Александра. Вытащив, она вогнула ее острым концом в пластик трубки. Он оказался толстым и жестким. На поверхности трубки появилась царапина. Она воткнула в

нее отвертку и стала отчаянно просверливать дырку.

Механик, стоя у переговорной трубки, что-то в нее говорил по-русски.

Сузи, наконец, пробила пластик и вытащила отвертку. Струя горячего брызнула из небольшого отверстия, и воздух наполнился запахом бензина, который ни с чем нельзя было спутать. Бросив отвертку, она кинулась к трапу.

Она слышала, как механик что-то утвердительно ответил по-русски. Он получил приказ. Голос был полон гнева. Добравшись до трапа, она оглянулась. Приветливое лицо механика преобразилось в злобную маску. Она кинулась по трапу, когда он бросился к ней через машинное отделение.

На верхней ступеньке она обернулась. Она увидела лужицы бензина на палубе, когда механик уже ступил на нижнюю ступеньку трапа. В руке она по-прежнему держала сигарету, полученную от него. Она швырнула ее вниз, целясь в то место, откуда из дырявой трубки била струя бензина.

Она не стала дожидаться, пока сигарета попадет в цель, и рванулась по трапу. Голова ее и плечи уже были на уровне следующей палубы, когда снизу донеслось гулкое «ух!», полыхнуло пламя и ударила волна обжигающего жара. Сузи громко вскрикнула, когда ее брюки занялись огнем, и загорелась кожа на ногах. Одолев последние несколько дюймов, она покатила по палубе. Она била руками по брюкам, затем, сорвав куртку, попыталась обернуть ее вокруг ног. Огонь сбить ей удалось, но осталась боль.

Ей хотелось впасть в беспамятство. Она знала, что если будет лежать тихонько, боль уйдет, но она должна отползти от огня и оказаться там, где Нат сможет ее найти. Она заставила себя встать. Ноги ее болели так, словно они по-прежнему были в огне. Опустив взгляд, она видела, как, словно бумага, сползают ключья, и попыталась понять: это ткань брюк или кожа.

Она сделала шаг.

Она может идти.

Она прислонилась к переборке. Колокола пожарной тревоги уже гремели по всему судну. Сузи доползла до конца переборки и рухнула на трап. Наверх... она должна выбраться наверх.

Приподняв ногу, она поставила ее на нижнюю ступеньку и начала самое длинное восхождение в жизни.

Глава восемнадцатая

Второй раз за последние двадцать четыре часа Нат Дикштейн пересекал бурное море в небольшой шлюпке, чтобы подняться на борт судна, занятого врагами. Он был, как и прежде, в спасательном жилете, в непромокаемой куртке и морских сапожках; то же самое у него было и вооружение: автомат, пистолет и гранаты: на этот раз он был один и не мог справиться с чувством страха.

На борту «Копарелли» разгорелся спор о том, что делать после того, как пришло послание от Сузи. Ее слова вместе с Дикштейном слышали капитан, Фейнберг и Иш. Они заметили радостное возбуждение на лице Дикштейна и в ходе спора пытались доказать, что его решение продиктовано чисто личными чувствами.

– Это ловушка, – настаивал Фейнберг. – Они не могут перехватить нас и поэтому хотят, чтобы мы сами сблизились с ними и вступили в драку.

– Я знаю Ростова, – горячо возражал Дикштейн. – Именно так и работает у него голова: он хочет, чтобы ты допустил оплошность, а потом нападает и наносит удар. Во всем этом замысле со столкновением так и чувствуется его имя, оно написано большими буквами.

Фейнберг не на шутку рассердился.

– Это не игра, Дикштейн.

– Послушай, Нат, – Иш был более рассудителен, – давай примем все, как есть, и подготовимся к схватке, если и когда они настигнут нас. Чего мы добьемся, если пошлем абордажную партию?

– Я не предлагаю посылать туда абордажную партию. Я иду один.

– Некуда, таким идиотом, – сказал Иш. – Если идешь ты, пойдём и мы... ты не можешь оставить корабль.

– Послушайте, – старался успокоить их Дикштейн. – Если мне повезет, «Карла» никогда не догонит наш корабль. Если нет, все вы по-прежнему можете драться, если «Карла» подойдет к вам. Если «Карла» не собирается перехватить вас и там в самом деле ловушка, значит, я единственный, кто попадетсЯ в нее. И это наилучший выход.

– Я так не думаю, – не согласился Фейнберг.

– И я, – поддержал его Иш.

Дикштейн улыбнулся.

– А я думаю, и это моя жизнь, да и, кроме того, я тут старший, так что черт с вами со всеми.

Одевшись, он подобрал оружие, и капитан показал ему, как пользоваться рацией и как проложить курс наперерез «Карле»; спустили шлюпку, он сошел в нее по трапу.

И все же он испытывал страх.

Просто невозможно одному одержать верх над целым судном КГБ. Но в любом случае он и не планировал решительную победу. Если удастся, он вообще не будет вступать в

схватку с ними. Он поднимется на борт, спрячется, пока Сузи не проведет какую-нибудь диверсию, а потом отправится искать ее, а найдя, спустится с борта «Карлы» и был таков. У него была с собой маленькая магнитная мина, которую он пристроит к борту «Карлы», прежде чем покинуть ее. В таком случае, удастся ли ему скрыться или нет, в самом ли деле ему подстроена ловушка или все так и есть, «Карла» получит такую пробоину в борту, что до «Копарелли» ей никогда не добраться.

Он был уверен, что ловушки там нет. Он знал, что Сузи там, он знал, что каким-то образом она оказалась в их власти, и они заставили ее работать на них, он понимал, что она рисковала жизнью, чтобы спасти его. Он знал, что она любит его.

Потому-то он и испытывал страх.

Внезапно он ощутил отчаянную жажду жизни. Азарт, который горячил ему кровь, ушел; ему больше не хотелось убивать врагов, одерживать верх над Ростовым, разрушать планы феодалов или обманывать египетскую разведку. Он хотел разыскать Сузи, отвезти ее домой и провести рядом с ней весь остаток жизни. Он боялся умереть.

Он сконцентрировался на управлении шлюпкой. Найти «Карлу» в ночной мгле было непросто. Он держался на курсе, но ему надо было учитывать скорость ветра и направление волн, которые все время относили его вбок. Через пятнадцать минут, прикинул Дикштейн, он должен выйти к «Кар-

ле», но вокруг не видно и следа ее. Дикштейн стал ходить румбами в ту и другую сторону, стараясь определить, насколько он сбился с курса.

Он уже собирался выходить на связь с «Копарелли», чтобы получить новые координаты цели, как вдруг из ночной мглы рядом с ним показалась «Карла». Она двигалась куда быстрее, чем его шлюпка, и он должен был дотянуться до ее трапа, свисающего с кормы, быстрее, чем она пройдет мимо, и в то же самое время избежать столкновения. Он включил мотор шлюпки на полную мощность и, увильнув от носа «Карлы», обогнул ее, приближаясь к корме.

Он уже заранее обмотал себя канатом вокруг пояса. Трап поплыл мимо, не коснувшись его рук. Он выжал из двигателя все, что только было можно, уцепился за планшир и прыгнул. «Карла» как раз прибавил ход, когда он ухватился за трап. Он висел на нем, и его заливали волны, время от времени захлестывавшие корму. Его окатывало водой то по поясу, то чуть ли не сплошь. Он едва успел набрать в грудь воздуха, когда погрузился с головой. Ему казалось, что вода никогда не отхлынет. «Карла» продолжала себе идти вперед. Когда ему уже казалось, что легкие вот-вот лопнут, корма судна медленно стала подниматься; подъем, казалось, тоже был бесконечен. Наконец, он вынырнул на поверхность и набрал полные легкие воздуха. Поднявшись, он отвязал канат от пояса и быстро закрепил его на перекладине веревочной лестницы, привязав шлюпку, в которой они должны будут

покинуть «Карлу». Магнитная мина висела на перевязи через плечо. Отцепив ее, он прикрепил ее под кормовой скос «Карлы».

Уран был спасен.

Запахнув куртку, он полез по лестнице.

Звук мотора шлюпки был совершенно не слышен, заглушаемый гулом ветра, ревом волн и грохотом собственного двигателя «Карлы», но, должно быть, что-то привлекло внимание человека, стоящего у перил, когда над палубой показалась голова Дикштейна. Несколько мгновений человек смотрел на Дикштейна, и на его лице явственно читалось изумление. Перелезая через перила, Дикштейн протянул руку, словно прося о помощи. Инстинктивно, подчиняясь естественному стремлению поддержать человека, вылезавшего из бурного моря, тот ухватился за кисть Дикштейна. Перенося одну ногу через перила, Дикштейн сделал вид, что готов опереться на протянутую руку, но вместо этого резким рывком перекинул человека через перила, в море. Его крик был отнесен порывом ветра. Дикштейн перенес вторую ногу и прижался к палубе.

Вроде бы никто не обратил внимания на этот небольшой инцидент.

«Карла» была небольшим судном, куда меньше «Копарелли». На ней висилась только одна надстройка, размещенная посреди палубы; судно было двухпалубное. Кранов на нем не было. В носовой части располагался большой люк, но кормо-

вого трюма не было; в том пространстве размещались кубрики для команды, а под ними – машинное отделение, прикинул Дикштейн.

Он глянул на часы. Пять двадцать пять. В любой момент Сузи могла приступить к делу, если ей это удастся.

Он двинулся вдоль палубы. Она была слабо освещена фонарями, висящими над ней, и любому члену команды надо было бы внимательно присмотреться к нему, дабы убедиться, что он не из состава экипажа. Он выдернул нож из ножен за поясом: пока обстоятельства не заставят, он не хотел пускаться в ход автомат, ибо его грохот мог вызвать тут столпотворение.

Когда он оказался рядом с надстройкой, дверь ее открылась, бросив полосу желтого света на залитую дождем палубу. Нырнув за угол, он прижался к переборке. Он слышал, как двое говорили по-русски. Дверь захлопнулась, и голоса стихли – собеседники удалились в сторону носа.

Под прикрытием надстройки он перебрался к другому борту и двинулся к корме. Приостановившись, он осторожно выглянул из-за угла и увидел, как двое мужчин беседуют с третьим, стоящим на корме. Он испытал искушение снять всех троих, которые, скорее всего, составляли пятую часть противной стороны, одной очередью из автомата, но воздержался: слишком рано, Сузи еще не подала о себе знать и он не знает, где она.

Двое мужчин, пройдя по правому борту, вернулись в над-

стройку. Дикштейн подошел к оставшемуся на корме, который, можно предположить, стоял тут на страже. Тот обратился к нему по-русски. Дикштейн пробурчал что-то неразборчивое, тот опять повторил вопрос, но Дикштейн, оказавшись, наконец, рядом с ним, прыгнул вперед и одним движением руки перерезал ему горло.

Сбросив тело за борт, он двинулся дальше. Двух противников уже нет и никто еще пока из команды не подозревает, что он на борту. Он глянул на часы. Светящиеся стрелки показывали половину шестого. Пора спускаться.

Открыв дверь, он увидел безлюдный коридор и в конце его уходивший наверх трап, который вел, очевидно, на мостик. Он стал подниматься по нему.

С мостика доносились громкие возбужденные голоса. Миновав кают-компанию, он увидел трех человек – капитана, первого помощника и штурмана, как он предположил. Первый помощник что-то кричал в переговорную трубку. Оттуда доносились странные звуки. Дикштейн опустил предохранитель автомата, капитан ухватился за рычаг, и оглушительный звон заполнил все пространство корабля. Дикштейн нажал спусковой крючок. Грохот очереди частично заглушал грохот тревожных колоколов, извещавших о пожарной тревоге. Все трое были убиты на месте.

Дикштейн заторопился вниз по трапу. Тревога означала, что диверсия Сузи принесла свои плоды. Теперь самое главное для него – остаться в живых, пока он не найдет ее. Там,

где трап с мостика соединялся с палубой, другой уходил наверх – им и воспользовался Дикштейн, а другой проход вел вдоль надстройки. Повсюду торопливо распахивались двери, откуда выскакивали люди, поднятые сигналом тревоги. Вроде никто из них не был вооружен, поскольку корабль был поднят пожарной тревогой, а не боевой. Дикштейн решил затеряться в толпе беспорядочно спешащих людей и стрелять только, если его разоблачат. Он торопливо двинулся по центральному проходу, проталкиваясь среди возбужденной толпы и крича по-немецки «Дайте дорогу!». Он встречал удивленные взгляды, ибо никто не знал, ни кто он такой, ни что тут делает, но он вел себя как человек, который имеет право так поступать, да и, кроме того, на корабле продолжала звучать пожарная тревога. Один или двое попытались заговорить с ним, но он не обратил на них внимания. Откуда-то слышался решительный приказ, и люди в проходе стали двигаться более целенаправленно. Оказавшись в конце его, Дикштейн уже был готов спускаться на нижнюю палубу, как в поле зрения показался офицер, отдававший приказ, и, ткнув в него пальцем, что-то спросил.

Дикштейн стремительно скатился вниз.

На нижней палубе чувствовалась лучшая организация. Все спешили в одном направлении, к корме, а трое матросов под командованием офицера, разматывали пожарные шланги. Здесь, где проход несколько расширился, Дикштейн увидел картину, которая заставила его на несколько секунд по-

терять самообладание, потому что глаза его затянуло красным туманом ярости.

На полу, прислонившись спиной к переборке, сидела Сузи, вытянув ноги перед собой, на которых остались лишь обгоревшие остатки брюк. Сквозь разрывы он видел почерневшую и обуглившуюся кожу. И он слышал крик Ростова, перекрывавший все остальные звуки:

– Что ты сообщила Дикштейну?

Дикштейн прыгнул с трапа на палубу. Один из матросов повернулся в его сторону, но Дикштейн уложил его ударом локтя, пришедшегося тому в лицо, и одним движением оказался рядом с Ростовым.

Даже охваченный яростью, он понял, что не может пустить в ход автомат в этом ограниченном пространстве, где Ростов стоял вплотную к Сузи. Кроме того, он хотел прикончить этого человека своими руками.

Схватив Ростова за плечо, он рывком развернул его. Ростов увидел его лицо.

– Ты!

Дикштейн нанес ему жестокий удар в живот, который заставил противника согнуться в пояснице, отчаянно хватая воздух. Едва только он приподнял голову, Дикштейн резко вскинул колено, которое пришлось Ростову в подбородок и сломало ему челюсть, и затем он со всей силой нанес ему удар по основанию черепа, от которого у Ростова хрустнули шейные позвонки, и он сполз по переборке на палубу.

Прежде чем он окончательно рухнул, Дикштейн, развернувшись, опустился на колени, одновременно сбрасывая ремень автомата с плеча и прикрывая собой Сузи, открыл огонь по трем матросам, которые показались в проходе.

Снова повернувшись, он подхватил Сузи, стараясь не касаться ее обожженной кожи. Он уже успел прикинуть, куда ему двигаться. Ясно, что огонь был в кормовой части, куда все спешили. Если он двинется к носу, есть шансы, что их не увидят.

Миновав проход, он понес ее наверх по трапу. Держа ее тело на плече, он чувствовал, что Сузи в сознании. Поднявшись по трапу на уровень верхней палубы, он нащупал двери и вышел наружу.

На палубе царил сумятица. Все бежали мимо, спеша на корму, другие метались в разных направлениях. Кто-то занял позицию в носовой части. Ближе к корме кто-то лежал на палубе и двое склонились над ним: очевидно, пострадавший от огня.

Дикштейн двинулся к той лестнице, которой пользовался, поднимаясь на борт. Повесив автомат на плечо, другой рукой он поддерживал Сузи, когда перелезал через перила.

Он не сводил глаз с палубы, когда начал спускаться, и понял, что на него обратили внимание.

Одно дело увидеть незнакомое лицо на борту судна и удивиться, кто он такой, но все вопросы можно задать потом, по окончании пожарной тревоги – и совсем другое наблюдать,

как кто-то покидает борт судна, держа на плечах чье-то тело.

Он еще не одолел и половины лестницы, как сверху стали стрелять в него.

Пули с визгом чиркали по борту рядом с его головой. Подняв голову, он увидел, как над перилами склонились трое, и у двоих из них были пистолеты. Придерживаясь за перекладину левой рукой, он правой вскинул автомат, навел ствол и дал очередь. Попасть он ни в кого не попал, но три головы отпрянули.

И тут он потерял равновесие.

Когда нос судна взметнулся вверх, его качнуло влево, автомат свалился в море, и ему пришлось ухватиться за перекладину правой рукой. Правая нога соскользнула с перекладины – и к своему ужасу он почувствовал, как Сузи начала сползать с левого плеча.

– Держись за меня, – крикнул он, даже не зная, в сознании ли она или нет.

Он почувствовал, как ее пальцы вцепились ему в свитер, но она продолжала сползать, и теперь ее вес еще больше тянул его влево.

– Нет! – закричал он.

Она соскользнула с его плеча и погрузилась в море.

Повернувшись, Дикштейн увидел шлюпку и прыгнул в нее, которая встретила его сильным ударом по ногам.

Бросаясь от одного борта к другому, он выкрикивал ее имя в окружающее его непроглядное море, и отчаяние росло

с каждой секундой, ибо она не показывалась на поверхности. И тут он услышал сквозь шум моря слабый вскрик. Повернувшись в ту сторону, он увидел показавшуюся на поверхности ее голову между планширом шлюпки и бортом «Карлы».

Ему было не дотянуться до нее.

Она снова вскрикнула.

Шлюпка была пришвартована к «Карле» канатом, большая часть которого кольцами лежала в кокпите. Дикштейн отхватил ножом конец, который крепил шлюпку к «Карле», и бросил всю его оставшуюся часть Сузи.

Как только она потянулась к канату, взметнувшаяся волна снова поглотила ее.

С палубы «Карлы» опять началась стрельба.

Он не обращал на нее внимания.

Дикштейн не отрывал глаз от поверхности моря. Судно и шлюпка качались и дергались в самых разных направлениях, и попасть в него было нелегко.

Через несколько секунд, которые показались часами, Сузи снова появилась на поверхности. Дикштейн бросил ей канат. На этот раз ей удалось ухватиться за него. Он осторожно стал выбирать его, подтягивая все ближе и ближе, пока она не оказалась у борта и он смог перехватить ее кисти.

Теперь она с ним, и он никогда не отпустит ее.

Он втянул ее в кокпит шлюпки. Наверху раздалась автоматная очередь. Рванув стартер двигателя, Дикштейн упал на Сузи, прикрывая ее своим телом. Шлюпка стала отходить

от «Карлы», беспорядочно рыская по волнам, как обломок кораблекрушения.

Стрельба прекратилась. Дикштейн оглянулся. «Карлы» не было видно.

Он осторожно перевернул Сузи, опасаясь, жива ли она. Глаза ее были закрыты. Взявшись за румпель, он глянул на компас и лег на правильный курс. Включив шлюпочную рацию, он стал вызывать «Копарелли». Дожидаясь ответа, он приподнял Сузи и, прижав ее к себе, устроил в своих объятиях.

Заглушенным гулом через водное пространство донесся звук отдаленного взрыва: сработала магнитная мина.

«Копарелли» отозвался.

– «Карла» горит, – передал Дикштейн. – Поворачивайте и подберите меня. Подготовьте лазарет для девушки – она сильно обгорела. – Дождавшись подтверждения, что все понято и будет исполнено, он отключил рацию и уставился в неподвижное лицо Сузи. – Не умирай, – попросил он. – Пожалуйста, не умирай.

Она открыла глаза и посмотрела на него. Чуть приоткрыв губы, она силилась что-то сказать. Он склонил к ней голову.

– Это в самом деле ты?

– Это я, – ответил он.

Уголки ее губ приподнялись в чуть заметной улыбке.

– Я так и знала.

До них донесся грохот мощного взрыва. Пламя добралось

до топливных баков «Карлы». На небе запылали огненные сполохи, воздух наполнился громовым ревом, и дождь стих. На море опустились тишина и тьма, и с «Карлой» было покончено.

Об этом Дикштейн и сказал Сузи. Он, не отрываясь, смотрел на нее. Глаза ее опять закрылись, когда она потеряла сознание, но на губах осталась та же улыбка.

Эпилог

Натаниел Дикштейн ушел из Моссада, но его имя осталось в анналах организации живой легендой. Он женился на Сузи и вместе с ней вернулся в кибуц, где днем они возделывали виноградные лозы, а половину ночи занимались любовью. Свободное время он уделял организации политической кампании за изменение закона, который дал бы право его детям считаться евреями или же, что было еще лучше, никто не пытался бы определять, кто они такие.

Пока детей у них не было. Они были готовы ждать: Сузи была молода, и он не спешил. Следы от ожогов у нее никогда не сойдут. Порой, лежа в постели, она сокрушалась: «У меня ужасные ноги», – а он целовал ее колени и говорил ей: «Они прекрасны, они спасли мне жизнь».

Начало войны Судного дня застало израильские вооруженные силы врасплох. Пьера Борга обвинили в недостатках разведывательной работы, и он был вынужден подать в отставку со своего поста. Но правда оказалась гораздо сложнее. Причиной ошибок явился офицер советской разведки по имени Давид Ростов – преждевременно состарившийся человек, обреченный всю жизнь носить корсет, который поддерживал его шею. Оказавшись в Каире, он проследил всю цепь событий, начиная с допроса и смерти в 1968 году израильского агента Тофика, и пришел к выводу, что Каваш –

двойной агент. Вместо того, чтобы судить и повесить Каваша за шпионаж, Ростов объяснил египтянам, как снабжать его дезинформацией, которую Каваш, ни о чем не подозревая, исправно передавал Пьеру Боргу.

В результате Нат Дикштейн вернулся на службу, чтобы во время войны занять пост Пьера Борга. В понедельник 8 октября 1973 года он присутствовал при решающем заседании кабинета министров. После трех дней войны Израиль испытывал глубокое беспокойство. Египтяне форсировали Суэцкий канал и, нанеся израильтянам тяжелый урон, углубились в Синайскую пустыню. На другом фронте, на Голанских высотах, сирийцы так же передвигались вперед, и израильтяне несли большие потери. В ходе заседания кабинета родилось предложение бросить атомные бомбы на Каир и Дамаск. Даже самые воинственные министры, «ястребы», без большого воодушевления отнеслись к этой идее, но ситуация была предельно отчаянной, а американцы все тянули с переброской оружия по воздуху, которая еще могла спасти положение.

Когда в ходе встречи почти было принято решение об использовании ядерного оружия, Дикштейн единственный раз принял участие в дискуссии:

– Конечно, мы можем сообщить американцам, что собираемся бросить эти бомбы... скажем, в среду – если они немедленно же не начнут переброску оружия...

Что и было сделано.

Воздушный лифт переломил ход военных действий, а несколько позже точно такое же совещание состоялось в Каире. И снова никто не хотел начинать ядерную войну на Ближнем Востоке: и снова политики спорили, рассевшись вокруг круглого стола, пытаясь убедить друг друга, что у них нет иного выхода; и снова обсуждению положило конец неожиданное содействие.

На этот раз со стороны военных. Зная, что такое предложение будет внесено на рассмотрение президента, они предварительно проверили уровень боевой готовности своих ядерных сил, готовясь получить разрешение на их использование; и в его ходе они выяснили, что весь плутоний в бомбах и боеголовках изъят и заменен металлическим сплавом. Было высказано предположение, что это дело рук русских, которым удалось каким-то таинственным образом испортить ядерный реактор в Каттаре перед тем, как их выставили из Египта в 1972 году.

В эту ночь один из президентов переговорил со своей женой; до отхода ко сну оставалось пять минут, и он сидел в своем кресле.

– Все кончено, – сказал он ей. – Израиль победил – раз и навсегда. У них есть бомба, а у нас нет, и этот единственный факт определит ход истории в нашем регионе на весь остаток столетия.

– А что насчет палестинских беженцев? – спросила его

жена.

Президент пожал плечами, раскуривая последнюю трубку за день.

– Припоминаю, что как-то читал статью в лондонской газете «Таймс»... должно быть, лет пять назад, как мне кажется. В ней говорилось, что армия Свободного Уэльса подложила бомбу в полицейский участок в Кардиффе.

– Уэльс? – переспросила жена. – А где этот Уэльс?

– Можно считать, что он составная часть Англии.

– Припоминаю, – сказала она. – Там добывают уголь и поют хором.

– Совершенно верно. А ты имеешь представление, как давно англосаксы завоевали Уэльс?

– Ни малейшего.

– Точно и я не помню, но, должно быть, больше тысячи лет назад, потому что норманны из Франции одержали верх над англосаксами девятьсот лет назад. Понимаешь? Прошла тысяча лет, а они все подкладывают бомбы в полицейские участки! Палестинцы будут вести себя, как уэльсцы... они будут устраивать взрывы в Израиле тысячу лет, но вечно будут среди проигравших.

Жена внимательно присмотрелась к мужу. Столько лет они прожили бок о бок, и все же он не переставал изумлять ее. Она подумала, что никогда раньше не слышала от него подобных слов.

– Я скажу тебе кое-что еще, – продолжил он. – Тут дол-

жен, наконец, наступить мир. Ясно, что мы не можем одержать окончательную победу, и поэтому мы должны заключить мир. Не сейчас, может, пройдет еще пять или десять лет. Но придет время, когда я должен буду явиться в Иерусалим и сказать: «Хватит войн!» – и, когда опадет пыль изумления, я смогу сделать так, чтобы мне поверили. Не в таком качестве я планировал остаться в истории, но надо сказать, это не такой уж плохой выход. «Человек, который принес мир на Ближний Восток». Что ты на это скажешь?

Встав, жена приблизилась к нему и взяла его руку в свои. На глазах ее стояли слеза.

– Я возблагодарю Бога, – сказала она.

Франц Альбрехт Педлер скончался в 1974 году. Он умер полностью удовлетворенным. Жизнь то и дело бросала его вверх и вниз – но ведь ему, кроме всего прочего, довелось пережить самый позорный период в жизни его народа – но он пережил его и закончил свои дни мирно и счастливо.

Он догадывался, что случилось с тем самым грузом урана. В один прекрасный день в начале 1969 года его компания получила чек на два миллиона долларов, подписанный А. Папагополусом с припиской от имени «Сейвил шипинг», в которой кратко сообщалось: «За потерянный груз». На следующий день явился представитель израильской армии и оплатил первую поставку чистящих и моющих средств. Уходя, он сказал:

– Что касается вашего потерянного груза, мы будем счастливы, если бы вы отказались от изыскания по его поводу.

Тогда-то Педлер и начал все понимать.

– А что, если из Евроатома мне начнут задавать вопросы?

– Расскажите им правду, – сказал этот человек. – Груз был потерян, а когда вы стали выяснять, что с ним случилось, оказалось, что компании «Сейвил шипинг» больше не существует.

– В самом деле?

– В самом деле.

Именно это Педлер и изложил Евроатому. Они послали к нему следователя, и он добросовестно повторил эту историю, которая была чистой правдой, хотя и не совсем полной. Он сказал следователю:

– Я предполагаю, что на эту тему скоро появятся публикации в прессе.

– Сомневаюсь, – ответил на это следователь. – Они могут плохо отразиться на нашей репутации. И предполагаю, что вряд ли мы оповестим об этой истории, пока не будем иметь полную информацию.

Полной информации им, конечно, получить так и не удалось; во всяком случае, при жизни Педлера.

В день Йом-Киппур в 1974 году у Сузи начались роды. В соответствии с обычаями этого кибуца ребенка принимал отец, а акушерка стояла рядом, ободряя его и давая советы.

Ребенок был хрупок и невелик, как и оба родителя. Как только на свет появилась его головка, он открыл ротик и закричал. Глаза Дикштейна заволокло влагой, и перед ним все стало расплываться. Он принял в ладони головку малыша, проверил, не обвилась ли пуповина вокруг его шейки, и сказал:

– Он уже почти здесь, Сузи.

Сузи натужилась еще раз, показались плечики ребенка, и вот уже он весь вышел, упав на подставленные руки отца. Дикштейн перевязал пуповину в двух местах, перерезал ее, после чего – опять-таки в соответствии с принятым обычаем – передал ребенка в руки матери.

– С ним все в порядке? – спросила она.

– Отличный ребенок, – заверила ее акушерка.

– Кто он?

– О, Господи, – растерялся Дикштейн, – я даже не посмотрел... это мальчик.

Несколько позже Сузи спросила его:

– Как мы назовем его? Натаниель?

– Я бы хотел назвать его Тофиком.

– Тофиком? Разве это не арабское имя?

– Да.

– Тогда почему же? Почему Тофиком?

– Ну, – сказал он, – это долгая история.

Постскрипtum

Из лондонской «Дейли Телеграф» от 17 мая 1977 года:

«ИЗРАИЛЬ ПОДОЗРЕВАЕТСЯ В ПОХИЩЕНИИ СУДНА С УРАНОМ

Генри Миллер из Нью-Йорка

Как вчера выяснилось, предполагается, что Израиль стоит за похищением в открытом море девять лет назад судна с грузом урановой руды, которой хватило бы на создание тридцати атомных бомб.

Официальные лица говорят, что похищение было проведено в «классическом стиле Джеймса Бонда», и, хотя разведывательные агенты четырех стран пытались раскрыть его тайны, так никогда и не выяснилось, что произошло с 200 тоннами урана, которые исчезли без следа...»

Цитируется с разрешения «Дейли Телеграф, лтд».